

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ РУКОПИСИ:
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАРЛА МАРКСА

□□□□ ВЫПУСК ПЕРВЫЙ □□□□
ЗАЧАТКИ ТЕОРИИ ПРИБАВОЧ-
НОЙ ЦЕННОСТИ ДО АДАМА
СМИТА ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

2-е издание исправл. перевода
П. Стрельского ВШЕДШЕГО
ПОД РЕДАКЦ. И С ПРЕДИСЛ.
Г. ПЛЕХАНОВА

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗИНОВЬЕВА
ПЕТРОГРАД—1923

О П Е Ч А Т К И,

замеченные на страницах I—224.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
16	15 снизу	однкао	однако
25	24 сверху	то, то	то,
29	14 „	неравенства	неравенство
30	14 снизу	извлеками	извлекали
31	18 сверху	которые	которые
55	17 „	Inquiry	Inquiry
57	2 снизу	Рикардо	[Рикардо]
60	8 „	ходе мыслей	[ходе мыслей]
60	5 „	тогда	[тогда]
61	1 сверху	когда	когда]
61	5 „	подчеркиванье	[подчеркиванье
61	6 „	производителей	производителей]
61	12 „	продуктов	продуктов]
65	1 „	они совершили	[они совершили]
94	9 „	присваивается	присваивается
100	18 снизу	от того	оттого
102	19 сверху	na se	use
125	20 снизу	Исследование	I. Исследование.
138	29 сверху	изнашивание	изнашивания.
147	13 „	$\frac{z''}{3}$	$\frac{z'}{3}$
162	26 „	consumere. A	consumere A

Тираж 3000 экз.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10).

От издательства.

Предприняв издание на русском языке трех томов „Теорий прибавочной ценности“ Маркса, мы начинаем с переиздания первой части, которой особенно у нас посчастливилось. Она существует на русском языке в целых двух переводах. Один из них—перевод Стрельского, вышедший под редакцией Г. В. Плеханова в 1906 году (С.-Петербург. Издание редакции журнала „Образование“). Другой перевод появился в том же 1906 году под редакцией проф. В. Я. Железнова (Киев. Книгоиздательство Горской). Проверив оба перевода, согласно немецкому тексту, мы получили возможность судить об относительных особенностях каждого. Перевод, отредактированный Железновым, значительно ближе к тексту Маркса, буквальнее, часто точнее перевода Стрельского. Последний, напротив, иногда слишком далеко отступает от текста Маркса. Зато на переводе Стрельского чувствуется постоянно направляющая рука такого глубокого знатока теории марксизма, как Г. В. Плеханов.

В основу нашего издания мы и решили поэтому положить перевод Стрельского, включив и несколько очень ценных примечаний Г. В. Плеханова и его редакторское предисловие. Однако, редактор был лишен, повидимому, возможности проверить перевод во всех его деталях; отсюда некоторые неточности, которые мы и сочли необходимым исправить. Равным образом, в целях единства терминологии, мы „стоимость“ всюду заменяем „ценностью“, термин „Rate“ переводим не „уровень“, а „норма“ (напр., „норма прибыли“), вместо „поземельная рента“ говорим „земельная рента“ и т. д. Наконец, выдержки из Кене, Тюрго, Ленге и др. мы проверили по французским подлинникам, исправив частичные неточности и иногда ошибочную в немецком тексте нумерацию страниц источников.

В заключение указываем на превосходные комментарии к „Теориям прибавочной ценности“ в виде статей Г. Кунова („Теории прибавочной ценности до Смита“), О. Бауэра („Теории прибавочной ценности“) и Р. Гильфердинга („Теории прибавочной ценности от Рикардо до Дусона“). Все эти статьи помещены в сборнике „Основные проблемы политической экономии“ (Ред. Двойайцкого и Рубина. М. 1922 г.).

Предисловие Г. В. Плеханова к русскому переводу.

Принимаясь за редактирование первого выпуска „четвертого тома“ „Капитала“, я намеревался снабдить его предисловием, выясняющим значение этого труда Маркса, как материала, проливающего новый свет на роль нашего автора в истории экономической науки. Но теперь я нахожу, что такое предисловие уместнее будет в последнем выпуске предлагаемого сочинения: тогда в руках у русского читателя будет весь интересующий меня материал, и он будет иметь полную возможность проверить правильность моего суждения. Теперь же я считаю возможным сделать лишь следующее краткое замечание.

„Критики“ Маркса охотно и часто обвиняли его в заимствованиях: одни говорили, что он заимствовал свое учение о прибавочной стоимости у Родбертуса *); другие утверждали, что это учение заимствовано им у Томпсона и у некоторых других английских социалистов. Но прочтите внимательно предлагаемый выпуск, и вы убедитесь, что тот самый взгляд на происхождение прибавочной стоимости, который был открыт, скажем, Менгером у Томпсона, принадлежит Адаму Смиту и даже в известном смысле Тюрго. Стало-быть, если уж говорить о заимствованиях Маркса, то надо идти дальше и надо сказать, что этот писатель заимствовал свое учение у Адама Смита: в предлагаемом выпуске можно найти цитаты из „Богатства народов“, несколько не менее убедительные, чем те, которые сделал Менгер из книги Томпсона о распределении национального дохода. Таким образом критика приобретает чрезвычайно широкий размах. Но именно этот размах и обнаруживает ее несостоятельность. В самом деле, сказать, что Маркс заимствовал свое учение о прибавочной стоимости у „отца политической экономии“, значит изобразить это „заимствование“ в весьма своеобразном освещении. Достаточно сравнить „Богатство народов“ с „Капиталом“, чтобы увидеть, какое стройное развитие получил у Маркса тот зародыш правильного взгляда на природу и происхождение прибавочной стоимости, который встречается уже у Адама Смита. А этим решается весь во-

*) Г. В. Плеханов пользуется всегда термином „стоимость“. В нашем издании мы всюду термин „Wert“ переводим не как „стоимость“, а как „ценность“.

прос; в этом все дело. Дерево, без сомнения, „заимствует“ у того семени, из которого оно выходит; но дерево отделяется от семени целым—и очень сложным—процессом развития. То же надо сказать и об отношении учения Маркса к учению Смита: первое, без сомнения, „заимствовано“ из второго: но первое отделяется от второго богатым процессом развития, и этим развитием наука обязана самым главным образом Марксу.

Ту же мысль можно пояснить и другим сравнением. Уже у Гизо, Огюстэна Тьерри и других историков времени реставрации и июльской монархии встречается самый несомненный зародыш правильного взгляда на природу и происхождение борьбы классов *). Но только у Маркса этот несомненный зародыш развился в стройную и чуждую противоречий теорию. Так же обстоит дело и с учением о прибавочной стоимости. И чем больше будет читатель знакомиться с „четвертым томом“ „Капитала“, тем тверже он будет убеждаться в этом.

Уже предлагаемый выпуск ясно показывает, что этот новый „том“ Маркса представляет собою капитальнейший вклад в историю экономических учений,—такой вклад, подобного которому до сих пор не сделал решительно ни один писатель. Но на этом вряд ли нужно настаивать; это само бросается в глаза.

Г. Плеханов.

*) Об этом см. мое предисловие к моему переводу известного манифеста.

Предисловие к немецкому изданию.

Фридрих Энгельс в своем предисловии ко второму тому „Капитала“, изданному им в 1885 г., сообщает о существовании рукописи Маркса „К критике политической экономии“ и прибавляет, что она состоит „из 23 тетрадей, составляющих 1472 страницы (in quarto), написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 г. Это—продолжение сочинения, первый выпуск которого вышел в Берлине в 1859 г. под тем же заглавием. На стр. 1—220 и далее на стр. 1159—1472 рукописи рассматриваются исследуемые в I томе „Капитала“ вопросы о превращении денег в капитал; рукопись представляет собою первоначальную редакцию этого труда. На стр. 973—1158 говорится о капитале и о прибыли, о норме прибыли, о торговом и о денежном капитале, т. е. о предметах, рассмотренных впоследствии в рукописи третьего тома. Напротив, предметы, рассматриваемые во II томе, а равно и многие из тех, которые позднее вошли в том III, еще не были подвергнуты связной разработке. Они рассматриваются попутно, особенно в отделе: „Теории прибавочной ценности“, составляющем главную часть рукописи и занимающем стр. 220—972. Этот отдел содержит подробную критическую историю основного вопроса политической экономии, теории прибавочной ценности, и на ряду с этим излагает, в виде полемики с предшественниками, большинство тех предметов, которые впоследствии были рассмотрены особо и в логической связи в рукописи II и III томов. Я намерен, устранив многочисленные места, являющиеся лишними после II и III книг, опубликовать, в качестве IV книги „Капитала“, критическую часть этой рукописи“

К сожалению, Энгельсу уже не суждено было выполнить это намерение. Многочисленные задержки, работы и болезни мешали ему закончить третий том „Капитала“ так быстро, как он сам, а с ним и все мы, могли бы желать. Это сочинение появилось только в 1894 году, и когда Энгельс захотел приступить к обещанному им четвертому тому, смерть вырвала перо из рук у него, еще полного стремления к труду и творческих планов.

Трудная задача выполнить то, что Маркс и Энгельс оставили незаконченным, передана была наследниками Маркса мне. Впрочем эта

задача не застала меня совершенно врасплох, так как Энгельс уже несколько лет тому назад наметил меня, — на тот случай, если бы с ним самим что-нибудь случилось, — в качестве человека, который мог бы издать эту рукопись, так называемый четвертый том. Тогда же он познакомил меня с этой трудно расшифровываемой рукописью и ввел меня в ход ее мыслей. Несмотря на это, я испугался сложности задачи, когда она на самом деле досталась мне, несмотря на то, или, быть-может, именно благодаря тому, что Энгельс уже познакомил меня с ней, и я был в состоянии вполне оценить ее значение и ее трудность.

Но сначала я не мог усидчиво заняться этим делом. Тотчас после смерти Энгельса в наших рядах начались оживленные дебаты по аграрному вопросу, которые не дали никакого практического результата, но которые мне показали, что в нашей теории и, в частности, в моих личных знаниях есть по этой части много пробелов, и что я прежде всего обязан их попополнить. Покончив с этой неотложной задачей, я хотел было приступить к литературному наследству Маркса. Но я еще не успел окончить свой „Аграрный вопрос“, а уже начался новый ряд вызванных Бернштейном споров, совершенно завладевших мною. Эти споры были гораздо менее плодотворны, чем дебаты по аграрному вопросу: они не привели нас к новым воззрениям, но они возникли не по чьему-нибудь капризу, — их корни залегали глубоко в современных условиях и прежде всего в поразительном расцвете промышленности, наступившем тотчас по смерти Энгельса, а также в значительном увеличении влияния, которого достигла во многих странах Европы социал-демократия. Споры эти не были поэтому литературной ссорой, которую можно было бы как затеять, так и прекратить по желанию; они были исторической необходимостью. Как часто проклинал я их, потому что не находил в них ничего поучительного, а они отнимали у меня время, нужное для важных работ, самой важной из которых была обработка предлагаемого сочинения. Но обстоятельства сильнее нас.

Только в последние годы, когда ревизионистское течение пошло на убыль, а его теоретическая сторона была совершенно исчерпана, я нашел до некоторой степени время и спокойствие, чтобы отдаться этому крупному труду, который по настоящему требовал еще большей сосредоточенности, чем та, которая была возможна для меня, постоянно отрываемого от этой работы новыми, злободневными задачами.

Благодаря всему этому, только два десятка лет спустя по выходе второго и десять лет спустя после появления в свет третьего тома „Капитала“ — выходит эта книга, составляющая, в свою очередь, только третью часть всего труда о теориях прибавочной ценности.

Но чем дальше я подвигался в обработке этого сочинения, тем яснее мне становилось, что я не могу издать его, как намеревался Энгельс, в качестве четвертого тома „Капитала“. Этот четвертый том должен был, по плану Маркса, содержать историю теорий. Как сурро-

гат этого тома, Энгельс думал дать, из рукописи „К критике“, по меньшей мере историю теорий прибавочной ценности, „по устранении многочисленных мест, являющихся лишними после II и III тома“. Не знаю, как Энгельс представлял себе это устранение,—мне оно не удалось. Я удалил из текста все, что можно было, но большинство этих мест так тесно было связано с целым, что просто вычеркнуть их было невозможно. Мне пришлось бы заново перерабатывать главные части книги—задача, которой я, понятно, по многим основаниям побоялся. Но, раз я оставил все эти места в книге, она не могла больше служить четвертым томом „Капитала“, т.-е. продолжением первых трех томов. Это—труд, идущий параллельно этим трем томам и стоящий к ним в таком же отношении, какое существует между первым выпуском сочинения „К критике политической экономии“ и первым отделом первого тома „Капитала“.

Я не считаю вовсе несчастием то обстоятельство, что мы таким образом формально остались без четвертого тома. Может-быть, сам Энгельс не высказал бы в 1885 году намерения издать предлагаемое сочинение, как четвертый том, если бы он уже определенно знал, что третий том должен остаться незаконченным и, следовательно, так называемый четвертый не может быть заключительной частью всего сочинения. А споры, вызванные третьим томом, прямо заставляют желать, чтобы рукопись „Zur Kritik“ появилась в виде сочинения, параллельного „Капиталу“, а не получила вида четвертого тома посредством пропуска мест, оказавшихся лишними после выхода томов второго и третьего. Подобно тому, как первый выпуск сочинения „К критике“ бросает много нового света на некоторые места того отдела „Капитала“, который посвящен „Товару и деньгам“, так и в рукописи „К критике“ мы находим места,—особенно об отношении прибавочной ценности к прибыли,—которые вносят новую ясность в эту спорную область. Впрочем это не столько относится к предлагаемой первой части, сколько ко второй, содержащей критику Рикардо.

Поэтому я считаю не потерей, а выигрышем то, что я не сделал из отдела „Теории прибавочной ценности“ четвертого тома „Капитала“, а издал его в первоначальном виде; все, что было бы в четвертом томе, есть и здесь, но сюда входит еще и то, что не попало бы в четвертый том, и что отчасти является повторением, однако таким повторением, которое, находясь в другой связи, открывает другие стороны того же самого предмета.

Я уже довольно далеко подвинулся в переработке рукописи, когда я не без колебаний решился отказаться от издания ее в виде четвертого тома „Капитала“. Когда я приступал к работе по изданию рукописи, вопрос этот еще не существовал для меня.

Моей первой задачей было сделать текст оригинала удобным для чтения. Кто знаком с почерком Маркса, тот знает, как трудно его

расшифровывать, сколько сомнений возникает при чтении многих его иероглифов. Таким образом дальнейшая его обработка возможна была только при установлении безошибочного текста. Часть рукописи переписал я сам; но когда накопившаяся у меня работа стала задерживать переписку, мне посчастливилось найти в докторе Ф. Гурвиче добросовестного и толкового сотрудника, который подготовил для меня значительную часть рукописи, так что мне осталось только проверить ее.

Тогда стала на очередь другая задача: группировка материала. Рукопись Маркса не представляет собою сочинения, готового для печати. Вся форма ее показывает, что она писана автором для самого себя. Она представляет научное построение, набросанное по определенному плану, но, однако, так, что мысли записаны в том порядке, в каком они приходили в голову. Начавшийся ряд идей не доводился до конца, изложение прерывалось побочными исследованиями, имевшими лишь отдаленную связь с остальным; к тому же рукопись представляет собою непрерывное целое, почти без всяких подразделений.

План труда с самого начала очень затруднял распределение частей. Это тот самый план, который мы находим уже в первом выпуске „К критике“: за изложением теоретической мысли следует история ее развития, но не описательная только, а критическая, в свою очередь содержащая дальнейшие пояснения мысли. Историческое изложение, теоретическая критика и положительное развитие новых идей все больше и больше переплетаются между собой с расширением пределов исследования, по мере того как книга переходит от более простых к более сложным явлениям, так что, в конце концов, изложение истории прибавочной ценности и ее форм, в которое включены еще исследования процесса воспроизводства „Капитала“, при всей логической строгости расположения материала, принимает для всех, кроме самого автора, характер хаоса, благодаря тому, что сочинение написано вчерне, без всякого внешнего расчленения текста.

Я думаю, что именно эта все возрастающая трудность ясно расчленил текст, при данном плане работы, заставила Маркса, в конце концов, отложить всю рукопись 1863 г. *ad acta* и начать еще раз работу с начала, по новому отчетливому плану, который мы нашли в 1867 г. в „Капитале“, и при котором история теорий окончательно выделилась и была отнесена, в виде отдельного предмета, в заключительный том.

Мне очень трудно было привести в порядок этот кажущийся хаос, так, чтобы фактически служащее его основой распределение материала не было нарушено, а, наоборот, проявилось в полной силе. Для этого нужно было прежде всего дать себе отчет, что следует пропустить, что вставить. Я пропустил то, что было незакончено, поскольку в нем не было еще неизвестных нам мыслей, и вместе с тем ограничил до минимума многочисленные повторения, в которых одна и та же мысль

ищет себе более точного выражения. С другой стороны, я не ограничился 220—972 страницами рукописи, но использовал все 1472, составляющие почти 3000 печатных страниц. И помимо 750 страниц рукописи, которые имел в виду Энгельс, я нашел много замечаний, относившихся к исторической части, и поместил их в надлежащие места. Первые 29 страниц—до Стюарта—состоят исключительно из таких собранных вместе замечок. Этим объясняется их афористический характер.

Выяснив себе, что следует оставить в стороне, что ввести, я еще должен был всему найти надлежащее место. Различные изложения одной и той же мысли были разбросаны в самых разнообразных местах рукописи; кое-что было помещено не там, где оно логически вытекало из изложения, а там, где это пришло в голову Марксу и записано им для памяти. Именно здесь я часто бывал в самой большой перепи-тельности, потому что к одному и тому же предмету могли подойти различные места, смотря по тому, что выставить на первый план, хронологическую или логическую точку зрения. Надеюсь, что мне вскоду удалось сделать это правильно. А для того, чтобы читателю легко было проверить и судить, поскольку связь изложения принадлежит Марксу и поскольку она лежит на моей ответственности, я снабдил каждую главу указанием места ее в рукописи.

Разделение книги на отдельные главы, а равно и заглавия их всецело принадлежат мне. За это отвечаю я один, а также и за то, что некоторые отступления отнесены в особые приложения, напечатанные мелким шрифтом, которые читатель, интересующийся исключительно историей теорий прибавочной ценности, может пропустить.

Так была выполнена самая трудная часть моей работы, причинявшая мне много беспокойства, иногда даже прямо заставлявшая меня сомневаться в успехе моего труда. Менее трудна, но довольно хлопотлива была последняя задача: обработка текста для печати.

Как уже сказано мною, Маркс писал свою рукопись прежде всего, не для опубликования, а для самого себя. Это показывает уже ее форма. Правда, слог рукописи такой же сжатый и меткий, как в изда-данных сочинениях Маркса. Иначе он и не мог писать, даже для самого себя. Однако, здесь он был менее требователен к себе, он, придававший громадное значение форме, он, неутомимо отделявший слог каждой своей рукописи, прежде чем решиться отдать ее в печать. Здесь, где нет и следа подобной отделки, целые предложения иногда только намечены и вовсе не развиты; в критике отдельных лиц встречаются резкости, сильно напоминающие Аристофана; но что текст не предназначен для печати, это видно, главным образом, из того, как беспорядочно перемешаны в нем языки: немецкий, французский, английский. Маркс с одинаковым мастерством владел этими тремя языками, и в каждом данном случае он пользовался тем из них, на ко-

тором ему легче было передать свою мысль, и выражения которого лучше подходили для него, например, после только-что сделанной им цитаты. Длинные периоды записаны целиком по-французски или по-английски, а есть и такие, в которых Маркс с немецкого переходит на английский или французский и обратно.

Вот, например, с 621 страницы рукописи:

„Hier in der That Konfusion. Ist das tout nicht le fruit de son travail? Und ist es nicht umgekehrt die Übertragung der Verhältnisse der kapitalistischen Produktion—worin mit der Trennung der Arbeit von ihren objektiven Bedingungen auch der ouvrier, capitaliste und propriétaire sich als trois différents caractères gegenüberstellen—auf diesen jardinier, daß der fruit de son travail or rather the value of that produce is regarded, part of it as wages, in payment of his labour, part of it as profit on account of the capital employed and part of it is rent, as the portion falling due to the land or rather the proprietor of the land“?

Иногда встречаются английские слова с немецкими окончаниями или английские обороты в немецком тексте. На стр. 564 сказано. „Es ist viel queerer darin“, там говорится о „zu usenden Schätzen“. На стр. 604 сказано в пояснение, „was hier nichts als Marktwert meint“ (means, вместо нем. bedeutet). О доходе говорится, что он „gespendet“ (англ. spend, израсходован), вместо немецкого „verausgabt“, и т. д.

Наряду с этим Маркс часто пользуется в своей терминологии вместо немецких английскими и французскими выражениями. Отчасти мы это встречаем еще в „Капитале“, где, например, вместо Wehrwert неоднократно попадаете Surpluswert, вместо Uebervölkung—Surpluspopulation и т. д. Это очень понятно, если принять во внимание, что тогда в Германии не существовало такой экономической литературы, которая могла бы импонировать Марксу. Его познания в политической экономии заимствованы им у англичан и французов. Он начал свои занятия по политической экономии во Франции, и даже английских классиков он изучал впервые во французском переводе; еще в этой рукописи Адам Смит и Рикардо часто цитируются по-французски. Так что и та полнотью-экономическая терминология, которую употреблял Маркс, была сначала французской, а потом заменена была английской, которая переведена была на немецкий язык для немецких изданий.

В рукописи „К критике“ еще сильно преобладает французская терминология. Почти исключительно говорится о salaire вместо Arbeitslohn, о matières instrumentales вместо Hilfsstoffen, о déchet вместо Verschleiß, о capital constant, prix suffisant, prix réel и т. д.

Даже немецкая терминология не совсем та, которая принята в „Капитале“. Вместо Arbeitskraft (рабочая сила) говорится Arbeitsvermögen (трудопособность); вместо Produktionsmittel (средства производства) большей частью встречаем еще Arbeitsbedingungen (условия

труда); вместо *Arbeitsmittels* (средства труда)—*Arbeitsinstrument* (орудие труда).

Иногда эта терминология прямо может ввести в заблуждение знатоков „Капитала“. Так, например, местами Маркс называет еще *Kostenpreis* или *Durchschnittspreis* то, что в третьем томе „Капитала“ он называет *Produktionspreis*. *Kostenpreis* имеет там совершенно иное значение.

Заметим: Энгельс в третьем томе тоже всюду пишет „*Kostpreis*“. Маркс в рукописи „К критике“ обыкновенно берет английскую форму *costprice*. Но раз, на 753 странице рукописи, он говорит „*Kostenpreißen*“. Я считаю эту форму более соответствующей духу немецкого языка, чем англицизм „*Kostpreis*“, и принимаю поэтому первый термин. Впрочем с этими терминами мы будем иметь дело только во второй части этого сочинения. В первой—*Produktionspreis* и *Kostenpreis* не появляются.

Не трудно понять, почему устаревшую терминологию, там, где она слишком противоречила терминологии „Капитала“, я заменил этой последней. Кроме того я, понятно, устранил резкости, относительно которых можно было предположить, что Маркс их не предназначал к печати (когда он обзывал, например, некоторых экономистов собаками, канальями, мерзавцами, правительственных чиновников—казенными мусорщиками и т. п.); равным образом я переделал на немецкий лад на немецкие обороты и выражения и, наконец, заполнил собственными вставками стилистические и другие пробелы текста. Я их не отмечал там, где они сами собой подразумеваются. Там же, где могло бы возникнуть сомнение, какую форму предпочел бы Маркс, а равно и там, где какое-нибудь слово осталось неразобранным или было, по видимому, опиской, я поместил свою вставку или свое толкование текста в прямые скобки.

Крупную роль в книге играют цитаты. Я сверил их с оригиналами и перевел. Одна немецкая книга (*Schmalz'a*) была даже цитирована на французском переводе. Я, понятно, воспроизвел эти цитаты по немецкому оригиналу. Я не воспользовался существующими переводами. Даже самые лучшие из них—как знаменитый Баумштарковский перевод Рикардо—оказались непригодными. Рикардо, например, говорит в своих „*Principles*“, в главе о земельной ренте, что Адам Смит ошибается, если думает, что определение ценности количеством труда может быть так или иначе изменено присвоением земли или уплатой ренты (*can be at all altered by the appropriation of land and the payment of rent*). У Баумштарка это „*at all*“ переводится не словами „так или иначе“, а словом „совершенно“, что придает предложению совершенно ложный смысл.

Таким образом, я не мог положиться ни на один перевод и должен был переводить сам все цитаты. Кроме того, большинство цитиро-

ванных Марксом сочинений до сих пор еще не переведены на немецкий.

Все это требовало много времени, и, если принять во внимание другие мои работы, то станет понятно, почему я не справился с изданием раньше. Чтобы не заставлять публику ждать дольше, я решился, еще до окончания всего труда, уже теперь издать, первую часть сочинения. Все оно будет состоять из трех частей, вторая — о Рикардо, третья — о Мальтусе и о распадении школы Рикардо. Я надеюсь окончить обе эти части в течение двух лет, если только эти годы не будут годами оживленной политической борьбы. Каждый из трех томов представляет собою самостоятельное целое, хотя они и связаны друг с другом общою мыслью.

Если эта работа потребовала от меня много труда, то я нашел и много всякого рода поддержки при ее исполнении, помимо помощи упомянутого д-ра Гурвича — со стороны Правления немецкой социал-демократической партии, г-жи Лафарг, Евгения Диггена, М. Беера, Гуго Геймана, Эмануила Вурма, Гуго Геллера, которые частью доставили для меня редкие книги, проверяли цитаты из сочинений, не имеющихся в Берлине, или же другими путями доставляли материалы для моего труда или облегчали мне пользование ими. Сердечно благодарю их всех.

Наряду с этой поддержкой, работа моя была облегчена большим духовным наслаждением, которое она мне доставляла, и множеством новых взглядов, которые я из нее вынес. Меня поддерживала также надежда на то, что труд этот даст богатые семена, которые именно теперь падают, быть-может, на особенно благодарную почву.

В самом деле, в виду бесплодности исторической школы широкие круги даже буржуазного общества начинают требовать от молодого поколения политико-экономов углубления в теорию. Для этого безусловно необходимо более глубокое понимание классической политической экономии. Но у молодых политико-экономов совершенно нет необходимых для такого понимания данных и отсутствует всякий интерес к ней. Мне кажется, что сочинение Маркса больше всего способно вновь вызвать этот интерес и это понимание, способно показать, сколько сокровищ еще скрыто в старых классиках, и как они могут быть извлечены. Навсегда прошло время, когда они были для буржуазного общества непогрешимыми вождами; это общество изверилось в самого себя и потому стало скептически относиться к ним, как и ко всем вообще вождям. Но его сомнение вовсе не есть критическое сомнение, ведущее к более глубокой проницательности, а малодушный отказ от всякого глубокого понимания, который ведет к забвению лучших творений буржуазной мысли в области политической экономии и к полному невежеству в теории.

Теперь, повидному, приближается время поворота, по крайней мере для всех тех мыслящих элементов буржуазной политической экономии, которые еще сохранили теоретическое чутье, которые отвергают теоретический нигилизм исторической школы, которые не могут удовольствоваться австрийской школой, потому что они считают задачей экономической теории объяснение всего общественного процесса производства — в самом широком смысле этого слова — а не объяснение психического отношения отдельного человека к окружающим его вещам. Они начинают возвращаться к классической политической экономии, но уже не затем, чтобы просто принимать и провозглашать ее положения, а для того, чтобы критически углубить ее.

В этом направлении предлагаемая книга даст им сильнейший толчок и послужит лучшим руководителем. И этим она только продолжит влияние, уже оказанное „Капиталом“. Не только социализм, но и буржуазная политическая экономия должна быть глубоко благодарна Марксу. Если наиболее одаренные представители молодого поколения буржуазных экономистов поднялись выше понятий вульгарной политической экономии пятидесятых и шестидесятых годов, то это должно быть приписано элементам, заимствованным ими у Маркса. Конечно, большею частью они не были за это ему благодарны и часто с презрением оттапливали его, что является задачей и условием хорошей карьеры для всякого немецкого приват-доцента.

Оживление интереса к классической политической экономии не только в социалистических, но и в буржуазных кругах, — вот чего я ожидаю от издания „Теории прибавочной ценности“ наряду с углублением и укреплением взглядов, почерпнутых из второго и третьего томов „Капитала“.

На этом сочинении точно сбывается изречение: *Nonnum prematur in annum*. Более сорока лет понадобилось на то, чтобы оно появилось в свет. Часть его содержания уже несколько десятков лет тому назад обработана и издана самим автором в более совершенной форме. И, однако, оно несколько не потеряло интереса и значения и является для нас не мертвым историческим документом, а живым источником нового знания. Как хотелось бы мне быть уверенным, что мне удалось придать ему целесообразную и достойную его форму.

Карл Каутский.

А. Физиократы и некоторые их предшественники и современники*).

1. Сэр Вильям Петти (Sir William Petty).

[Основателем современной политической экономии является сэр Вильям Петти, один из гениальнейших и оригинальнейших экономических исследователей.

В его „Treatise on Taxes and Contributions“, Лондон 1662 г. (цитируется здесь по изданию 1679 г.): есть много мест, тема которых:] происхождение и оценка прибавочной ценности. Изложение этой темы идет несколько разбросанно, но есть возможность найти руководящие мысли всех этих отрывков.

Петти отличает естественную цену от политической цены, „истинной рыночной цены“ (the true price current) (стр. 66, 67). Под естественной ценой он понимает на самом деле ценность, а это только и интересует нас здесь, так как от определения ценности зависит определение прибавочной ценности.

В этом произведении он в самом деле определяет ценность товаров сравнительным количеством содержащегося в них труда.

„Но прежде, чем распространяться о ренте, мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом (usury) так и ренты с земель и домов“ (I. c., стр. 23).

При этом дело идет об основах явлений, а не о них самих:

„Это — основа сравнения и сопоставления ценностей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (superstructure) очень разнообразна и сложна“ (стр. 25).

Прежде всего спрашивается, что такое ценность товара?

„Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собой естественную цену другого; если же, благодаря новым, более богатым копиям, он окажется в состоянии также легко добыть две унции серебра, как прежде — одну,

*). Эта глава составлена из отрывков, разбросанных на 1347—1398 страницах рукописи. Обе цитаты страницы 16. взяты со страниц 346 и 347 рукописи. К.

то хлеб будет так же дешев при цене в десять шиллингов за бушель, как прежде был при цене в пять шиллингов *ceteris paribus*" (I. c., стр. 31).

"Допустим, что производство одного бушеля хлеба требует столько же труда, сколько производство одной унции серебра" (I. c., стр. 67).

Таков прежде всего „действительный, а не мнимый путь определения цены товаров“ (I. c., стр. 67) *).

Вторым пунктом, подлежащим исследованию, является ценность труда.

„Закон (т.е. законом установленная заработная плата. К.) должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что, если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем он мог бы работать и стал бы работать, а это для публики означает потерю такого же количества труда“ (I. c., стр. 64).

Это место следует понимать так: если рабочий получит ценность шести часов за шесть часов труда, то он получит вдвое больше того, что получает теперь, когда ему достается ценность шести часов [за двенадцать часов труда]. Тогда он станет работать только шесть часов.

Таким образом ценность труда определяется необходимыми для жизни средствами. Рабочий только потому становится производителем прибавочной ценности и поставщиком прибавочного труда, что его вынуждают употребить всю свою годную в дело рабочую силу для того, чтобы получить только необходимое для жизни. Дешевизна же или дороговизна его труда определяется двумя обстоятельствами: природным плодородием и размерами издержек (потребностей), обусловливаемых климатом:

„Естественная дороговизна или дешевизна зависит от того, больше или меньше требуется рук для удовлетворения естественных потребностей: так, зерновой хлеб дешевле, если один производит на десятерых, чем если он может снабжать хлебом только шестерых; таким образом, людям приходится издерживать больше или меньше, смотря по климату“ (I. c., стр. 66).

Для Петти прибавочная ценность существует только в двух формах: земельной ренты и денежной ренты (процента). Последнюю он выводит из первой. Первая для него, как позднее для физиократов, — истинная форма прибавочной ценности. В своем изложении он изображает ренту (*surplus*) не только как излишек, который создается трудом, приложенным сверх необходимого его количества, но как изли-

*) Однако, в „Political Anatomy of Ireland“ Петти, Лондон, 1672 г. (цитируется по изданию 1682 г.) говорится:

„Обычным масштабом ценности является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд; этот масштаб кажется таким же правильным и постоянным, как ценность чистого серебра... поэтому я определил ценность ирландской хижины числом дневных пайков, потребленных строителями при ее возведении“ (стр. 65).

Это совсем похоже на то, как рассуждают физиократы:

„Дело не меняется оттого, что одни едят больше других, так как мы под дневным пропитанием понимаем сотую часть того количества пищи, которое потребляется сотней людей самого разнообразного телосложения и которое дает им возможность жить, работать и размножаться“ (стр. 64).

Но то, чего Петти при этом ищет в ирландской статистике, не есть имманентное мерило ценностей, а мерило ценностей в том смысле, в каком мерилом их служат деньги.

шек прибавочного труда самого производителя, остающийся за вычетом его заработка и за возмещением его капитала.

„Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окропая, вспахивать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как этого требуют земледелие, севать, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения“). и равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения других своих естественных потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаями, дает в виде зернового хлеба, обычную ренту“ (I. с., стр. 24).

Так как ценность хлеба определяется у Петти содержащимся в нем рабочим временем и так как рента есть у него то, что остается от продукта за вычетом заработной платы и семян, то эта рента равняется прибавочному продукту, в котором овеществился прибавочный труд. Рента включает таким образом в себя прибыль, и эта последняя еще не отделена от ренты.

Также удачно ставит Петти затем вопрос:

„Но какому количеству английских денег может равняться, по своей ценности, этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретет, за вычетом своих издержек производства, кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег. Г.-е. предположим, что кто-нибудь другой отправляется в страну серебра, добывает там этот металл, очищает его, доставляет его на место производства хлеба первым, чеканит тут из этого серебра монету и т. д. Предположим далее, что этот индивидум в течение того времени, которое он посвящает добыванию серебра, приобретает также средства, нужные для своего пропитания, одежды и т. д. Тогда серебро одного должно быть равно по своей ценности хлебу другого; если первого, например.—двадцать унций, а последнего—двадцать бушелей, тогда унция серебра будет представлять собою цену бушеля хлеба“ (I. с., стр. 24).

Петти определенно отмечает, что различие видов труда не имеет при этом никакого значения, все зависит только от рабочего времени.

„Если бы производство серебра требовало большего искусства и было связано с большим риском, чем производство хлеба, то в итоге все свелось бы к тому же. Допустим, что сто человек производя в течение десяти лет хлеб и то же число людей столько же времени занято производством серебра; тогда чистый остаток добытого серебра представит цену всего чистого сбора хлеба и равные части первого составят цену равных частей второго“ (I. с., стр. 24).

Включая таким образом прибыль в ренту, которая здесь равна полной прибавочной ценности, и найдя денежное выражение ренты, Петти теперь приступает, с меньшей геннальностью, к определению денежной ценности земли.

„Теперь мы были бы очень довольны, если бы мы могли определить естественную ценность свободной продажной земли (*fee simple*), хотя бы и не лучше чем мы определяли ценность *usus fructus*“.

„Попытаемся сделать это следующим образом:

„После того, как найдена рента или ценность *usus fructus* за год, возникает вопрос, какой сумме годовых рент (*how many years purchase*) естественно равноценна свободная земля? Если мы скажем—бесконечному числу, то ценность одного акра земли будет равна ценности тысячи акров такой же почвы.—что нелепо; бесконечность единиц равна бесконечности тысяч. Следовательно, мы

*) Следовательно, эквивалент постоянного капитала.

должны принять более ограниченное число лет, и я думаю, что—это такое их число, которое могут рассчитывать прожить одновременно живущие: человек пятидесяти лет, другой—двадцати восьми и ребенок 7 лет, т.-е. дед, отец и сын. Многие имеют основание заботиться о более отдаленном потомстве: когда человек становится прадедом, он совсем близок к концу своей жизни; почти всегда одновременно живут только три члена непрерывного ряда нисходящих потомков; и если некоторые становятся дедами в 40 лет, то зато другие—только в возрасте свыше 60: сказанное имеет силу и в других соответственных случаях.

„Поэтому я принимаю, что сумма годовых рент, составляющая ценность данного участка земли, равна естественной продолжительности жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной 21 году. Поэтому и ценность земли равна приблизительно такой же сумме годовых рент“ (стр. 26).

Сведя ренту к^о прибавочному труду и, следовательно, к прибавочной ценности. Петти объясняет, что ценность земли есть ни что иное, как капитализованная рента, т.-е. определенная сумма годовых рент или сумма рент в продолжение определенного числа лет.

На самом деле рента капитализируется и исчисляется, как ценность земли, следующим образом:

1 акр дает ежегодно 10 фунтов стерлингов ренты. Если норма процента равна 5, то 10 фунтов стерлингов представляют проценты на капитал в 200 фунтов стерлингов, и так как, при 5 на сто, проценты возмещают капитал в 20 лет, то ценность акра была бы равна 200 фунтам стерлингам (20×10). Капитализация ренты определяется, стало-быть, размером процента. Если процент равен 10, то рента представляет проценты с капитала в 100 фунтов стерлингов, или с суммы 10 годовых рент. Но так как Петти исходит из земельной ренты, как всеобщей формы прибавочной ценности, и включает в нее прибыль, то он не может принимать процент на капитал за данную величину и должен, наоборот, выводить его из ренты, как особую ее форму. Он поступает в этом случае также, как Тюрго, который столь же последователен со своей точки зрения. Но как же определить сумму годовых рент, образующую собою ценность земли? Всякий данный человек, заинтересован в том, чтобы купить столько годовых рент, сколько лет может, по расчету, прожить он сам и его ближайшее потомство, сколько живет средний человек, дед, отец и ребенок. А это составляет 21 год по „английской“ оценке. Поэтому для него не имеет никакой ценности то, что выходит за пределы 21-летнего „usus fructus“. Поэтому он оплачивает *usus fructus* 21-го года, и это составляет ценность земли. Так остроумно выручает себя Петти из затруднения; но при этом остается в силе то многозначительное обстоятельство,

что, во-первых, рента, как выражение полной сельскохозяйственной прибавочной ценности, выводится не из почвы, а из труда и представляет собою излишек, остающийся за вычетом того количества труда, которое необходимо для поддержания жизни рабочего;

что, во-вторых, ценность земли есть ни что иное, как откупленная на определенное число лет рента, такая превращенная форма са-

мой ренты, в которой прибавочная ценность (или прибавочный труд) — например, за 21 год — является ценностью земли; словом, ценность земли есть не что иное, как капитализированная рента.

Так глубоко проникает Петти в сущность вопроса.

С точки зрения покупателя ренты (т.-е. земли), рента является просто в виде процентов, приносимых его капиталом, а в этой форме рента становится совершенно непонятной и представляется процентом с капитала.

Определив таким образом ценность земли и ценность годовой ренты, Петти уже в состоянии вывести денежную ренту, или *usury*, как второстепенную форму ренты.

„Что же касается процентов, то они, по меньшей мере, должны быть равны ренте с такого количества земли, которое может быть куплено на те же деньги, при условии полной общественной безопасности“ (I. с., стр. 28).

Процент определяется здесь ценой ренты, между тем как цена ренты, или покупная ценность земли, определяется, наоборот, процентами. Но это вполне последовательно, потому что рента изображается общей формой прибавочной ценности, из которой денежный процент выводится как второстепенная форма *).

* * *

[С приведенными здесь выдержками из „Treatise on Taxes and Contributions“ следует сопоставить некоторые места из „Political Arithmetick“. Петти — Лондон, 1690 г. — (цитируется по изданию 1699 г.), где тоже встречаются намеки на прибавочную ценность, которая, конечно, и тут рассматривается только в форме земельной ренты].

Эти места следующие:

„Если промышленность и искусство возрастают, то земледельце должно идти на убыль, или заработная плата сельских рабочих должна повыситься, а земельная рента упасть“ („Political Arithmetick“, Лондон, 1699 г.; стр. 193).

„Если торговля и промышленность в Англии возросли, т.-е. если им посвящает себя более значительная часть населения, чем это было прежде, и если цена зернового хлеба теперь не выше, чем была тогда, когда меньше народу занималось промышленностью и торговлей и больше — земледелием, то уже по одному этому рента должна упасть.

„Предположим, например, что пшеница продается по 5 шиллингов или по 60 пенсов за бушель; если ренту с земли, на которой растет пшеница, составляет каждый третий сноп, то из 60 пенсов 20 приходится на землю и 40 — на сельского рабочего (*husbandman*); но если бы заработная плата последнего поднялась на одну восьмую, или с 8 на 9 пенсов в день, тогда доля сельского рабочего в бушеле пшеницы поднимается с 40 пенсов на 45, и вследствие этого земельная рента должна упасть с 20 на 15 пенсов; мы предполагаем, что цена пшеницы остается неизменной, и это с тем большим правом, что мы не могли бы ее повысить, так как, если бы мы попытались это сделать, к нам (как и в Гол-

*) Петти говорит об установлении законного процента: „я высказался в другом месте относительно того, как тщетны и безрезультатны положительные гражданские законы, противоречащие законам природы“ (т.-е. законам, соответствующим природе буржуазного общества) (I. с., стр. 29).

ландию) стали бы ввозить хлеб из-за границы, где положение сельского хозяйства не изменилось“.

* * *

У Петти же находим мы впервые и понятие о дифференциальной ренте. Он выводит ее не из различного плодородия земельных участков одинаковой величины, а из различного положения, из различного расстояния от рынка при одинаковом плодородии участков, что, как известно, является одним из элементов дифференциальной ренты. Он говорит:

„Как сильный спрос на деньги повышает процент, так сильный спрос на хлеб повышает его цену, а потому и ренту земли, на которой растет хлеб *), и, в заключение, цену самой земли. Если, например, хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, должен быть подвозим из мест, отстоящих на 40 миль, то хлеб, растущий на расстоянии только одной мили от Лондона или от места квартирования этой армии, принесет столько сверх своей естественной цены, сколько составляют издержки перевозки на 39 миль... Таким образом, по близости населенных мест, для пропитания которых нужны большие районы, земля не только приносит на этом основании более высокую ренту, но стоит большей суммы годичных рент, чем земля совершенно такого же качества, но находящаяся в более отдаленных местностях, и т. д.“ (I. с., стр. 29).

Петти упоминает также и о втором основании дифференциальной ренты, о различном плодородии земли и, следовательно, о различной производительности труда на количественно равных участках земли:

„Богатство или скудость земли или ее ценность определяется отношением той, большей или меньшей, части приносимого ею дохода, которая платится за пользование ею, к тому простому труду, который нужно было затратить для того, чтобы она приносила этот доход“ (I. с., стр. 67).

Следовательно, Петти изложил дифференциальную ренту лучше, чем Адам Смит.

Важно еще следующее положение относительно земельной ренты, выставляющее прибавочную ценность следствием большей производительности труда:

„Если бы можно было сделать названные графства более плодородными путем приложения большего, чем прежде, количества труда, — например, посредством замены плуга лопатой, введением посадки семян вместо сеянца, сортировкой их вместо употребления без разбора, размачиваньем их вместо применения без всякой предварительной обработки, удобрением почвы солями вместо гниющей соломы и т. д., — тогда земельная рента возросла бы тем больше, чем больше увеличившийся доход превзошел бы увеличенный труд“ (стр. 32).

Под увеличенным трудом здесь разумеется возросшая цена труда или плата за него.

Из „Treatise on Taxes Contributions“ полезно привести еще следующее:

1. Взгляд Петти на производство в его целом выражается так:

„Если в данной местности живет 1000 человек, и 100 из них в состоянии производить пищу и одежду для всей тысячи; если следующие 200 производят столько товаров, сколько другие нации готовы брать в обмен на свои товары

*) Следовательно, здесь прямо говорится, что цена хлеба определяет ренту подобно тому, как уже из предыдущего изложения следует, что рента не определяет собою ценности хлеба.

или на деньги, и если следующие 400 заняты созданием драгоценностей удовольствий и внешнего блеска для всех; если наконец, 200 человек исполняют обязанности правительства, духовенства, юристов, врачей, купцов и лавочников,—всего, стало быть, 900 человек,—то возникают вопросы: хватит ли пищи также и для пропитания 100 „сверхсметных“ пауперов; желательно ли предоставить им добывать себе необходимое воровством или нищенством и т. д.“ (I. c., стр. 14).

2. Петти очень хочется найти „естественное отношение равенства“ (the natural rag) между землей и трудом:

„Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия, таковы в Англии: фунт, шиллинг, пенс, и каждая из них может быть выражена, как сумма или часть какой-нибудь другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям, к земле и к труду; т.-е., нам следовало бы говорить: ценность корабля или сюртука равна ценности такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба—и корабль, и сюртук—произведены землей и человеческим трудом; а раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать ценность при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенсы к фунту“ (I. c., стр. 25)*.

С этой целью Петти, найдя денежное выражение ренты, старается найти действительную ценность земли.

Ценность представляется ему в трех, перепутанных один с другим видах:

а) Величина ценности, определяемая равным количеством рабочего времени, при чем труд рассматривается, как источник ценности.

б) Ценность, как форма общественного труда. Поэтому деньги принимаются им за истинную форму ценности, хотя в другом месте Петти отвергает все иллюзии монетной системы.

в) Смешение труда, как источника меновой и потребительной ценности, при чем естественный предмет труда (земля) принимается за данный. В действительности он разрывает отношение равенства между землей и трудом, изображая цену земли, как капитализированную ренту, т.-е. говоря о земле не как об естественном предмете реального труда.

2. Ч. Д'Эвенэнт (Ch. d'Avenant)**).

Представления меркантилистов о прибавочной ценности недурно характеризуются следующими местами из Д'Эвенэнта:

„Вывоз нашего собственного продукта должен обогатить Англию, чтобы торговый баланс был для нас выгоден, мы должны вывозить наш собственный продукт, в обмен на который мы будем покупать все производимые за границей предметы, нужные для нашего собственного потребления, при чем у нас должен оставаться излишек или в виде благородного металла, или в виде товаров

* В своей „Political Anatomy of Ireland“ он говорит также; „это приводит меня к важнейшему вопросу политической экономии, к вопросу о составлении уравнения между землей и трудом для того, чтобы ценность каждого предмета могла быть выражена при помощи одного из этих факторов“ (I. c., стр. 53). На самом деле в основе этого лежит задача: свести ценность земли к труду.

** Эта глава включает 317 и 318 страницы рукописи. Второе примечание взято со страницы 1423. К.

которые мы могли бы продать в другую страну; этот излишек составляет ту прибыль, которую нация извлекает из торговли. Величина его находится в зависимости от естественной скромности потребностей вывозящего народа *) и от низкой цены его труда и его мануфактурных изделий, позволяющей ему дешевле всех своих конкурентов продавать эти изделия на иностранных рынках" (D'Avenant, „An essay upon the probable methods of making a people gainers in the balance of trade". Лондон, 1669 г., стр. 46).

Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и нация вообще совсем не обогащается; но все, что потребляется за границей, представляет явную и верную прибыль", — говорит Д'Эвенант в своем: „Essay on the East India Trade etc.", Лондон, 1697 г., стр. 31 **).

Это сочинение, напечатанное вместе с „Discourses on the Publick Revenues and on the Trade of England" (Лондон, 1698 г.) Д'Эвенанта, — не то же, что „Considerations on the East India Trade", 1701 г., приводимое Мак-Кэллоком (Mc. Culloch).

Впрочем, не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупцами, какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли. Во втором томе вышеупомянутых „Discourses on the Publick Revenues" Д'Эвенант между прочим говорит:

„Золото и серебро действительно служат мерилом торговли, но источником ее происхождения у всех народов являются естественные и искусственные произведения страны, т. е. то, что производят ее земля, ее труд и ее промышленность. И это до такой степени верно, что данный народ может в силу какого-нибудь обстоятельства совсем лишиться всякого рода денег; если это — народ многочисленный, промышленный, опытный в торговле, искусный в мореплавании, обладающий хорошими гаванями, владеющий почвой, ройщей много разнообразных произведений, то он все-таки будет в состоянии вести торговлю, обогатиться и в скором времени сделаться обладателем большого количества серебра и золота. Так что истинное и действительное богатство страны — ее собственные произведения" (стр. 15). „Золото и серебро так далеки от того, чтобы быть единственными вещами, заслуживающими названия сокровища или богатства данной нации, что поистине золото представляет собою не более, как счетные марки (counters), при помощи которых люди привыкли вести счеты в своих деловых сношениях" (I. c., стр. 16). „Мы понимаем под богатством (wealth) то, что дает государю и его народу избыток, благополучие и безопасность; равным образом сокровищем (treasure) является то, что для нужд людей превращено за золото и серебро в строения и улучшения почвы, а также и другие предметы, которые могут быть обменены (convertible) на эти металлы, как например, плоды земли и произведения промышленности, или иностранные товары и корабли... Даже переходящие блага могут считаться богатством нации, если их можно обменять, — хотя бы они и оставались необменными, — на золото и серебро; и они составляют, по нашему мнению, богатство не только в отношении одного индивидуума к другому, но и в отношении одной страны к другой" (I. c., стр. 60 и сл.). „Просто народье — желудок государственного тела". В Испании этот желудок не принимал денег надлежащим образом, не переваривал их. „Торговля и промышленность являются единственными средствами, которыми может быть вызвано такое перевариванье и распределение золота и серебра, доставляющие нищу государственному телу" (I. c., стр. 62, 63).

*) Скромностью, которой отличаются голландцы, но не англичане, как объясняет дальше Д'Эвенант в цитируемом здесь сочинении.

***) [В таком же смысле высказывается автор и в другом сочинении об оостиндской торговле:]

„Торговля, которая ограничивается только нами (Англией), представляет мало выгоды для страны, — не более, чем покупка и продажа земельных участков: один выигрывает, а другой теряет; владельцы меняются, но участки земли остаются те же. Только внешняя торговля представляет крупный интерес и является важным государственным делом" („The East India Trade a Most Profitable Trade to the Kingdom" etc. Лондон, 1677 г.).

3. Сэр Дэдлей Норс и Джон Локк (Sir Dudley North и John Locke *).

Сравнение произведений Норса и Локка с трудами Петти „Quantumcumque“ (1682 г.), „A Treatise on Taxes and Contributions“ (1662 г.) и „The Polittcal Anatomy of Ireland“ (1672 г.) показывает зависимость этих писателей от Петти, особенно в том, что он говорит об установлении законного процента, о порче денег и т. д. Их сочинения стоят в прямой связи с произведениями Петти и основаны на них.

Норс и Локк писали относящиеся сюда труды свои одновременно, по одному и тому же поводу, „Some considerations of the consequences of the lower rate of interest and raising the value of money“ Локка вышли в Лондоне в 1691 г., и в том же году Норс издал свои „Discourses upon Trade“ (Лондон). Но они защищают противоположные взгляды. По Локку, причиной высокой нормы процента является недостаток в деньгах: Норс показывает, наоборот, что [высокая норма процента] зависит не от недостатка денег, а от недостатка капитала или доходов. У него впервые появляется определенное понятие о stock'e или о капитале; или, вернее, о деньгах, являющихся простой формой капитала, поскольку они не служат средством обращения. У сэра Дэдля Норса впервые встречается правильное понятие о проценте, в противоположность представлению Локка.

* * *

Если сопоставить учение Локка о труде с его учением о происхождении процентов и ренты,—потому что только в этих определенных формах выражается у него прибавочная ценность,—то эта ценность оказывается не чем иным, как чужим трудом, прибавочным трудом, возможность присвоения которого доставляют своим владельцам земля и капитал—условия труда. И, по Локку, присвоение количества средств производства, превышающего то, которое каждый может использовать своим собственным трудом, есть политическое измышление, противоречащее естественно-правовой основе собственности или праву на частную собственность.

Вот относящиеся сюда места:

„Хотя земля и все низшие твари принадлежат сообща всем людям, однако, каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него, не может иметь притязания. Мы имеем полное основание сказать, что труд его тела и дело его рук по справедливости (property) принадлежат ему. То, что он извлек из предметов, созданных и предоставленных ему природой, слито им со своим трудом и тем самым связано с тем, что ему принадлежит; и таким образом он обращает это в свою собственность“ („Of Government“, Book II, ch. V, Works ed. 1768. II, p. 229).

* Введение этой главы взято со стр. 1397. Часть изложения, касающаяся Локка, находится на стр. 1291 до 1293, а та, которая касается Норса,—на стр. 1418—1420. К.

„Предмет его труда взят им из рук природы,—в которых он был общей собственностью и принадлежал одинаково всем ее детям,—и таким путем присвоен им“ (I. с., стр. 230).

„Тот же закон природы, который таким образом дает нам собственность, ограничивает ее... Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни прежде, чем предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим“ (там же).

„Но главным предметом собственности теперь являются не плоды земли и не животные, обитающие на ней, а сама земля... Ясно, я полагаю, что и собственность на землю приобретает таким же образом, как и прежние виды собственности. Участок земли, имеющий такие размеры, что один человек может его вспахать, засеять, удобрить, возделывать и потребить его произведения,—оставляет собственность этого человека. Человек как бы выделяет его своим трудом из общего достояния“ (там же).

„Присвоение земли связано, как мы видели, с ее подчинением человеку или ее обработкой“ (I. с., стр. 231).

„Природа естественно дала меру собственности тем, что положила предел труду и потребностям человека: никто не был бы в состоянии все подчинить себе своим трудом, или все себе присвоить, и никто не мог бы потребить для удовлетворения своих потребностей более, чем незначительную часть всего этого: так что этим путем человеку невозможно было бы нарушить права своего ближнего или сделаться собственником на его счет... Первоначально эта мера ставила владению каждого человека очень скромные пределы, ограничивая это владение тем, что он мог приобрести, не нанося ущерба другому... Еще и теперь, хотя мир кажется переполненным, без вреда можно было бы наделить каждого собственностью в этом размере“ (I. с., стр. 231, 232).

Труд дает вещам почти всю их ценность (value означает здесь потребительную ценность, и труд взят, как конкретный труд, а не с количественной его стороны; но измерение меновой ценности трудом на самом деле основывается на том, что труд создает потребительную ценность). Остаток потребительной ценности, который не может быть сведен к труду, есть дар природы, а потому общая собственность в полном смысле этого слова. Посредством этого Локк старается указать не на то противоречащее этому положение, что собственность может быть приобретена и другими путями, кроме труда, а на то, что индивидуальный труд создает частную собственность, несмотря на общую собственность, даваемую природой.

„В самом деле, от труда получает каждая вещь свою особую ценность. 99 процентов полезных для человека произведений земли всецело приходится на счет труда“ (I. с., стр. 235).

„Таким образом большую часть ценности земли создает труд“ (там же).

„Конечно, дары природы принадлежат всем вообще, но человек—господин над самим собой и владелец своей собственной личности, ее действий или ее труда, и в качестве такового, он в себе самом заключает великую основу собственности“ (там же).

Таким образом одним пределом собственности является предел личного труда: другой—состоит в том, что никто не накапливает предметов больше, чем сколько он может потребить. Последняя граница собственности расширяется, независимо от прочего обмена, обменом недолговечных продуктов [на более долговечный продукт, как, например, на золото, серебро, алмазы и т. д.], на деньги.

„Каждый может накапливать таких долговечных вещей, сколько ему угодно, потому что предел его правомерной собственности *) нарушается не тем, что

*) Оставляя без внимания предел, который ставится его личным трудом.

у него много имущества, а порчей всей той части этого имущества, которая для него бесполезна. Поэтому было введено употребление денег, этой долговечной вещи, которая может сохраняться, не подвергаясь порче, и которую люди принимают, по общему соглашению, в обмен на действительно полезные, но преходящие средства существования" (I. с., стр. 236).

Так возникает неравенство частной собственности, но мерило личного труда остается в силе:

"Такое неравномерное распределение вещей между частными собственниками сделалось возможным вне границ общества и без особого соглашения только потому, что люди приписали ценность золоту и серебру и молчаливо согласились на употребление денег" (I. с., стр. 237).

С этим следует сопоставить следующее место из сочинения Локка о проценте, не забывая, кроме того, что, по его мнению, естественное право делает личный труд пределом собственности:

"Теперь мы хотим исследовать, каким образом деньги приобретают такую же природу, как и земля, принося определенный ежегодный доход, который мы называем процентами или прибылью (use of interest). Ведь земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества. Напротив, деньги бесплодны и ничего не производят, но зато они, в силу соглашения, переносят в карман одного то, что было вознаграждением за труд другого. Это вызывается неравенством в распределении денег, неравенством, которое на поземельные отношения влияет так, как и на денежные... Если у тебя больше земли, чем ты хочешь или можешь обработать, а у другого ее меньше, то, вследствие этого неравенства, у тебя является арендатор твоей земли; и такое же неравенство в распределении денег... доставляет мне заемщика (tenant) для моих денег: таким образом мои деньги приобретают, благодаря прилежанию заемщика, способность производить для него более шести процентов; совершенно так же, как твоя земля имеет способность, благодаря твоему труду твоего арендатора, родить плоды в количестве, большем того, которое составляет ренту" (Fol. ed. of Lockes works, 1740, vol II).

Тут Локк отчасти имеет полемический интерес в том, чтобы доказать землевладельцам, что их рента ничем не отличается от процентов, взимаемых ростовщиком. Благодаря неравномерному распределению средств производства, и рента, и проценты „переносят в карман одного то, что было вознаграждением за труд другого“.

Это положение тем более важно у Локка, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному, а на его философии основывались представления всех позднейших английских экономистов.

* * *

Сэр Дэдлей Норс, в своих „Discourses upon Trade“ etc., занимается главным образом торговым капиталом, поэтому названное сочинение не относится сюда. Оно отличается мастерской законченностью в пределах затрагиваемых им вопросов. В высшей степени замечательно, что со времени реставрации Карла II до половины восемнадцатого столетия раздавались беспрестанные жалобы лэндлордов на падение ренты, объясняющееся непрерывным с ?*) падением цен на

*) Знак вопроса стоит в оригинале. Тут, очевидно, имеется в виду 1662 год, когда квартал пшеницы стоил 74 шиллинга, т. е. шел по цене, которой он не достигал в течение всех последующих ста лет. К.

пшеницу. Хотя в принудительном понижении нормы процента (по словам Кольцшпепера и Д. Чайльда) сильно был заинтересован класс промышленных капиталистов, однако, настоящим передовым борцом за эти меры явился класс землевладельцев. Вопросу о ценности земли и о том, как повысить ее, придается значение национального интереса. Совершенно также, начиная приблизительно с 1760 года, в основу экономических исследований этого предмета кладутся обратные явления: возрастание рент ценности земли, цены на хлеб и другие жизненные припасы, а равно и вызываемые этим возрастанием сетования промышленных предпринимателей.

Борьба между денежным капиталом (moneyed interest) и земельным (landed interest) наполняет с небольшими перерывами все столетие от 1650 до 1750 г., так как дворяне, которые жили широко, с неудовольствием видели, что ростовщики забирают их в свои руки, а возникновение в конце XVII века новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с ними в области законодательства.

Уже Петти говорит о жалобах лэндлордов на падение ренты вопреки улучшениям почвы. Он защищает ростовщика против лэндлорда и ставит на одну ступень денежную и земельную ренты.

Локк сводит и ту, и другую к эксплуатации труда. Он стоит на той же точке зрения, что и Петти. Оба высказываются против принудительной нормировки нормы процента. Землевладельцы заметили, что с понижением процента ценность земли возрастает. При данной величине ренты ее капитализированное выражение, т. е. ценность земли, падает или возрастает в обратном отношении к величине процента.

Сэр Дэдлей Норс, в цитированном выше сочинении, является третьим писателем, который держится тех же взглядов, как и Петти.

Это первый вид восстания капитала против землевладения. Да и на самом деле переход в руки ростовщика части дохода от землевладения был одним из самых главных средств накопления капитала. Но промышленный и торговый капиталы выступают против этой старинной формы капитала более или менее согласно с землевладельцами.

„Как землевладелец отдает в наем свою землю, так отдают в наем свой капитал те (которые владеют капиталом [stock in trade], но не обладают достаточным умением для употребления его в торговле и боятся трудностей, связанных с этим делом). То, что они при этом получают, называется процентом (interest), но это только денежная рента, подобно тому, как доход землевладельца есть земельная рента *). На различных языках наем земли и денег обозначаются одинаковым словом; то же мы увидим в некоторых местностях Англии. Значит, быть землевладельцем (landlord) это то же, что быть капиталистом (stocklord). Первый имеет только то преимущество, что наниматель его земли не может ее унести, между тем как нанимателю капитала легко это сделать. И

*) Тут, как и у Петти, мы видим, в какой мере земельная рента на границе средних веков и нового времени принимается экономистами за первоначальную форму прибавочной ценности.

поэтому земля должна давать меньшую прибыль, чем капитал, который отдается в заем с большим риском" (стр. 4).

Процент. Норе первый правильно понял процент. Как это видно будет из нижеследующей цитаты, он под словом *stock* понимал не деньги только, но капитал, подобно тому, как и Петти различает *stock* и деньги. У Локка, как у Петти, проценты определяются исключительно количеством находящихся в обращении денег.

"Если будет больше заимодавцев, чем заемщиков, норма процента понижается... Не низкий процент оживляет торговлю (*makes trade*), но с возрастанием национальной торговли избыток капитала понижает процент на капитал" (I. c., стр. 4).

"Золото и серебро и делаемые из них деньги—не что иное, как меры и веса, при помощи которых сношения совершаются с большим удобством, чем это возможно было бы без них; равным образом они служат фондом, очень пригодным на то, чтобы вмещать в себе излишек капитала" (I. c., стр. 16).

Цена и деньги. Цена есть не что иное, как эквивалент товара, выраженный в деньгах и—когда речь идет о продаже—реализованный в них, т.-е.: она представляет товар, как меновую ценность, с тем, чтобы потом опять превратить его в ценность потребительную. Здесь мы видим, стало-быть, одно из самых ранних признаний того, что в этом случае речь идет о золоте и серебре, только как о форме, принимаемой меновой ценностью товара, как об одном из моментов его метаморфозы, а не о золоте и серебре, взятых как таковые. Норе выясняет это хорошо для своего времени:

"Что нужно людям, которые вопиют о деньгах? Я начну с нищего. Ему нужны деньги, и он настоятельно требует их. Что собирается он сделать с ними, когда их получит? Он купит хлеба и т. п. Но это значит, что на самом деле он нуждается не в деньгах, а в хлебе и в других жизненных припасах. Вот и землевладелец жалуется на недостаток в деньгах, конечно, не по той же причине, что и нищий, т.-е. деньги нужны ему не для поддержания своего существования и не для уплаты долга, но он думает, что ему удалось бы получить лучшую цену за свои продукты, если бы в стране было больше денег. Следовательно, не деньги нужны ему; ему нужна хорошая цена на его хлеб и на его скот, для которых он ищет, но не находит покупателя".

Этот недостаток в покупателях может происходить от трех причин: или от чрезмерного производства хлеба и скота, или от утраты обычных путей сбыта, как, например, во время войны, или, наконец, от слишком малого потребления, вследствие чрезмерной бедности потребителей.

То же можно сказать о купцах и о мелких лавочниках (стр. 11 и 12)].

"Так как деньги.. служат всеобщей (*common*) мерой для купли и продажи, то всякий, кто хочет что-нибудь продать, но не находит покупателя, склонен думать, что причиной, по которой его товары не находят сбыта, является недостаток денег в государстве; и вот отовсюду раздаются жалобы на недостаток денег, но это большая ошибка" (I. c., стр. 11).

Капитал есть самовозрастающая ценность, между тем как при накоплении сокровищ целью служит кристаллизованная форма меновой ценности, как таковая. Поэтому одним из самых ранних открытий классической политической экономии является выяснение противоположности между накоплением сокровищ и ростом денег, т.-е. избранием денег, как капитала.

"Никто не становится богаче от того, что он держит у себя все свое имущество, в форме золота, серебряных вещей и т. д.; наоборот, он от этого беднеет. Богаче всех тот, чье имущество растет, и это независимо от того, состоит

ли оно из отданной в аренду земли, или из капитала, отданного на проценты или же из товаров, пущенных в торговлю и промышленность" (стр. 11) *).

"Хотя всякий желает иметь их (деньги), однако, никто не желает, или только немногие желают их сохранять, а стараются их тотчас же употребить (dispose it), так как всем превосходно известно, что от всех денег, которые лежат мертвыми, надо ожидать отнюдь не прибыли, а только верного убытка" (I. c., стр. 21).

Деньги как мировые деньги.

"Что касается торговли, то отдельная нация занимает в мире во всех отношениях то же положение, какое город занимает в государстве и семья в городе" (I. c., стр. 4).

"В этих торговых сношениях золото и серебро ничем не отличаются от других товаров; они берутся у тех, которые имеют их в избытке, и передаются туда, где замечается в них недостаток или есть требование на них" (I. c., стр. 13).

Количество денег, которое может войти в обращение, определяется товарным обменом:

"Сколько бы денег ни было доставлено из-за границы и сколько бы ни отчеканили их внутри страны, все, что превышает нужду в них для национальной торговли, является просто-на-просто благородным металлом (bullion) и рассматривается только как таковой; эти отчеканенные деньги ценятся только по их металлическому содержанию, как продаваемые по случаю серебряные изделия".

Землевладение и торговля.

"Даже и десятая часть денег, отдаваемых в нашей стране на проценты, не нашла себе применения у торговых людей для поддержания их торговли: в огромнейшем большинстве случаев деньги даны взаймы для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными имениями, однако, издерживают больше, чем они им приносят, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают обременять его долгами" (I. c., стр. 6, 7).

4. Давид Юм (David Hume) и Ж. Мэсси (J. Massie) **).

Анонимное сочинение Мэсси: „An essay on the governing causes of the natural rate of interest: wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr Locke, on that head are considered“ появилось в 1750 г., а вторая часть „Essays“ Юма, где находится его опыт „о проценте“, — в 1752 г., т.-е. два года спустя. Таким образом первенство принадлежит Мэсси. Юм выступает против Локка, а Мэсси против Петти и Локка, которые оба придерживаются того взгляда, что высота процента зависит от количества находящихся в обращении денег и что на самом деле настоящим предметом займа служат деньги (а не капитал).

* Джон Беллерс (John Bellers) в своих: „Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations and Immorality etc“. Лондон, 1699 г., говорит: „Деньги не размножаются; они не приносят пользы за исключением того случая, когда с ними расстаются, и как частному лицу деньги не приносят никакой выгоды, помимо тех случаев, когда оно отдает их в обмен на что-нибудь более ценное, точно также все деньги, сверх той суммы, которая безусловно необходима для внутренних сношений и торговли, являются мертвым капиталом (dead stock) для государства или для нации и не приносят стране, которая их удерживает, ни какой прибыли“ (стр. 13).

** Начало этой главы включает стр. 1293 и 1294 рукописи. Цитаты из Мэсси, за исключением первой, взяты со страниц 1300 и 1301. К.

Мэсси решительнее, чем Юм, объявляет процент составною частью прибыли.

Мы начнем с Юма.

[В его „Essays“, о которых мы здесь говорим, заслуживает внимания следующее выражение:]

„Все в мире покушается посредством труда“ („Essays“, 2 ed., Лондон, 1764 г., I, стр. 289).

[Юм также считает земельную ренту первоначальной формой прибавочной ценности, а процент на капитал—второй ее формой. Земельная рента, по его мнению, происходит оттого, что широкие слои народа лишены земельной собственности.]

„Едва только какой-нибудь народ, хоть немного, возвышается над состоянием дикости, а его численность переходит за пределы первоначального населения, в его среде неизбежно должно возникнуть неравенства имущества; и между тем как одни имеют больше участки земли, владение других ограничивается узкими пределами, а третьи оказываются совершенно лишенными собственности. Те, которые имеют земли больше, чем они могут обрабатывать, пользуются теми, у которых совсем ее нет, и сговариваются с ними насчет получения от них некоторой части дохода. Так возникает поземельный процент; и нет цивилизованного общества, как бы слаба ни была его цивилизация, в котором дело происходило бы иначе“ *).

Высота нормы процента зависит от спроса заемщиков и от предложения со стороны займодавцев; т.-е. от спроса [на денежный капитал] и предложения [его]. Но затем он существенно зависит от высоты прибыли, „которая происходит от торговли“ („Essays“, Лондон, 1764 г., ттр. 329).

„Большой или меньший запас труда и товаров должен иметь значительное влияние на норму процента, так как на самом деле мы берем взаимно труд и товары, когда занимаем деньги за проценты“ (I. с. стр. 337).

„Никто не удовольствуется низкой прибылью, если он может получить высокий процент на свой капитал; и никто не довольствуется низким процентом, если он может приобрести высокую прибыль со своего капитала“ (I. с., стр. 335).

Высокий процент и высокая прибыль — оба служат показателем медленного прогресса торговли и промышленности, а не недостатка в золоте и серебре, низкий же процент указывает на противоположное явление [потому что „денежный процент может возрастать только в том случае, если производится много займов, но существует мало богатств для покрытия их, а торговые прибыли велики“] (I. с., стр. 329).

„В таком государстве, в котором существуют только земельные собственники (landed interest или, как он позже говорит, landed gentry and peasants), всегда должно быть много заемщиков, и норма процента должна быть высока (I. с., стр. 330), так как пезантское дело богатство всегда с жадностью гонится за удовольствиями, а производство, кроме земледелия, очень ограничено. Обратное бывает, когда раз-

*) „Essays and Treatises on several subjects“. By David Hume, Esq. London. MDCCCLV, vol. IV, p. 56. Мы перевели это место с английского подлинника, между тем как в немецком издании перевод сделан с французского перевода. *Примечание Г. В. Плеханова.*

вивается торговля. Жадное стремление к наживе всецело владеет купцом. Для него нет удовольствия, большего, чем то, которое доставляет ему вид ежедневного возрастания его имущества *); потому-то среди купцов скряги также преобладают над мотами, как, обратно, моты над скрягами в среде землевладельцев" (I. с., стр. 333).

„Поэтому расширению торговли порождает множество заимодавцев и таким образом понижает процент“ (I. с., стр. 334).

„Низкий процент и низкие прибыли в торговле это — две вещи, вызывающие друг друга и обе вызываемые развитием торговли, которая создает богатых купцов и увеличивает значение денежного капитала (the moneyed interest), где купцы владеют большими капиталами. Независимо от того, каким количеством металла они представлены там, значительная часть этого богатства нередко идет ежегодного и верного дохода, когда владельцы его утомлены ведением дела или имеют наследников, нерасположенных и неспособных заниматься торговлей. Большое предложение вызывает падение цены и заставляет заимодавцев довольствоваться более низкой нормой процента. Это соображение побуждает многих оставлять свои капиталы в торговле и лучше довольствоваться низкими прибылями, чем отдавать деньги в рост за слишком низкие проценты. С другой стороны, когда торговля достигла значительного расцвета и привлекает к себе крупные капиталы, тогда должна обостряться конкуренция между купцами, и это понижает торговую прибыль, в то время как растет торговля. Падение прибыли в торговле заставляет купцов довольствоваться более низким размером процента, когда они перестают заниматься делами и переходят к спокойному безделью. Поэтому бесполезно доискиваться, какое из этих двух обстоятельств — низкая ли норма процента, или же низкая прибыль — является причиной и какое следствием. Оба они вызываются развитием торговли и вызывают друг друга... Благодаря сильно развитой торговле понижается и процент и прибыль, путем создания крупных капиталов; при этом понижение процента всегда поддерживается соответственным уменьшением прибыли. Можно прибавить, что низкие прибыли, если они обуславливаются ростом торговли и промышленности, сами, в свою очередь, ведут к дальнейшему расширению торговли, удешевляя товары, оживляя потребление и поддерживая промышленность. Таким образом, процент является истинным барометром жизни государства, и его низкая норма есть безошибочный признак расцвета народного благосостояния“ (I. с., стр. 335, 336).

* * *

[В вышеуказанном анонимном сочинении Мэсси очень характерны следующие места:]

„Из приведенных выводов ясно, что г. Локк принимает, что естественная норма процента определяется отношением количества денег данного государства к задолженности его жителей, с одной стороны, и к его торговле — с другой. Ясно также, что сэр Вильям Петти ставит эту норму в зависимость только от количества денег“ (I. с., стр. 14).

Богатые люди „вместо того, чтобы самим употреблять в дело свои деньги, предпочитают отдавать их в займы другим для того, чтобы те извлекали из них прибыль, предоставляя владельцам денег некоторую участие в ней. Но если богатство страны равномерно распределено между большим числом людей, так что в ней мало таких богачей, которые могли бы прокормить две семьи посредством помещения своих денег в торговлю, то денежные займы очень редки; потому что, если 2000 фунтов стерлингов принадлежат одному лицу, то оно может отдать их в займы, так как на проценты с них можно содержать семью; если же они принадлежат десяти лицам, тогда эти последние не в состоянии отдавать их в займы, так как проценты с них не могут прокормить десять семей“ (стр. 23, 24).

„Всякая попытка определить естественную норму процента, принимая во внимание тот процент, который правительство платит при своих займах, бесповоротно осуждена на неудачу; опыт показывает, что тут нет никакой связи,

*) Тут погоня за меновой ценностью, за отвлеченным богатством, сильно преобладает над желанием иметь потребительные ценности.

а размышление убеждает, что ее и не может быть здесь, потому что естественная норма процента основывается на прибыли, а высота процентов по государственным займам определяется нуждой; первый имеет границы, вторая — нет. Для дворянина, который берет займы деньги на улучшение своей земли, и для купца или промышленника, который покупает их для того, чтобы вести предприятие, существуют границы, из которых они не выходят; если с помощью этих денег они выручают десять процентов, то пять процентов они могут отдать заимодавцу; но они не дадут ему десяти процентов. А кто, напротив, занимает из нужды, тому ничто не ставит пределов, и нужда, общественная или частная, не признает никакой заповеди, никакого закона" (I. с., стр. 31, 32).

"Правомерность взимания процента зависит не от того, получает ли заемщик в самом деле прибыль с занятых им денег, а от того, может ли он получить эту прибыль, если он даст деньгам правильное приложение" (I. с., стр. 49).

"Если то, что заемщик платит в качестве процента за занятые деньги есть часть прибыли, которую они в состоянии выручить, то процент должен определяться этою прибылью" (I. с., стр. 49).

"Какая часть этой прибыли принадлежит по праву доверителю и какая должнику? Определить это вообще может только оценка, делаемая теми, которые берут деньги займы, и теми, которые дают их. Мы должны признать то, что — правильно или неправильно — определяется с общего согласия" (I. с., стр. 49).

"Однако, это правило распределения прибыли неприменимо в отдельности к каждому должнику и доверителю, а только вообще к должникам и доверителям... Исключительно большие и малые прибыли являются наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность, до которых доверителям нет никакого дела; так как эти последние не несут убытка от указанной непредусмотрительности, то они не должны также пользоваться выгодой от указанной предприимчивости. И то, что мы говорим здесь об отдельных людях в одной отрасли торговли, верно и в применении к целым ее отраслям" (I. с., стр. 50, 51).

"Естественная норма процента определяется прибылью предприятий отдельных лиц" (I. с., стр. 51).

Спрашивается, почему в Англии процент равен 4, вместо 8, как это было прежде? Потому что тогда купцы „кляли в свой карман вдвое большую прибыль, чем теперь“.

Почему норма процента в Голландии равна 3, во Франции, Германии, Португалии — 5 и 6, Вост и Ост-Индии, 9, в Турции — 12?

"Во всех этих случаях можно дать один общий ответ, состоящий в том, что торговая прибыль в этих различных странах отличается от той, которая получается у нас, и притом так сильно, что этим вызываются все различия в норме процента" (I. с., стр. 51).

А чем обуславливается падение прибыли? Внешней и внутренней конкуренцией.

"Вследствие упадка внешней торговли*) или потому, что торговые люди один перед другим все больше понижают цены своих товаров... как потому, что им необходимо продать что-нибудь, так и потому, что они стремятся продать возможно больше" (I. с., стр. 53).

"Торговая прибыль вообще определяется отношением между числом торговцев и размерами торговли" (I. с., стр. 55).

В Голландии, где отношение числа людей „занятых торговлей, ко всему населению наибольшее... норма процента самая низкая“; во Франции, где является наибольшим обратное отношение, норма процента наивысшая (I. с., стр. 55, 56).

"Чем определяется отношение между торговлей и торговцами?" (I. с., стр. 57).

"Причинами, вызывающими самую торговлю: естественной необходимостью, свободой, охраной частных прав людей, общественной безопасностью" (I. с., стр. 58).

*) Благодаря иностранной конкуренции.

„Нет двух таких стран, которые доставляли бы одинаковое количество однородных жизненных припасов, затрачивая на их производство одинаковое количество труда: потребности людей возрастают и уменьшаются в зависимости от суровости или мягкости климата; поэтому размеры торговли, которую неизбежно должны вести обитатели различных стран для удовлетворения своих потребностей, не могут быть всюду одинаковы, но почти невозможно определить степень этих различий точнее, чем степень жары или холода; из чего может быть выведено то общее заключение, что количество труда, нужное для содержания определенного количества населения, больше всего в холодных климатах и меньше всего — в жарких, потому что в первых людям нужно больше одежды, кроме того и земля требует больше труда для своей обработки, чем в последних“ (I. c., стр. 59).

„Особенная необходимость (в торговле), присущая Голландии..., обуславливается перенаселением края, к чему прибавляется значительный труд, необходимый для постройки плотин и осушения страны. Поэтому необходимость вести торговлю сказывается в Голландии сильнее, чем в какой бы то ни было иной части обитаемого мира“ (I. c., стр. 60).

Мэсси — еще решительнее, чем Юм — изображает процент просто как часть прибыли: оба они объясняют падение процента накоплением капиталов (Мэсси говорит: сбережением) и причиняемым им падением прибыли. Оба одинаково мало говорят о происхождении самой торговой прибыли.

5. Сэр Джемс Стюарт (Sir James Steuart *)).

Все экономисты делают ту ошибку, что прибавочная ценность рассматривается ими не в чистом виде, как таковая, а в частных формах прибыли и ренты. Дальше, в третьей главе, при анализе той сильно превращенной формы, которую принимает прибавочная ценность, как прибыль, будет показано, какие теоретические заблуждения неизбежно вытекают отсюда.

До физиократов прибавочная ценность, т.-е. прибыль, рассматриваемая, как таковая, выводилась просто из обмена, объяснялась продажей товара сверх его ценности. Сэр Джемс Стюарт в общем не отделался от этой ограниченности: даже вернее будет сказать, что он был ее научным воспроизводителем. Я говорю „научным“ воспроизводителем. Стюарт не разделяет той иллюзии, согласно которой прибавочная ценность, получаемая отдельным капиталистом, благодаря продаже товара выше его ценности, создает новое богатство. Он отличает положительную прибыль от относительной.

„Положительная прибыль ни для кого не означает потерю: она создается увеличением труда, промышленности или умения и вызывает увеличение или возрастание общественного благосостояния (public good)... Относительная прибыль означает потерю для тех или других лиц; она выражает колебание весов богатства между участниками (a vibration of the balance of wealth between parties), но не дает никакого прироста к общественному достоянию (stock)... Не трудно понять смешанную (the compound) прибыль; это род прибыли, частью относительной, частью положительной... Оба вида могут являться нераздельно в одном и том же предприятии“ („Principles of Political Economy“. The Works of Sir James Steuart etc. Ed. by General Sir James Steuart, his son etc., в шести томах. Лондон, 1805 г., I, стр. 273, 276).

*) Отсюда в рукописи (стр. 320) начинается связное изложение „теории прибавочной ценности“. К.

Положительная прибыль создается „возрастанием труда, промышленности или умения“. Стюарт не старается объяснить себе, каким образом она создается этим увеличением. То добавочное замечание, что увеличение и подъем „общественного благосостояния“ есть результат этой прибыли, доказывает, повидимому, что Стюарт понимал под этим только возрастание массы потребительных ценностей, создаваемых вследствие развития производительных сил труда, и что он считал эту положительную прибыль совершенно независимой от прибыли капиталистов, которая всегда предполагает увеличение меновой ценности. Это истолкование вполне подтверждается его дальнейшим изложением.

Он говорит:

„В цене благ я различаю две вещи, которые действительно существуют и вполне отличны одна от другой: реальную ценность товаров и выручаемую путем их отчуждения прибыль (profit upon alienation)“ (стр. 244).

Цена товаров включает, стало-быть, два совершенно различных элемента: во-первых, их действительную ценность, во-вторых, „profit upon alienation“, или прибыль, которая реализуется при их отчуждении,—при их продаже. Таким образом, эта „profit upon alienation“ происходит оттого, что цена товаров превышает их реальную ценность, другими словами—оттого, что товары продаются выше их ценности. Здесь выигрыш на одной стороне всегда влечет за собой потерю на другой. Никакого прироста к общественному достоянию здесь не создается. Прибыль, т.-е. прибавочная ценность относительна и сводится к колебанию весов богатства между участниками. Стюарт сам отклоняет ту мысль, что таким путем можно объяснить прибавочную ценность. Как ни мало затрагивается природа и происхождение прибавочной ценности его теорией о „колебании весов богатства между участниками“, эта теория сохраняет важное значение при изучении распределения прибавочной ценности между различными классами и по различным рубрикам прибыли, процента, ренты.

Что Стюарт сводит всю прибыль отдельных капиталистов к этой „относительной прибыли“, к прибыли, получаемой при отчуждении, видно из следующего:

„Реальная ценность товара (manufacture),—говорит он,—определяется тем количеством его, которое, в среднем, может произвести рабочий данной страны в течение одного дня, недели, месяца и т. д.“

Во-вторых, она определяется „ценностью средств существования и издержками, делаемыми как для удовлетворения личных потребностей рабочего, так и для приобретения им необходимых для его ремесла инструментов; все это опять надо брать в среднем“.

В-третьих, „ценностью сырого материала“ (стр. 244, 245).

„Если эти три статьи известны, тогда цена продукта дана. Она не может быть менее суммы этих трех статей, т.-е. менее реальной ценности. Что превышает эту сумму, то составляет прибыль промышленников (manufacturer). Она всегда будет находиться в зависимости от спроса и изменяться, смотря по обстоятельствам“.

„Отсюда возникает необходимость сильного спроса для процветания промышленности... Промышленники (the industrious) сообразуют свой образ

жизни и свои издержки с размерами той прибыли, в получении которой они не сомневаются" (стр. 246).

Отсюда ясно: прибыль *manufacturers*,⁴ отдельных капиталистов всегда — „относительная прибыль“, всегда — „profit upon alienation“, она всегда происходит оттого, что цена товара превышает его реальную ценность, оттого, что он продается выше своей ценности. Так что не существовало бы никакой прибыли, если бы все товары продавались по своей ценности.

Стюарт написал об этом специальную главу, где он подробно исследует: „как прибыли соединяются с издержками производства“ (*how profits consolidate into prime cost*) (I. c., том III, стр. 11).

Стюарт, с одной стороны, отвергает то представление монетарной и меркантильной систем, по которому продажа товара выше его ценности и получаемая этим путем прибыль порождает прибавочную ценность, положительное увеличение богатства^{*)}; с другой стороны, он разделяет то их мнение, что прибыль отдельного капитала есть не что иное, как излишек цены над ценностью, — „profit upon alienation“, излишек, который, однако, всегда относителен, по мнению Стюарта, так как выигрыш одного уравнивается убытком другого, и поэтому движение прибыли есть лишь „колебание весов богатства между участниками“.

В этом отношении Стюарт является, стало-быть, рациональным выражением монетарной и меркантильной систем.

Его заслуга в определении понятия капитала состоит в указании того, каким образом происходит процесс отделения условий производства, как собственности определенных классов, от рабочей силы. Его очень занимал процесс возникновения капитала, и, хотя он не дал себе прямого отчета в его экономическом значении, он смотрел на него, как на условие существования крупной промышленности. Он изучал ход этого процесса особенно в земледелии. Возникновение мануфактурной промышленности, как таковой, правильно изображается им, как следствие этого процесса отделения, в земледелии. У Адама Смита это процесс отделения предполагается уже законченным.

Книга Стюарта вышла в свет в 1767 г. в Лондоне; сочинение Тюрго [„*Reflexions sur la formation et la distribution les richesses*“] появилось в 1766 г. в Париже, а труд Адама Смита [„*Inquiry into the nature and the causes of the wealth of Nations*“] в 1776 г. в Лондоне.

*) Впрочем, даже монетарная система предполагает, что эта прибыль создается не внутри страны, а только в обмене с другими странами. Меркантилисты думают, что ценность является в виде денег (золота и серебра) и потому прибавочная ценность выражается в торговом балансе, который оплачивается деньгами.

6. Общий характер системы физиократов *).

Физиократам всецело принадлежит анализ капитала в пределах буржуазного кругозора. Эта заслуга бесспорно делает их отцами современной политической экономии. Прежде всего они произвели анализ различных вещественных составных частей, из которых состоит и на которые разлагается капитал во время процесса труда. Нельзя ставить в вину физиократам то обстоятельство, что они, как и все последующие экономисты, рассматривали эти вещественные виды существования капитала—инструменты, сырые материалы и т. д.—независимо от тех общественных условий, при которых они выступают в капиталистическом производстве; словом, что физиократы рассматривали их в той форме, в которой они являются элементами процесса труда, независимо от их общественной формы, как капитала, и таким образом сделали из капиталистической формы производства какую-то вечную естественную его форму. Неизбежным образом буржуазные формы производства стали для них его естественными формами. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы, как физиологические формы общества: как формы, вызванные к жизни естественной необходимостью производства и независимые от воли, политики и т. д. Это для них материальные законы. Ошибка их состоит только в том, что они смотрели на материальный закон одной определенной ступени в истории общества, как на абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми общественными формами.

Кроме этого анализа вещественных элементов, из которых состоит капитал в процессе труда, физиократы изучают формы, принимаемые капиталом в обращении (постоянный капитал, оборотный капитал, — хотя, впрочем, они дают им другие названия), и вообще исследуют взаимную связь между процессом обращения и процессом воспроизводства капитала. Мы вернемся к этому, в главе об обращении.

В этих двух главных пунктах Адам Смит унаследовал теории физиократов. В этом отношении его заслуга ограничивается тем, что он фиксировал отвлеченные категории и дал определенные названия анализированным физиократами оттенкам понятий.

Как мы видели, общей основой развития капиталистического производства служит то обстоятельство, что рабочая сила, как товар, принадлежащий рабочим, противостоит условиям труда, как товарам, существующим независимо от нее в виде капитала **). Для рабочей силы,

*) Значительная часть этой главы взята со стр. 222—229 рукописи и воспроизводит связное изложение оригинала. Помещенные в конце афористические замечания разбросаны в различных местах, стр. 234—240. К.

**) В подлиннике im Kapital an sich. Здесь an sich, очевидно, употреблено в гегелевском смысле возможности. Это значит, что „условия труда“ выступают, как действительный капитал, только тогда, когда их употребляет в дело противостоящая им рабочая сила. *Примечание Г. В. Плеханова.*

как для товара, существенно важно определение ее ценности. Эта ценность равна рабочему времени, которое нужно для производства жизненных припасов, необходимых для восстановления рабочей силы, или равна цене жизненных припасов, необходимых для существования рабочего, как такового. Только на этой основе проявляется разница между той ценностью, которую имеет рабочая сила, и той, которая создается употреблением в дело этой силы, — различие, не существующее для других товаров, так как их потребительная ценность, а следовательно и их потребление, не может повысить их меновую ценность или те ценности, которые из нее происходят. Поэтому одной из основ новейшей политической экономии, занимающейся анализом капиталистического производства, является определение ценности рабочей силы, как чего-то постоянного, как данной величины; на практике эта ценность и в самом деле такова в каждом данном случае. Стало-быть, физиократы были правы, когда сделали *minimum* заработной платы той осью, вокруг которой вращалось их учение. Хотя они еще не поняли природы ценности вообще, но определение ценности рабочей силы было возможно для них потому, что она выражается в цене необходимых жизненных припасов, т.-е. в данной сумме определенных потребительных ценностей. Вот почему они, еще не имея ясного понятия о природе ценности, могли принимать ценность рабочей силы за определенную величину, поскольку это было нужно для их исследований. Если они, далее, впали в ту ошибку, что приняли заработную плату за неизменную величину, определяемую самой природой, а не степенью исторического развития, которая сама есть подвижная величина, то это обстоятельство несколько не изменяет отвлеченной правильности их выводов, потому что разница между той ценностью, которую имеет рабочая сила, и той, которая создается употреблением в дело этой силы, несколько не зависит от того, какая величина приписывается этой ценности.

Физиократы перенесли вопрос о происхождении прибавочной ценности из области обращения в область непосредственного производства и тем положили основание анализу капиталистического производства.

Совершенно правильно то их основное положение, что производителем только труд, создающий прибавочную ценность, т.-е. только такой труд, в продукте которого заключается ценность, превышающая сумму тех ценностей, которые были потреблены в процессе производства. А так как ценность сырья и вспомогательного материала даны, а ценность рабочей силы равна заработной плате, то ясно, что эта прибавочная ценность может быть только излишком труда, отдаваемая рабочим капиталисту сверх того количества труда, которое рабочий получает в виде своей заработной платы. Конечно, именно в этой форме прибавочная ценность не представлялась физио-

кратам, так как ценность вообще не была еще сведена ими к ее простой сущности: к количеству труда или к рабочему времени.

Их способ изложения естественно и неизбежно определялся их общим взглядом на природу ценности, которая для них не есть определенная общественная форма человеческой деятельности (труда), а состоит из вещества, даваемого землей, природой, и из различных видоизменений этого вещества.

Разница между той ценностью, которую имеет рабочая сила, и той, которая создается употреблением в дело этой силы,—т.-е., стало-быть, прибавочная ценность, которую рабочая сила создает для лица, употребляющего ее в дело,—обнаруживается наиболее осязательным, неоспоримым образом в земледелии, лежащем в основе всего общественного производства. Сумма жизненных средств, ежегодно потребляемых рабочим, количество потребляемого им вещества меньше, чем сумма производимых им средств существования. В промышленности не так очевидно, что рабочий воспроизводит свои средства существования и сверх них производит еще некоторый излишек. Процесс осложнен куплей и продажей, различными актами обращения и требует для своего понимания анализа ценности вообще. В земледелии же он проявляется непосредственно в излишке тех потребительных ценностей, которые произведены рабочими, над теми, которые ими потреблены, т.-е. может быть понят без анализа ценности, вообще без ясного представления о природе ценности. Стало-быть, этот процесс понятен даже и тогда, когда ценность сводится к потребительной ценности, а эта последняя—к веществу. Именно потому земледельческий труд есть, по мнению физиократов, единственный производительный труд, так как он представляется им единственным трудом, который создает прибавочную ценность, и земельная рента есть единственная, известная им, форма прибавочной ценности. Они находят, что в промышленности рабочий не увеличивает количества вещества, а изменяет только его форму. Материал—данная масса вещества—дается ему земледелием. Впрочем, он прибавляет ценность к своему материалу, но не трудом своим, а издержками, причиняемыми этим трудом, т.-е. теми жизненными средствами, которые он потребляет в течение своей работы и сумма которых равна заработной плате, получаемой им от земледелия. Так как земледельческий труд считается единственно производительным трудом, то земельная рента, как форма прибавочной ценности, отличающая земледельческий труд от промышленного, принимается за единственную форму прибавочной ценности. Поэтому в учении физиократов нет места для настоящей прибыли, одним из разветвлений которой является сама земельная рента. Прибыль представляется им только высшим родом заработной платы, которую выдают землевладельцы, которую капиталисты потребляют в качестве дохода (которая, следовательно, так же входит в издержки производства, как заработная плата

простых рабочих) и которая увеличивает ценность сырого материала, так как она входит в издержки потребления, делаемые капиталистом во время производства их продукта, превращения им сырого материала в новый продукт. Поэтому некоторые физиократы, например, Мирабо-старший, объявляют прибавочную ценность в виде денежного процента, другое разветвление прибыли—противоестественным ростовщичеством. Наоборот, Торго видит оправдание денежного процента в том, что денежный капиталист мог бы купить на свои деньги землю, т.-е. земельную ренту, и, следовательно, денежный капитал должен давать капиталисту такую же прибавочную ценность, какую тот получил бы, если бы обратил свой капитал в земельную собственность. По смыслу этой теории выходит, что процент на капитал вовсе не есть вновь созданная ценность, прибавочная ценность: она объясняет только, почему часть прибавочной ценности, получаемой землевладельцами, достается в форме процента денежным капиталистам, совершенно подобно тому, как объясняется другими причинами, почему часть этой прибавочной ценности достается промышленным капиталистам в форме прибыли. Так как сельскохозяйственный труд есть единственный производительный труд, единственный труд, создающий прибавочную ценность, то земельная рента, форма этой прибавочной ценности, присущая сельскохозяйственному труду в отличие от всех прочих отраслей труда, представляет всеобщую форму прибавочной ценности. Промышленная прибыль и денежный процент являются только различными рубриками, на которые разделяется земельная рента, переходя определенными долями из рук землевладельцев в руки других классов. Этот взгляд прямо противоположен тому, которого придерживались, начиная с Адама Смита, позднейшие экономисты, справедливо считавшие промышленную прибыль первоначальной формой, в которой капитал присваивает прибавочную ценность, т.-е. первоначальной всеобщей формой прибавочной ценности; так что проценты и земельная рента представляют только разветвление промышленной прибыли, распределяемые промышленными капиталистами между различными классами, которые являются совладельцами прибавочной ценности.

Кроме уже приведенного основания, т.-е. того обстоятельства, что сельскохозяйственный труд является трудом, в котором с материальной осязательностью обнаруживается создание прибавочной ценности, и, оставляя в стороне процессы обращения, физиократы руководились еще несколькими другими мотивами, объясняющими их точку зрения.

Во-первых, тем, что в земледелии земельная рента является третьим элементом, такой формой прибавочной ценности, которая в промышленности совсем или почти совсем не существует. Она была для них прибавочной ценностью сверх прибавочной ценности (прибыли), т.-е. самой осязательной и наиболее бьющей в глаза формой прибавочной ценности, прибавочной ценностью в квадрате.

„Сельское хозяйство,—как говорит доморощенный экономист Карл Арндт („Die naturgemässe Volkswirtschaft gegenüber dem Monopoliengeist und dem Kommunismus“: Hanau 1485, стр. 461, 462),—создает, в виде земельной ренты ценность, которая не получается ни в промышленности, ни в торговле: ценность, которая получается в остатке после того, как возмещается вся поддерживаемая заработная плата и уплочная рента с капитала“.

Во-вторых. Если оставить в стороне внешнюю торговлю,—а это вполне правильно делают и должны делать физиократы для отвлеченного исследования буржуазного общества,—то ясно, что количество занятых в промышленности и т. д. и совершенно отстраненных от земледелия рабочих, т. е., что число „свободных рук“, по выражению Стюарта, определяется количеством сельскохозяйственных продуктов, производимых земледельческими рабочими сверх своего личного потребления.

„Ясно, что относительное число людей, которые могут существовать, не занимаясь земледельческим трудом, всецело зависит от производительной силы земледельцев“ (R. Jones, „On the Distribution of Wealth“: Лондон, 1831 г., стр. 164).

Таким образом, земледельческий труд составляет естественную основу не только для прибавочного труда в своей собственной области, но и для самостоятельного существования всех других отраслей труда. а следовательно, и для создаваемой в них прибавочной ценности; поэтому ясно, что он должен был считаться создателем прибавочной ценности до тех пор, пока субстанцией ценности считался не отвлеченный труд и его мерило, рабочее время, а главным образом определенный, конкретный труд.

В-третьих. Всякая прибавочная ценность, не только относительная, но и абсолютная, обуславливается некоторой данной производительностью труда. Если бы производительность труда достигла такой только степени развития, что рабочее время всякого данного человека хватало бы только для поддержания его собственной жизни, только для производства и воспроизводства средств его собственного существования, то не было бы никакого прибавочного труда и никакой прибавочной ценности, не существовало бы вообще никакой разности между той ценностью, которую имеет рабочая сила, и той, которая создается употреблением этой силы в дело. Следовательно, возможность возникновения прибавочного труда и прибавочной ценности обуславливается известной степенью производительности, которая дает рабочей силе возможность воссоздавать более, чем свою собственную ценность, производить более того, что необходимо для поддержания процесса существования. И, конечно,—как мы уже видели во втором пункте,—эта степень производительности труда, служащая точкой отправления, должна быть достигнута прежде всего в земледелии, почему она и кажется даром природы, производительной силой природы. Здесь, в земледелии, издавна в широких размерах существовало сотрудничество человека и природы, увеличение рабочей силы человека при приспособлением и эксплуатацией действующих автоматически сил природы. В промышленности это применение сил

природы в большом размере появляется только с развитием крупной промышленности. Базисом для развития капитала служит некоторая определенная степень развития земледелия в своей или чужих странах. И в этих пределах абсолютная прибавочная ценность совпадает здесь с относительной.

Это подчеркивает Бьюканан, — ярый противник физиократов, — даже в укор А. Смиту, стараясь доказать, что такая степень развития земледелия предшествовала также возникновению современной городской промышленности.

В четвертых. Так как заслугой и отличительным признаком физиократии является то, что она старается вывести ценность и прибавочную ценность не из обращения, а из производства, то она, по необходимости, в противоположность монетарной и меркантильной системам, начинает с той отрасли производства, которая вообще может быть рассматриваема отдельно, вне зависимости от обращения, и условием которой служит обмен не между людьми, а между человеком и природой.

В самом деле, это первая система, которая анализирует капиталистическое производство и изображает в виде вечных естественных законов производства те условия, в которых производится капитал и в которых он производит. С другой стороны, эта система является как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы господства земельной собственности: и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся ей, наоборот, „непроизводительными“ отраслями, простыми придатками земледелия. Первое условие развития капитала есть отделение земельной собственности от труда, противопоставление земли, этого коренного условия труда, свободному рабочему, как самостоятельной силы, сосредоточенной в руках особого класса. И когда дело изображается с этой стороны, то землевладелец представляется настоящим капиталистом, т.-е. присвоителем прибавочного труда. Таким образом, феодализм восстанавливается и объясняется *sub specie* *) буржуазного производства; земледельце же кажется той отраслью производства, в которой только и имеет место капитализм, т.-е. производство прибавочной ценности. И между тем как феодализм принимает, благодаря этому, буржуазный вид, буржуазное общество получает феодальную внешность. Эта призрачная внешность обманула принадлежавших к дворянству последователей доктора Кенэ, и прежде всего патриархального чудака Мирабо старшего. У тех физиократов, которые обладали более широким умом, особенно у Тюрго, это обманчивое представление совершенно исчезает, и физиократическая система является у них выражением нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодализма. Она соответствует, стало-быть, той эпохе буржуазного общества, когда

*) Под видом.

оно вылущается из феодального. Поэтому она и возникает сначала во Франции, стране земледельческой по преимуществу, а не в Англии, стране главным образом промышленности, торговли, мореплавания. Естественно, что в этой последней внимании прежде всего было направлено на процесс обращения, на то обстоятельство, что только как выражение общественного труда, — только благодаря своему превращению в деньги, — продукт приобретает ценность, становится товаром. Поэтому, пока дело идет не о форме ценности, а об ее величине и об ее возрастании, внимание привлекается здесь прежде всего описанной Стюартом относительной ценностью „profit upon alienation“. Но когда речь заходит о том, чтобы показать, что прибавочная ценность создается в сфере производства, тогда приходится обратиться прежде всего к той отрасли производства, в которой создание прибавочной ценности обнаруживается независимо от процесса обращения, т.-е. к земледелию. Поэтому инициатива нового учения принадлежала стране, в которой преобладало земледелие. Родственные физиократам идеи встречаются кое-где и у предшествовавших им более ранних писателей, как, например, отчасти в самой Франции у Боагильбера. Но только у физиократов они становятся системой, создающей целую эпоху.

Земледельческий рабочий, получающий *minimum* заработной платы, *le strict necessaire*, воспроизводит более этого *strict necessaire*, и это более есть земельная рента, прибавочная ценность, присвоиваемая собственником основных условий труда, естественных сил земли. Физиократы не говорят: рабочий трудится дольше времени, необходимого для воспроизводства его рабочей силы; поэтому ценность, которую он создает, больше ценности этой силы, или: труд, который он отдаст, более того количества труда, которое он получает в форме заработной платы. Они говорят: сумма потребительных ценностей, которые он потребляет во время производства, меньше той их суммы, которую он создает, вследствие чего остается некоторый излишек этих ценностей. — Если бы он работал только в течение времени, необходимого для воспроизводства его собственной рабочей силы, то в остатке не было бы ничего. Но [до этого умозаключения физиократы не дошли] они сосредоточили свое внимание только на том, что производительная сила земли дает рабочему возможность в течение своего рабочего дня, величина которого предполагается данной, производить более, чем ему надо потребить для поддержки своего существования. Таким образом, эта прибавочная ценность кажется даром природы, которая, воздействуя одновременно с рабочим на данное количество органического вещества — на семена, на растения и на животных, — дает труду способность превращать большее количество неорганической материи в органическую. С другой стороны, то обстоятельство, что землевладелец противопоставляет рабочему, как капиталист, принимается за нечто само собою разумеющееся. Землевладелец платит работнику за его рабочую силу,

которую тот предлагает в виде товара, и получает взамен не только эквивалент, но присваивает себе ценность, созданную употреблением в дело этой силы. Отделение друг от друга вещественных условий труда и самой рабочей силы представляется при таком обмене, как нечто уже данное. Феодалное землевладение берется за точку исхода, но землевладелец выступает, как капиталист, как простой товаровладелец, который увеличивает ценность товаров, обменивая их на труд, и который удерживает у себя не только эквивалент, но и излишек над этим последним благодаря тому, что он оплачивает рабочую силу, как товар. Он противостоит свободному рабочему, как товаровладелец. Или другими словами: по своему существу, этот землевладелец—капиталист. Система физиократов и в этом отношении постольку близка к истине, поскольку отстранение рабочего от земли, от землевладения составляет основное условие капиталистического производства и производства самого капитала.

Отсюда в этой же системе следующие противоречия: она, которая впервые объяснила прибавочную ценность присвоением чужого труда—притом присвоенном на основании товарного обмена,—смотрит на ценность вообще не как на форму общественного труда и на прибавочную ценность не как на прибавочный труд; она видит в ценности одну только потребительную ценность, только вещество, и в прибавочной ценности—только дар природы, которая дает труду, вместо данного количества органического вещества, большее его количество. С одной стороны, земельная рента, т.-е. истинная экономическая форма земельной собственности—освобождена от своей феодальной оболочки, сведена к простой прибавочной ценности, к излишку над заработной платой. С другой стороны,—и опять-таки в феодальном духе,—эта прибавочная ценность выводится из природы, а не из общества, из отношений к земле, а не из общественных отношений. Сама ценность сводится к простой потребительной ценности, т.-е. к материи. С другой стороны, в этой материи физиократы интересуют только количество, излишек произведенных потребительных ценностей над потребленными, т.-е. только взаимное количественное отношение потребительных ценностей, иными словами, в последней инстанции все-таки одна только меновая ценность, которая, в конце концов, сводится к рабочему времени.

Все это—противоречия, свойственные капиталистическому производству, которое вырастает в недрах феодального общества и подвергает это общество буржуазному толкованию, но еще не умеет найти свою собственную истинную форму; подобно этому, и философия сначала вырабатывается из религиозных форм сознания и тем самым, с одной стороны, уничтожает религию, как таковую, а, с другой стороны, сама движется, по своему положительному содержанию, первоначально лишь в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей, религиозной сфере.

По той же причине в выводах, сделанных самими физиократами, мнимое превознесение землевладения превращается в его экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства. Все налоги переносятся на земельную ренту, или иными словами: земельная собственность отчасти конфискуется,—мера, которую старалось провести, несмотря на протест Редерера и других, французское революционное законодательство, и которая представляет собою окончательный вывод из современной, усовершенствованной Рикардо, политической экономии. Налоги всецело взваливаются на земельную ренту, так как она является единственной прибавочной ценностью и так как, вследствие этого, всякое обложение других форм дохода сводится, в конце концов, к обложению земельной собственности, но сводится косвенным, т.-е. вредным в экономическом смысле, путем, в ущерб производству. При таком исключительном обложении земельной собственности бремя налогов, а следовательно, и всякое государственное вмешательство, было отстранено от промышленности и таким образом, она совершенно освобождалась от этого последнего. И это делается как будто в интересах землевладения, а не промышленности.

С этим связано: *laissez faire, laissez aller*; ничем не стесняемая, свободная конкуренция, отстранение от промышленности всякого государственного вмешательства, монополий и т. д. Так как промышленность, по мнению физиократов, ничего не создает, а только превращает в другую форму получаемые ею от земледелия ценности; так как она не прибавляет к этим ценностям никакой новой ценности, а возвращает переданные ей ценности в виде эквивалента, только изменяя их форму,—то, естественно, является желательным, чтобы этот процесс совершался без помех и обходился по возможности дешевле; а это достигается только свободной конкуренцией, при которой капиталистическое производство представляется себе самому. Так что освобождение буржуазного общества от абсолютной монархии, воздвигнутой на развалинах феодального общества, совершается только в интересах феодального землевладельца, превращенного в капиталиста и стремящегося только к обогащению. Капиталисты являются капиталистами только в интересах землевладения, совершенно так же, как позднейшая зрелая политическая экономия позволяет им быть капиталистами только в интересах рабочего класса.

Из всего этого ясно, как мало понимали физиократы новейшие экономисты, в роде издателя сочинений физиократов, господина Евгения Дэра, с его удостоенным премии сочинением о них,—когда думали, что специфические положения физиократов об исключительной производительности земледельческого труда и о выдающейся роли землевладельца в системе производства не были связаны или стояли только в случайной связи с их провозглашением свободы конкуренции, с принципом крупной промышленности и капиталистического производства.

В то же время становится понятно, каким образом феодальная внешность этой системы, равно как и аристократический тон эпохи просвещения должны были сделать целую массу феодалов яркими приверженцами и распространителями системы, которая в сущности превозглашала буржуазный способ производства на развалинах феодального.

* * *

Противоречия этой экономической системы в ее целом. Между прочими, Кэне был за абсолютную монархию.

„Существует только одна высочайшая власть. В деле правления система сил, уравнивающих одна другую (*contreforces*), гибельна; она свидетельствует только о раздоре между высшими и об угнетении низших“. („*Maximes Generales du gouvernement economique d'un royaume agricole Phisocrates*“, ed. Daire. I, стр. 81).

Мерсье де-ля-Ривьер (*Mercier de la Rivière*) говорит:

„Уже тем самым, что человек предназначен к общественной жизни, ему предназначено жить под гнетом деспотизма“ („*Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*“, I, стр. 280).

А „друг народа“, маркиз де-Мирабо! *Mirabeau père!* И именно эта школа своим *laissez faire, laissez aller* ниспровергает колыхеризм и вообще всякое вмешательство правительства в деятельность гражданского общества. Она позволяет государству жить только в порах этого общества, как Эпикур селил своих богов в порах мира!

Далее, возьмите Тюрго, этого радикального буржуазного министра, деятельность которого была введением к французской революции. Вопреки своему ложно-феодальному облику, физиократы работали рука-об-руку с энциклопедистами!

Позже мы еще раз вернемся к крупной заслуге физиократов в деле анализа капитала. А общий вывод для истории теории таков: по учению физиократов прибавочная ценность возникает благодаря производительности особого вида труда, земледелия. И вся эта особенная производительность своим существованием обязана самой природе.

* * *

Согласно меркантильной системе, прибавочная ценность только относительна; что выигрывает один, то теряет другой; *profit upon alienation, oscillation или vibration of the balance of wealth between different parties*. Следовательно, для капитала, взятого во всей его совокупности, внутри данной страны не создается никакой прибавочной ценности. Она может возникать только в сношениях одной нации с другими. При этом излишек, который одна нация реализует для себя из сношений с другими, выражается в деньгах (торговый баланс), потому что именно деньги представляют непосредственную и самостоятельную форму меновой ценности. В противоположность этому — так как меркантильная система в самом деле отрицает создание абсо-

лютной прибавочной ценности—физиократия желает объяснить ее; *produit net*. А так как прибавочный продукт привлекал ее внимание к потребительной ценности, то единственным создателем его являлось в ее глазах земледелие.

А. Бланки говорит о физиократах на стр. 139 своей „*Histoire de l'Economie politique*“ (Bruxelles, 1839):

„Труд, прилагаемый в хлебопашестве, производит не только то, в чем нуждался рабочий для своего содержания за все время своего труда, но еще некоторый излишек ценности (*excédant de valeur*, прибавочную ценность), который прибавляется к существующему уже богатству. Они называли этот излишек *produit net* (прибавочный продукт, — т.-е. рассматривали прибавочную ценность в форме потребительных ценностей, в виде которых она и создается). *Produit net* неизбежно должен был доставаться владельцу земли и составлял в его руках доход, которым он мог свободно располагать. Каков же был *produit net* в других отраслях промышленности?.. Промышленники, торговцы, рабочие—все они были приказчиками (*commis*), существующими за счет земледелия (*salariés*), верховного творца и распределителя всех благ. Продукты труда этих людей, по учению экономистов, представляли собою лишь эквивалент того, что потребляли эти люди во время своей работы, т.-е. по окончании их работы, общая сумма богатства была так же велика, как и до ее начала, если только рабочие или мастера не откладывали, т.-е. не сберегали чего-нибудь из того, что имели право потребить. Стало-быть, только труд, прилагаемый к земле, производил богатство, всякий же другой труд считался бесплодным, так как совсем не привносил к увеличению общественного капитала“.

Следовательно, сущность капиталистического производства состояла, по мнению физиократов, в производстве прибавочной ценности. Они старались объяснить это явление. И в этом и состояла задача науки после того, как они отвергли прибыль, происходящую, по учению меркантилистов, из отчуждения (*profit d'expropriation*).

„Для того, чтобы приобрести деньги,—говорит Мерсье де-ля-Ривьер,—нужно их купить, а от их покупки люди не делаются богаче; в виде денег имеется теперь та же самая ценность, которая была отдана за них в виде товаров“ (*Mercier de la Rivière*, „*Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*“, II, стр. 338).

Это одинаково применимо к купле и к продаже, а также и к результату всей товарной метаморфозы, состоящей в том, что одни товары обменены на другие по их ценностям, т.-е. в обмен эквивалентов. Но в таком случае откуда же берется прибавочная ценность, т.-е. откуда происходит капитал? Такова была задача, требовавшая от физиократов своего решения. Их ошибка проистекала из того, что они смешивали увеличение меновой ценности с увеличением количества материальных предметов, составляющим отличие земледелия и скотоводства от мануфактуры и совершающимся вследствие естественного произрастания растений и размножения животных. Потребительная ценность служила для них основой. А потребительная ценность всех товаров, сведенная к универсалу,—как выражались схоластики,—есть вещество, даваемое человеку природой, и увеличение этого вещества в данной его форме имеет место только в земледелии.

Появление физиократов связано как с борьбой против колбе-ризма, так и в особенности с крушением системы Джона Ло (Law).

Вот что говорит А. Бланки в цитированном выше сочинении о непосредственных исторических обстоятельствах, обусловивших собою широкое распространение физиократии и даже самое возникновение ее.

„От всех промышленных ценностей, которые выросли в раскаленной атмосфере системы (Ло), не осталось ничего, кроме развалин, запустения и банкротства. Только земельная собственность уцелела в этом вихре *). Ее положение даже улучшилось, потому что она — может быть, в первый раз со времени возникновения феодализма — стала часто переходить из рук в руки и дробиться“ (I. с., стр. 133): Именно: „Бесчисленные перемены владельцев, происходившие под влиянием системы, повели к дроблению земельной собственности. Земельная собственность впервые освободилась от того состояния оцепенения, в котором ее так долго держала феодальная система. Этим было вызвано истинное воскрешение из мертвых земледелия.. Она (земля) вышла из крепостного режима, обрекавшего ее на неотчуждаемость, и попала в обращение“ (I. с., стр. 137, 138).

7. Тюрго **).

Теперь мы просмотрим целый ряд выдержек частью для пояснения, а частью для доказательства приведенных выше положений.

У самого Кенэ, в его „Analyse du Tableau Economique“ (Версаль, 1758 г.), нация состоит из трех классов граждан: „из производительного класса (земледельческих рабочих), класса земельных собственников и бесплодного класса, т.-е. всех остальных граждан, занимающихся всякой другой деятельностью и всяким другим трудом, кроме земледелия“ (Physiocrates etc., édition Eugène Daire. Paris 1846. 1 partie, p. 58). Производительным классом, классом создающим прибавочную ценность, являются только земледельческие рабочие, но не землевладельцы. Значение этого последнего класса, который не „бесплоден“, так как он является представителем прибавочной ценности, зависит не от того, что он создает эту ценность, а исключительно от того, что он присваивает ее себе.

У Тюрго мы находим физиократическое учение в самом развитом его виде. Только у него продукт, „чистый дар природы“, изображается местами, как прибавочная ценность; с другой стороны, необходимость, заставляющая рабочего отдавать другим ту часть создаваемого им продукта, которая превышает его заработную плату, объясняется у Тюрго тем, что рабочий лишился условий, которые и выступили против него в виде собственности отдельного класса, пользующегося ею в своих интересах.

Первая причина, вследствие которой только земледельческому труду свойственна производительная сила, состоит в том, что этот труд

*) Поэтому у Прудона, в „Philosophie de la Misère“, „землевание“ является после „кредита“.

***) Стр. 229—233 рукописи, среди которых кое-где вставлены некоторые места со стр. 239 и 240. К.

является естественным базисом и необходимой предпосылкой самостоятельного существования всех остальных видов труда:

„Вго (сельского рабочего) труд сохраняет между другими видами труда, распределенными между различными членами общества, такое же первенствующее значение, такое же преимущество, какое, при отсутствии разделения труда, имела в ряду других работ, предпринимавшихся им с целью удовлетворения своих разнообразных потребностей. та работа, которая была необходима ему для добытия себе пищи. Это первенствующее значение обусловливается не какими-нибудь почетными привилегиями, а просто физической необходимостью. То, что он добывает своим трудом от земли, — сверх необходимого для удовлетворения своих личных потребностей, — составляет единственный фонд заработной платы, получаемой другими членами общества в обмен на их труд. И когда эти другие члены, с своей стороны, употребляют получаемую ими за свой труд плату на покупку естественных припасов у сельского рабочего, они *) лишь возвращают ему обратно полностью то, что получили от него. Таково существенное различие между обоими видами труда“ „Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses“ (1766). Turgot, Oeuvres, édit. Daire Paris“ 1844 г., I. p. 9, 10).

Откуда же происходит прибавочная ценность? Она не создается в процессе обращения, а реализуется в нем. Продукт продается по своей ценности, а не выше ее. В цене нет никакого излишка сверх ценности. Но, продавая продукт по его ценности, продавец реализует прибавочную ценность. Это возможно только потому, что он сам не вполне оплатил продаваемую им ценность, или потому, что продукт заключает в себе такую часть ценности, которая не оплачена продавцом, не замещена эквивалентом. Именно так и обстоит дело с земледельческим трудом. Торговец продает то, что не было куплено им. Это некупленное Тюрго сначала изображает как „чистый дар природы“. Но мы увидим, что этот „чистый дар природы“ превращается у него в некупленный землевладельцем, но продаваемый им в виде сельскохозяйственных произведений прибавочный труд сельского рабочего (laboureur).

„Как только сельский рабочий начинает производить своим трудом больше, чем ему нужно по его потребностям, он оказывается в состоянии купить, в обмен на этот излишек, который природа предоставляет ему как чистый дар сверх платы за его работу, труд других членов общества. Эти последние, продавая ему свой труд, получают для себя только средства существования; наоборот, земледелец приобретает, кроме средств своего существования, богатство, которым может свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает. Следовательно, только он один служит петочником богатств, оживляющих своим обращением все виды труда в обществе, потому что только его труд дает излишек сверх заработной платы“ (I. с., стр. 11).

Этот первоначальный взгляд, во-первых, проникает в сущность прибавочной ценности; она есть ценность, реализуемая при продаже, но не купленная торговцем, не замещенная эквивалентом, не оплаченная ценно стью. Но, во-вторых, этот излишек над „заработной платой“ представляется ему „чистым даром природы“, так как вообще он дается природой, так как производительностью природы обуславливается то обстоятельство, что рабочий может произвести в течение

*) По своему вещественному содержанию.

своего рабочего дня больше, чем нужно для воспроизводства его рабочей силы, больше, чем составляет его заработная плата. По этой первой теории продукт еще сполна присваивается самим рабочим. И этот продукт распадается на две части. Первую часть составляет плата производителя, который изображается как свой собственный наемный рабочий и который выплачивает самому себе часть продукта, необходимую для воспроизводства его рабочей силы, для его содержания. Вторая часть, излишек сверх первой, есть дар природы и составляет прибавочную ценность. Природа этой прибавочной ценности, этого „чистого дара природы“, обрисовывается, однако, более ясно, как только устраняется то предположение, что земледelec обрабатывает свою собственную землю (*propriétaire cultivateur*), и как только каждая из частей продукта—заработная плата и прибавочная ценность—достается особому классу, первая—наемному рабочему, вторая—землевладельцу.

Для того, чтобы создался класс наемных рабочих в промышленности или даже в самом земледелии,—все промышленники являются сначала „*stipendiés*“, работающими по найму у „*cultivateur-propriétaire*“; условия труда должны быть отделены от рабочей силы, и основой этого отделения служит то, что сама земля составляет частную собственность одной части общества, и таким образом у другой его части отнято это вещественное условие употребления в дело своей рабочей силы.

„Первоначально землевладелец не отличался от земледельца... В то первобытное время, когда каждый трудолюбивый человек мог иметь столько земли, сколько он хотел, никто не видел надобности работать на другого... В конце концов, каждый участок нашел себе господина; и тем, которым не удалось приобрести землю на первых порах, оставалось только отдавать труд своих рук в распоряжение класса, существующего за счет землевладельцев (*stipendiés*, т. е. класса промышленников, иными словами—всех не земледельческих производителей) и таким образом обменивать его на излишек, извлекаемый из земли хлебопашцами—собственниками сверх средств своего существования“ (I. с., стр. 12).

Получая за свой труд от земли значительный излишек, хлебопашец-собственник мог „нанимать людей для обработки своей земли, а для людей, живших заработной платой, было все равно, за какой бы вид труда ни получать эту плату. Вследствие этого собственность на землю должна была отделиться от земледельческого труда, и это, действительно, скоро произошло“ (I. с., стр. 13). Землевладельцы получили возможность сваливать труд по обработке земли на наемных рабочих.

Таким образом, отношение капитала, с одной стороны, и наемного труда, с другой, возникло и в земледелии. Оно возникает лишь тогда, когда известное число людей лишается условий труда—и прежде всего земли—и когда им нечего продать, кроме своей собственной рабочей силы.

Для наемного рабочего, не имеющего теперь никакой возможности производить товары и вынужденного продавать свою рабочую силу, цен-

ность этой силы — эквивалент необходимых для жизни средств существования — неизбежно становится законом в его обмене с собственником условий труда.

„Простой рабочий, имеющий в своем распоряжении только свои собственные руки и свое умение работать, ничего не может продать другим, кроме своего труда... При всяком виде труда дело должно сводиться, и в действительности сводится, к тому, что плата рабочего ограничивается суммой, необходимой для того, чтобы обеспечить ему существование“ (I. с., стр. 10).

Как только вводится наемный труд, „продукт земли делится на две части: первая включает в себя средства существования и прибыль сельского рабочего, которыми вознаграждается его труд, и которые составляют условие, понуждающее брать на себя обработку полей землевладельца; остаток есть та самостоятельная часть, которую земля представляет, как чистый дар обрабатывающему ее человеку, помимо возмещения его предварительных затрат и платы за его труд, и это составляет ту долю, которой может располагать землевладелец, или доход, на который он живет, не работая, и который он может переносить, куда ему угодно“ (I. с., стр. 14).

Этот „чистый дар природы“ определяется теперь уже как подарок, который природа делает „тому, кто обрабатывает ее“, как ее подарок труду. Он определяется как производительная сила приложенного к земле труда, как такая сила, которую труд приобретает благодаря тому, что пользуется производительной силой природы, как сила, которую он почерпает из земли, но почерпает только как труд. Поэтому в руках землевладельца излишек представляет собою уже „не дар природы“, а присвоение — без эквивалента — чужого труда, который, благодаря производительности природы, обладает способностью производить более того, что нужно для удовлетворения его собственных потребностей, более того, что составляют средства его существования, но который, — благодаря тому, что он выступает в качестве наемного труда, — ограничен в присвоении себе собственного продукта „суммой, необходимой, чтобы обеспечить ему существование“.

„Земледелец производит свою собственную заработную плату и сверх того доход, которым оплачивается труд всего класса промышленных и других существующих за счет общества работников (*artisans et stipendiés*)... Земледелец получает все, что приходится на его долю, только благодаря труду землевладельца *); он получает от этого последнего средства своего существования и средства для оплаты труда других содержимых обществом (*stipendiés*) работников... Сельский рабочий нуждается в землевладельце только в силу договоров и законов“ (I. с., стр. 15, 16).

Следовательно, прибавочная ценность изображается здесь прямо как часть труда сельского рабочего, которую землевладелец присваивает себе без эквивалента, и продукт которой он продает, не купив его. Однако, Тюрго имел в виду не меновую ценность, как таковую, не само рабочее время, а излишек продукта, доставляемый землевладельцу трудом сельского рабочего, получающего только свою заработ-

*) Следовательно, не в виде чистого дара природы.

ную плату; но при этом излишек продукта овеществляет в себе только то количество времени, в течение которого рабочий трудится на земле-владельца даром, сверх того времени, когда он работает для воспроизводства своей заработной платы.

Мы видим, стало-быть, что физиократы верно понимали прибавочную ценность в пределах земледельческого труда, что они считали ее продуктом труда сельского рабочего, хотя труд этот они опять-таки представляли себе в той его конкретной форме, в которой он употребляется на создание потребительных ценностей.

Заметим мимоходом, что Тюрго считает „самым выгодным из всех способов“ капиталистический способ эксплуатации земледелия—снятие земли в аренду (крупное земледелие, основанное на современной системе арендаторства): „по этот способ применим только в стране, которая уже стала богатой“ (I. с., стр. 21).

Того же взгляда придерживались Кенэ и остальные его последователи. В своих выше цитированных „*Maximes générales*“ Кенэ говорит:

„Участки, отводимые под культуру хлебов, должны быть объединяемы в возможно более крупные арендные доли для эксплуатации их богатыми сельскими хозяевами (*laboueurs*, здесь капиталисты). При этом уменьшаются расходы на содержание и ремонт строений; следовательно, издержки соответственно меньше и *produit net* крупнее в больших сельскохозяйственных производствах, по сравнению с малыми“ („*Physiocrates*“, ed. Daire, I, p. 96).

Сверх того, Кенэ в этом месте прибавляет, что возрастание производительности земледельческого труда приходится на долю чистого дохода, „*revenu net*“; следовательно, прежде всего на долю землевладельца, т.е. владельца прибавочной ценности, и что относительное возрастание этой последней обуславливается не землей, а общественными и т. д. мерами, принимаемыми для повышения производительности труда. Он говорит:

„Всякое выгодное (т.е. выгодное для *produit net*) сбережение труда, достигаемое с помощью животных, машин, силы воды и т. д., составляет выгоду для населения“.

Вместе с тем у Мерсье де-ля-Ривьера есть намек на то, что прибавочная ценность в промышленности (Тюрго распространил это на все виды производства), по меньшей мере, имеет некоторое отношение к самим промышленным рабочим. В цитированном месте (I. с., II, стр. 407) он восклицает

„Умерьте ваш энтузиазм, вы, слепые поклонники искусственных произведений промышленности. Прежде чем восхвалять ее чудеса, откройте глаза и посмотрите, какое множество из тех производителей, которые владеют искусством превращать двадцать су в ценность, равную тысяче талеров, живет в бедности или, по крайней мере, в нужде. Кому же достается этот гигантский излишек ценностей? Как! Те, руками которых он создается, не знают довольства. О! Берегись этого контраста!“

В системе физиократов, землевладельцы, *propriétaires*, считаются *salariants*, т.е. „выплачивающими содержание“. Рабочие и *manu-*

facturiers во всех других отраслях промышленности, напротив, являются salariés или stipendiés, т.-е. классом, „содержимым“ или „существующим за счет других“. Отсюда также—gouvernant и gouvernés.

Тюрго анализирует условия труда следующим образом:

„В каждой отрасли труда (métier) рабочий должен прежде всего иметь в своем распоряжении инструменты и достаточное количество сырого материала для обработки; затем он должен иметь возможность содержать себя до продажи своих продуктов“ (I. с., стр. 34).

Первоначально земля даром дает все эти авансы, все эти необходимые условия, при которых только и возможен труд, и которые, следовательно, составляют предпосылки процесса производства: „Первоначальный фонд авансов дается, ею раньше всякой обработки“—в виде плодов, рыбы, дичи и т. д., в виде инструментов, как, напр.: ветвей, камней, в виде домашних животных, число которых растет, благодаря процессу размножения, и которые, кроме того, ежегодно доставляют продукты: „молоко, шерсть, кожи и другие материалы, которые на ряду с деревом, вырубаемым в лесах, образовали первоначальный фонд промышленного труда“ (I. с., стр. 34).

Но эти условия труда, эти его авансы становятся капиталом, как только рабочий оказывается вынужденным заимствовать их от третьего лица, а такое положение дел бывает тогда, когда у рабочего нет ничего, кроме его рабочей силы.

„С тех пор, как для значительной части членов общества их собственные руки стали единственными источниками дохода, те, которые жили на свой заработок, оказались вынужденными брать кое-что вперед, как для того, чтобы приобрести сырье для переработки, так и для того, чтобы прожить до получения заработной платы“ (I. с., стр. 37, 38).

Тюрго объявляет капиталы „накопленными движимостями“ (valeurs mobilières accumulées (I. с., стр. 38). Первоначально (I. с., стр. 38, 39) землевладелец или селянин каждый день прямо выдает заработную плату и материал, например, лен прядильнице. С развитием промышленности является надобность в более значительных авансах и в большем постоянстве процесса производства. Тогда это дело берет на себя владелец капитала (possesseur des capitaux). В цене его продукта должны быть возвращены ему все его авансы и получиться прибыль, равная той, которую принесли бы ему его деньги, „если бы он употребил их на покупку земли“, а сверх того и плата за его труд, „потому что, при одинаковой прибыли, он, несомненно, предпочел бы жить без труда на доход со своего имения, которое он мог бы приобрести на тот же капитал“ (I. с., стр. 38, 39).

„Существующий за счет других (землевладельцев) промышленный класс (classe stipendiée industrielle), в свою очередь, подразделяется на „капиталистов-предпринимателей и простых рабочих“ (ст. 39). Сельскохозяйственные предприниматели (entrepreneurs fermiers) находятся в положении,

подобном положении этих капиталистов-предпринимателей. Они тоже должны выручить все сделанные ими авансы и получать прибыль, как это объяснено выше.

„Все это должно заключаться в цене сельскохозяйственных продуктов. А то, что остается от нее сверх этого, дает земледельцу средство заплатить землевладельцу за пользование его землей, на которой он основывает свое предприятие. Это арендная плата, доход землевладельца: *produit net*; потому что вся та часть произведений земли, которая служит для покрытия всякого рода авансов предпринимателя и из которой берется его прибыль, не может считаться доходом, а только возмещением издержек земледелия, так как сельский хозяин не захотел бы хлопотать и употреблять свое имущество на обработку полей, принадлежащих другому, если бы он не выручал обратно этих издержек“ (I. с., стр. 40).

Наконец:

„Конечно, капиталы отчасти создаются благодаря сбережению из прибылей трудящихся (*laborigieuses*) классов; но так как эти прибыли всегда имеют источником землю, так как они все выплачиваются или из дохода землевладельцев, или издержками производства этого дохода, то ясно, что капиталы, как и доход, происходят из земли; или, вернее, что они представляют собою только накопление той части производимых землей ценностей, которую владелец дохода или лицо, получающее часть его от владельца, может ежегодно откладывать, не употребляя их для удовлетворения своих потребностей“ (I. с., стр. 66).

Прибавочная ценность составляет исключительно земельной рентой. Уже на стр. 11 Тюрго говорит: „Он — т.-е. сельский рабочий — один производит стоим трудом более того, что нужно для воспроизводства его заработной платы“. И на стр. 40: „Сверх этого возмещения (своей собственной заработной платы) земледелец создает доход землевладельца; напротив, промышленный рабочий (*artisan*) не создает никакого дохода, ни для себя, ни для других“.

Вполне естественно, что накопление капитала совершается только на счет земельной ренты, так как только она представляет собою прибавочную ценность. Даже то, что капиталисты накапливают помимо ее, урывается ими от своей заработной платы, *salair*, от дохода, который предназначен для их потребления, потому что прибыль представляется именно таким доходом.

В виду того, что прибыль, подобно заработной плате, относится к числу издержек земледелия, а доход землевладельца составляет только тем, что остается за возмещением этих издержек, доход этот несмотря на отводимое ему почетное место, на деле исключается из числа издержек по обработке земли, — а потому и не играет роли агента производства, — совершенно так же, как и у последователей Рикардо.

* * *

Тюрго пытался провести те мероприятия, которые впоследствии осуществила французская революция. Февральским эдиктом 1776 г. он уничтожил цехи; этот эдикт был отмечен через три месяца после его опубликования. Равным образом Тюрго освободил крестьян от *согвее* (дорожной повинности) и старался ввести *impôt unique*, единый налог на земельную ренту, вместо всех прежних налогов.

8. Ф. Паолетти (F. Paoletti) и Пьетро Верри (Pietro Verri) *).

Смешение ценности с материальным продуктом или, вернее, приравнение их одной к другому, а также и связь этого взгляда со всей совокупностью физиократических понятий, ясно выступают в следующих выдержках из „Pensieri sopra l'agricoltura“ Фердинанда Паолетти, которые отчасти направлены против Пьетро Верри, написанного на физиократов в своих „Meditazioni sulla Economia politica“ (Ferdinando Paoletti Toscano, „Estratto de' pensieri sopra l'agricoltura“. Custodi, „Scrittori classici Italiani di Economia politica“. Parte Moderna, t. XX. Milano. 1804).

„Промышленность, наверно, никогда не приводила к тому увеличению материальных предметов, да это и невозможно для нее. Она дает материи только формы, она только видоизменяет ее; т.-е. стало-быть, промышленность, собственно говоря, ничего не создает. Но мне отвечают, что так как промышленность дает материи формы, то она производительна. Она производит если не материю, то, по крайней мере, форму. Допустим; я спорить не буду. Но это все-таки не создание богатства, это даже не что иное, как расход... Политическая экономия предполагает и изучает действительное производство материальных предметов, каковым является только сельское хозяйство, потому что только оно увеличивает количество материи и продуктов, составляющих богатство... Промышленность покупает у сельского хозяйства сырой материал для его обработки; ее труд, как уже было сказано, дает только форму сырому материалу, но ничего к нему не прибавляет и не увеличивает его количества“ (l. c., стр. 196, 197) **).

„Дайте довару некоторое количество гороха для приготовления обеда; он сварит его, как следует, и в готовом виде подаст вам на стол, но подаст то же самое количество, которое он получил; но дайте такое же количество гороха садовнику, чтобы он вверил его земле, и он, в свое время, возвратит вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство“ (l. c., стр. 197).

„Ценности даются вещам потребностями людей. Следовательно, ценность или увеличение ценности товаров создается не промышленным трудом, а издержками рабочих“ (l. c., стр. 198).

„Как только появится какой-нибудь модный мануфактурный товар, он распространяется внутри страны и за границей. И скоро конкуренция других отраслей промышленности и купцов понижает его цену до нормального уровня, определяемого ценностью сырого материала и издержками содержания рабочих“ (l. c., стр. 204, 205).

Против физиократического предрассудка восставал, как выше сказано, Пьетро Верри, сочинение которого „Meditazioni sulla Economia politica“ напечатано впервые в 1771 г. Здесь они цитируются по XV тому Кустоди, Parte Moderna.

„Все явления мира, — чем бы они ни вызывались: рукой человека или общими законами природы, — не дают нам никакого понятия о действительном создании, а только об изменении материи. Соединение и разделение являются

*) О Паолетти речь идет на стр. 234, о Верри — на стр. 242 и 243 рукописи К.

**) Здесь у Маркеа в выдержки, повидимому, вкралась ошибка. Эта и следующие цитаты взяты не из „Pensieri“, а из помещенных в том же томе издания Кустоди и вышедших в 1772 г. „I veri mezzi di render felici le società, di F. Paoletti“. „Pensieri sopra l'agricoltura“ занимают стр. 1—104, а „Veri mezzi“ — стр. 107—371. „Pensieri“ и т. д. появились в 1769 г. и, следовательно, не могли быть направлены против вышедших в 1771 г. „Meditazioni“ Верри. К.

единственными элементами, на которые всегда наталкивается человеческий дух при анализе идеи „создания“. Поэтому создание ценности и богатства одинаково имеет место в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на полях в хлеб, как и тогда, когда вещество, выделенное известным насекомым, превращается рукой человека в шелковую ткань или из отдельных кусков металла составляют часы“ (стр. 22)

Далее:

„Физиократы называют класс промышленных рабочих бесплодным и делают это потому, что, по их мнению, ценность продуктов промышленности равна сырому материалу и средствам существования, которые потребляются производителями во время процесса производства“ (стр. 25).

Верри, наоборот, обращает внимание на постоянную бедность сельских рабочих (contadini) в противоположность прогрессивному обогащению промышленников (artigiani) и затем продолжает:

„Это показывает, что промышленник в цене продукта получает не только возмещение того, что он уже употребил, но и некоторый излишек, составляющий часть этой цены; и эта часть есть новое количество ценности, вновь созданное производством, в течение года“ (стр. 26).

„Следовательно, вновь созданная ценность есть та часть цены товаров или промышленного изделия, которая составляет излишек сверх первоначальной ценности сырых материалов и необходимых при их обработке издержек потребления. Из дохода, приносимого сельским хозяйством, должны быть вычтены семена и то, что погребляется сельским рабочим; равным образом из продукта промышленности вычитается сырой материал и то, что потреблено рабочими; и ежегодно вновь создается такое количество ценности, которое остается после этого вычета“ (стр. 26, 27).

9. Физиократические воззрения А. Смита. Его переводчик Г. Гарнье *)

В земледелии раньше, чем во всех остальных отраслях промышленности, мы встречаем применение сил природы для производства в крупных размерах. Приложение этих сил в промышленности, собственно так называемой, находит себе место и бросается в глаза только на высшей ступени ее развития. Из приведенных ниже цитат видно, что здесь у А. Смита сказывается влияние подготовительного периода крупной промышленности и соответствующего, ему физиократического взгляда, между тем как Рикардо отвечает ему с точки зрения новейшей промышленности.

В пятой главе второй книги своего „Wealth of Nations“ А. Смит говорит о земельной ренте:

„Она есть продукт природы, который остается после того, как вычтено и возмещено все, что может быть рассматриваемо, как продукт человека. Она редко составляет менее четверти и часто более трети всего продукта. В промышленности такое же количество производительного труда никогда не в состоянии дать такую же массу вновь созданного продукта. Там природа не делает ничего, а человек—все; количество же всякого вновь созданного продукта необходимо должно соответствовать силе создавших его факторов (agents)“.

*) Та часть изложения, которая касается Смита, взята со страниц 234 и 235; касающиеся Гарнье—со стр. 237 и 238, а заключительные замечания—со стр. 312. К.

По этому поводу Рикардо в своих „Principles of political economy“, во втором издании 1819 г., примечание к стр. 61 и 62, замечает:

„Разве в промышленности природа ничего не делает для людей? Разве силы воды и ветра, движущие наши машины и служащие нашему мореплаванью—ничто? Разве давление воздуха и упругость пара, позволяющие нам приводить в движение самые удивительные машины, не составляют даров природы? Мы уже не говорим о действии жара на размягчение и плавку металлов, на разложение воздуха в процессах окраски и брожения. Нельзя указать ни одной отрасли промышленности, где бы природа не помогала людям щедро и безвозмездно“.

Вот отрывок из одного анонима, показывающий, что физиократы смотрели на прибыль только как на часть, вычтенную из ренты: „Физиократы говорят, например, о цене кружева (lace), что одна ее часть лишь возмещает то, что потреблено рабочим, а другая часть только перенесена из кармана одного (а именно землевладельца) в карман другого“ („An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus“ etc. Лондон, 1821. г. стр. 96).

Убеждение А. Смита и его последователей в том, что накопление капитала обуславливается личными лишениями, сбережениями и самоотвержением капиталистов, тоже основывается на взгляде физиократов, которые смотрели на прибыль (включая в нее процент) только как на доход капиталистов, предназначенный для потребления. Физиократы могли утверждать это потому, что настоящим, экономическим, так сказать, законным источником накопления они считали только земельную ренту.

Г. Гарнье, переводчик А. Смита и сам физиократ, верно объясняет их теорию сбережения. Прежде всего он говорит, что промышленность, — подобно тому, как и все отрасли производства, согласно учению меркантилистов, — может создавать прибавочную ценность только из прибыли, получаемой при продаже товара, вследствие продажи его выше его ценности, и что таким образом происходит только перераспределение уже произведенных ценностей, а никоим образом не присоединение новой ценности к созданной раньше:

„Труд промышленников (artisans et manufacturiers), не открывающий никакого нового источника богатства, может стать прибыльным только при выгодном обмене и имеет только относительную ценность, которая не возобновится, если он снова не найдет случая получить прибыль путем обмена“ (V часть, стр. 266, его перевода „Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations“. Париж, 1802 г.).

Но сбережения, делаемые ими (промышленниками)—ценность, ими сберегаемая—должны быть отняты от их собственного потребления:

„Труд промышленников может присоединить к общей массе богатства только сбережения, делаемые наемными рабочими и капиталистами, но и таким путем он может способствовать обогащению общества“ (I. с., стр. 266).

Еще подробнее:

„В земледелии рабочие обогащают государство продуктом своего труда; напротив, в торговле и в промышленности рабочие могут обогатить его только

сбережениями от своего личного потребления. Это утверждение экономистов [физиократов] является следствием того различия, которое они делают между отраслями труда, и которое кажется неоспоримым. В самом деле, труд промышленников может прибавить к ценности сырого материала лишь свою собственную ценность, т.-е. ценность обычной в стране заработной платы и прибылей, которые он должен приносить по установившейся в стране норме. Но эта заработная плата, как бы высока или низка она ни была, является вознаграждением за труд; она составляет то, что рабочий с полным правом может потребить и, надо полагать, потребляет; потому что только путем потребления он может воспользоваться плодами своего труда, и в этом пользовании состоит все его вознаграждение. Подобным образом и прибыли, — велики ли они или малы, — постоянно и постепенно потребляются капиталистами, относительно которых надо, конечно, предположить, что они соразмеряют свои расходы с доходами, которые им приносят их капиталы. Следовательно, и рабочие и капиталисты будут, по мере окончания труда, потреблять всю создаваемую ими ценность, если только рабочий не откажется от известной доли тех удобств, на которые он предъявляет требование, сообразно обычным размерам своего заработка, или если капиталист не будет откладывать части доходов, получаемых им с своего капитала. Вся совокупность общественного богатства, и по окончании их труда, останется, значит, такой же, как была прежде, если они не сберегут части того, что они имеют право и могут потребить, не рискуя заслужить название расточителей. В этом последнем случае вся масса общественного богатства увеличилась бы на всю сумму ценностей их сбережений. Следовательно, можно с полным правом сказать, что эти деятели промышленности и торговли способны увеличить совокупность общественного богатства только на величину того, что они отнимают у самих себя“ (I. с., стр. 263, 264).

Кроме того, Гарнье очень верно подметил, что теория А. Смита о накоплении путем сбережения покоится на той же физиократической основе. (А. Смит действительно был очень заражен учением физиократов, и нигде он этого не обнаруживает так ясно, как в своей критике физиократии). Гарнье говорит:

„Если, наконец, экономисты утверждали, что промышленность и торговля могут увеличивать национальное богатство только при помощи своих сбережений, то и А. Смит точно также говорит, что труд тратился бы даром и капитал страны никогда бы не увеличился, если бы хозяйственность (économie) не увеличила его своими сбережениями (третья глава второй книги). Следовательно, Смит придерживается того же взгляда, как и экономисты“ и т. д. (I. с., стр. 270).

* * *

Причина, побуждавшая физиократов проповедывать *laissez faire, laissez passer*, т.-е. свободную конкуренцию, вполне верно указана А. Смитом в следующих его выражениях:

„Торговля, ведущаяся между этими двумя группами населения (городом и деревней), в конечном счете состоит в обмене определенного количества сырых материалов на некоторое количество продуктов промышленности. Чем дороже вторые, тем дешевле первые; и все, что в стране вызывает повышение цены продуктов промышленности, то в земледельческих округах способствует понижению цены сырых продуктов и тем самым подавляюще действует на земледелие“.

Итак, всякие стеснительные ограничения промышленности и внешней торговли увеличивают цену мануфактурных товаров и т. д. А следовательно, и т. п. „Wealth of Nations“. 4. Buch. 9. Kapitel).

10. Т. А. Г. Шмальц (Th. A. H. Schmalz) и граф де Бюа (Graf de Buat).

Одного из самых наивных представителей физиократии—как ему далеко до Тюрго!—мы встречаем в лице старого прониры по части демагогии,—в лице прусского королевского тайного советника Теодора-Антона Гейнриха Шмальца. Вот пример:

„Кто может ему (отдающему* землю в аренду) запретить принять подарок природы, если ей угодно давать ему процент, вдвое более высокий, чем тот, который установлен в стране“? („Staatswirtschaftslehre in Briefen an einen deutschen Erbprinzen“. Вторая часть. Берлин, 1818 г. I, стр. 98).

Определение размеров заработной платы формулируется физиократами так, что потребление и издержки рабочего считаются равными получаемой им заработной плате. Или, как господин Шмальц выражает это в общей форме:

„Всякая заработная плата (в среднем) равна тому, что (опять-таки в среднем) обыкновенно потребляет каждый, принадлежащий к рабочему классу, за время выполнения (опять в среднем) своего труда“ (I, стр. 124).

„Следовательно, земельная рента остается единственным доходом нации; одна только природа питает людей, один только Бог творит. Заработная плата и проценты только переносят из рук в руки.—непреренно в другие руки,—то, что природа дает в виде земельной ренты“ (I, стр. 279).

„Земельная рента есть доход, а богатство нации заключается в способности почвы приносить эту ежегодную ренту“ (I, стр. 279).

„Все обладающие ценностью предметы, если анализировать составные части и определить причину их ценности—речь идет о меновой ценности—представляют собою только продукты природы. Если даже труд придает предметам новую форму и таким образом увеличивает их ценность, то все-таки эта ценность состоит только из суммы ценностей всех продуктов природы, которые затрачены на создание этой новой формы ценности, т. е. потреблены рабочим или употреблены им так или иначе“ (I, стр. 281).

„Этот труд (земледелие и скотоводство) реален, и только он один производит, так как один он творит самостоятельные органические тела“.

„Обработывающая промышленность только изменяет данные тела механически или химически“ (I, стр. 26).

„Поэтому вы, ваша светлость,—говорит Шмальц ниже,—сами извольте милостиво рассудить, насколько правильно только труд, прилагаемый в земледелии и скотоводстве, считается производительным“.

* * *

Очень слабым и туманным писателем является граф де Бюа, который в своем анонимном сочинении „Elements de la politique ou recherche des vrais principes de l'économie sociale“ (в шести томах, Лондон, 1773 г.), принимает призрачную внешность физиократии—прославление землевладельческой аристократии—за сущность этого учения. и который в самом деле признает физиократию, лишь поскольку она способствует этому прославлению. Не стоило бы вовсе упоминать о нем, если бы грубо-буржуазный характер не обнаруживался у него с тою же резкостью, как впоследствии у Рикардо. Нисколько не изменяет дела то ошибочное предположение, будто *produit net* ограничивается одной только рентой. Рикардо повторяет это относительно *produit net* вообще.

Дело в том, что рабочие у де Бюа принадлежат к *faux frais* и существуют только для того, чтобы владельцы *produit net* „составляли общество“. Он видит в положении рабочего лишь измененную форму рабства (II, стр. 148); но оно нужно для того, чтобы высшие слои „составляли общество“. (Точно также у Артура Юнга целью производства является прибавочная ценность).

Единственное место, которое полезно будет процитировать здесь, характерно для болтовни о риске, которому вообще подвергается капиталист:

„Чем заслужили себе купцы свое почетное положение?... Тем ли, что они многое ставят на карту, с целью многое выиграть?... Но они ставили на карту людей, товары или деньги. Если они ради выгоды подвергали людей явной опасности, то они делали очень плохое дело. Что касается товаров, то если их производство составляет заслугу,—потому что они нужны для существования людей,—то не может быть никакой заслуги в том, что ими спекулируют ради обогащения одного человека“ (I. c., II, стр. 297).

11. Один из английских физиократов ³⁾.

Из числа английских физиократов следует упомянуть автора сочинения] „*The essential principles of the wealth of nations, illustrated, in opposition to some false doctrines of Dr. Adam Smith and others*“, Лондон, 1797 г.

Это единственное значительное английское сочинение, примыкающее прямо к учению физиократов. „*Britain independent of commerce*“ 1807 г. У. Спенса—сухая карикатура. Этот молодец был от 1814 по 1815 г. одним из самых фанатичных защитников землевладения [хлебных пошлин], на основании учения физиократов, которое проповедует свободу торговли. Не нужно смешивать этого молодца с Томасом Спенсом (Thomas Spence), смертельным врагом частной собственности на землю.

Сочинение [об „*Essential principles*“] прежде всего содержит превосходный и сжатый обзор учения физиократов. Автор правильно относит начало системы к Локку и Вандерлинту и изображает физиократов людьми, которые, „хотя и не верно, но в высшей степени систематично излагали свое учение“ (I. стр. 4; а также стр. 6, 7).

Из находящегося там изложения чрезвычайно ясно видно, как теория сбережения,—которую взяли за основу позднейшие апологеты, и отчасти уже А. Смит,—прямо вытекает из того убеждения физиократов, что в промышленности и т. д. не создается никакой прибавочной ценности.

„Сумма, употребляемая на приложение и поддержание рабочей силы в промышленности, имеет результатом только сохранение ее ценности и поэтому (из одительна **). Общественное богатство не может быть увеличено ре-

*) Со стр. 1449—1451 рукописи. К.

***) Потому что не производит прибавочной ценности.

месленниками, мануфактурными рабочими и купцами, хотя бы и в самой ничтожной степени, иначе, как только путем сбережения и накопления части того, что предназначено на их ежедневное содержание; следовательно, только путем воздержания и бережливости (privation or parsimony) они могут вносить что-нибудь в общий капитал (general stock *). Напротив, сельские хозяева могут потреблять весь свой доход и все-таки обогащать в то же время государство, так как их труд создает излишек, называемый рентой" (I. с., стр. 6, 7).

"Класс людей, труд которого хотя и производит кое-что, но не более того, что надержано для поддержания его самого, по всей справедливости должен быть назван непроизводительным классом" (I. с., стр. 10).

Далее наш аноним указывает на то, что „увеличение дохода ***) только косвенно интересует экономистов... Их предмет—производство и воспроизводство дохода“ (I. с., стр. 18)—и в этом состоит великое значение физиократии. Она спрашивает, каким образом производится и воспроизводится прибавочная ценность (у физиократов тождественная доходу). Второстепенное место занимает вопрос о том, как она воспроизводится в больших размерах, т.-е. как она увеличивается. Сначала нужно открыть, к какой категории она принадлежит, т.-е. обнаружить тайну ее производства.

Но следует ясно отличать производство прибавочной ценности от ее распределения.

„Когда дело идет о производстве дохода, совершенно нелогично смешивать с ним его распределение, к которому могут быть сведены все торговые дела“ (I. с., стр. 22).

„Слово торговля, commerce, означает не что иное, как commutatio mercium [оборот прибылей]... иногда более выгодный для одного, чем для другого: но один всегда теряет то, что приобретает другой, и на деле торговый оборот не производит никакого увеличения ценности“ (I. с., стр. 23).

„Если бы еврей продал крону за десять шиллингов или фартинг королевы Анны за гинею ***) , то он, пожалуй, увеличил бы свой собственный доход, но не наличное количество благородного металла; и сущность этой торговой сделки не зависит от того, живет ли его драгоценный клиент на той же улице, во Франции или в Китае“ (I. с., стр. 23).

В учении физиократов промышленная прибыль есть profit upon alienation, следовательно, объясняется меркантилистически. Поэтому наш англичанин делает тот правильный вывод, что прибыль эта только тогда является действительной прибылью, когда продукты промышленности продаются за границу. Из меркантилистических предпосылок он делает правильный меркантилистический вывод.

„Ни один промышленник, сколько бы он сам ни получал дохода, ничего не прибавляет к доходу нации, если его товары продаются и потребляются внутри страны; потому что покупатель... теряет ровно столько.. сколько приобретает промышленник... между покупщиком и продавцом происходит обмен, но это не создает никакого дохода“ (I. с., стр. 26).

„Чтобы заменить отсутствующий излишек... предприниматель надбавляет 50 процентов прибыли на свои издержки по найму рабочих или 6 пенсов на шиллинг при каждой расплате с рабочими... И если бы продукт продавался за границей, то это была бы национальная прибыль“ такого-то и такого-то числа промышленников (artificers) (I. с., стр. 27).

*) Это—теория воздержания Сеньора (Senior) и теория сбережения А. Смита.

**) Речь идет о накоплении прибавочной ценности.

***) [Крона—монета в пять шиллингов, фартинг—четвертая часть пени; гинея составляет 22 шиллинга].

Промышленники „составляют необходимый класс“, но они совсем не производительный класс (I. с., стр. 35). „Сообщая доходу в новой его форме способность долго сохраняться, они содействуют обращению и распределению того дохода, который раньше того создается сельским хозяином“ (I. с.; стр. 38).

Существует четыре необходимых (essential) класса: производительный класс или земледельцы (cultivators), промышленники (manufacturers), защитники (defenders) и класс учителей (instructors), который у него заменяет фигурирующих у физиократов собирателей десятины или попов: „потому что всякое гражданское общество нуждается в питании, одежде, защите и образовании“ (I. с., стр. 50, 51).

Ошибка экономистов состоит в том, что „они признали производительным классом общества тот класс, который получает земельную ренту, и только потому, что он ее получает... Но они до некоторой степени исправили свою ошибку, предложив, чтобы церковь и король содержались именно на счет этой ренты. Д-р Смит оставляет эту ошибку неисправленной на всем протяжении своего сочинения *) и направляет свою критику против правильно обоснованной части системы экономистов“ (I. с., стр. 18).

Землевладельцы, как таковые, не только не производительный класс, но не могут считаться и необходимым классом общества:

„Землевладельцы, как простые присвоители земельной ренты, вовсе не составляют необходимого класса общества... Отклоняя ренту от ее первоначального назначения—государственной обороны, ее присвоители превращаются из необходимого в совершенно излишний, угнетающий общественный класс“ (I. с., стр. 51).

Заслуживает внимания также дальнейшее, очень характерное изложение; к тому же эта полемика, направленная против присвоителей земельной ренты с точки зрения физиократов, очень важна, как заключительный вывод из их учения (см. стр. 38, 39). Наш автор, кроме того, доказывает, что, предложение перенести все подати на землю—чисто турецкая мера (стр. 40) и что физиократическое учение в значительной мере осуществлено было в Англии, Ирландии, феодальной Европе, в царстве Великого Могола (I. с., стр. 42).

Физиократическая ограниченность обнаруживается в следующем ходе мыслей, который вызван недостаточным пониманием разделения труда:

Предположим, что часовщик или фабрикант бумажных тканей не могут продать своих часов или своих материй, тогда невозможно ни возмещение затраченных ими денежных сумм, ни продолжение их предприятий. Напротив, земледелец может продолжать свое хозяйство, не продавая своих продуктов. Это совершенно справедливо, но применимо

*) Это верно.

также и в том случае, когда в невозможности сбыть свои продукты находится производитель угля, железа, льна, индиго и т. д. или даже производитель хлеба. Это очень хорошо разобрано Беарде де Лябей (Beardé de l'Abbaye), „Recherches sur les moynes de supprimer les impôts“ (Амстердам, 1770 г.). Подчеркивание этого пункта у промышленных производителей равносильно превознесению натурального хозяйства перед товарным производством.

Но этому сильно противоречит то обстоятельство, что для физиократов главным вопросом является меновая ценность, la valeur vénale. Тут мы видим буржуазный взгляд, поставленный в пределы добуржуазных представлений.

[Зависимость промышленного производства от продажи продуктов доказывает, „что промышленник только потому обогащается, что выступает в качестве продавца *) и что, как только он перестает продавать **), тотчас же исчезает и его прибыль, так как это не естественная, а искусственная прибыль. Напротив, земледелец... может жить, процветать и размножаться, ничего не продавая“ (I. с., стр. 39).

Прибавочная ценность не может быть выведена из повышения цены продавцом при продаже. Продавцы не обогащаются „номинальным повышением ценности продуктов,... потому что они столько же приобретают, как продавцы, сколько издерживают в качестве покупателей“ (I. с., стр. 66).

Напоминает Вандерлинта следующее положение:

„Пока для каждого безработного (idler) может быть найден участок, годный для обработки, ни один безработный не должен быть оставлен без земельного участка. Рабочие дома—хорошая вещь, но рабочие поля—много лучше“ (I. с., стр. 47).

Он высказывается против арендной системы и отстаивает долгосрочные арендные договоры, так как в противном случае собственность на землю только мешает производству и улучшениям почвы (I. с., стр. 43).

12. Неккэр ***)

В своих обоих сочинениях: „Sur la législation et le commerce des grains“, появившемся первым изданием в 1775 г., и „De l'administration des finances de la France“ etc. (1786 г.) Неккэр показывает, как развитие производительных сил труда способствует только тому, что рабочий нуждается в меньшем количестве времени для воспроизводства своей собственной рабочей силы и вследствие этого больше времени работает бесплатно на своего хозяина. Тут он вполне

*) Это означает только, что он производит свой продукт, как товар.

**) А куда девается прибыль земледельца, который не выступает в качестве продавца? В таком случае ему необходимо быть в то же время и промышленником.

***) Стр. 419—421 рукописей. К.

правильно берет за основание среднюю заработную плату, *minimum* заработной платы. Но его главным образом занимает не самое превращение труда в капитал и не накопление капитала посредством этого процесса, а общее развитие противоположности между бедностью и богатством, между бедностью и роскошью, состоящее в том, что так как производство предметов первой необходимости удовлетворяется определенным количеством труда, то этим создается возможность применения той его части, которая превышает это количество и притом прогрессивно возрастает в другой отрасли производства, в производстве предметов роскоши. Часть этих предметов роскоши обладает способностью сохраняться, вследствие чего они скопляются в руках тех, которые в течение целых столетий распоряжаются прибавочной ценностью, и таким образом указанная противоположность становится все более и более значительной.

Важнее всего то, что Неккер вообще выводит богатство нетрудящихся классов, прибыль и ренту*), из прибавочного труда. Но при рассмотрении прибавочной ценности он имеет в виду относительную прибавочную ценность, которая получается не путем удлинения рабочего дня, а путем сокращения необходимого рабочего времени. Производительная сила труда становится производительной силой владельца средств производства. А сама производительная сила равняется сокращению рабочего времени, необходимого для получения определенного результата. Главные места следующие:

Во-первых: „*De l'administration des finances de la France*“ etc. („*Oeuvres*“ t. II. Lausanne et Paris 1789):

„Я вижу общественный класс, доход (*fortune*) которого всегда должен быть приблизительно одинаковым; я вижу другой класс, богатство которого по необходимости возрастает. Роскошь, понятие о которой возникает из сопоставления и сравнения, должна следовать за ростом этого несоответствия и с коду на год становиться все разительнее“ (I. с., стр. 285, 286):

Здесь противоположность обоих классов вполне верно рассматривается уже, как классовая противоположность.

„Тот общественный класс, положение которого известным образом закреплено социальными законами, состоит изо всех тех, которые, живя трудом своих рук, поневоле подчиняются законам собственников **) и принуждены довольствоваться заработной платой, удовлетворяющей насущным потребностям жизни; конкуренция в их среде и гнет нужды вызывают их зависимость; и эти отношения не могут измениться“ (I. с., стр. 286).

„Изобретение инструментов, упростивших все механические работы, увеличило, стало-быть, богатства и благосостояние собственников; часть этих инструментов, уменьшившая издержки по обработке земли, увеличила доходы, получаемые владельцами земельных участков. Другая часть открытий человеческого гения так облегчила промышленное производство, что люди, находящиеся в услужении у владельцев средств существования ***) , получили возможность создавать, по желанию этих владельцев, несравненно большее количество продуктов за то же время и при той же плате“ (I. с., стр. 287).

*) В оригинале стоит доход (*Revenue*). К.

**) Собственников средств производства.

***) Т.-е. у капиталистов.

„Допустим, что в прошлом столетии нужно было сто тысяч человек на производство того, что теперь делается восьмьюдесятью тысячами; тогда остальные двадцать тысяч принуждены будут для заработка обратиться к другим занятиям; и создаваемые ими новые продукты ручного труда послужат к увеличению довольства и роскоши богатых“ (I. с., стр. 287, 288).

„Потому что—продолжает он—не следует забывать, что заработная плата во всех отраслях труда, не требующих особенного таланта, всегда определяется ценой необходимых для рабочего средств существования. Поэтому значительное ускорение в изготовлении продуктов, если оно становится всеобщим, не идет на пользу рабочим, а только служит к увеличению средств для удовлетворения вкусов и тщеславия тех, которые распоряжаются продуктами земли“ (I. с., стр. 288).

„Среди различных продуктов природы, формы которых создаются и изменяются искусством человека, есть много таких, долговечность которых значительно превышает продолжительность человеческой жизни. Таким образом каждое поколение наследует часть трудов предшествующих поколений *) и во всех странах мало-по-малу накапливается все большее количество предметов искусства. Так как вся сумма их всегда распределяется между господствующими классами, то несоответствие между их условиями жизни и условиями жизни широких масс граждан (citoyens) неизбежно становится все сильнее и разительнее“ (стр. 289).

Следовательно: „ускорение процесса промышленного производства, увеличивающее число предметов роскоши; значительная продолжительность периода, в течение которого совершается накопление, и законы собственности, закрепляющие эти блага за одним лишь классом общества—все эти обильные источники роскоши во всяком случае сохраняются независимо от размеров суммы наличных денег“ (стр. 291).

Это последнее замечание полемически направлено против тех, которые находят причину роскоши в увеличении суммы денег.

Во-вторых, „Sur la législation et le commerce des grains“ etc. („Oeuvres“ t. IV).

„Когда ремесленник или земледelec не имеют никакого запасного фонда, они беззащитны; они должны работать сегодня, если не хотят завтра умереть с голоду; и в борьбе интересов между хозяином и рабочим один ставит на карту свою собственную жизнь и жизнь своей семьи, а другой рискует только замедлить увеличение своей роскоши“ (I. с., стр. 63).

Противоположность между богатством, которое не трудится, и бедностью, которая работает для поддержания своей жизни, порождает также противоположность знания. Знание и труд отделяются друг от друга. Первое противостоит второму, как капитал или как предмет роскоши богатых.

„Способность знать и понимать есть общий дар природы, но она развивается только путем образования; при равномерном распределении собственности каждый трудился бы умеренно **), и тогда каждый обладал бы некоторым знанием, потому что у каждого оставалось бы свободное время, которое он мог бы посвящать изучению и размышлению; но при неравномерном распределении собственности, которое обуславливается общественным строем, образование закрыто для всех, кто родился без имущества, потому что все средства существования находятся в руках одной части нации, которая владеет деньгами и землей, и никто не дает ничего даром. Поэтому человек, не имеющий другого запаса, кроме своей рабочей силы, принужден отдавать ее, с первого же момента ее развития, на службу хозяевам и так продолжать всю свою жизнь изо-

*) Здесь Неккер имеет в виду лишь накопление того, что А. Смит называет фондом потребления.

**) Таким образом, решающим здесь опять является количество рабочего времени.

дня-в-день от восхода солнца до того момента, когда эта сила совершенно испарится, и когда для ее восстановления становится необходимым сон" (стр. 112).
 „Наконец, разве не неоспоримо то, что это неравенство знания сделалось необходимым для поддержания всех, породивших его, общественных неравенств?“ (I. с., стр. 113; ср. стр. 118, 119).

Неккэр высмеивает эту путаницу экономических понятий, которая характерна для физиократов в отношении к земле, а для позднейших экономистов в их отношении к вещественным элементам капитала, и вследствие которой собственники орудий производства превозносятся не потому, что они сами необходимы для труда и производства богатства, а потому, что необходимы принадлежащие им производительные средства.

„Начинают тем, что смешивают значение землевладельца (этой легкой обязанности) с значением земли“ (I. с., стр. 126).

13. Ленгэ (Linguet *)).

По плану моего сочинения социалистические и коммунистические писатели вообще не входят в исторический обзор. Этот последний должен лишь показать, с одной стороны, в какой форме [буржуазные] экономисты критикуют самих себя, а, с другой стороны, в каких исторически существенных формах, впервые были высказаны и далее развивались законы политической экономии. Поэтому, при рассмотрении прибавочной ценности, я не упоминаю таких писателей восемнадцатого столетия, как Бриссо, Годвин и т. д., а равно социалистов и коммунистов девятнадцатого века. Два-три социалистических писателя, о которых мне придется упомянуть в этом обзоре, или сами становятся на точку зрения буржуазной политической экономии, или борются против нее, опираясь на ее собственную точку зрения.

Ленгэ, однако, вовсе не социалист. Его полемика против буржуазно-либеральных идеалов современных ему просветителей и против начинающегося господства буржуазии, наполовину серьезно, а наполовину иронически, облечена в реакционную оболочку. Он защищает азиатский деспотизм в его противоположности с его цивилизованной, европейской формой; также рабство в его противоположности с наемным трудом.

Уже одно его замечание против Монтескье, „Дух законов есть собственность“, показывает глубину его воззрений.

Единственная экономическая школа, с которой пришлось считаться Ленгэ, была школа физиократов.

[В дальнейшем изложении я даю для его характеристики ряд цитат из его „*Théorie des lois civiles ou principes fondamentaux de la société*“, Лондон, 1767 г., из первой части которой взято и приведенное выше изречение].

*) Стр. 438—440 рукописи. К.

Богачи овладели всеми условиями производства; они совершили захват условий производства, которые в первоначальной форме были элементами природы. „В наших цивилизованных странах все стихии стали рабами“ (стр. 188). Для того, чтобы приобрести часть этих присвоенных себе богатыми сокровищ, их надо купить тяжелым трудом, который увеличивает богатство этих богачей.

„Таким образом, взятая в плен природа перестала давать своим детям легкие способы добывания средств к жизни. Ее благодеяния приходится оплачивать чрезвычайным усердием, а ее дары *)—неустанным трудом. Богач, захвативший исключительную власть над нею, только за эту цену соглашается допустить, чтобы некоторая частичка этих благ вернулась обратно в общее пользование. Чтобы получить доступ к их сокровищам, надо трудиться для их увеличения“ (стр. 189).

„Нужно, стало-быть, отказаться от химер свободы и независимости“ (стр. 190).

Законы существуют только затем, чтобы „санкционировать прежнюю узурпацию (частную собственность) и препятствовать новым узурпациям“ (стр. 192). „Они представляют собою род заговора против наиболее многочисленной части человечества“ (а именно—против немущих, I. с.). „Общество создало законы, а не законы создали Общество“ (стр. 230). „Собственность существовала раньше законов“ (стр. 236). Само общество,—тот факт, что человек живет в обществе, а не является независимым самостоятельным индивидуумом,—является корнем собственности и основанных на ней законов и необходимого рабства.

С одной стороны, жили мирные и уединенные землепашцы и пастухи. С другой стороны, „охотники, привыкшие питаться мясом, соединились в шайки для того, чтобы легче ловить и убивать животных, которыми они питались, и для того, чтобы установить правила для дележа добычи“ (стр. 267). „У охотников должны были обнаружиться первые признаки общества“ (стр. 278). „Настоящее общество образовалось на счет пастухов и землепашцев и было построено путем порабощения их шайками объединившихся охотников“ (стр. 289). Все общественные обязанности сводятся к повелению и послушанию. „Это принижение части человечества вызвало сначала возникновение общества, а затем установление законов“ (стр. 294).

Нужда заставляет рабочих, лишенных средств производства, трудиться над увеличением чужого богатства для того, чтобы жить.

„Невозможность получить другим путем средства к жизни заставляет наших поденщиков обрабатывать землю, плодами которой они не воспользуются, и наших каменщиков строить здания, в которых они не будут жить. Нищета гонит их на рынок, где они ожидают тех господ, которые будут иметь милость купить их. Она принуждает их на коленях умолять богачей, чтобы те позволили им обогатить их“ (стр. 274). „Порабощение было, следовательно, первой причиной общества, а сила—его первым связующим началом“ (стр. 302). „Первой заботой их (людей) было, без сомнения, добыть себе пищу... Второй должно было быть изыскание таких средств, которые позволили бы им добыть себе пропитание без труда“ (стр. 308). „Этого они могли достигнуть только

*) Здесь проглядывает „в дарах природы“ физиократическое воззрение.

присвоенном чужого труда" (стр. 308). „Первые завоеватели только для того сделались деспотами, чтобы иметь возможность безнаказанно лениться; они сделались королями, чтобы приобрести средства существования: этим самым идея господства очень суживается и упрощается" (стр. 309). „Общество возникло из насплия и собственности из насильственного присвоения" (стр. 347). „Как только появились господа и рабы, образовалось общество" (стр. 343). „С самого начала двумя столпами гражданского общества служили, с одной стороны, рабство большинства мужчин, а с другой — рабство всех женщин. На этом скорном фундаменте возвышалось все сложное здание общественных учреждений. На счет трех четвертей числа своих членов общество обеспечивало счастье, богатство, досуг незначительного числа собственников, о которых оно только и заботилось" (стр. 365).

Том II: „Следовательно, речь идет не о том, чтобы исследовать, противно ли природе рабство само по себе, а о том, противно ли оно природе общества... оно неразрывно с ним связано" (стр. 251). „Общество и гражданская зависимость зародились вместе"... (стр. 257). „Постоянное рабство... неразрушимый фундамент обществ" (стр. 347). „Если людям приходилось получать средства своего существования от щедрого какого-нибудь человека, то это стало возможно только потому, что этот человек достаточно обогатился у них же отнятым добром, чтобы иметь возможность возратить некоторую его часть. Его мнимое великодушие не могло состоять ни в чем ином, как в возвращении им части тех плодов их труда, которые он себе присвоил" (стр. 242). „В этом принуждении — селать, не получая жатвы, жертвовать своим благополучием благополучию другого, трудиться, ни на что не надеясь, — в этом состоит рабство! И не составляет ли настоящей эпохи в истории тот момент, когда явились люди, которых можно было ударами палки погнать на работу, маня их в то же время той меркой овса, которую им сулили отсыпать по возвращении их в стойло? Только на сравнительно высокой ступени развития общества естественные припасы кажутся голодающему бедняку достаточным эквивалентом его свободы: в обществе же, находящемся в первой стадии своего развития, такой неравный обмен казался бы чудовищным свободным людям. И его могли предлагать только военнопленным. Лишь после того, как у них было отнято распоряжение каким бы то ни было имуществом, их могли убедить в необходимости подобного обмена" (стр. 244, 245).

„Сущность общества... состоит в том, что богатый освобождается им от труда. При этом богач становится обладателем новых органов, неутомимых членов, несущих всю тяжесть работы, плоды которой он же себе и присваивает. Этой цели он легко достигал при помощи рабства. Он покупал людей, которые обязаны были служить ему" (стр. 461). „Когда отменяли рабство, то вовсе не имели в виду уничтожить ни богатство, ни его преимущества. Поэтому все до названий включительно, должно было остаться в прежнем виде. Большинство людей всегда должно было жить на свою заработную плату, в подчинении у незначительного меньшинства, которое присваивало себе все блага. Таким образом, рабство оказалось увековеченным, но только под более мягким названием. Оно получило приятное название услужения (domesticite)" (стр. 462).

Ленга говорит, что под этим *domestiques* он понимает не далее и т. п.

„Города и деревни населены другим родом слуг, которые гораздо более многочисленны, полезны, трудолюбивы и которые известны под именем поденщиков, чернорабочих и т. д. Они не позорят себя ношением блестящих ливрей (*couleurs*) роскоши; они стонут под отвратительными лохмотьями, этими ливреями нищеты. Они никогда не пользуются тем излишком, источником которого служит их же труд. Богатство как-будто оказывает им милость, принимая от них приносимые ими дары. А им приходится благодарить богатство за ту службу, которую они же несут. Богатство награждает их самым оскорбительным пренебрежением, когда они обнимают его колени, умоляя его о разрешении служить ему. Оно позволяет просить об этом, и при таком удивительном обмене действительной щедрости на мнимое благодеяние те, которые получают, обнаруживают надменность и презрение, а те, которые дают, выражают покорность, робость, услужливость. Этот род слуг в самом деле заменил в современном обществе рабов и составляет, бесспорно, очень значительную, даже самую многочисленную часть всякой нации".

„Задача состоит в том, чтобы определить, какова в действительности та выгода, которую принесло им уничтожение рабства. Отвечаю с болью в душе и откровенно: вся их выгода состоит в том, что их вечно преследует страх голодной смерти,—несчастье, которого, как бы то ни было, не знали их предшественники на низших ступенях человеческого общества“ (I. с., стр. 463, 464).

„Он свободен, говорите вы! Увы! в том-то и состоит его несчастье. Ему нет ни до кого дела, но никому нет дела и до него. Когда в нем нуждаются, его нанимают, как можно дешевле. Ничтожная плата, которую ему предлагают, еле-еле равняется цене средств существования в течение того дня, который дается им в обмен на нее. Над ним ставят надзирателей, которые принуждают его спешить со своей работой. Его подгоняют; его попускают, опасаясь, как бы он не утаил, повинувшись изворотливой и простиельной лени, половины своей рабочей силы, боясь, чтобы желание подольше сохранить за собой занятые не парализовало проворства его рук и не притупило его инструментов. Грязная алчность следит за ним беспokoйными глазами, забрасывает его упреками при малейших перерывах, которые он мог бы себе позволить, и считает воровством каждую минуту его отдыха. Когда он оканчивает работу, его отпускают, как и приняты, с самым холодным безучастием и не заботясь о том, хватит ли ему в случае, если он на другой день не найдет никакой работы, тех 20 или 30 су, которые он получил за тяжелый рабочий день“ (стр. 466, 467).

„Да, он свободен! Именно потому мне и жаль его. Именно потому его гораздо меньше щадят при работах, на которые его употребляют. Именно потому менее дорожат его жизнью. Рабовладелец ценил своего раба, потому что ему приходилось платить за него деньги. Но рабочий ничего не стоит нанимающему его распутному богачу. Во времена рабства человеческая кровь имела цену. Люди по меньшей мере оценивались в той сумме, за которую их продавали на рынке. Но с тех пор, как их перестали продавать, они в действительности уже не имеют никакой реальной ценности. В армии сапер ценится гораздо ниже, чем рабочая лошадь, потому что лошадь стоит очень дорого, а сапер—даровой. Уничтожение рабства перенесло этот способ оценки из военного быта в обыкновенную жизнь. И с тех пор нет ни одного зажиточного буржуа, который не поступал бы в этом отношении подобно военным героям“ (стр. 467).

„Поденщики рождаются, растут и воспитываются для услуг излишеству, не причиняя ему ни малейших издержек, как та дичь, за которую оно охотится в своих владениях. Кажется, что богатство, действительно, владеет тем секретом, которым попусту хвалился злополучный Помпей. Ему стоит только топнуть ногой, и из земли вырастает легновы трудолюбивых людей, оспаривающих друг у друга честь служить ему. Если исчезнет один из множества тех батраков, которые строят его дома и разводят по шнурку его сады, оставляемая им пустота незаметна; она тотчас же заполняется сама собой. Не жаль потерять одну каплю воды из большой реки, потому что непрестанно набегают новые струи. Так и с чернорабочими. Легкость, с какою замещают их, порождает бессердечное отношение к ним со стороны богачей“ *) (стр. 468).

„Говорят, что у них нет господ. Но это—простое злоупотребление словом. Что это значит: у них нет господ? У них есть господин, и самый ужасный, самый деспотичный из всех господ: нужда. Она держит их в самой тяжелой зависимости. Им приходится повиноваться не одному человеку, а всем вообще. Над ними стоит не отдельный тиран, капризам которого они должны угождать, расположения которого они должны добиваться,—это ограничило бы их зависимость и сделало бы ее более сносной; но они становятся слугами всякого, у кого есть деньги; поэтому их рабство бесконечно глубже и тяжелее. Говорят, если им не хорошо живется у одного хозяина, у них есть утешение—они могут заявить ему об этом и искать себе другого господина: рабы не могли делать ни того, ни другого. Следовательно, рабы еще несчастнее. Какой софизм! Помните только, что число тех, которые дают работу, очень незначительно, а число рабочих, напротив, огромно“ (стр. 470, 471).

„К чему сводится та, призрачная свобода, которую вы им дали? Они живут только отдачей в наем своих рук. Если они не находят себе нанимателя, им грозит голодная смерть. Значит ли это быть свободным?“ (стр. 472).

„Ужаснее всего то обстоятельство, что ничтожность их заработка, в свою очередь вызывает еще большее его понижение. Чем менее нуждаются в поденщике, тем дешевле вынужден он продавать себя. Чем сильнее его нужда, тем ниже оплата его труда. Деспоты на минуту, которых он со слезами умоляет

*) Этот способ выражения Лэнга; еще не „капиталист“.

принять его услуги, не краснеют щупать, так сказать, его пульс, чтобы убедиться в том, что у него еще остается сила. Степенью его слабости определяют они предлагаемую ему плату. И чем более близок он им кажется к смерти от истощения, тем сильнее они сокращают то, что могло бы его спасти. То, что дают ему эти варвары, служит ему больше средством отсрочить смерть, чем продлить жизнь" (стр. 482, 483).

"Независимость поденщика есть один из самых губительных бичей, созданных утонченностью современного человечества. Она увеличивает довольство богача и нужду бедняка. Богач сберегает то, что издерживает бедняк. А бедняк вынужден сберегать не на излишнем, а на необходимом" (стр. 483).

"Если теперь так легко содержать чудовищные армии, которые вместе с роскошью довершают дело истребления человечества, то этим мы обязаны только уничтожению рабства... Только с тех пор, как нет больше рабов, распутство и нищенство поставляют героев войны за пять су в день" (стр. 484, 485).

"Я нахожу, что оно (азиатское рабство) в тысячу раз предпочтительнее всякого рода состояния, для людей, которые вынуждены пребывать поденным наемным трудом" (стр. 495).

"Их (рабов и поденщиков) цепи сделаны из одного и того же вещества и только различно окрашены. У одних они черные и кажутся массивными; у других они менее мрачного цвета и кажутся легче; но взвесьте их беспристрастно, и вы не заметите никакой разницы: и те и другие скованы нуждой. Они одного и того же веса, или, вернее, если одна из них несколько тяжелее, то именно та, которая с виду кажется более легкой" (стр. 510).

Он восклицает, обращаясь к французским просветителям, по поводу рабочих:

"Разве вы не видите, что богатство пастырей создается пограблением, глубочайшим принижением огромнейшей части стада?.. Я советую вам в его (пастыря) интересе, в вашем и даже в интересе их (овец) оставить их в том убеждении, в котором они живут, что даже собака, лающая на них, одна уже сильнее их всех, вместе взятых. Пусть они глупо разбегаются при одном виде ее тени... Тем легче будет вам их сгонять для стрижки. Тем больше они будут застрахованы от опасности стать добычей волков,—конечно, только для того, чтобы пойти в пищу людям. Но такова их участь с того момента, как они вошли в свое стойло. Прежде, чем говорить о том, чтобы их оттуда вывести, вам следовало бы начать с разрушения стойла, т.-е. общества" (стр. 512, 513).

14. Воспроизведение и обращение всего общественного капитала по «Tableau économique» Кэнэ *).

"Tableau économique" Кэнэ показывает в немногих главных чертах, каким образом годовой продукт национального производства, определенной ценности, так распределяется путем обращения, что при прочих равных условиях является возможным его простое воспроизводство, т.-е. воспроизводство в том же масштабе. Исходным пунктом данного периода является, естественно, жатва предыдущего года. Бес-

*) Эта глава составлена по двум критическим очеркам названного "Tableau", которые надо было переработать в одно целое. Один из них был испещрен рядом отступлений, которые пришлось, в свою очередь, выделить и отнести в приложение. Кроме того, для лучшего понимания нужно было заполнить некоторые пробелы. Анализ процесса обращения не был доведен до конца. Таким образом тут недостаточно было простого редактирования, а пришлось произвести полную переработку, элементы которой впрочем почти целиком взяты у Маркса, даже и тогда, когда они отмечены прямыми скобками, как введенные мной. С этой целью я воспользовался вторым томом "Капитала", равно как и принадлежащей Марксу главой "Aus der kritischen Geschichte" Антидиюринга Энгельса. Изложение взято со страниц 422—437 рукописи. Вводная часть на стр. 78—80 взята из дальнейшего со стр. 1434. К.

численные индивидуальные акты обращения сразу берутся в их совокупности, как характерно-общественный массовый процесс: обращение между великими, функционально определенными экономическими классами общества.

Кенэ предполагает большое государство, земля которого приносит ежегодно валовой продукт, ценностью, в среднем, в пять миллиардов ливров,—при неизменяющихся ценах. Нация состоит из трех классов: производительного (земледельца), бесплодного (все, кроме занятых земледелием) и класса землевладельцев (обнимающего всех настоящих земельных собственников, государя и лиц, имеющих право на получение десятины).

Авансы годового оборотного капитала (*avances annuelles*), делаемые производительным классом на производство пяти миллиардов, составляют два миллиарда. Два миллиарда составляют *produit net*, — доход землевладельцев. Наконец, бесплодный класс авансирует капитал в миллиард ливров на сырые материалы и потребляет во время производства на миллиард средств существования, в результате чего создает на два миллиарда промышленных продуктов.

Производительный класс, сверх валового продукта, ценностью в пять миллиардов, располагает в начале обращения еще денежным запасом в два миллиарда.

„Tableau“ изображает обращение между различными классами следующим образом:

	Общая, вновь созданная ценность в 5 миллиардов.		
	Годовой оборотный капитал производительного класса	Доход землевладельцев	Годовой оборотный капитал бесплодного класса.
	2 миллиарда.	2 миллиарда.	1 миллиард.
	<hr/>		
Суммы, идущие на уплату дохода землевладельцев и процен- тов на основной капитал (<i>avances primitives</i>).	{ 1 миллиард 1 миллиард 1 миллиард		1 миллиард
			1 миллиард
Возмещение годового оборотного капитала	2 миллиарда		
Сумма	5 миллиардов		
			Сумма — 2 миллиарда, из коих половина относится в качестве оборотного капитала на следующий год.

В этом „Tableau“ прежде всего заслуживает внимания и особенно должно было импонировать современникам то обстоятельство, что денежное обращение изображается в нем, как всецело обусловленное обращением товаров и их воспроизводством, т.-е. на самом деле процессом обращения капитала.

Класс арендаторов F (fermier) прежде всего платит 2 миллиарда франков деньгами классу землевладельцев P (propriétaire). Этот последний покупает из этих средств у F на миллиард с'естных припасов. Следовательно, к F протекает обратно один миллиард в виде денег, при чем одна пятая часть валового продукта выходит из обращения в потребление.

Затем P покупает на миллиард деньгами миллиард промышленных товаров у бесплодного класса (S). Этот миллиард денег теперь в руках бесплодного класса, который покупает у F на эту сумму с'естных припасов. Тем самым второй миллиард, который F уплатил P, возвращается обратно к F. С другой стороны, другая пятая часть продукта F выходит из обращения в потребление. К концу этого процесса мы опять находим, стало-быть, два миллиарда денег в руках F.

Теперь F покупает у S на миллиард промышленных товаров для возмещения половины своего годового авансированного капитала, поскольку тот состоит частью из инструментов, частью из мануфактурных товаров, потребляемых F во время производства. Тем самым вторая половина продукта S находит себе применение.

S, в свою очередь, употребляет миллиард денег, полученных им за вторую половину своих товаров, на покупку второй половины своих средств производства, сырья и т. д. Следовательно, миллиард денег возвращается к F.

[Таким образом, в обращении было на два миллиарда промышленных товаров и на три миллиарда сельскохозяйственных продуктов].

Остаются еще две пятых сельскохозяйственного продукта.

[С другой стороны, остаются еще не возмещенными половина годового оборотного капитала и проценты на основной капитал в сельском хозяйстве. Кенэ, как мы видели, исходит из предположения, что оборотный капитал (avances annuelles) сельского хозяйства составляет два миллиарда. Но, кроме того, имеется еще основной капитал — строения, рабочий скот и тому подобное. Ценность его Кенэ в своем примере принимает в десять миллиардов, годовые проценты на него (intérêts) в 10 процентов, т. е. в один миллиард. Однако, под этими процентами он понимает не прибавочную ценность, а издержки ремонта и содержания построек, покупки скота, а равно и накопление фонда для возмещения потерь, которые могут быть вызваны неурожаем, падежом скота, наводнениями и т. п., а где можно, идут на удобрение почвы и на расширение предприятия. Таким образом, этот третий миллиард соответствует в общем и целом той части ценности основного капитала, которая равняется его годовому изнашиванию и вновь появляется в ценности годового продукта. Она и потребляется главным образом в сельском хозяйстве, которое ее производит (потребляется в форме с'естных припасов для строительных рабочих, в форме прикупи скота, запасов на случай бедствий и т. п.).

Сумма оборотного капитала, потребляемого в течение года, и фонд, который создается для возмещения годичного изнашивания основного капитала, составляет три миллиарда; из той части валового продукта, которая соответствует этому потребленному капиталу, продается только на один миллиард продукта, и на это покупаются промышленные продукты; остальные два миллиарда состоят из продуктов, потребляемых самим сельским хозяйством. Стало-быть, они не участвуют в обращении.

Поэтому по окончании всего процесса мы находим на стороне сельского хозяйства на миллиард промышленных продуктов и на два миллиарда сельскохозяйственных, которые представляют собой элементы его оборотного капитала, а равно и служат для возмещения изношенного в предыдущий год основного капитала. На стороне промышленности остается на миллиард сырых материалов, а также на миллиард естественных припасов, служащих для продолжения промышленного производства. Таким образом, до следующей жатвы обеспечено воспроизводство в том же масштабе].

* * *

Даже с точки зрения Кенэ,—по мнению которого весь класс бесплодных на самом деле состоит только из наемных рабочих,—можно видеть из „Tableau“ ошибочность его предположений.

У производительного класса *avances primitives* (основной капитал) предполагается в размере пять раз больше суммы *avances annuelles* (оборотного капитала). Для бесплодного класса эта статья вовсе не упоминается, что, понятно, не мешает ей существовать.

Далее, неверно, что воспроизводится только пять миллиардов. По „Tableau“ это воспроизводство равно семи миллиардам: пять на стороне производительных и два на стороне бесплодных.

Продукт бесплодных равен двум миллиардам. Этот продукт состоит из миллиарда сырых материалов, которые таким образом частью входят в продукт, частью возмещают изнашивание вошедших в ценность продукта машин, и из одного миллиарда средств существования, которые потреблены при выработке этого продукта.

Весь этот продукт они продают землевладельцам и производительным*) работникам, для возмещения, во-первых, авансов (в виде сырых материалов), во-вторых, для получения от сельского хозяйства естественных припасов. Значит, для их собственного потребления не остается ни на один грош мануфактурных продуктов, а процентов и прибыли они и подавно не получают. Господин Бодо (или Летрон) замечает это. Он объясняет дело тем, что бесплодные продают свой продукт выше его ценности, и таким образом то, что они продают за два миллиарда, равно двум миллиардам

*) В рукописи сказано „бесплодным“ К.

минус x *). Так что прибыль и даже потребление необходимых им естественных припасов объявляются только продажей товаров по цене, превышающей их ценность. Следовательно, тут физиократы неизбежным образом опять возвращаются к понятиям меркантильной системы, к *profit upon alienation*. Затем-то так и нужна свободная конкуренция между промышленниками, чтобы они не слишком надували производительных сельских хозяев. С другой стороны, свободная конкуренция нужна для того, чтобы земледельческий продукт продавался „по хорошей цене“, чтобы он при продаже за границу шел выше своей местной цены, так как предполагается страна, вывозящая хлеб и т. д.

[Несмотря на все это. „Tableau“ было плодом гениальнейшей мысли]. Это была попытка представить весь процесс капиталистического производства, как процесс воспроизводства, а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства; обращение денег — только как момент обращения капитала; равным образом, это была попытка рассмотреть с точки зрения этого процесса воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом и отношение между производительным и окончательным потреблением; а с точки зрения процесса обращения здесь рассматривалось обращение между потребителями и производителями (в действительности — между капиталом и доходом): наконец, это была попытка представить в виде моментов этого процесса воспроизводства обращение между двумя крупными отраслями

*) Очевидно, речь идет об „Explication du Tableau économique“ аббата Бодо где тот говорит, что бесплодный класс, частью прямо, частью косвенно, через класс землевладельцев, получает от производительного класса пятую часть жатвы в виде естественных припасов и пятую часть в виде сырых материалов. Обрабатывая эти части, он удерживает за собой столько, сколько ему удастся. И только часть продукта он отдает обратно землевладельцам, а другую часть — производительному классу.

„Взятые вместе, эти три части в необработанном виде равны ценности пятой части жатвы: после обработки бесплодный класс отдает только две части и в обмен на это получает две пятых всей жатвы“.

Положим, что все части по величине равны: тогда на каждый класс приходится треть промышленных продуктов, т. е. подвергшихся обработке сырых материалов; так как вместе они составляют пятую часть жатвы, то доля каждого класса равна одной пятнадцатой части ее.

„Класс землевладельцев дал бесплодному классу одну пятую валовой ренты; он получает одну пятнадцатую той же жатвы обратно в обработанном виде и с доставкой“ (*façonnés et trafiqués*).

„Производительный класс (в тексте сказано, по ошибке, „бесплодный“. К.) точно также отдает пятую часть сырых естественных продуктов, чтобы получить одну пятнадцатую в обработанном виде.

„Отсюда следует, что промышленный труд и другие услуги бесплодного класса обходятся другим классам в 300 процентов“ („*Physiocrates*“ éd. Daire Paris 1846, стр. 854).

Бодо тут имеет в виду только количество материи, а не ценность. Бесплодный класс наряду с сырыми материалами при промышленном и торговом труде потребляет также и средства существования. Общая ценность его продукта, по предположению „Tableau“, равна тому, что он потребляет индивидуально и производит, а именно — двум пятым жатвы. Но треть этого он удерживает и продает двум другим классам остальные две трети промышленного продукта, ценность которых составляет только четыре пятнадцатых жатвы, — за шесть пятнадцатых, следовательно, выше их ценности. К.

производительного труда—добывающей и обрабатывающей промышленности; и все это изображено,—в первой трети восемнадцатого столетия, когда политическая экономия была еще в пеленках, — в одном „Tableau“, которое состоит только из пяти линий, соединяющих шесть исходных точек возврата. Это, бесспорно, была одна из гениальнейших выдумок, в каких только провинилась до сих пор политическая экономия.

[Понятна поэтому] гиперболическая фраза маркиза Мирабо, цитируемая Адамом Смитом не без иронии: „Три великие открытия сделаны с тех пор, как существует мир. Первым было введение письменности... вторым—изобретение (!) денег..., третье—это Tableau économique, результат и завершение двух первых“.

Что же касается обращения капитала—процесса его воспроизводства различных форм, принимаемых им в этом процессе—связи обращения капитала с общим обращением, т.-е. не только обмена капитала на капитал, но и обмена между капиталом и доходом—то, действительно, Смит только принял от физиократов наследство, тщательно подвел под рубрики отдельные предметы инвентаря и установил их названия; но едва ли он изложил и истолковал весь процесс в целом так правильно, как это было выполнено графически в Tableau économique, несмотря на ошибочные предпосылки Кенэ. И если Смит говорит о физиократах: „без сомнения, их труды были бесполезны для их страны“ (I. с.), то это до нескромности скромная оценка значения такого, например, физиократа, как Тюрго,—одного из настоящих отцов французской революции.

Приложение

к «Tableau économique».

1. Первые два акта обращения, указываемые в «Tableau».

[Денежное обращение начинается с класса арендаторов, которые, восстановив в натуральной форме свой оборотный капитал, имеют еще сверх того три миллиарда сельскохозяйственного валового продукта и два миллиарда деньгами. При этом предполагается, что все отдельные акты купли и продажи, происходящие между классами в течение годового производства, соединены в одну общую сумму.

Арендаторы F платят два миллиарда земельной ренты землевладельцам P. Те, в свою очередь, покупают на миллиард средств существования у F и на миллиард промышленных товаров—у S. От S этот миллиард возвращается обратно к F, когда S закупают средства существования. У арендаторов опять оказывается два миллиарда денег, но только на один миллиард продукта].

Два миллиарда денег совершили четыре акта обращения.

Во-первых, они послужили средством уплаты ренты. В этой функции они не перемещали никакой части годового продукта, а обращались исключительно, как ассигновка на равную ренте часть валового продукта.

Во-вторых, P покупает у F средства существования на половину 2000 миллионов. F в сущности только получил обратно в этой тысяче миллионов половину ассигновки, выданной им землевладельцу на две пятых своего продукта [при уплате земельной ренты]. Следовательно, эти 1000 миллионов служат покупательным средством и в размере этой суммы приводят в обращение товар, который при этом идет в окончательное потребление.

Если рассматривать только этот отдельный акт, то в нем деньги играют для арендатора лишь ту роль покупательного средства, в которой они всегда выступают для продавца, а именно они являются превращенной формой его товара. Но если рассматривать этот акт обращения в связи с грядущим актом обращения, то деньги служат тут не простой метаморфозой товара арендатора или золотым эквивалентом этого товара. Правда, арендатор получает 1000 миллионов в виде денег за 1000 миллионов в форме товара, но на деле он таким путем лишь покупает обратно деньги, которыми уплатил землевладельцу ренту. Этот последний платит арендатору полученными от него без эквивалента деньгами.

Это возвращение денег к арендатору при рассмотрении процесса в связи с первым актом обращения, т.-е. в связи с уплатой ренты, не позволяет арендатору считать эти деньги простым средством обращения. Поэтому оно существенно разнится от того возвращения денег к своей исходной точке, которое выражает процесс воспроизводства.

2. Обращение между землевладельцем и арендатором.

Возьмем пример: капиталист, или—чтобы совсем устранить здесь характерные черты капиталистического производства—производитель издерживает 100 ливров на сырье, рабочие инструменты и средства существования в течение того времени, когда он работает. Предположим, что он прибавил к средствам производства лишь столько труда, сколько издержал на средства своего существования, т.-е. на уплачиваемую им самому себе заработную плату. Если сырых материалов было на 60 ливр., потребленных средств существования—на 20 ливр. и прибавленного труда, в силу сказанного, тоже на 20 ливр, то продукт равен 100 ливрам. Если производитель, в свою очередь, продает его, то 100 ливров возвращаются к нему в виде денег. Это возвращение денег к их исходной точке выражает здесь не что иное, как постоянное воспроизводство, Простая метаморфоза $D—T—D$, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги—эта простая смена товарной и денежной форм представляет здесь процесс воспроизводства. На ряду с этим происходит превращение денег в товар—в средства производства и существования, затем эти товары вступают в процесс труда в качестве его элементов и выходят из этого процесса в форме продукта; таким образом, в результате процесса мы опять видим товар, а именно с того момента, когда готовый продукт опять входит в процесс обращения и при этом противопоставляется деньгам, как товар; и наконец мы видим его обратное превращение в деньги, так как готовые товары только тогда могут быть вновь обменены на элементы их производства, когда они сами предварительно превратятся в деньги. Постоянное возвращение денег к своей исходной точке выражает здесь не только превращение денег в товары и обратное превращение товара в деньги,—каким оно является в простом процессе обращения или в чистом товарном обмене,—но означает также и постоянное воспроизводство товара на стороне того же производителя. Меновая ценность (деньги) превращается в товары, которые находят себе применение в качестве потребительных ценностей и притом идут в производительное или промышленное потребление, почему и восстанавливают свою первоначальную ценность, а следовательно (в вышеприведенном примере, где производитель зарабатывает только средства своего существования) снова превращаются в ту же сумму денег. Здесь формула $D—T—D$ выражает, что D не только по форме превращается в T , но что T в самом деле получает применение, как потребительная ценность уходит из обращения в потребление, но именно в промышленное потребление, так что ценность его сохраняется и воспроизводится в потреблении, почему D опять появляется в конце процесса: $D—T—D$.

Напротив, в упомянутом возвращении денег от землевладельца к арендатору нет никакого процесса воспроизводства. Дело обстоит так, как-будто бы арендатор дал землевладельцу марки или талоны на 1000 миллионов продукта. Когда землевладелец расходует эти талоны, они возвращаются к арендатору, т.-е. тот их выкупает. Если бы землевладелец позволял выплачивать себе поло-

вину ренты непосредственно натурой—in natura—то не было бы никакого денежного обращения. Все обращение ограничивалось бы простой передачей продукта, переходом его из рук арендатора в руки землевладельца. Но арендатор сначала выдает землевладельцу вместо товара деньги, потом этот последний возвращает деньги арендатору, чтобы получить товар. Деньги служат арендатору платежным средством в сношениях с землевладельцем, а для этого последнего они являются покупательным средством в сделке с арендатором. В первой функции деньги уходят от арендатора, во второй—возвращаются к нему обратно. Такого рода возвращение денег к производителю должно происходить в який раз, когда он выплачивает своему доверителю вместо части своего продукта ценность его в деньгах, а доверителем тут является всякий, кто служит совладельцем прибавочного продукта.

Например, все налоги уплачиваются производителями в денежной форме. При этом деньги при них служат платежным средством по отношению к государству. При помощи их государство покупает у производителей товары. Деньги являются в его руках покупательным средством и возвращаются к производителям в таком же количестве, в каком от них уходят их товары.

Этот момент возвращения, это своеобразное, не вызываемое воспроизводством возвращение денег должно всегда иметь место при обмене дохода на капитал. Здесь возвращение денег вызывается не воспроизводством, а потреблением. Доход выплачен деньгами, но он может быть потреблен только в виде товаров. Так что деньги, полученные от производителей в виде дохода, должны быть возвращены им в том же размере ценности для обмена на товары, т-е для того, чтобы доход мог быть потреблен. Деньги, которыми уплачивается доход, т-е, напрчмер, рента, или процент, или налоги, принимают общую форму платежного средства (промышленный капиталист уплачивает сам себе свой доход продуктом или, продав продукт, выплачивает себе ту часть его, которая составляет его личный доход). Стало-быть, та часть продукта арендатора, которая составляет платимую им ренту, нуждается для обращения между арендатором и землевладельцем, лишь в такой сумме денег, которая равна ценности продукта, хотя эта ценность обращается дважды. Сначала арендатор платит ренту деньгами; потом землевладелец покупает на те же деньги продукт. Первое является простой передачей денег, так как деньги выступают только в качестве платежного средства. Напротив, во втором случае деньги служат покупательным средством, средством обращения товара. Выходит—как-будто арендатор выкупает у землевладельца долю продукта при помощи денег, которыми он выплачивает ему его ренту. А тот, в свою очередь, покупает у арендатора продукт на те же самые полученные от него деньги.

Следовательно, та же сумма денег, которая в форме платежного средства уплачена производителями владельцам дохода, служит этим последним средством для покупки товаров у первых. Этот двукратный переход денег из рук производителя в руки владельца дохода, и обратно, выражает собою таким образом лишь однократное перемещение товара: из рук производителя в руки владельца дохода. Так как производитель является в некотором роде должником владельца дохода на часть своего продукта, то он под видом ренты лишь выплачивает владельцу дохода ценность товара, фактически уже перемещенную в его собственность. Товар находится в руках арендатора, но не принадлежит ему. Так что арендатор при помощи денег, платимых им в форме ренты, приобретает этот товар в собственность. Товар при этом не переходит из рук в руки. Если же передаются деньги, то это является только передачей права на владение товаром, который попрежнему остается в руках производителя. Отсюда это двукратное перемещение денег при однократной лишь передаче товара. Деньги обращаются дважды для того, чтобы вызвать одно перемещение товара. Но один раз они перемещаются, как средство обращения (покупательное средство); другое же перемещение они совершают в качестве платежного средства, обращение которого, как объяснено выше, не сопровождается переходом товара на место денег и денег на место товара.

В самом деле, если у арендатора нет денег, а есть только продукт, то он может оплатить свой продукт только после предварительной продажи своего товара, иными словами, прежде чем арендатор сможет оплатить землевладельцу товар в форме денег, этот товар должен пройти свою первую метаморфозу. Но, даже принимая во внимание и это, мы имеем больше перемещений денег, чем товара. Сначала происходит акт Т—Д: товар продается и превращается в деньги. Это—одновременное перемещение товара и денег. Но затем те же самые деньги переходят без перемещения товара из рук арендатора в руки землевладельца. Тут происходит перемещение денег без перемещения товара. Выходит так, как-

будто бы арендатор имеет соучастника в предприятии. Он получил деньги, но обязан разделить их со своим компаньоном. Или, вернее, два миллиарда находятся в таких условиях, как будто бы эти деньги взяты на сохранение слугой землевладельца. Этот слуга должен отдать их землевладельцу; он не имеет права задержать их у себя. Переход денег из рук в руки вовсе не представляет здесь товарной метаморфозы, а лишь простую передачу денег из рук их непосредственного обладателя в руки их собственника. А это то же самое, как если бы первый получатель денег служил только их переносчиком к их владельцу, и т. д. В этом случае деньги не служат даже и платежным средством, а просто происходят передача их из рук получателя, которому они не принадлежат, в руки собственника.

Такого рода перемещение денег не имеет решительно ничего общего с товарной метаморфозой, как и перемещение, происходящее при простом размене одного вида денег на другой. Когда же деньги служат платежным средством, то всегда предполагается, что платящий получил раньше товар, за который он потом и расплачивается. Что касается арендатора и т. д., то он не получил ил этого товара; товар до перехода к землевладельцу остается в руках арендатора и составляет часть его продукта. Но юридически арендатор приобретает на товар право собственности только тогда, когда отдает полученные за него деньги землевладельцу. Его право на товар изменяется; сам же товар по-прежнему остается у арендатора. Прежде он был только владельцем товара, собственником которого был землевладелец. Теперь товар составляет его личную собственность. Но перемена юридической формы, оставляющая товар в одних и тех же руках, естественно не вызвала перехода самого товара в другие руки *).

3. Последние акты обращения.

Теперь перейдем к третьему акту обращения. Р покупает у S промышленные товары на второй из полученных им в качестве ренты миллиардов. Теперь товар на сумму в 1000 миллионов переходит от S к Р, и наоборот, 1000 миллионов денег переходит от Р к S. Это простое обращение. Деньги и товар переходят из рук в руки во взаимно противоположном направлении. Фабричные товары на 1000 миллионов, продаваемые классом S классу Р, идут в потребление.

Наконец, четвертый акт обращения: S, с своей стороны, покупает у F на 1000 миллионов средств существования, которые точно также идут в потребление. Эти 1000 миллионов служат средством обращения между S и F. Но в то же время здесь имеют место два явления, которых нет в процессе обращения между S и F. В этом последнем процессе S превращает часть своего продукта в деньги. А при обмене с F он, во-первых, опять превращает деньги в средства существования,—по Канэ, составляющие заработную плату,—т. е. он тем самым возмещает свой капитал, издержанный на заработную плату и потребленный. Это обратное превращение 1000 миллионов денег в товар у F означает простое потребление, а у S—промышленное потребление, воспроизводство, потому что S превращает часть своего товара опять в один из элементов его производства—в средства существования. Следовательно, одна из товарных метаморфоз, обратное превращение денег в товар, означает тут начало действительной, а не только формальной метаморфозы товара, начала его воспроизводства, обратного превращения в элемент его собственного производства. Это в то же время—метаморфоза капитала. Напротив, для Р доход только превращается из денежной формы в товарную. Это означает только потребление.

Во-вторых, когда S покупает у F на 1000 миллионов средств существования, то к F возвращаются вторые 1000 миллионов, которыми он уплатил Р земельную ренту. Но они только потому возвращаются к F, что он вновь привлекает их из обращения, выкупает эквивалентом в виде товаров на 1000 миллионов. То же самое было бы, если бы землевладелец, кроме первых 1000 миллионов, позволил бы арендатору выплатить себе 1000 миллионов, т. е. вторую часть своей земельной ренты, средствами существования и затем обменял бы их на товары S. S только взыскивает (lifts) для Р в виде товаров вторую часть 2000 миллионов, которые F уплатил Р деньгами. При натуральном обмене F дал бы Р 2000 миллионов в виде средств существования; Р сам потребил бы 1000 мил-

* Тут идут два длинных отступления, которые я поместил ниже в тексте этого приложения (§§ 4 и 6), чтобы не слишком нарушать ход мыслей. К.

лионов и отдал бы S другие 1000 миллионов средств существования в обмен на его промышленные товары.

В этом случае произошли бы только следующие акты: 1) перемещение средств существования на 2000 миллионов от F к P; 2) непосредственный обмен товарами между P и S, при котором первый обменял бы 1000 миллионов средств существования на промышленные товары в той же сумме и vice versa. Вместо этого происходят четыре акта обращения: 1) перемещение 2000 миллионов денег от F к P; 2) P покупает у F на 1000 миллионов средств существования. Деньги притекают обратно к F; 3) P покупает у S на 1000 миллионов промышленных товаров. Деньги служат средством обращения, переходят из рук в руки в направлении, противоположном перемещению товара; 4) S покупает у F средства существования на 1000 миллионов деньгами. Деньги служат средством обращения к F, так как теперь взысканы вторые 1000 миллионов, на которые землевладелец имеет от F ассигновку. Но деньги возвращаются к нему не прямо от землевладельца, а лишь после того, как они послужили средством обращения между P и S, и после того, как они, не взыскав еще у F на 1000 миллионов средств существования, взяли у фабриканта и передали землевладельцу на 1000 миллионов промышленных товаров. Превращение этих товаров в деньги (в обмене с землевладельцем), как и последующее превращение денег в средства существования (в обмене с арендатором), являются с точки зрения S метаморфозой его капитала, сначала в денежную форму, а затем в форму составных элементов, нужных для воспроизводства капитала.

В руках F теперь находятся, стало-быть, опять—2000 миллионов денег и 1000 миллионов в форме товара. Теперь F для восстановления капитала покупает у S 1000 миллионов фабричных товаров. Это—простой процесс обращения. На обеих сторонах происходит метаморфоза капитала, 1000 миллионов денег арендатора опять превращаются в элементы производства для процесса своего воспроизводства. Готовый товар S обратно превращается в деньги, продельвая формальную метаморфозу товара в деньги, без которой капитал не мог бы опять превратиться в средства своего производства.

Это пятый акт обращения. Промышленные товары на сумму в 1000 миллионов уходят из обращения в воспроизводительное потребление.

Наконец, S обратно превращает 1000 миллионов денег, в виде которых теперь существует половина его товаров, в другую половину своих средств производства [покупает последние 1000 миллионов, которые оставались у F в товарной форме] в виде сырья. Это—простое обращение и в то же время для S метаморфоза его капитала в форму, допускающую его воспроизводство, а для F—обратное превращение его продукта в деньги. Теперь последняя, пятая часть валового продукта уходит из обращения в потребление.

Следовательно, в распоряжении F опять 2000 миллионов деньгами, что в порядке вещей, так как Кенэ считает сельского хозяина капиталистом, по отношению к которому P—только получатель дохода, а S—только наемный рабочий. Если бы он платил им непосредственно своим продуктом, он не тратил бы никаких денег. Но так как он выдает деньги, то и они покупают на деньги его продукт, и деньги возвращаются к нему обратно. Это—формальное возвращение денег к промышленному капиталисту, который, в качестве покупателя, открывает и заканчивает все предприятие в его целом.

4. Обращение между капиталистом и рабочим.

Возвращение денег к своей исходной точке происходит также и в той части капитала, которая обращается между промышленным капиталистом и рабочим, т. е. в той части оборотного капитала, которая составляет переменный капитал. Капиталист платит рабочему его заработную плату деньгами; рабочий на эти деньги покупает товар у капиталиста, и деньги таким путем возвращаются к этому последнему. На практике они возвращаются к банкиру капиталиста. Но, в действительности, банкиры предоставляют совокупный капитал отдельных капиталистов (?)*, общий капитал, поскольку он является в виде денег. Само по себе это возвращение денег вовсе не означает воспроизводства. Капиталист покупает на деньги труд рабочего, рабочий на те же деньги покупает товар у капиталиста. Одни и те же деньги выступают сначала, как

*) Здесь одно слово неразборчиво. К.

средство для покупки труда, потом—как средство для покупки товара. Если деньги возвращаются к капиталисту, то именно потому, что он сначала является покупателем, а затем, наоборот, становится по отношению к тому же самому лицу—продавцом. Они уходят от него, как от покупателя, а возвращаются к нему, как к продавцу. Напротив, рабочий выступает сначала продавцом, а потом покупателем, т. е. он прежде получает деньги, а затем выдает их, между тем как капиталист, в противоположность ему, сперва выдает их, а потом получает. Со стороны капиталиста происходит процесс $D—T—D$. Он покупает на деньги товар (рабочую силу); за продукт этого товара—рабочей силы—он покупает деньги или продает этот продукт обратно своему прежнему продавцу—рабочему.

Напротив того, со стороны рабочего обращение совершается в форме $T—D—T$. Он продает свой товар, рабочую силу, и на вырученные деньги выкупает обратно часть своего собственного продукта. Конечно, могут сказать: рабочий продает товар, рабочую силу, за деньги, тратит эти деньги на товары, а затем опять продает свою рабочую силу, следовательно и он также выполняет процесс $D—T—D$; и так как деньги постоянно обращаются между ним и капиталистом, то, смотря по тому, на чью точку зрения мы станем—мы можем с таким же правом сказать, что рабочий, подобно капиталисту, совершает процесс $D—T—D$. Однако, покупателем является капиталист. Возобновление процесса исходит от него, а не от рабочего, между тем как возвращение денег к нему неизбежно, так как рабочий должен покупать средства существования. При этом оказывается, как и во всех процессах, где формой обращения на одной стороне является $D—T—D$, а на другой $T—D—T$, что целью процесса труда служат, на одной стороне, меновая ценность, деньги и потому увеличение ценности, а на другой—потребительная ценность, потребление. Это происходит и при возвращении денег в первом из рассмотренных нами случаях, где на стороне арендатора совершается процесс $D—T—D$, а на стороне землевладельца $T—D—T$, так как D , при помощи которых этот последний покупает у арендатора, служат денежной формой земельной ренты, следовательно уже являются результатом $T—D$ и служат видоизмененной формой части продукта, принадлежащей землевладельцу еще в земле, *in natura*.

То же самое, например, имеет место при обмене постоянного капитала. Фабрикант машин покупает железо у его производителя и продает ему машину. В этом случае деньги притекают обратно. Они были выданы в виде средства для покупки железа. Затем они служат железозаводчику средством для покупки машины и обратно притекают к фабриканту машин. Выдавая деньги, фабрикант машин получает железо, и, получая деньги, он отдает машину. При этом одно и то же количество денег послужило для обращения двояко в большей ценности. Например, фабрикант машин купил на 1000 ливров железа; железозаводчик покупает на те же 1000 ливров машин. Ценность железа и машин составляет вместе 2000 ливр. Но таким образом в обращении должны находиться 3000 ливр.: 1000 ливр.—деньгами, 1000 ливр.—машинами и 1000 ливр.—железом. Если бы капиталисты производили обмен *in natura*, то товары переходили бы из рук в руки, но в обращении не было бы ни копейки денег. То же имеет место, когда капиталисты сводят между собой счеты, пользуясь деньгами как платежным средством. Ничто не меняется и в том случае, если в обращение идут бумажные деньги или кредитные знаки (банковые билеты). Тут в обращение входят еще 1000 ливров в виде банковых билетов но у них нет никакой реальной ценности. Как бы то ни было, и здесь в обращении те же 3000 ливр.: 1000 ливр.—в виде железа, 1000 ливр.—в форме машин и 1000 ливр.—банковыми билетами. Но эти 3000 ливр. существуют, как и в первом случае, только потому, что у фабриканта было 2000 ливр.: на 1000 ливр. машин и 1000 ливр. денег—в виде золота, серебра, или банковых билетов. В обоих случаях железозаводчик отдает ему обратно только те деньги, которые он от него получил, так как фабрикант машин не оплатил первый товар, железо, товаром (т. е. машинами),—и внес ему поэтому деньги. Когда же фабрикант машин производит расплату товаром, т. е. продает товар железозаводчику, этот последний возвращает ему деньги, так как оплата не производится дважды, раз—деньгами, второй раз товаром.

В том и другом случае, как деньги, так и банковые билеты представляют превращенную форму товара, уже проданного фабрикантом машин, или же представляющую превращенный в деньги, хотя еще не проданный товар (как, напр., доход землевладельца). Здесь возвращению денег только означает, что тот, кто пустил деньги в обращение, уплачивая ими за товар, извлекает их из обращения обратно путем продажи другого товара, который при этом, в свою очередь, входит в обращение. Одни и те же 1000 л. могли бы в течение одного дня

пройти через руки тридцати капиталистов, и это было бы только перемещением капитала из одних рук в другие. Машина, положим, перешла к железозаводчику, железо—к крестьянину, пшеница—к фабриканту крахмала или спирта. В конце концов, 1000 л. могла бы опять вернуться в руки фабриканта машин, от него перейти к железозаводчику и т. д. И таким образом с помощью 1000 л. денег могло бы обращаться более чем на 4000 л. товара, при чем деньги могли бы постоянно возвращаться в руки того, кто их выдал.

Из части прибыли, создаваемой этими 4000 л., образуется процент, уплачиваемый различными капиталистами, например, фабрикантом машин—тому лицу, которое ему ссудило 1000 л., железозаводчиком—тому, кто ему ссудил 1000 л., исподволь расходуемые им на уголь, заработную плату и т. д. Из этого факта господин Прудон выводит то заключение, что эти 1000 л. денег приносят все проценты, получаемые с 4000 л. Таким образом, если бы норма процента равнялась пяти, то 1000 л. принесла бы 2000 л. в виде процента. Предположив это, он верно заключает, что 1000 л. дали 200 процентов. И это критик политической экономии par excellence! *).

Но хотя формула Д—Т—Д, изображающая денежное обращение между капиталистом и рабочим, сама по себе не означает вовсе акта воспроизводства, однако, она выражает постоянное повторение этого акта обращения, непрерывное возвращение денег. Ни один покупатель не может снова и снова выступать в качестве продавца, не воспроизводя продаваемого им товара. И это верно в применении ко всем тем, которые живут не на ренту, проценты или налоги. Но на стороне одних, при окончании акта, мы везде видим возвращение денег: Д—Т—Д, как, напр., на стороне капиталиста в его отношениях с рабочим, землевладельцем или ратнею (с этой стороны простое возвращение денег). А на другой стороне—у рабочего—акт завершается покупкой товара, т.-е. происходит процесс Т—Д—Т. И рабочий постоянно возобновляет этот акт. Он всегда берет на себя начин продажи, а не покупки. И это верно в применении ко всей совокупности того денежного обращения, которая означает собою лишь расходование дохода.

Так, например, капиталист сам потребляет ежегодно известное количество продукта. Он превратил свой товар в деньги для покупки товаров, которые он хочет потребить. Здесь происходит процесс Т—Д—Т, и нет никакого возвращения денег к капиталисту, но зато они направляются к продавцу, например, к купцу, капитал которого возмещается благодаря тому, что капиталист расходует свой доход.

Возможен еще случай обмена доходов двух капиталистов. Мясник покупает хлеб у пекаря, пекарь—мясо у мясника; оба потребляют свой доход. Мясо, съедаемое мясником, и хлеб—пекарем, не оплачиваются ими. Эту часть дохода каждый из них потребляет in patria. А возможно, что и мясо, которое булочник покупает у мясника, возмещает этому последнему не капитал, а доход, ту часть проданного им мяса, которая составляет не только его прибыль, но именно ту часть его прибыли, которую он хочет сам преесть; и хлеб, покупаемый мясником у булочника, является для мясника затратой его дохода. При расчете останется лишь уплатить баланс тому или другому из них. В их обоюдной купле

*) Вот то место у Прудона, которое имеется здесь в виду: „По показаниям наиболее сведущих писателей, сумма гипотечных долгов (во Франции) составляет 12 миллиардов; по показаниям других—13 миллиардов; сумма долгов по простым векселям самое меньшее—6. по командитным вкладам—около 2; сумма государственных долгов—8; итого—28 миллиардов... Все эти долги, заметьте, состоят из денежных сумм, занятых действительно или номинально по 4, 5, 6, 8, 12, даже 15 процентов. Я принимаю за среднее—процент первых трех категорий—6 процентов: это дает на 20 миллиардов 1200 миллионов. К этому нужно прибавить уплату процентов по государственным долгам, около 400 миллионов, всего 1600 миллионов годовых процентов на капитал в 1000 миллионов. Следовательно, 160 процентов“. Потому что „сумма денег—я не хочу сказать вообще имеющихся во Франции, но денег, входящих в обращение, включая касовую наличность банков,—не превосходит, по самой строгой оценке, одного миллиарда“ (стр. 152): „Когда обмен закончен, деньги опять могут быть пущены в дело и, следовательно, опять могут быть отданы в заем... Поэтому денежный капитал возвращается, переходя из рук в руки, к своему источнику; отсюда следует, что повторная отдача в заем, совершаемая все то же рукой, приносит выгоду все тому же лицу“ *Gratuité du crédit. Discussion entre M. F. Bastiat et M. Proudhon. Paris 1850. (Стр. 154).*

и продаже не происходит никакого денежного обращения для той части товара, которая уравновешена обменом. Но предположим, что булочник должен уплатить баланс и что этот баланс составляет доход мясника. Тогда мясник истратит деньги булочника на другие предметы потребления. Допустим, что он платит 10 л. портному. Если эти 10 л. составляют доход портного, то он расходует их подобным же образом. Он, в свою очередь, покупает на них хлеб и т. д. Благодаря этому, деньги возвращаются к булочнику, но они возмещают ему уже не доход, а капитал.

Еще одно замечание. Возвращение банковых билетов в какой-нибудь банк, занимающийся учетом векселей или также выдачей ссуд банковыми билетами представляет собою явление, которое существенно отличается от рассмотренных нами до сих пор обратных приливов денег. В этом случае превращение товара в деньги опережает его продажу. Товар принимает денежную форму раньше, нежели он продан, быть-может, раньше, чем он создан. Возможно также, что товар уже продан, но под вексель. Во всяком случае, он еще не оплачен, стало-быть, и не превращен еще обратно в деньги. И в том и в другом случае кредитная сделка опережает, стало-быть, превращение товара в деньги. Лишь только товар продан или предполагается проданным, деньги возвращаются в банк, или в виде золота и серебра, или в виде билетов этого же банка, выходящих в этом случае из обращения, или в виде чужих банковых билетов, которые банк обменивает на свои собственные билеты, так что и те и другие билеты извлекаются из обращения, возвращаются к своей исходной точке. Если это золото и серебро идет на погашение предвзятых к размену банковых билетов, находящихся в третьих руках, то билеты возвращаются в банк. Если их не разменивают, то в обращении остается настолько меньше золота и серебра, сколько его при этом лежит вместо билетов в кладовых банка. Во всех этих случаях процесс таков: денежное бытие товара опережает превращение товара в деньги. Когда же товар на самом деле превращается в деньги, он превращается в них вторично. Но это его второе бытие в форме денег совершает обратный акт, выкупает, замещает первую денежную форму своего бытия, возвращает деньги из обращения обратно в банк. Возможно, что как-раз те же билеты, которые в первый раз выразили собою его бытие в виде денег, выразят его и во второй раз. Например, прядильщику выданы банковые билеты под вексель. Вексель получен им от ткача. Он платит полученными билетами за уголь, хлопчатую бумагу и т. д. Билеты, эти, переходя из рук в руки, делаются наконец средством уплаты за холст и попадают к ткачу, который в надлежащий срок уплачивает прядильщику по векселю теми же самыми билетами, а тот отдает их обратно в банк. Нет никакой необходимости в том, чтобы второе, по-смертному превращение товара в деньги,—совершающееся после первого, упрямое послужили для первого. Таким образом выходит, как-будто прядильщик на деле ничего не получил, потому что он занял банковые билеты, а в конце процесса он их получает обратно и отдает выдавшему их банку. Но в действительности один и тот же билет за это время служил и средством обращения, и платежным средством, и прядильщик частью уплачивал им свои долги, частью покупал необходимые для производства пряжи товары и таким образом реализовал прибавочную ценность (то-есть осуществлял эксплуатацию рабочего), и, может-быть, только часть этой ценности отдается им в уплату долга банку. То же и с деньгами. К нему притекает больше денег, чем он выдал, ссудил—истратил.

5. Количество денег, необходимое для обращения.

S покупает у F на 1000 миллионов средств существования и на 1000 миллионов сырья, а F, наоборот, покупает у S только на 1000 миллионов товаров для возмещения своих „*avances*“. Таким образом, S должен уплатить баланс в 1000 миллионов. Он уплачивает его в конечном счете другою тысячею миллионов, полученной им от F. Кенэ, повидимому, смешивает эту у п л а т у тысячу миллионов арендатору с п о к у п к о й у него продукта на ту же сумму.

В самом деле, по нашему расчету, 2000 миллионов денег послужили только для следующих актов: 1) для уплаты ренты деньгами на сумму в 2000 миллионов, 2) для обращения валового продукта арендатора на сумму в 3000 миллионов (в том числе на 1000 миллионов средств существования P и 2000 миллионов средств существования и сырых материалов S) и для обращения валового продукта S на сумму в 2000 миллионов (из коих 1000 миллионов производится для

Р и потребляется им и 1000 миллионов—для F, который потребляет их для воспроизводства). При последней покупке, когда S покупает у F сырые продукты, он уплачивает F деньгами.

[Возможны два случая:]

S получил от P 1000 миллионов деньгами. При помощи этих 1000 миллионов он покупает у F на 1000 миллионов средств существования. F на эти же 1000 миллионов покупает у S фабричные товары, S на ту же сумму покупает у F сырые продукты.

Или S покупает у F на 1000 миллионов деньгами сырья и на 1000 миллионов деньгами—жизненных припасов. F покупает у S товаров на 1000 миллионов деньгами. В этом случае 1000 миллионов возвращаются к S, но только потому, что, по предположению, он, кроме 1000 миллионов денег, полученных от P, и имевшегося у него для продажи товара на 1000 миллионов, имел еще, сверх того, 1000 миллионов денег, которые он сам пустил в обращение. По этому предположению, для обращения товаров между S и арендатором, вместо 1000 миллионов денег, употреблено 2000 миллионов. Вследствие этого 1000 миллионов возвратились обратно к S. И это потому, что он продает арендатору 2000 миллионов денег. Арендатор же покупает у S на 1000 миллионов товаров, которые оплачиваются половиной полученных от S же денег.

В первом случае S производит покупку в два приема. Сначала он выдает 1000 миллионов; они возвращаются к нему от F обратно; затем, он еще раз окончательно выдает их F и ничего уже обратно не получает.

Напротив, во втором случае S покупает сразу на 2000 миллионов. И когда F, в свою очередь, покупает у S на 1000 миллионов, то они остаются у этого последнего. В этом случае для обращения потребовалось бы 2000 миллионов вместо 1000. Между тем как в первом случае 1000 миллионов денег двумя своими оборотами реализовали на 2000 миллионов товаров; эта реализация во втором случае осуществлена одним оборотом 2000 миллионов денег. Хотя арендатор и платит S обратно 1000 миллионов, но S остается при том же результате, как и в первом случае, потому что, сверх товаров на 1000 миллионов, он внес в обращение 1000 миллионов денег из своего собственного фонда, существовавшего до процесса обращения. Он отдал их в обращение; они возвращаются к нему обратно.

В итоге, в первом случае, в обращении была ценность (если деньгами служили реальные деньги) на сумму в 4000 миллионов, из которых на 3000 миллионов товара и 1000 миллионов денег. Обращающаяся и первоначально (в уплату F) введенная в обращение сумма денег никогда не превосходила 1000 миллионов, т.е. никогда не была больше баланса, который S должен был уплатить F. И благодаря тому, что F покупает у S на 1000 миллионов раньше, чем S вторично делает у F покупку на 1000 миллионов,—S может оплатить свой баланс этой 1000 миллионов.

Во втором случае S сразу отдается в обращение 2000 миллионов. С помощью их он покупает у F на 2000 миллионов товаров. Эти 2000 миллионов требуются тут в качестве средства обращения и обмениваются на эквивалент в виде товара. Но F, со своей стороны, делает покупку у S на 1000 миллионов. Таким образом, 1000 миллионов возвращаются к S, потому что баланс, который он должен уплатить F, составляет не 2000, а только 1000 миллионов. Теперь S возместил F 1000 миллионов товаром; следовательно F должен ему обратно уплатить 1000 миллионов деньгами. Этот случай заслуживает того, чтобы на нем остановиться подольше.

При предположенной выше обращении 3000 миллионов товара,—из них на 2000 миллионов средств существования и на 1000 миллионов промышленных товаров,—возможны разные случаи. Но рассмотреть надо, во-первых, тот случай, когда как предполагает Кенз, в начале обращения между S и F 1000 миллионов денег находится в руках S и 1000 миллионов—в руках F; во-вторых, допустим для лучшего выяснения вопроса, что у S, кроме 1000 миллионов денег, полученных им от P, в кассе есть еще 1000 миллионов денег.

I. Во-первых. Случай, взятый у Кенз. S покупает у F за 1000 денег 1000 товара; F на 1000 денег, полученных им таким образом от S, покупает у S на 1000 товара; наконец, S на эту обратно полученную им сумму денег покупает у F на 1000 товара. Следовательно, у F остается 1000 денег, составляющих для него капитал (на самом деле—2000 денег; вместе с той 1000, которую он получил обратно от P и которая составляет доход, употребляемый им в следующем году опять на уплату ренты). Тут 1000 денег обращалась трижды, от S к F, от F к S, от S к F и каждый раз в уплату 1000 товара, т.е. всего в уплату 3000.

Если обращаются такие деньги, которые сами имеют ценность, то в обращении находится на 4000 ценностей. Здесь деньги служат только средством обращения, но превращаются в деньги и essentially в капитал, только для F, т. е. в тех руках, в которые они попадают в последнем счете и где они и остаются.

II. Во-вторых. Деньги функционируют только как платежное средство. Это тот случай, когда S, купивший у F на 2000 товара, и F, купивший на 1000 товара у S, сводят между собой счеты. S в конце сделки должен уплатить денежный баланс в 1000. Теперь, как и прежде, 1000 денег поступает в кассу F, но не сыграв при этом роли средств обращения. Это возвращение денег является для F лишь перемещением капитала, так как эти деньги только возмещают ему капитал, состоявший из 1000 товара. Таким образом, в обращение вошло, как и в первом случае на 4000 ценностей. Но вместо трех перемещений 1000 денег произошло только одно, и эти деньги оплатили только одну, им самим равную сумму, заключавшуюся в товарных ценностях. В первом случае оборотов было в три раза больше. При данном же предположении, процесс сокращен, по сравнению с I случаем, на два излишних акта обращения.

III. В-третьих. Сначала F выступает с 1000 денег (которые он получил от P) в качестве покупателя и покупает у S на 1000 товара. При этом 1000 денег, вместо того, чтобы лежать у него без употребления до взноса следующей ренты, входит в обращение. Итак, у S—2000 денег (1000 от P и 1000 от F). За эти 2000 он покупает у F на 2000 товаров. Теперь в обращении—на 5000 ценностей (3000 товарами и 2000 деньгами). Происходит обращение 1000 денег и 1000 товаров и обращение 2000 денег и 2000 товаров. В числе этих двух тысяч, тысяча, идущая от арендатора, обращается дважды, а тысяча, исходящая от S,—только раз. И к F возвращаются обратно 2000 денег, из которых, однако, только одна тысяча оплачивает его баланс, другая же—та, которую он сам ввел в обращение, когда выступил первым в качестве покупателя—приносится к нему назад обращением.

IV. В-четвертых. S покупает у F в один прием на 2000 товаров за 2000 денег (1000 от P и 1000, введенная в обращение им самим, из своей кассы). F, в свою очередь, покупает у S на 1000 товара, т. е. возвращает ему 1000 денег, и удерживает—как в предыдущем случае—1000 денег для оплаты баланса между ним и S. Теперь в обращении на 5000 ценностей. Здесь мы имеем два акта обращения.

В этом случае к S возвращается 1000 денег; но это—та тысяча, которую он сам ввел в обращение, взяв ее из своей кассы, а не получив ее от продажи своего товара P.

Если в первом случае, как и во втором, денег в обращении никогда не бывает больше 1000 миллионов, но если эти деньги в первом случае трижды переходят из рук в руки, в то время, как во втором они обращаются только один раз,—то это обуславливается просто-напросто тем, что во втором случае предполагается наличность широкого кредита, а потом и экономия в платежах, между тем как и в первом случае перемещение ценностей происходит быстро, но каждый раз деньги выступают, как средства обращения, т. е. всякий раз ценность должна появляться на обоих полюсах в двух видах: один раз в виде денег, а другой раз в виде товара. Если в случаях III и IV обращается 2000 денег вместо 1000, как было в I и II, то причиной тому в обоих случаях (в случае III со стороны S, как покупателя заканчивающего процесс обращения, и в случае IV со стороны S, как покупателя, открывающего этот процесс) является то обстоятельство, что в обращение поступает зараз на 2000 товаров, которые при этом покупаются немедленно, а не оплачиваются лишь после подведения баланса.

Но наибольший интерес представляет в этом движении та 1000 миллионов денег, которую в случае III откладывает F, а в случае IV—S, хотя в обоих случаях баланс в размере 1000 миллионов денег—не больше и не меньше—получает F. Само собой разумеется, что здесь всегда обмениваются эквиваленты, и если мы говорим о балансе, то под этим нужно понимать только эквивалент ценности, оплачиваемый деньгами вместо товара.

В случае III F бросает в обращение 1000 денег и получает взамен от S товарный эквивалент или на 1000 товара. Но теперь S покупает у него товар на 2000. Стало-быть, первая тысяча денег, которую F пустил в обращение, возвращается к нему обратно, вследствие того, что в этой сделке у него берут на 1000 товара. Ирасходованными им деньгами платят ему за 1000 товара. Вторую тысячу денег он получает при оплате второй тысячи товара. Баланс потому приходится на его долю, что он в общем купил только на тысячу, а у него куплено товаров на 2000.

В случае IV S сразу вводит в обращение 2000 денег и берет за них, у F на 2000 товара. F, в свою очередь, выкупает у него на 1000 товара при посредстве выданных самим S денег, и вот 1000 денег возвращается обратно к S.

В случае IV S дает в действительности F на 1000 товара—1000 денег в форме товара и 2000 денег в форме денег, т.-е. 3000 денег. Получает же он от F только на 2000 товара. Поэтому F должен ему возратить 1000 денег.

В случае III F дает S в форме товара на 2000 товара—2000 денег и тысячу деньгами. Следовательно, 3000 деньгами; получает же он от него только на 1000 товара—1000 денег. Поэтому S должен вернуть ему 2000 денег; 1000 он выплачивает деньгами, которые бросил в обращение, а другую тысячу он сам бросает в обращение F.

В обоих случаях S получает на 2000 товара, а F—на 1000 товара+1000 деньгами, т.-е. денежный баланс. Если в случае III к F притекает еще сверх того 1000 денег, то это та разность, на которую денежная сумма, введенная им в обращение, превышает ценность товара, взятого им из обращения. То же и в случае IV.

В обоих случаях S должен уплатить в форме денег баланс в 1000, потому что он извлек из обращения на 2000 товара, а ввел только на 1000. В обоих случаях F должен получить этот денежный баланс, так как он ввел в обращение на 2000 товара, а извлек из него товара только на одну тысячу; вторая тысяча товара должна быть оплачена ему деньгами. В конце концов, в обоих случаях может перейти из рук в руки только эта тысяча денег. Но так как в обращении находится 2000 денег, то 1000 из них должна вернуться к тому, кто бросил ее в обращение,—независимо от того, кто сделал это: арендатор ли F, извлекая из обращения баланс в одну тысячу и бросаая в него другую тысячу, или же S, уплачивая тысячу в виде баланса и сверх того пуская в обращение другую тысячу.

В случае III [сверх суммы, нужной при данных обстоятельствах для обращения всей массы товаров], может [войти] в обращение еще 1000 денег, потому что F первый выступает в качестве покупателя, так что он независимо от своего отношения к балансу поневоле вводит деньги в обращение. В случае IV в обращение вводится, как сказано, 2000 деньгами, тогда как в случае II—только 1000, потому что S, во-первых, выступает первый в качестве покупателя и, во-вторых, покупает зараз на 2000 товара. В обоих случаях денежная сумма обращающаяся между этими покупателями и продавцами, в конце концов, может быть равна только балансу, который должен быть уплачен одним из них, потому что деньги, которые S или F отдали сверх этой суммы, возвращаются к ним обратно.

Предположим, что F покупает у S на 2000 товара. Тогда дело пошло бы так: сначала F дает S за товар 1000 денег; S покупает у F товара на 2000; тем самым к F возвращаются первая 1000 и сверх того еще 1000. F, в свою очередь, покупает у S на 1000, вследствие чего эта сумма теперь возвращается к S. В конце процесса F имел бы товар, полученный им в обмен на 2000 денег, и 1000 денег, которую он имел первоначально до начала процесса обращения; у S было бы на 2000 товара и 1000 денег, которая также была у него первоначально. 1000 денег, принадлежащая F, и 1000, принадлежащая S, поменялись бы только своими местами в качестве средств обращения для того, чтобы потом возвратиться к выдавшим их лицам в качестве денег, а в данном случае также и в качестве капитала. Если бы они оба воспользовались деньгами в качестве платежного средства, то ими было бы уплачено 2000 денег за 2000 товара; их счета покрыли бы друг друга; ни один пфенниг не обращался бы более между ними.

Следовательно, деньги, циркулирующие как средство обращения между двумя группами лиц, попеременно выступающими по отношению друг к другу в роли покупателей и продавцов, возвращаются обратно, при чем встречается три случая обращения.

Во-первых. Случай равенства введенных в обращение товарных ценностей. Здесь деньги возвращаются к тому, кто их авансировал в процессе обращения и, следовательно, покрыл издержки обращения своим капиталом. Если, например, F и S покупают друг у друга товар, каждый на 2000, и S выступает первый, то он платит F за товар 2000. F возвращает ему 2000 деньгами и покупает у него на 2000 товара. Поэтому S, как и перед сделкой, на 2000 товара и 2000 деньгами. Или если—как это было в приведенном выше случае—оба одинаковыми долями авансируют средства обращения, то на обеих сторонах к каждому возвращается то, что он отдал в виде аванса в обращение, подобно тому, как выше 1000 денег вернулась к F и столько же—к S.

Во-вторых. Обменные обеими сторонами товарные ценности не равны между собой. Получается баланс, который должен быть оплачен деньгами. Если товарное обращение, как это было в случае I, совершилось так, что деньги вошли в обращение в количестве, не большем того, которое нужно для уплаты баланса, и так что только эта сумма перемещалась взад и вперед между обеими сторонами, то она, в конце концов, попадает в руки последнего продавца, на долю которого приходится баланс.

В-третьих. Обменные обеими сторонами товарные ценности не уравновешиваются между собой; надо платить баланс; но обращение товаров происходит в такой форме, что в обращении больше денег, чем нужно для уплаты баланса; в этом случае деньги, превосходящие этот баланс, возвращаются к той стороне, которая их авансировала. В случае III—к лицу, которое получает баланс; в случае IV—к тому, кто его платит.

К покупателю баланса деньги возвращаются только при том условии, что он первый выступает в роли покупателя, как это было в примере с рабочим и капиталистом. Они безвозвратно переходят в другие руки, если первым покупщиком выступает другое лицо.

Все это имеет, понятно, место только при том предположении, что продажа и покупка данного количества товаров происходят между одними и теми же лицами, так что каждое из них выступает против другой стороны, попеременно, в качестве покупателя и продавца. Но предположим, наоборот, что товар на сумму в 3000 распределен поровну между товаровладельцами-продавцами A, A', A" и что им противостоят покупатели B, B', B". Если при этом три торговых сделки совершаются одновременно, т.е. одна рядом с другой,—в пространственном смысле, то в обращении должно быть 3000 денег, так что, в конце концов, в руки каждого A попадет 1000 денег и каждого B—на 1000 товаров. Если сделки следуют одна за другой во временной последовательности, то одна и та же 1000 денег может ввести в обращение на много тысяч товара, если товарные метаморфозы поглощают одна другую, т.е. если часть лиц является покупателями и продавцами, хотя и не по отношению к одним и тем же лицам, как в предыдущем случае, но покупателями по отношению к одним, а продавцами—в сделке с другими. Например: 1. A' продает B на 1000. 2. A покупает у B' товара на 1000, 3. B' покупает у A' тоже на 1000. 4. A'—у B" на 1000, 5. B" у A' на ту же сумму. В этом случае деньги пять раз перешли бы из рук в руки шести лиц, так что совершилось бы обращение товара на 5000. Если бы товара обернулось только на 3000, то сделки могли быть таковы: 1. A покупает у B товар на сумму в 1000 денег, 2. B—у A' тоже на 1000, 3. A'—у B' на ту же сумму. Три перемещения при четырех участниках сделок. И так далее.

Вышеизложенные случаи не противоречат развитому нами ранее закону: При данной скорости оборота денег и при данной сумме товарных цен количество средств обращения представляет определенную величину" („Zur Kritik der politischen Oekonomie". I, стр. 85).

В вышеприведенном примере I 1000 денег обращается трижды и вводит в обращение на 3000 товара. Поэтому количество находящихся в обращении

денег = $\frac{3000 \text{ (сумма товарных цен)}}{3 \text{ (оборот)}} = 1000 \text{ (денег)}$. В случаях III и IV

сумма цен товаров, находящихся в обращении, та же самая = 3000 денег; но скорость оборота—другая. 2000 денег обращаются один раз, т.е. 1000 денег+1000 денег. Но из этих 2000 денег 1000 делают еще один оборот. 2000 служат для обращения двух третей 3000 товара, а половина этих денег вводит в обращение еще на 1000 товара, т.е. одну треть; одна тысяча денег делает два оборота, другая же—только один. Двукратный оборот 1000 денег реализует цену товара = 2000 денег; оба вместе = 3000 товара. Итак, какова же скорость оборота денег по отношению к количеству товаров, приводимых ими в обращение? Скорость эта $1\frac{1}{2}$ оборота, совершаемые 2000 денег (совершенно так же, как если бы сначала вся сумма совершила один оборот, а потом ее половина сделала еще один) = $\frac{3}{2}$; и действительно = $\frac{3000 \text{ (сумма цен)}}{\frac{3}{2} \text{ (оборот)}} = 2000 \text{ (денег)}$.

Но чем же обуславливается здесь различие в скорости оборота денег.

Как в III, так и IV случае различие вызывается, в противоположность I, тем, что [в I] сумма цен обращающихся в каждый данный момент товаров никогда не становится ни больше, ни меньше трети суммы цен всей наличной.

массы товаров. Товара в обращении всегда находится только на 1000. Напротив, в III и IV случаях один раз поступает в обращение на 2000 товара, а другой раз — на 1000; стало-быть, один раз — две трети всей находящейся в наличности массы товаров, а другой — одна треть. Отсюда же происходит тот факт, что в оптовой торговле нужны более крупные сорта монеты, чем в розничной.

Как я уже заметил выше (I.оборот денег), обратный приток денег означает прежде всего то, что покушник опять становится продавцом, при чем на деле безразлично, продает ли он тем же лицам, у которых купил, или нет. Однакоже, если обратное перемещение денег происходит между одними и теми же лицами, то обнаруживаются явления, которые породили множество заблуждений (Дестют де Траси). Превращение покушника в продавца показывает, что ему необходимо продать вновь созданный товар. Непрерывность товарного обращения, означающая постоянное возобновление его (I, 73), указывает на воспроизводство. Но покупатель может сделаться продавцом, как фабрикант по отношению к рабочему, и помимо воспроизводства. На воспроизводство указывает только непрерывность в повторении этого обратного притока денег.

Обратное течение денег, как оно наблюдается тогда, когда капитал вновь принимает денежную форму, всегда означает конец одного цикла (Révolution) и возобновление производства, если капитал продолжает функционировать, как таковой. Здесь, как и во всех других случаях, капиталист был продавцом T—D, а затем становится покупателем D—T, и только в форме D его капитал снова приобретает возможность быть обмененным на элементы своего воспроизводства, при чем этими элементами является T. Формула D—T выражает здесь превращение денежного капитала в производительный или промышленный.

Далее, возвращение денег к точке своего исхода, может, как мы видим, показывать, что в ряду покупателей и продавцов денежный баланс приходится на долю того покупателя, который раньше других выступает в ряду этих процессов обращения.

Первый покупатель F покупает у S на 1000 денег, S покупает у E на 2000. При этом к F возвращается одна тысяча денег. При возвращении другой тысячи деньги просто перемещаются от S к F.

Наконец, возвращение денег к своей исходной точке может и не представлять собой уплаты баланса; и это бывает как в том случае (1), когда баланс платежей уравновешен, т.-е. нет предъявляемого к оплате денежного баланса; так и в том случае (2), когда баланс не уравновешен и, следовательно, должен быть оплачен. Смотри вышеприведенные примеры. Во всех этих случаях безразлично, ступает ли, например, F в сделку с одним и тем же S: здесь S по отношению к E, или E по отношению к S, является представителем всех тех, которые ему продают, и всех тех, которые у него покупают (совершенно так же, как и в примере, где уплата баланса обнаруживается в обратном притоке денег). Во всех этих случаях деньги возвращаются к тому, кто, так сказать, ссудил их обращению. Они сделали в нем свое дело, подобно банковым билетам, и возвращаются к тому, кто их выдал. При этом они служат только средством обращения. Сознательные капиталисты сводят между собой счета и деньги таким путем возвращаются к тому, кто их выдал.

6. Объяснение прибыли с капитала тем, что заработная плата авансируется раньше, чем товар продан.

Из сказанного (стр. 82, 2) видно, до какой степени бессмысленна фраза, которая „объясняет“ прибыль капиталиста тем, что он выдает деньги рабочему раньше, чем превращает свой товар в деньги. Во-первых. Если я покупаю товар для личного потребления, то одно только то обстоятельство, что я являюсь покупателем, а владелец товара — „продавцом“, что мой товар имеет форму денег, а его — только должен превратиться в деньги, еще не дает мне права на получение прибыли. Не капиталист оплачивает труд лишь после того, как он его потребил, между тем как другие товары оплачиваются до их потребления. Это соответствует особенной природе этого товара, который продается, но который на самом деле переходит в собственность покупателя только тогда, когда он потреблен. Деньги служат при этом платежным средством. Капиталист во всяком случае присваивает товар-труд раньше, чем он за него платит. То обстоятельство, что он покупает его только для того, чтобы извлечь прибыль из продажи продукта этого труда, вовсе не причина происхождения са-

мой прибыли. Это мотив. И это значило бы только: он получает прибыль, покупая наемный труд, потому что хочет извлечь прибыль путем продажи его продукта.

Во-вторых. Капиталист авансирует, однако, рабочему в форме денег ту часть его продукта, которая приходится на его долю в качестве заработной платы, и тем самым он освобождает рабочего от труда, риска и потери времени, сопряженных с превращением в деньги той части товара, которая принадлежит рабочему в качестве его заработной платы. Не должен ли рабочий заплатить ему за эти труды, риск и время? Стало-быть, поэтому рабочий должен получать меньшую долю продукта, чем ему следовало бы! Но такой постановкой вопроса совершенно извращается сущность между наемным трудом и капиталом и уничтожается экономическое оправдание прибавочной ценности. В самом деле, результат процесса тот, что фонд, из которого капиталист платит наемному рабочему, есть не что иное, как собственный продукт этого последнего, так что фактически капиталист и рабочий делают продукт между собою. Но этот фактический результат не имеет ничего общего со сделкой между капиталом и наемным трудом (на которой основывается экономическое, выводимое из законов самого товарного обмена, оправдание прибавочной ценности). Капиталист покупает не что иное, как временное пользование рабочею силой; он оплачивает ее только после того, как эта рабочая сила была употреблена в дело и овеществилась в продукте. Здесь, как и везде, где деньги служат платежным средством, купля и продажа предшествуют действительному отчуждению денег со стороны покупателя. Но труд уже принадлежит капиталисту после такой сделки, заканчивающейся раньше, чем начинается настоящий процесс производства. Ему же целиком принадлежит и товар, являющийся продуктом этого процесса. Капиталист произвел его при помощи принадлежащих ему средств производства и при посредстве труда, хотя и не оплаченного, но купленного им и, следовательно, ему принадлежащего. Дело обстоит так, как-будто бы он не потребил для производства товара решительно никакого чужого труда. Барыш, получаемый капиталистом, прибавочная ценность, реализуемая им, создается именно тем, что рабочий продал ему не труд, реализованный в товаре, а свою рабочую силу, как товар. Если бы рабочий с самого начала противостоял ему, как товаровладельцу, то капиталист не мог бы получить никакого барыша, не мог бы реализовать никакой прибавочной ценности, так как, по закону ценности, обмениваются эквиваленты, равные количества труда на равные количества труда. Прибавочная ценность капиталиста обязана своим происхождением именно тому, что он покупает у рабочего не товар, а его рабочую силу, а рабочая сила имеет меньшую ценность, чем ее продукт, или, что то же, она реализуется в большем количестве овеществленного труда, чем реализовано в ней самой. Но вот, ради оправдания прибыли, заглушивается источник ее происхождения и оставляется в стороне вся сделка, служащая ее основой. Так как в действительности—поскольку процесс непрерывен—капиталист платит рабочему только из его собственного продукта, рабочий получает плату только из части этого своего продукта, и, стало-быть, авансирование является только кажущимся, то говорят: рабочий продал капиталисту свою часть продукта раньше, чем продукт превращен был в деньги. (Пожалуй, даже раньше, чем продукт мог быть превращен в деньги, так как может случиться, что хотя труд рабочего и овеществлен в каком-нибудь продукте, но сначала изготовлена только часть предназначенного на продажу товара, например, часть дома). При такой постановке вопроса капиталист перестает быть собственником продукта, и тем самым уничтожается целиком весь процесс, путем которого он безвозмездно присваивает себе чужой труд. Теперь, стало-быть, противостоят друг другу два товаровладельца. У капиталиста есть деньги, и рабочий продает ему не свою рабочую силу, а товар, именно ту часть продукта, в которой реализован его же собственный труд.

Но рабочий может сказать капиталисту: „Из этих пяти фунтов пряжи три, положим, фунта составляют постоянный капитал. Они принадлежат тебе. Две пятых, т.-е. 2 фунта, представляют вновь прибавленный мною труд. Следовательно, ты должен заплатить мне за два фунта. Стало-быть, ты заплатишь мне ценность двух фунтов“. В этом случае он положил бы в свой карман не только заработную плату, но и прибыль, коротко говоря—сумму денег, равную количеству вновь приложенного им, овеществленного в двух фунтах труда.

„Но, разве я,—говорит капиталист,—не авансировал постоянного капитала?“

„Верно,—отвечает рабочий,—но зато ты берешь себе 3 фунта, а мне платишь только 2“.

„Но ты,—продолжает капиталист,—не мог бы овеществить свой труд, не мог бы пряхть без моей хлопчатой бумаги и моего ткацкого станка! За это ты должен платить отдельно“.

„Полно,—говорит рабочий,—хлопчатая бумага сгнила бы, а веретена покрывшись бы ржавчиной, если бы я не употребил их в дело. Правда, три фунта пряжи, которые ты берешь себе, представляют только ценность твоей хлопчатой бумаги и твоих веретен, потребленных, а следовательно, и содержащихся в 5 фунтах пряжи. Но только благодаря моему труду, благодаря тому, что я употребил и дело средства производства, как таковые, и сохранилась ценность хлопчатой бумаги и веретен. За эту сохраняющую ценность силу моего труда я ничего с тебя не требую, потому что она не стоила мне—помню самого пряденья, за которое я получаю два фунта—никакого добавочного рабочего времени. Это—естественное свойство моего труда, подарок природы, который мне ничего не стоит, хотя и сохраняет ценность постоянного капитала. И как я у тебя за это ничего не требую, так и ты не имеешь права взыскивать с меня за то, что я не мог бы пряхть без веретен и шерсти. Ведь веретена и хлопчатая бумага ни гроша не стоили бы без пряденья“.

Прижатый к стене, капиталист говорит: „2 фунта пряжи, действительно, стоят 4 шиллинга. Они представляют именно такое количество твоего рабочего времени. Но я принужден платить тебе за них прежде, чем я их продал! Может быть, я их вовсе не продам. Вот риск № 1. Во-вторых, может случиться, что я их продам ниже их цены. Это риск № 2. А в-третьих, как бы там ни было, мне приходится тратить время на их продажу. Неужто я должен ради тебя безвозмездно брать на себя оба риска и кроме того еще потерю времени? Даром ничего, кроме смерти, не получишь“.

„Постой,—отвечает рабочий,—каковы наши отношения? Мы выступаем друг против друга, как товаровладельцы, ты—как покупатель, я—как продавец; ты хочешь выкупить принадлежащую мне долю продукта, 2 фунта, а они, в действительности, представляют не что иное, как мое собственное овеществленное рабочее время. Теперь ты утверждаешь, что я должен продавать тебе свой товар ниже его ценности, так, чтобы ты в результате получал в товаре ценность большую, чем та, которую ты имеешь теперь в деньгах. Ценность моего товара равна 4 шиллингам. Ты желаешь дать за него только 2 шиллинга и получить в обмен—так как 2 шиллинга содержат столько же рабочего времени, сколько 1 фунт пряжи—ценность вдвое большую, чем та, которую ты отдаешь. Напротив, я получил бы только половину эквивалента: вместо эквивалента 2 фунтов пряжи, эквивалент только одного фунта. И на чем основываешь ты это требование, противоречащее закону ценности и закону обмена товаров по их ценности? На чем? На том, что ты—покупатель, а я—продавец; что моя ценность имеет форму пряжи, товара, а твоя—форму денег; что ценность в форме пряжи противостоит той же самой ценности в форме денег. Или ты держишься того ребяческого взгляда, что всякий товар должен продаваться ниже своей ценности, т. е. ниже той суммы денег, которая представляет его ценность, потому что, становясь деньгами, товар получает большую ценность? Нет, любезнейший, большей ценности он не получает; величина его ценности не изменяется, а только является в чистом виде меновой ценности. Подумай прежде, любезнейший, каким неприятностям ты самого себя подвергаешь. Твое утверждение исходит именно из того, что продавец должен продавать покупателю товар непременно ниже его ценности. Так и было на самом деле прежде, когда мы, рабочие, продавали тебе еще не наш товар, а лишь рабочую силу. Правда, ты покупал ее по ее ценности, однако, труд-то наш ты купил ниже той ценности, которую он создал. Но оставим эти неприятные воспоминания. Мы, слава богу, вышли из этого положения с тех пор, как мы, по твоему же собственному желанию, продаем тебе уже не нашу рабочую силу в виде товара, а самый товар, который является продуктом нашего труда. Возвратимся к тому, какие неприятности тебе угрожают. Ведь объявленный тобой закон, по которому продавец платит за превращение своего товара в деньги не только своим товаром, посредством обмена его на деньги, но еще и услужкой в цене товара при его продаже,—этот закон, по которому покупатель всегда обманывает, обходит продавца, должен в одинаковой мере применяться ко всем покупателям и продавцам. Положим, что мы согласны на предложение, но только с тем условием, что ты сам подчинишься этому вновь изданному тобой закону; а именно—закону, по которому продавец должен отдавать покупателю часть своего товара безвозмездно за то, что тот превращает его товар в деньги. Значит, ты покупаешь мои 2 фунта, которые стоят 4 шиллинга, за 2 шиллинга и, следовательно, выигрываешь 2 шиллинга или 100 процентов. Но

теперь, после того, как ты купил у меня мои 2 фунта, в твоих руках—5 фунтов пряжи, ценностью в 10 шиллингов. Ты, конечно, рассчитываешь хорошо нагреть руки: 5 фунтов стоят тебе только 8 шиллингов, а ты собираешься продать их за 10 шиллингов. „Стой!“—говорит твой покупатель,—„Твои 5 фунтов пряжи—товар, ты—продавец. У меня та же ценность в форме денег, я—покупатель. Следовательно, в силу признанного тобою закона, я должен получить в сделке с тобой 100 процентов барыша. Стало-быть, ты должен мне продать 5 фунтов пряжи на 50 процентов ниже их ценности, т.-е. за 5 шиллингов. Я даю тебе 5 шиллингов, получаю за них товар ценностью в 10 шиллингов и выигрываю таким образом в сделке с тобой 100 процентов: что справедливо для одного, то справедливо и для другого“. Ты видишь, милейший друг, к чему приводит твой новый закон; ты только надул бы сам себя, так как хотя ты теперь—покупатель, но потом, опять становишься продавцом. В данном случае ты больше потерял бы как продавец, чем выиграл в качестве покупателя. Но вспомни-ка хорошенько! Раньше этих 2 фунтов, которые ты теперь хочешь купить у нас, не делал ли ты других покупок, без которых вообще не было бы и 5 фунтов пряжи? Не купил ли ты раньше хлопчатую бумагу и веретена, которые теперь выступают в форме трех фунтов пряжи? Тогда с тобой имели дело, в качестве продавцов, торговец хлопчатой бумагой из Ливерпуля и фабрикант веретен из Ольдгэма, ты же был покупателем. Они представляли товар, ты—деньги; т.-е. между вами существовали совершенно те же отношения, в каких мы в настоящий момент имеем честь или неприятность состоять с тобою. Не посмеялись ли бы над тобой плутоватый торговец хлопчатой бумагой и твой веселый коллега из Ольдгэма, если бы ты потребовал от них, чтобы они отдали тебе даром часть хлопчатой бумаги и веретен, иными словами—чтобы они тебе продавали эти товары ниже их цены (и их ценности), на том основании, что ты превращаешь их товар в деньги, а они—деньги в товар, что они продавцы, а ты покупатель? Они, дескать, ничем не рисковали, потому что они получали наличные деньги, меновую ценность в чистой, самостоятельной форме. Напротив, с твоей стороны—какой риск! Сначала создавать из веретен и хлопчатой бумаги пряжу, нести весь риск процесса производства и наконец—риск, связанный с необходимостью, в свою очередь, продавать пряжу, превращать ее обратно в деньги! Риск, что она будет продана по своей ценности, выше или ниже ее? Риск вовсе ничего не продать, вовсе не превратить пряжи в деньги. Пряжа, как таковая, тебя совсем не интересует. Ты пряжи не ешь, не пьешь, она тебе ни к чему не нужна; ты хочешь только продать ее. И ты думаешь, что тебе во всяком случае должна быть оплачена потеря времени, сопряженная с обратным превращением пряжи в деньги, т.-е., значит, с превращением в деньги веретен и хлопчатой бумаги! Не смеши людей, старина, и не говори пустяков,—ответили бы тебе твои коллеги. Какое нам, черт возьми, дело до того, как ты поступишь с нашей хлопчатой бумагой и веретенами. Сожги их, прокути их, делай с ними что угодно, только заплати за них! Что за идея! Мы должны дарить тебе наши товары, потому что ты полез в бумагопрядильные фабрики, но, по видимому, не справляешься с трудностями торгового дела, так как преувеличиваешь свой риск и опасность! Брось свою бумагопрядильню или не показывайся на рынок с такими нелепыми идеями!“

На этот выговор рабочих капиталист отвечает, надменно улыбаясь: „Видно, что вы слышали звон, да не знаете, откуда он. Вы говорите о вещах, которых не понимаете. Вы думаете, что я заплатил ливерпульцу и ольдгэмцу наличными деньгами? Ни гроша! Я заплатил им векселями, и на деле хлопчатая бумага ливерпульца была превращена в пряжу и продана раньше, чем векселю вышел срок. С вами—совершенно другое дело. Вы хотите наличных денег“.

„Прекрасно, — говорят рабочие, — но что делают эти ребята с твоими векселями?“

„Что они с ними делают?“—отвечает капиталист.—„Глупый вопрос. Они предъявляют их своим банкирам и получают по ним уплату“.

„Сколько они платят за это банкиру?“

„Сколько? Деньги теперь очень дешевы. Я думаю, они платят учет процента в три; т.-е. не три процента со всей суммы, а столько, сколько приходится, считая 3 годовых, за время до срока векселя“.

„Тем лучше, — говорят рабочие. — Плати нам цену нашего товара, т.-е. по 4 шиллинга, или заплати нам 24 шиллинга, так как мы хотим понеделного расчета. И бери из них процент за 14 дней по расчету на три годовых“.

„Но этот вексель слишком мал, — говорит капиталист. — Ни один банкир его не учтет“.

„Превосходно,—отвечают рабочие.—Нас 100 человек. Следовательно, ты нам должен уплатить 2400 шиллингов. Дай нам на них вексель. 20 фунтов не такая уж малая сумма, чтобы ее нельзя было предъявить к учету. К тому же ты ведь сам дисконтируешь ее, и она не может быть слишком мала для тебя, потому что это именно та сумма, из которой ты будто бы берешь выжимаемую из нас прибыль. Вычет был бы ничтожен. И так как мы таким образом получали бы целиком значительную часть нашего продукта, то мы вскоре зашли бы так далеко, что не нуждались бы и в твоём учете. Само собою разумеется, что мы будем давать тебе не больше кредита, чем дает тебе биржевик, т.-е. на 14 дней“.

Если бы мы — совершенно извращая действительные отношения — стали выводить заработную плату из учета принадлежащей рабочему части ценности всего продукта, т.-е. из того обстоятельства, что капиталист выдает рабочему эту часть деньгами вперед, то капиталист должен был бы выдавать ему очень краткосрочные векселя, подобно тому, как он сам поступает, например, при расплате с торговцем хлопчатой бумагой и т. д. Рабочий получал бы значительную часть своего продукта, и капиталист вскоре перестал бы быть капиталистом. Из собственника продукта он сделался бы для рабочих банкиром. При этом, если капиталист рискует продать товары ниже их ценности, то ему, может быть, удастся продать их выше нее. Если продукт не находит сбыта, рабочего выбрасывают на улицу. Если цена продукта долго держится ниже рыночной, то заработная плата падает ниже среднего и время работы сокращается. Следовательно, больше всего рискует он сам.

Наконец, никому не пришло бы в голову, что арендатор, на том основании, что он должен платить ренту деньгами, или промышленный капиталист, на том основании, что он должен платить деньгами проценты, — и, следовательно, они оба должны предварительно превратить свой продукт в деньги, — что на этом основании они могут удерживать часть своей ренты или своих процентов.

В. Адам Смит и понятие производительного труда.

1. Его определение ценности трудом *).

А. Смит, как и все заслуживающие упоминания экономисты, заимствует у физиократов понятие средней заработной платы, называя ее естественной ценой заработной платы:

„Человек должен всегда иметь возможность жить своим трудом, и его заработная плата должна давать ему, по меньшей мере, средства к жизни. В большинстве же случаев она должна быть даже несколько больше этого: иначе рабочий не мог бы воспитывать детей, все такие рабочие вымерли бы в первом же поколении“ (А. Smith, „Wealth of Nations“, I. S. Kapitel).

А. Смит категорически утверждает, что развитие производительной силы труда идет не в пользу самого рабочего. Он говорит:

„Продукт труда составляет его естественное вознаграждение или естественную заработную плату. При том первоначальном состоянии общества, которое предшествовало присвоению земли и накоплению капитала (stock), весь продукт труда принадлежал рабочему. Рабочий не знал ни землевладельца, ни хозяина, с которыми нужно было бы делиться. Если бы такой порядок продолжался, то плата за труд возрастала бы при всяком, происходящем вследствие разделения труда, увеличении его производительности. Все предметы постепенно становились бы дешевле**). На их производство требовалось бы меньшее количество труда; и так как при таком порядке вещей продукты одинакового количества труда естественно имели бы в обмене равную ценность, то и выкупить их можно было бы точно также на продукты меньшего количества труда... Но этот первобытный порядок вещей, при котором рабочий мог присваивать себе весь продукт своего труда, не пережил первого присвоения земли и накопления капитала. Поэтому он прекратился еще задолго до того, как были достигнуты огромнейшие успехи в развитии производительности труда, так что бесполезно стараться определить, каково могло бы быть его влияние на заработную плату“ (I. с.).

Тут А. Смит очень тонко замечает, что в действительности сильное развитие производительности труда начинается только с того момента, когда он становится наемным, и условия труда противостоят ему, с одной стороны, в виде земельной собственности, а с другой—в виде капитала. Развитие производительных сил труда впервые начинается, стало-быть,

*) Стр. 243—249 рукописи. Конец главы взят со стр. 283а и 300. К.

***) Во всяком случае все те предметы, которые при этом требуют для своего производства меньшего количества труда. Но они не только „становились бы“, а на самом деле стали дешевле.

только при таких условиях, которые не позволяют рабочим пользоваться результатами этого развития. Поэтому совершенно бесполезно допытываться, как повлияло это возрастание производительных сил на заработную плату, которая тут еще равна продукту труда, или как оно повлияло бы, если бы продукт труда (или ценность этого продукта) принадлежал самому рабочему.

А. Смит очень сильно заражен физиократическими представлениями, и в его сочинении часто встречаются целые наслоения идей, принадлежащих физиократам и находящихся в полном противоречии с теми взглядами, которые он устанавливает сам. Примером может служить его учение о земельной ренте и т. д. Мы можем без вреда для нашей цели оставить совершенно без внимания эти места его сочинения, которые вовсе не характерны для него, и в которых он является простым физиократом.

В первой части этого сочинения*), в анализе товара, я уже показал, как А. Смит колеблется в определении меновой ценности, и особенно, как он, при определении ценности товаров количеством потребного для их производства труда, смешивает это количество с количеством товара, достаточным для покупки определенного количества живого труда, или, что одно и то же, с количеством живого труда, нужным для покупки определенного количества товара; иногда он заменяет одно определение другим. Тут он мерилом ценности товаров делает меновую ценность труда, т.-е. на самом деле — заработную плату, так как заработная плата равна количеству товара, выкупаемому за определенное количество живого труда, или — равна количеству труда, которое может быть куплено за определенное количество товара. Но ценность труда или, вернее, ценность рабочей силы меняется, как и всякий другой товар, и ничем специфически не отличается от ценности других товаров. Здесь ценность принимается за масштаб и за основание при объяснении ценности, т.-е. получается *circle vicieux*, порочный круг.

Впрочем из дальнейшего изложения будет видно, что эта неустойчивость и это смешение совершенно разнородных понятий не вредит исследованию Смита о природе и происхождении прибавочной ценности, потому что на деле, даже не сознавая этого, он повсюду, где касается этого вопроса, твердо придерживается правильных определений меновой ценности товаров, — а именно: определяет их количеством затраченного на них труда или рабочего времени.

Но, во-вторых, это противоречие и эти переходы от одного способа объяснения к другому вызываются у А. Смита более глубокими соображениями, которые не были замечены и оценены, а потому не

*К критике политической экономии", 3-е русское издание, стр. 59.

были устранены Рикардо, обнаружившим противоречие Смита. Допустим, что все рабочие являются товаропроизводителями и не только производят свой товар, но и продают их. Ценность этих товаров определена содержащимся в них необходимым рабочим временем. Так что если товары продаются по их ценности, то на товар, являющийся продуктом двенадцатичасового рабочего времени, рабочий покупает, в свою очередь, в форме другого товара двенадцать часов рабочего времени, т.-е. двенадцать часов рабочего времени, овеществленного в какой-нибудь другой потребительной ценности. Следовательно, ценность его труда равна ценности его товара, т.-е. равна продукту двенадцати часов рабочего времени. Продажа и перепродажа, коротко говоря, весь процесс обмена—метаморфоза товара—не вносят сюда никаких изменений. Они изменяют только вид потребительной ценности, в которой воплощается это двенадцатичасовое рабочее время. Следовательно, „ценность труда“ равна ценности продукта труда. При этом, во-первых, поскольку обмен товаров производится по их ценности, в товарах обмениваются равные количества вещественного труда. А, во-вторых, определенное количество живого труда отдается в обмен на равное количество овеществленного труда, потому что, с одной стороны, живой труд овеществляется в продукте, т.-е. в товаре, который принадлежит рабочему, а, с другой стороны, этот товар, в свою очередь, обменивается на другой товар, содержащий равное количество труда. Следовательно, на самом деле определенное количество живого труда обменивается на равное ему количество овеществленного труда. Так что не только товары обмениваются на товары в той мере, поскольку они представляют равные количества овеществленного рабочего времени, но некоторое количество живого труда отдается в обмен на товар, в котором овеществлено такое же количество труда. При таком предположении „ценность труда“ (количество товара, покупаемое на данное количество труда, или количество труда, покупаемое на данное количество товара) могла быть принята мерилom ценности с таким же успехом, как и количество труда, содержащееся в товаре; и это потому, что „ценность труда“ всегда представляет такое же количество овеществленного труда, которое нужно живому труду для производства этого товара, или—иначе—потому, что определенное количество живого рабочего времени при этом всегда обменивалось бы на такое количество товара, которое представляло бы ровно столько же овеществленного рабочего времени. Но при всех тех способах производства—особенно же при капиталистическом,—при которых вещественные условия труда принадлежат одному или нескольким классам, а рабочему классу, в противоположность остальным, принадлежит только рабочая сила, имеет место совершенно обратное явление. Продукт или ценность продукта труда не принадлежат рабочему. Определенное количество живого труда не обменивается на равное ему количество овеществленного труда или определенное количество овеще-

ствленного в товаре труда подчиняет себе больше живого труда, чем содержится в самом товаре.

Но так как А. Смит совершенно правильно берет за точку отправления товар и товарный обмен и так как поэтому производители первоначально противостоят у него друг другу только как товаровладельцы — продавцы и покупатели товаров, — то он и делает то (кажущееся) открытие, что в обмене между капиталом и наемным трудом, т.-е. между овеществленным и живым трудом, общий закон тотчас же нарушается, и товары (так как и труд, поскольку он покупается и продается, является товаром) обмениваются не пропорционально представляемым ими количествам труда. Отсюда он заключает, что коль скоро условия труда противостоят рабочему в форме земельной собственности и капитала, то рабочее время перестает быть имманентным мериллом, регулирующим меновую ценность товаров. Он скорее должен был бы, — как справедливо заметил ему Рикардо, — сделать то обратное заключение, что теперь выражения „количество труда“ и „ценность труда“ не тождественны и что, стало быть, хотя относительная ценность товаров и продолжает определяться содержащимся в них рабочим временем, но она уже не определяется „ценностью труда“, так как это последнее выражение было правильно только до тех пор, пока оно было тождественно с первым. Впоследствии, говоря о Мальтусе, можно будет показать, что даже в том случае, если бы рабочий присваивал свой собственный продукт, т.-е. ценность своего собственного продукта, само по себе неверно и бессмысленно было бы принимать ценность труда за мерилло ценности в том смысле, в каком мериллом и создающим ее элементом является рабочее время или сам труд. Потому что даже и в этом случае труд, получаемый в обмен на данный товар, не мог бы служить мериллом в таком же смысле, в каком служит мериллом содержащийся в нем труд. Первый был бы только показателем второго.

Как бы то ни было, А. Смит сознает, что из закона, определяющего обмен товаров, трудно вывести закон обмена между капиталом и трудом, так как этот обмен основан, повидимому, на противоположных и безусловно противоречивых принципах. И нельзя было разрешить это противоречие, пока капитал противопоставлялся прямо труду, а не рабочей силе. А. Смит хорошо знал, что время, которое нужно для воспроизводства и поддержания рабочей силы, очень отличается от того труда, который может быть выполнен ею. Так, например, он сам цитирует следующее место из „Essai sur la nature du commerce“ Кантильона:

„Этот автор говорит далее, что труд здорового и сильного раба оценивался, как полагают, в размере двойной ценности затрат на его содержание; и он думает, что труд самого плохого поденщика не может быть оценен ниже труда сильного раба“ („Wealth of Nations“, I книга, глава 8).

С другой стороны, удивительно, что А. Смит не понял, как мало отношения имеет смущавшее его обстоятельство к закону обмена това-

ров между собой. Взаимный обмен двух товаров А и В, соответственно количеству содержащегося в них рабочего времени, ни мало не нарушается той пропорцией, в которой производители этих товаров делают их или, вернее, их ценности между собою. Обмен А на В по их ценности несколько не меняется от того, что одна часть А достается землевладельцу, другая—капиталисту, третья—рабочему, и от того, как относятся эти части одна к другой. Взаимное отношение рабочего времени, содержащегося в каждом из двух товаров А и В, ни мало не зависит от того, как присваивается различными лицами овеществленное в А и В рабочее время.

„Обменяв сукно на холст, производители сукна получают в холсте ту долю которая соответствует их доле в сукне“ („Ницета философии“).

Это именно то, что рикардянцы с полным правом выдвигали впоследствии против А. Смита. Так, мальтузианец Джон Казенове (John Cazenove) говорит, что не следует смешивать *Interchange of commodities*, обмен товаров, с *Distribution*, т.-е. их распределением:

„Обстоятельства, влияющие на одно, не всегда действуют на другое. Например, уменьшение издержек производства одного какого-нибудь товара изменит его отношение ко всем остальным; но оно вовсе не должно непременно изменить распределение самого этого товара или каким-то ни было образом повлиять на распределение других товаров. С другой стороны, общее уменьшение ценности, одинаково распространяющееся на все товары, не изменяет их взаимных отношений, но оно может оказать влияние на их распределение“ (John Cazenove, предисловие к изд. Мальтуса „Definitions in Political Economy“. Лондон, 1853).

Но А. Смит несколько запутывается в своем последовании благодаря тому, что „*Distribution*“ ценности продукта между капиталистом и рабочим само основывается на „*Interchange*“ товаров—т.-е. товаров и рабочей силы. Принимая между прочим „ценность труда“ или его покупательную силу по отношению к одному из товаров (к деньгам) за мерило ценности, А. Смит тем самым нарушает стройность своих рассуждений там, где они касаются теории цен, влияния конкуренции на норму прибыли и т. д., и вообще лишает свое сочинение единства и приходит к тому, что много существенных вопросов остается нерассмотренным. На развитие общей теории прибавочной ценности это не влияет у него потому, что—как мы сейчас видели—он всегда придерживается здесь правильного определения ценности рабочим временем, затрачиваемым на производство различных товаров.

Прежде чем перейти к его учению о прибавочной ценности, следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. А. Смит смешивает различные вещи. Во-первых, в пятой главе первой книги он говорит:

„Каждый человек в той мере богат или беден, в какой он располагает средствами доставать себе предметы первой необходимости, удобства и удовольствия. Но с тех пор, как разделение труда сильно подвинулось вперед, человек своим собственным трудом может производить для себя только малую

часть этих средств существования и удобства; гораздо более значительную часть их он должен доставать трудом других людей. Поэтому его богатство или его бедность зависит от того количества труда, которым он может располагать (command) или которое он в состоянии купить. Стало-быть, для того, кто хочет не потратить данный товар лично, а обменять его на другие товары, ценность товара равна количеству труда, которое он может посредством его купить или подчинить себе. Значит, труд служит истинным мерилom меновой ценности всех благ.

Дальше:

„Они (товары) содержат в себе ценность определяемого количества труда, которую мы обмениваем на то, что в данный момент мы считаем содержащим ценность равного количества труда... Первоначально все богатство мира куплено (purchased) не золотом и серебром, а трудом; и для тех, которые владеют богатством и хотят обменять его на новые продукты, его ценность в точности равняется тому количеству труда, которое они могут купить и подчинить себе в обмен на него“ (1. с.).

Накопец:

„Богатство говорит Гоббс, есть сила. Это не значит, что всякий, живящий или получающий в наследство большое состояние, тем самым необходимо приобретает или наследует политическую, гражданскую или военную власть... Сила, которую ему непосредственно дает его богатство, есть покупательная сила, т.-е. определенное право распоряжаться трудом или всеми продуктами труда, находящимися на рынке“ (1. с.).

Мы видим, что во всех этих местах Смит смешивает „труд других людей“ с „продуктами этого труда“. С тех пор, как установилось разделение труда, меновая ценность товара, принадлежащего кому-нибудь, состоит из тех чужих товаров, которые могут быть куплены владельцем первого товара, т.-е.—из содержащегося в них количества чужого, овеществленного труда. И это количество чужого труда равно количеству труда, заключающегося в собственном товаре первого товарo-владельца. Смит категорически заявляет это: „они (товары) содержат в себе ценность определенного количества труда, в обмен на которую мы получаем то, что в данный момент, по предположению, содержит ценность равного количества труда“, при чем слово „ценность“ в последнем предложении является лишним и бессмысленным.

Ударение поставлено здесь на перемене, внесенной раз делением труда: богатство заключается, благодаря ему, не в продукте личного труда, а в том количестве чужого труда, которое этот продукт подчиняет себе, в том количестве общественного труда, которое может быть куплено обладателем богатства и которое определено количеством содержащегося в его собственном продукте труда. На самом деле здесь находится только понятие меновой ценности, согласно которому мой труд определяется только как общественный труд, а следовательно, его продукт дает право на распоряжение равным количеством общественного труда. Мой товар, содержащий определенное количество необходимого рабочего времени, дает мне право распоряжаться всеми другими товарами равной ценности, т.-е. равным количеством чужого труда, реализованного в других потребительных ценностях. Ударение здесь поставлено на прирав-

нивании *моего* труда *чужому* труду, вызванном разделением труда и меновой ценностью, другими словами—на общественном характере труда (но Адам не замечает, что мой труд, содержащийся в моем товаре, теперь определяется, как общественный, и потому существенно изменяет свой характер), а вовсе не на различии между овеществленным и живым трудом и не на особых законах их обмена. На самом деле Адам Смит говорит здесь только то, что ценность товаров определена содержащимся в них рабочим временем, и что богатство товаровладельцев заключается в находящемся в их распоряжении количестве общественного труда. Однако, приравнивание труда к продукту труда дает здесь уже первый повод к смешению, с одной стороны, определения ценности товаров количеством содержащегося в них труда, а с другой—определения их ценности количеством живого труда, которое они могут купить, т.-е. определения их „ценностью труда“.

Если А. Смит дальше говорит: „Размеры его состояния находятся в прямой зависимости от величины этой силы (права распоряжаться трудом или покупать продукты труда), или от количества труда других людей, или—что одно и то же (тут отождествление неправильно)—от продукта труда других, которым он может распоряжаться или который он может купить (I с.), то точно также он мог бы сказать: размеры его состояния зависят от содержащегося в нем количества общественного труда.“

Ложный вывод делается им уже в той же самой пятой главе, когда он говорит, например:

„Следовательно, труд—единственная вещь, ценность которой никогда не меняется, есть исключительное и действительное мерило, с помощью которого можно измерять и сравнивать ценности всех других товаров, везде и во все времена“ (I с., стр. 57).

То, что верно по отношению к самому труду, а стало-быть и к его мерилу, рабочему времени,—т.-е. ценность товаров всегда зависит именно от реализованного в них рабочего времени, как бы ни менялась „ценность труда“,—то применяется здесь именно в этой изменчивой ценности труда.

Тут А. Смит исследует только товарный обмен вообще: природу меновой ценности, сущность разделения труда и природу денег. Участники обмена противостоят друг другу пока еще только, как товаровладельцы. Они покупают чужой труд в форме товара, подобно тому, как их собственный труд выступает в товарной форме. Поэтому количество общественного труда, которое они получают в свое распоряжение, равно количеству труда, содержащегося в товарах, при посредстве которых они сами покупают. Но когда А. Смит, перейдя в следующих главах к обмену между овеществленным и живым трудом, т.-е. между капиталистом и рабочим, отступает, что ценность товара тут определяется уже не количеством содержащегося в нем самом

рабочего времени, а отличающимся от него количеством чужого живого труда, которое этот товар может получить в свое распоряжение, т.-е. купить, то этим на самом деле он не хочет сказать, что товары более не обмениваются в зависимости от содержащегося в них рабочего времени, а лишь то, что обогащение, возрастание заключающейся в товаре ценности и степень этого возрастания зависят от большего или меньшего количества живого труда, приводимого овеществленным трудом в движение. И в этом смысле это правильно. Но Смит остается неясным.

* * *

На многих примерах можно показать, как часто Адам Смит в своем сочинении, объясняя действительные факты, считает количество содержащегося в продукте труда за ценность и за элемент, определяющий собою ценность. Часть этих примеров рассмотрена у Рикардо. На этом основано все его учение о влиянии разделения труда и усовершенствования машины на цену товаров. Здесь достаточно привести одно место. В 11-й главе первой книги А. Смит говорит об удешевлении в его время многих мануфактурных товаров по сравнению с предыдущими столетиями и затем замечает: „Чтобы доставить товары на рынок, нужно было большее количество труда. Поэтому на рынке за них при покупке или обмене должны были брать цену большего количества труда“.

К рассмотренным здесь пунктам теории Адама Смита нужно еще прибавить, что наряду с неясностями в определении ценности,—кроме кажущегося противоречия в вопросе о заработной плате,—у него существует еще одно смешение понятий: мерило ценности как имманентное мерило, составляющее в то же время субстанцию ценности, смешивается с мерилом ценностей, применимом в том смысле, в каком мерилом их служат деньги. Отсюда стремление—квадратура круга—найти товар неизменной ценности, который служил бы постоянным мерилом других товаров. Что касается отношения мерила ценности в том смысле, в каком мерилом их являются деньги, к определению ценности рабочим временем, то об этом говорится в первой части его сочинения *). Это смешение встречается также местами и у Рикардо.

2. Происхождение прибавочной ценности **).

а) Прибыль.

В шестой главе первой книги А. Смит переходит от тех отношений, при которых предполагается, что производители противостоят друг другу только как продавцы товаров и товаровладельцы, к отношениям обмена

*) [„К критике политической экономии.“ 3-е русское издание, стр. 62 и след.].

**) Стр. 250—262 рукописи К.

между владельцами условий труда и владельцами одной лишь рабочей силы.

„В том первобытном и диком состоянии общества, который предшествует накоплению капитала и присвоению в собственность земли, отношение между нужными для приобретения различных предметов количествами труда служит, повидному, единственным обстоятельством, могущим дать мерило для их обмена... Естественно, что вещь, которая является обыкновенно продуктом 2 дней или 2 часов труда, обладает вдвое большей ценностью, чем вещь, служащая обыкновенно продуктом труда 1 дня или 1 часа“.

Таким образом, необходимое для производства различных товаров время определяет их отношение при их обмене друг на друга, т.е. их меновую ценность.

„В этом состоянии весь продукт труда принадлежит рабочему, и количество труда, обыкновенно употребляемое для приобретения или производства товара, является единственным обстоятельством, определяющим то количество труда, которое обыкновенно можно было за этот товар купить, получить в свое распоряжение или выменять“.

Следовательно: при таком предположении рабочий является простым продавцом товаров, и один человек распоряжается трудом другого только тогда, когда он на свой товар покупает товар этого другого. Стало-быть, за свой товар он получает в распоряжение лишь столько труда другого человека, сколько его содержится в его собственном товаре, так как оба они только обменивают между собой товары, а меновая ценность товаров определена количеством содержащегося в них рабочего времени или количеством труда.

„Но—продолжает Адам Смит—с тех пор, как в руках отдельных лиц скопился капитал (stock), некоторые из них, естественно, стали давать работу трудолюбивым людям (industrious people), снабжая их сырьем и средствами существования, с целью извлекать прибыль из продажи их продукта, или из того, что их труд прибавил к ценности сырья“.

Остановимся немного, прежде чем идти дальше. Прежде всего, откуда берутся „трудолюбивые люди“, у которых нет ни средств существования, ни материалов для труда и которые висят в воздухе? Если освободить выражение Смита от его паявной формы, то получается следующее: капиталистическое производство начинается с того момента, когда условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении других остается одна только рабочая сила. Это отделение труда от условий труда составляет предпосылку капиталистического производства.

Но, во-вторых, что хочет сказать А. Смит, говоря, что владельцы капитала пользуются трудом *industrious people* „с целью извлекать прибыль из продажи их продукта, или из того, что их труд прибавил к ценности сырья“? Думает ли он при этом, что прибыль происходит из продажи, из того, что товар продается выше его

ценности, т.-е. что прибыль есть то, что Стюарт называет profit upon alienation, не что иное, как перераспределение уже существующего богатства? Ответить предоставим ему самому.

„При обмене созданного товара на деньги, труд *) или другие товары к тому, чем оплачивается сырье и заработная плата, нужно прибавить еще нечто, составляющее прибыль предпринимателя, который в этом предприятии рисковал своим капиталом“ **).

Это „нечто“, которое надо дать для того, чтобы предприниматель получил прибыль, происходит ли оно от продажи товара выше его ценности, является ли оно стюартовским profit upon alienation?

„Ценность,—продолжает вслед затем Адам Смит,—которую рабочие прибавляют к сырью материалу, теперь ***) распадается на две части, из которых одна идет на заработную плату, а другая составляет прибыль их предпринимателя со всей той суммы капитала, которую он авансировал им в виде сырья и заработной платы“.

Тут, следовательно, Адам Смит ясно заявляет: прибыль, получаемая при продаже созданного товара, возникает не из самого акта продажи, не потому, что товар продается выше своей ценности, она не составляет profit upon alienation. Ценность, т.-е. количество труда, прибавляемое рабочим к материалу, распадается на две части. Одна из них составляет его заработную плату и оплачивается ею. При этом, рабочие дают с своей стороны столько труда, сколько они получили в форме заработной платы. Вторая часть служит прибылью капиталиста, т.-е. она представляет собою то количество труда, которое не оплачено им, но которое он все-таки продает. Следовательно, если он продает товар по его ценности, т.-е. по количеству содержащегося в нем рабочего времени, иными словами, обменивает его на другие товары по закону ценности, то его прибыль происходит из того, что он не оплатил части овеществленного в товаре труда и однакоже продает его. Этим А. Смит сам опроверг ту мысль, что если рабочему уже не принадлежит весь продукт его труда и что если он, наоборот, принужден делить этот продукт или его ценность с собственником капитала, то это обстоятельство уничтожает закон, по которому взаимное отношение товаров при их обмене, или их меновая ценность, определяется количеством овеществленного в них рабочего времени. Напротив, он выводит прибыль капиталиста из того, что этот капиталист не оплатил части прибавленного к товару труда, и поэтому при продаже товара он получает прибыль. Иже мы увидим, как Адам Смит, в еще более буквальном смысле, выводит прибыль из труда, совершаемого рабочим сверх того его количества, которым рабочий, оплачивает, т.-е. замещает эквивалентом—

*) Здесь опять источник новой ошибки.

**) К этому риску мы вернемся впоследствии, в главе об апологетическом объяснении прибыли.

**) С тех пор, как возникло капиталистическое производство.

свою заработную плату. Тем самым А. Смит определил истинное происхождение прибавочной ценности. Вместе с тем он ясно установил, что она не возникает из авансированного фонда, ценность которого — как ни нужен он в реальном процессе труда — просто воспроизводится в продукте, но что она происходит исключительно из нового труда, „прибавляемого рабочим к сырому материалу“ в новом процессе производства, где этот фонд выступает в качестве средств или орудий труда.

Напротив, неверно (и обуславливается упомянутым выше смешением) выражение: „при обмене созданного товара на деньги, труд или другие товары“.

Если капиталист обменивает товар на деньги или товар, то его прибыль происходит из того, что он продает большее количество труда, чем то, которое он оплатил; что он обменивает одно на другое не равные количества овеществленного и живого труда. Поэтому А. Смит не должен был приравнивать этот „обмен на деньги или другие товары“ к обмену „готовых товаров на труд“. В первом обмене прибавочная ценность происходит из того, что товары обмениваются по их ценности, по содержащемуся в них рабочему времени, которое при этом частью не оплачено. Здесь предположено, что капиталист не обменивает равное количество овеществленного труда на равное количество живого труда; что присвоенное им количество живого труда больше, чем оплаченное им количество его. В противном случае плата рабочего была бы равна ценности его продукта. При обмене, согласно закону ценности, готового товара на деньги или на другой товар прибыль возникает оттого, что обмен между готовым товаром и живым трудом подчиняется иным законам, от того, что здесь обмениваются не эквиваленты. Стало-быть, нельзя сваливать в одну кучу эти случаи. Таким образом, прибыль есть не что иное, как вычет из ценности, прибавляемой рабочими к материалу труда. А они прибавляют к материалу не что иное, как новое количество труда. Поэтому рабочее время рабочего распадается на две части: одна, за которую он получает от капиталиста эквивалент, т. е. свою заработную плату; другая, которую он отдает капиталисту безвозмездно, и которая составляет прибыль. А. Смит правильно оттеняет то обстоятельство, что только та часть труда (ценности), которую рабочий вновь прибавляет к материалу, разлагается на заработную плату и прибыль, так что вновь созданная прибавочная ценность, сама по себе, не имеет ничего общего с издержанной в качестве материала и инструментов частью капитала.

Сведи таким образом прибыль к присвоению неоплаченного чужого труда, А. Смит вслед за тем продолжает:

„Можно бы подумать, что прибыль на капитал является только особым названием платы за труд особого рода, а именно за труд по надзору и управлению (labour of inspection and direction)“.

И он опровергает этот ложный взгляд относительно платы за labour of inspection and direction. Мы возвратимся к этому подробнее в другой главе. А сейчас важно только отметить, что А. Смит очень хорошо знает, насколько его взгляд на происхождение прибыли противоположен этому апологетическому взгляду, и он настоятельно это подчеркивает.

Изложив еще подробнее эту противоположность, он продолжает:

„При таком состоянии общества не всегда весь продукт труда принадлежит рабочему. Он должен, напротив, в большинстве случаев делить его с капиталистом, который его нанимает. И количество труда, обыкновенно затрачиваемое на приобретение и производство товара, не является уже больше единственным обстоятельством, определяющим собою то количество его, которое необходимо для того, чтобы купить, получить в свое распоряжение или выменять этот товар. Очевидно, должно быть прибавлено некоторое добавочное его количество для прибыли капиталисту, который авансировал рабочую плату и дал сырье“

Это совершенно верно. Если существует капиталистическое производство, то овеществленный труд—в виде денег или в виде товаров—сверх содержащегося в нем самого количества труда всегда поупуает еще „добавочное количество“ живого труда „для прибыли капиталисту“, иными словами, присваивает себе безвозмездно часть живого труда. Превосходство Смита над Рикардо заключается в сильном подчеркивании того обстоятельства, что этот переворот совершается с возникновением капиталистического производства. Но, наоборот, Смит стоит ниже Рикардо в том отношении, что никак не может отделаться от им же самим опровергнутого взгляда, по которому, вместе с переменой отношений между овеществленным и живым трудом, наступает и перемена в определении относительной ценности товаров, которые в своих взаимных отношениях представляют, однако, только различные, но определенные данные количества реализованного, овеществленного труда.

в) Земельная рента.

Представив таким образом прибавочную ценность в одной форме, в форме прибыли, в виде части труда, совершаемой рабочим сверх той его части, которая возмещает его заработную плату, Смит поступает также с* другой формой прибавочной ценности—с земельной рентой. Одним из вещественных условий труда, отнятых у него и потому выступающих против него, в качестве чужой собственности, является капитал; другим—служит сама земля, земля, как земельная собственность. Потому, покончив с владельцем капитала, Смит продолжает:

„С того времени, как в стране земля стала частной собственностью, землевладельцы, подобно всем людям, стали испытывать желание жать там, где они не сеяли, и они требуют ренты за естественные продукты своей земли... Он (землевладелец) должен отдавать землевладельцу часть того, что он собрал и произвел своим трудом.—Эта часть или—что то же—цена этой части составляет земельную ренту“.

Таким образом, и земельная рента, подобно промышленной прибыли, является частью труда, которую рабочий прибавляет к сырым материалам и без оплаты отдает собственнику земли; т.-е. она является только частью прибавочного труда, совершаемого рабочим в то время, которое превышает время, необходимое для возмещения заработной платы или эквивалента, содержащегося в этой плате рабочего времени.

Следовательно, А. Смит считает прибавочную ценность, — точнее, прибавочный труд, излишек совершенного и реализованного в товар труда над оплаченным трудом, т.-е. над трудом, получившим свой эквивалент в виде заработной платы, — общей категорией, простыми подразделениями которой являются собственно прибыль и земельная рента. Однакоже, он не отделяет прибавочную ценность как таковую, в виде особой категории от особых форм, принимаемых ею в качестве прибыли и земельной ренты. Отсюда у него в исследовании много ошибок и пробелов, подобно тому, как и у Рикардо, у которого впрочем их еще больше.

с) Проценты с капитала.

Другой формой прибавочной ценности и является процент, the interest or use of money. И этот „денежный процент“, говорит Смит дальше в той же главе (в шестой главе первой книги), „всегда является производным доходом (a derivative revenue) и должен быть оплачен если не из прибыли, получаемой, благодаря производительному употреблению денег, то из какого-нибудь другого источника дохода *), если только заемщиком не является расточитель, берущий займы новую сумму для того, чтобы уплатить проценты по первому своему долгу“.

Следовательно, процент является или частью прибыли, приписанной занятому капиталом; в этом случае он служит второстепенной формой самой прибыли, разновидностью ее, т.-е. только дальнейшим распределением между различными лицами присвоенной в форме прибыли прибавочной ценности. Или же процент уплачивается из ренты. В этом случае имеет силу все сказанное выше. Или же, наконец, заемщик платит их из своего собственного или чужого капитала. Тогда процент является вообще вовсе не прибавочной ценностью, а лишь различным распределением существующего богатства „vibration of the balance of wealth between parties“, как это предполагается при profit upon alienation. Следовательно, за исключением последнего случая, когда проценты вообще не являются формой прибавочной ценности (и за исключением того случая, когда они вычитаются из заработной платы

*) То-есть или из земельной ренты, или из заработной платы. В последнем случае,—если заработная плата имеет средний размер,—процент происходит не из прибавочной ценности, а вычитается из самой этой платы; или же процент представляет собой особую форму прибыли, и эта последняя форма,—как мы увидим это в свое время,—соответствует низкой ступени развития капиталистического производства.

или сами служат формой прибыли; об этом последнем случае А. Смит вовсе не говорит), — проценты составляют только производную форму прибавочной ценности, только часть прибыли или ренты (что относится к вопросу об их распределении), другими словами, представляют не что иное, как часть неоплаченного прибавочного труда.

В отдельной (четвертой) главе второй книги говорится о проценте с капитала. Глава эта начинается следующими словами:

„Занмодавец всегда считает капиталом ту сумму денег, которую у него берут взаем на проценты. Он ожидает, что деньги будут ему возвращены в назначенное время и что за время до их возвращения заемщик выплатит ему определенную годовичную ренту за пользование ими. Заемщик может употребить эти деньги или в качестве капитала, или для непосредственного потребления. Если он употребляет их, как капитал, то он расходует их на содержание производительных рабочих, которые воспроизводят ему его ценность капитала с прибылью. В этом случае он может и вернуть капитал обратно и уплатить проценты, не касаясь никакого другого источника доходов. Если же он занимает деньги для непосредственного потребления, то он поступает, как расточитель, и тратит на содержание тунеядцев то, что должно давать средства существованию трудолюбивым. В этом случае он не в состоянии выплатить ни капитал, ни проценты на него, если он не воспользуется для этого другим источником дохода, как, например, своей собственностью или земельной рентой.

Следовательно, кто занимает деньги, т.-е. в давном случае капитал, тот или сам употребляет их в качестве капитала и получает с него прибыль; в этом случае проценты, платимые им займодавцу, суть не что иное, как получающая особое название часть прибыли. Но он может и непроизводительно потребить занятые им деньги. Тогда он увеличивает богатство займодавца за счет своего собственного. При этом происходит только другое распределение богатства, которое переходит из рук расточителя в руки ростовщика, но не создается прибавочной ценности. Таким образом, поскольку процент вообще представляет собой прибавочную ценность, он является лишь частью прибыли, которая, в свою очередь, есть не что иное, как известная форма прибавочной ценности, т.-е. неоплаченный труд.

4) Н а л о г и.

Наконец, по замечанию А. Смита, все доходы лиц, живущих за счет налогов, или покрываются заработной платой, т.-е. составляют вычет из самой заработной платы, или же источником их служат прибыль и земельная рента, так что они представляют собою лишь право на участие различных слоев населения в потреблении прибыли и ренты, которые сами суть не что иное, как различные формы прибавочной ценности.

„Все налоги и все основанные на них виды дохода, все жалованья, пенсии и вообще получения всякого рода, в конце концов оплачиваются тем или другим из названных нами источников дохода и покрываются прямо или косвенно из заработной платы, прибыли с капитала или из земельной ренты“ (6 гл. 1 книги).

Таким образом, денежный процент, как и налоги или основанные на них доходы — поскольку они не удерживаются из самой заработной

платы—представляют собою только части прибыли и земельной ренты, которая, в свою очередь, сводится к прибавочной ценности, т. е. к неоплаченному рабочему времени.

е) Превосходство Смита над физиократами.

Здесь речь идет об общей теории прибавочной ценности А. Смита.

А. Смит еще раз резюмирует всю совокупность своих взглядов, благодаря чему впервые становится совершенно ясным, как мало делает он попыток для доказательства того, что ценность, прибавляемая рабочим к продукту (за вычетом ценности сырого материала и изнашивания инструментов), уже не определяется содержащимся в продукте рабочим временем, потому что рабочий не целиком присваивает себе всю эту ценность, а принужден делить ее с капиталистом и землевладельцем. Само собою разумеется, что способ распределения товара между его производителями несколько не изменяет ни его природы, ни отношения его ценности к ценностям других товаров.

„С тех пор, как земля перешла в частную собственность, землевладелец стал требовать своей доли во всех продуктах, которые земледелец может производить или собирать в его владениях. Его рента составляет, значит, первый вычет из продукта труда, приложенного к земле.

Редко бывает так, что человек, обрабатывающий землю, имеет достаточно средств для поддержания своей жизни до жатвы. Средства его существования сужаются ему обыкновенно капиталом хозяина (master), т. е. арендатора, который нанимает его и который, однако, вовсе не стал бы давать ему занятие, если бы не получал части продукта его труда, или если бы его капитал не возвращался к нему с прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, приложенного к земле.

„Продукт почти всякой другой отрасли труда подвергается такому же вычету прибыли. Во всех ремеслах и мануфактурах большинству рабочих нужен хозяин, который выдал бы им вперед сырой материал и заработную плату и содержал бы их до времени окончания их труда. Этот хозяин получает свою долю в продукте их труда, т. е. в той ценности, которую рабочие прибавляют к обрабатываемому ими сырому материалу, и эта доля продукта составляет прибыль“ (I книга, глава 7).

Стало-быть, тут А. Смит прямо называет земельную ренту и прибыль простыми вычетами из продукта рабочего или из ценности его продукта, равной количеству труда, прибавленного им к сырому материалу. Но этот вычет, как видно из предыдущего изложения А. Смита, может состоять только из той части труда, которую рабочий прибавляет к сырому материалу сверх того количества труда, которое служит только для возмещения его заработной платы или составляет ее эквивалент; стало-быть, этот вычет состоит из прибавочного труда, из неоплаченной части труда рабочего. (Так что, заметим мимоходом, капитал и земельная собственность никогда не могут быть источниками ценности).

Мы видим, какой большой шаг вперед сделал А. Смит по сравнению с физиократами в анализе прибавочной ценности, а следовательно, и капитала. У них только определенный вид реального труда—земледельческий труд—создает прибавочную ценность. Они имеют в виду

потребительную ценность труда, а не рабочее время, не всеобщий общественный труд, который служит единственным источником ценности. Но при этом особом роде труда прибавочная ценность в самом деле создается природой, землей, и эта прибавочная ценность сводится к увеличению количества (органического) вещества, к излишку произведенного органического вещества над потребленным. Однако, физиократы рассматривают предмет в слишком узкой форме и поэтому выносят фантастические представления о нем. А у А. Смита ценность создается всеобщим общественным трудом, совершенно независимо от того, в каких потребительных ценностях он овеществляется; создается исключительно некоторым количеством необходимого труда. Прибавочная ценность— является ли она в форме прибыли или земельной ренты, или в производной форме процента— есть не что иное, как часть этого труда, присваиваемая владельцами вещественных условий труда в меновой сделке с живым трудом. Таким образом, у физиократов прибавочная ценность является поэтому только в форме земельной ренты. У А. Смита земельная рента, прибыль и процент являются только различными формами прибавочной ценности.

Если я называю прибавочную ценность, отнесенную ко всей сумме авансированного капитала, прибылью на капитал, то я делаю это потому, что непосредственно участвующий в производстве капиталист непосредственно присваивает себе прибавочную ценность, независимо от того, под какими рубриками он впоследствии должен будет разделить эту прибавочную ценность с землевладельцем или с занмодавцем денежного капитала. Так, арендатор платит аренду прямо землевладельцу. Так, фабрикант из присвоенной им прибавочной ценности платит земельную ренту собственнику земли, на которой стоит его фабрика, и проценты— капиталисту, который ссудил ему капитал.

f) Обмен большого количества труда на меньшее.

Заработной платой, или эквивалентом, на который капиталист покупает временное пользование рабочей силой, является не товар в его непосредственной форме, а превращенный товар, деньги, товар в его самостоятельной форме, в форме меновой ценности, непосредственного воплощения общественного труда, всеобщего рабочего времени. На эти деньги рабочий, понятно, покупает товары (мы оставляем в стороне такие частности, что он, например, может делать покупки при невыгодных для него условиях и обстоятельствах и т. п.) по той же цене, как и всякий другой владелец денег. Он противостоит продавцу товара, как покупатель, подобно всякому другому владельцу денег. В товарном обращении он выступает не как рабочий, а как полюс-деньги против полюса-товара, как владелец товара в его всеобщей форме, всегда готовой к обмену. Его деньги снова превращаются в товары, назначение

которых служить ему в качестве потребительных ценностей, и при этом акте обмена он покупает товары по их обыкновенной рыночной цене, т.-е., вообще говоря, по их ценности. При этом он совершает только акт Д—Т, означающий, в общем виде, изменение формы, но никоим образом не величины ценности. Однако, так как он своим овеществленным в продукте трудом не только прибавляет то количество рабочего времени, которое заключалось в полученных им деньгах, т.-е. не только выплачивает его эквивалент, а отдает безвозмездно прибавочный труд, который и является источником прибыли,—вследствие этого он фактически (промежуточный процесс—продажа рабочей силы—на конечный результат не влияет) дает ценность, превышающую ценность той суммы денег, которую он получает в виде заработной платы. Он *in natura* большим количеством рабочего времени купил то его количество, которое реализовано в притекающих к нему в виде заработной платы деньгах. Можно поэтому сказать, что он косвенно покупает все товары, в которые превращаются его деньги (служащие только особым выражением определенного количества общественного рабочего времени), также посредством большего количества рабочего времени, чем то, которое в них содержится, хотя он покупает их по той же цене, как и всякий другой покупатель или владелец товара в его первом превращении. И, наоборот, деньги, на которые капиталист покупает труд, содержат количество труда или рабочего времени меньшее, чем то количество, которое содержится в продукте труда; сверх того количества труда, которое заключается в сумме денег, составляющей заработную плату, он покупает, не платя за нее, добавочную сумму труда, т.-е. излишек сверх оплаченного им количества труда. Это добавочное количество труда и составляет создаваемую капиталом прибавочную ценность. А так как деньги, на которые капиталист покупает рабочую силу,—а тем самым, в результате, и определенное количество труда,—так как эти деньги не что иное, как превращенная форма в с е х д р у г и х т о в а р о в, их самостоятельное бытие в форме меновой ценности, то можно также сказать, что все товары при обмене своим на живой труд покупают больше труда, чем в них самих содержится. Этот излишек и образует прибавочную ценность. Крупной заслугой А. Смита является то, что в нескольких главах (а именно 6, 7 и 8) первой книги, переходя от простого товарного обмена, с его законом ценности, к обмену между овеществленным и живым трудом, к обмену между капиталом и наемным трудом, к рассмотрению прибыли и земельной ренты вообще, словом, к вопросу о происхождении прибавочной ценности, он замечает, что здесь является трещина, что по каким-то причинам, остающимся впрочем непонятными самому Смиту,—закон в его конечном проявлении фактически нарушается, и обменивается большее количество труда на меньшее (с точки зрения рабочего) и меньшее его количество на большее (с точки зрения капиталиста). Заслуга Смита состоит еще в том, что

он чувствует (именно это-то обстоятельство и вводит его в формальное заблуждение), что с накоплением капитала и с земельной собственностью—т.е. с отделением от труда его условий, выступающих теперь против него—совершается изменение, кажущееся (а в результате также фактическое) превращение закона ценности в свою противоположность. Теоретическая сила А. Смита обнаруживается в том, что он замечает и оттеняет это противоречие; его теоретическая слабость—в том, что это противоречие сбивает его с толку в определении общего закона, даже для случая простого товарного обмена; что он не понимает, как это противоречие возникает благодаря тому, что сама рабочая сила становится товаром, и что потребительная ценность этого специфического товара, не имеющая ничего общего с его меновой ценностью, представляет собою энергию, создающую меновую ценность. Рикардо имеет то преимущество перед А. Смитом, что эти кажущиеся—а в результате действительные—противоречия не вводят его в заблуждение. Но он уступает А. Смигу в том отношении, что он даже не подозревает здесь существования требующей решения задачи, и что то особое развитие, которое испытывает закон ценности с возникновением капитала, ни на минуту не заставляет его задуматься и даже не интересует его. Впоследствии мы увидим, каким образом то, что у А. Смита было гениальным, явилось у Мальтуса реакционным в его споре с Рикардо.

И в то же время именно эти взгляды А. Смита делают его колеблющимся, неуверенным, вырывают у него из-под ног твердую почву и не позволяют ему, в противоположность Рикардо, достичь единства общего теоретического взгляда на отвлеченные общие основы капиталистической системы.

Вышеприведенное положение Смита, что товар покупает больше труда, чем в нем самом его содержится, или что рабочий платит за товар ценность большую, чем та, которая присуща товару, это положение выражено Годскином так:

„Естественная цена (или необходимая цена) выражает общее количество труда, которое природа требует от человека для создания определенного товара... Труд был, есть и остается единственным покупательным средством в наших сделках с природой. Каково бы ни было количество труда, необходимое для производства определенного товара, рабочий всегда должен—при нынешнем состоянии общества—отдавать для создания и приобретения товара гораздо больше труда, чем нужно его на покупку от природы. Эта увеличенная естественная цена есть *социальная цена*“.

Необходимо всегда различать эти две цены (Thomas Hodgkin, „Popular Political Economy“ etc. Лондон, 1827 г., стр. 219, 220). В этих воззрениях Годскина повторяется как то, что было правильно, так и то, что было ошибочным и вызывающим ошибку во взглядах А. Смита.

г) Смешение прибавочной ценности и прибыли.

Мы видим, как А. Смит вообще развивает прибавочную ценность, различными видами и простыми частями которой являются земельная

рента и прибыль. Согласно его изложению, та часть капитала, которая состоит из сырья и средств труда, не имеет никакого прямого отношения к созданию прибавочной ценности. Эта последняя состоит только из некоторого количества добавочного труда, выполняемого рабочим сверх той его части, которая служит эквивалентом заработной платы. Следовательно, только из затраченной на заработную плату части капитала и происходит непосредственно прибавочная ценность, потому что одна эта часть капитала не только сама воспроизводится, но и создает излишек продукта и ценности. Напротив, в прибыли прибавочная ценность рассчитывается в ее отношении к общей сумме авансированного капитала, при чем к этому видоизменению присоединяются еще и другие вследствие того, что прибыли уравниваются в различных отраслях капиталистического производства. А: Смит развивает прибавочную ценность по существу, как определенную, отличную от ее особых форм категорию: но это развитие не принимает у него отчетливой формы, и потому он вслед затем смешивает прибавочную ценность с более развитыми формами прибыли. Эта ошибка сохраняется у Рикардо и у всех следующих за ними экономистов; она приводит (и особенно у Рикардо, который придает основному закону ценности больше систематического единства и последовательности, а потому и непоследовательности и противоречия выступают у него резко) к ряду неверных заключений, неразрешимых противоречий и бессмыслиц, которые рикарданцы (как мы увидим ниже в главе о прибыли) стараются разрешить, отделяваясь схоластическими отговорками. Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая с мучительным усилием старается непосредственно вывести из общего закона или объяснить согласно с ним посредством простой формальной абстракции неопровержимые явления эмпирической действительности. Говоря об А. Смите, мы хотим привести здесь же пример, потому что пугалица у него верадывается не там, где он трактует, *ex professo* о прибыли и земельной ренте, как особенных формах прибавочной ценности, а там, где он рассматривает их, как простые формы прибавочной ценности вообще, как „вычеты из труда, затраченного рабочими на переработку сырья“.

[Мы уже цитировали выше (стр. 115) такую его фразу:]

„Ценность, которую рабочие прибавляют к сырому материалу, теперь распадается на две части, из которых одна идет на заработную плату, а другая составляет прибыль их предпринимателя со всей той суммы капитала, которую он ссудил им в виде сырья и заработной платы“.

Адам Смит продолжает:

„Он (предприниматель) не стал бы вовсе нанимать их (рабочих), если бы он не рассчитывал выручить из продажи их продукта (work) излишек сверх возмещения своего капитала; не в интересах капиталиста было бы вкладывать в дело больший капитал вместо меньшего, если бы прибыль не зависела некоторым образом от величины употребляемого в дело капитала“.

Прежде всего заметим: прибавочная ценность, излишек, получаемый предпринимателем сверх количества ценности, необходимого для возмещения его капитала, сначала сводится А. Смитом к той части труда, которую рабочие прибавляют к сырью сверх того количества его, которое возмещает их заработную плату. Стало-быть, показав, что этот излишек происходит исключительно из части капитала, затрачиваемой на заработную плату, он тотчас же после этого представляет себе этот излишек в форме прибыли, т.-е. относит его не к той части капитала, из которой он происходит, а представляет его в форме излишка сверх общей ценности употребленного в дело капитала, т.-е. в виде прибыли „на всю сумму капитала, который им (капиталистом) авансирован на сырье и заработную плату“ *). Таким образом, он непосредственно представляет себе прибавочную ценность в форме прибыли. Из этого сейчас же возникают затруднения. Капиталист, по словам А. Смита, „не стал бы вовсе нанимать их (рабочих), если бы он не рассчитывал выручить из продажи их продукта излишек сверх возмещения своего капитала“.

Это совершенно верно, раз мы предположим существование капиталистических отношений. Капиталист занимается производством не для удовлетворения своих потребностей своим продуктом, вообще он производит вовсе не ради потребления. Он производит для того, чтобы производить прибавочную ценность. Но этим предварительным предположением, означающим только то, что при капиталистическом производстве капиталист производит единственно ради прибавочной ценности, А. Смит вовсе не объясняет, — как это делали впоследствии многие из его бездарных последователей, — прибавочную ценность, т.-е. он не объясняет ее существования интересами капиталиста, стремлением этого последнего к прибавочной ценности. Он, напротив, уже вывел эту прибавочную ценность из ценности, которую рабочие прибавляют к сырому материалу сверх ценности, прибавленной ими в возмещение своей заработной платы.

Но тотчас же он продолжает: не в интересах капиталиста было бы вкладывать в дело больший капитал вместо меньшего, если бы прибыль не зависела известным образом от величины авансированного капитала. Тут прибыль объясняется уже не природой прибавочной ценности, а „интересами“ капиталиста. Это настоящая пошлость. А. Смит не чувствует, что, смешивая прибавочную ценность с прибылью и обратно, он в то же время разрушает им же самим установленный закон происхождения прибавочной ценности. Если прибавочная ценность есть не более, как та часть ценности (или количества труда), которую рабочий прибавляет к сырому материалу сверх части, возмещающей его заработную плату, то почему эта вторая часть растет в прямой зави-

*) Орудие труда пропущено здесь по недосмотру.

симости от увеличения ценности авансированного капитала? Еще яснее выступает противоречие в примере, который вслед затем приводит А. Смит для опровержения того взгляда, согласно которому прибыль служит платой за так называемый „labour of inspection and direction“, за труд по надзору и управлению.

Смит говорит:

„Она (прибыль на капитал) коренным образом отличается (от заработной платы), подчинена совершенно другим законам и вовсе не зависит от количества, трудностей или замысловатости этого так называемого труда по надзору и управлению. Она зависит только от ценности приложенного капитала и бывает большей или меньшей в зависимости от ее величины. Допустим, например, что в какой-нибудь стране средняя годовая прибыль в промышленности равна десяти: допустим далее, что производство ведется на двух различных мануфактурах, при чем на каждой из них работает по двадцати рабочих, а каждый рабочий получает плату в 15 фунтов стерл. в год, так что каждая мануфактура издерживает на заработную плату по 300 ф. стерл. Допустим еще, что одна фабрика обрабатывает только грубые материалы на сумму в 700 фунтов стерлингов, а другая—материалы высокого качества—на 7000 ф. ст. ежегодно. Таким образом, капитал, приложенный на одной мануфактуре, составит 1000 ф. ст., а капитал, приложенный на другой—7300 ф. стерл. Следовательно, при равне прибыли в 10 процентов предприниматель первой мануфактуры будет рассчитывать на годовую прибыль во 100 ф., предприниматель второй—на прибыль в 730 ф. Но в то время, как их прибыли так разнятся между собой, их труд по надзору и управлению может быть вполне или приблизительно одинаков“ (67 глава I книги).

От прибавочной ценности в ее общей форме мы сразу переходим к общему уровню прибыли, не имеющему к ней никакого непосредственного отношения. Однако, оставим это! На каждой из двух фабрик работает двадцать человек; их заработок на обеих один и тот же = 300 фунтов стерлингов. А это доказывает, что ни в одной из них не употребляется труд более высокого качества, один час которого, а следовательно и прибавочный час, стоил бы нескольких часов другого. Напротив, средний труд, как это показывает равенство заработных плат, в обоих случаях предполагается одинаковым. Как же после этого на одной из фабрик прибавочный труд, прибавляемый рабочими сверх ценности их заработной платы, может стоить в семь раз больше, чем на другой! Или почему на одной фабрике, фабрикат которой в семь раз дороже фабриката другой, рабочие должны были дать в семь раз больше прибавочного труда, хотя в обоих случаях они получают одинаковую плату, стало-быть, работают для ее возмещения одинаковое время? Тот факт, что прибыль полученная на одной фабрике, в семь раз превышает прибыль, полученную на другой, или вообще закон зависимости прибыли от величины авансированного капитала prima facie противоречат закону прибавочной ценности или прибыли (так как А. Смит отождествляет их), в силу которого они представляют только неоплаченный прибавочный труд рабочего. А. Смит берет это с совершенной наивностью и несколько не смущаясь, даже не подозревая существенного противоречия. Все последующие экономисты—из которых ни один не рассматривал общей формы прибавочной ценности отдельно от ее

особых форм, оставались верны ему в этом отношении. У Рикардо, как мы уже говорили, это обнаруживается еще ярче.

Так как А. Смит сводит прибавочную ценность не только к прибыли, но и к земельной ренте, т.-е. к двум ее особым видам, движение которых совершается по совершенно различным законам, то он уже должен был бы видеть, что нельзя просто смешивать всеобщую абстрактную форму ни с одной из ее особых форм. У всех позднейших буржуазных экономистов, как и у него, недостаток теоретического смысла, необходимого для понимания формальных различий экономических отношений, постоянно приводит к тому, что они грубо набрасываются на данный эмпирический материал и интересуются только им. Отсюда вытекает и их неспособность правильно понять вопрос о деньгах, при котором дело идет только о различных превращениях формы меновой ценности, величина же ее остается неизменной.

3. Капитал и земельная собственность, как источники ценности *).

Лодердэля (Lauderdale) в своем „An Inquiry into the Nature and Origin of public Wealth“ (Эдинбург, 1804 г.) оспаривает тот взгляд А. Смита на прибавочную ценность,—взгляд, совпадающий, по мнению Лодердэля, со взглядом, уже установленным Локком,—что капитал является вовсе не первоначальным источником богатства, за который, однако, выдает его сам Смит, а только производным. Вот что он говорит по этому поводу:

„Локк более ста лет тому назад высказал почти тот же взгляд, как и А. Смит... Деньги,—говорит он,—бесплодная вещь и ничего не производят, но они, в силу соглашения, переносят в карман одного то, что было вознаграждением за труд другого“ **). „Если бы этот взгляд на прибыль с капитала был вполне верен, то выходило бы, что прибыль служит не первоначальным, а производным источником богатства, и капитал не следовало бы считать источником богатства, так как прибыль с него только переносит деньги из кармана рабочего в карман капиталиста“ (Lauderdale, l. c., стр. 157, 158).

Поскольку ценность капитала только воспроизводится в продукте, капитал не может быть назван „источником богатства“. Лишь как накопленный труд, как известное количество овеществленного труда, прибавляет он к продукту свою собственную ценность.

Он является производителем ценности лишь как отношение, лишь постольку, поскольку он, как принудительная сила, заставляет наемный труд совершать излишек труда, и поскольку он побуждает производительную силу труда создавать относительную прибавочную ценность. В обоих случаях капитал производит ценность, только как отнятая у труда и направленная против него сила его же собственных вещественных условий, т.-е., вообще говоря, только как одна из форм

*) Стр. 262—265 рукописи, с короткой вставкой со стр. 364. К.

**) Локк, „Some considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money“.

самого наемного труда,—как условие наемного труда. В обычном же политико-экономическом смысле, как накопленный в виде денег или товаров труд, капитал—как все условия труда, а равно и даровые силы природы—является производительным в процессе труда, в производстве потребительных ценностей, но никогда не служит источником ценности. Он не создает никакой новой ценности и вообще прибавляет к продукту меновую ценность лишь постольку, поскольку он обладает меновой ценностью, т.-е. поскольку он сам сводится к овеществленному рабочему времени, и, стало-быть, труд служит источником его ценности.

Подердаль прав в том отношении, что А. Смит не имеет права, после того, как он выяснил природу прибавочной ценности и ценности вообще, считать капитал и земельную собственность самостоятельными источниками меновой ценности. Они являются источниками дохода для своих владельцев, поскольку, служат основанием для получения определенного количества прибавочного труда, которое рабочий должен выполнять сверх рабочего времени, необходимого для возмещения своей заработной платы. Так, например, А. Смит говорит:

„Заработная плата, прибыль и земельная рента служат тремя первоначальными источниками всякого дохода, а равно и всякой меновой ценности“ (6-ая глава I книги).

Насколько верно то, что они являются „тремя первоначальными источниками всякого дохода“, настолько же ложно то, что они в то же время служат „тремя первоначальными источниками всякой меновой ценности“, так как ценность товара определяется только содержащимся в нем рабочим временем. И после того, как земельная рента и прибыль представлены А. Смитом просто как deductions, т.-е. вычеты из ценности или труда, прибавляемого рабочим к сырью, как может он называть их „первоначальными источниками ценности“? (Они могут служить ими только в том смысле, что приводят в действие „первоначальный источник“, т.-е. принуждают рабочего выполнять прибавочный труд). Поскольку они являются основанием (условиями) присвоения части ценности, т.-е. овеществленного в товаре труда, они служат источниками дохода для их собственников. Однакоже, распределение или присвоение ценности вовсе еще не источник присваиваемой ценности. Если бы не было этого присвоения, и если бы рабочий получал в виде платы весь продукт своего труда, то ценность произведенных товаров осталась бы прежней, хотя рабочий и не делил бы ее с землевладельцем и капиталистом. Земельная собственность и капитал, служащие источниками дохода для своих владельцев, т.-е. дающие им власть присваивать себе часть создаваемой трудом ценности, в силу одного этого не становятся еще источниками присваиваемой ими ценности. Но точно также нельзя сказать, что заработная плата представляет собою „первоначальный источник меновой ценности“, хотя она—они, вернее, по-

стоянная продажа рабочей силы—служит источником дохода для рабочего. Труд, а не плата за труд, создает ценность. Заработная плата есть не более, как уже существующая ценность, или—если мы будем иметь в виду все производство в целом—та часть созданной рабочим ценности, которую он себе присваивает, но это присвоение не создает ценности, так что его заработная плата может увеличиваться или уменьшаться, не влияя на ценность производимых им товаров.

Полное представление Смита, развиваемое им вопреки своему первоначальному правильному взгляду, обнаруживается также в следующей мысли: „Рента входит в цену товаров, но совершенно не так, как прибыль и заработная плата. Высокая или низкая заработная плата и прибыль вызывают повышение или понижение цен. Высокая или низкая земельная рента является их следствием“ (*Wealth of Nations*, 11 глава I книги).

Но мы не будем говорить о том, в какой мере А. Смит считает земельную ренту составным элементом цены товаров. Вопрос этот имеет тем меньшее значение для нашего исследования, что Смит считает земельную ренту, совершенно так же, как прибыль, только частью прибавочной ценности, „вычетом из труда, прилагаемого рабочим к сырому материалу“, а, следовательно, понимает ее в действительности как вычет из прибыли, поскольку весь неоплаченный прибавочный труд берется капиталистом у рабочего непосредственно, под какими бы рубриками он ни делил его впоследствии с другими владельцами средств производства, будут ли это собственники земли или земледельцы, ссужающие капитал. Поэтому мы, для упрощения, будем говорить только о заработной плате и о прибыли, как о двух рубриках, по которым распределяется вновь созданная ценность.

Предположим, что в данном товаре—оставляя без внимания потребленную в нем ценность сырья и орудий труда—овеществлено двенадцатичасовое рабочее время. Ценность его, как таковую, мы можем выразить только в деньгах. Поэтому мы предполагаем, что в 5 шиллингах овеществлено тоже двенадцатичасовое рабочее время. Следовательно, ценность товара=5 шиллингам. Под естественной ценой товаров А. Смит понимает не что иное, как их ценность, выраженную в деньгах (рыночная цена товара, конечно, стоит выше или ниже их ценности. Даже средняя цена товаров, как я впоследствии докажу, всегда отличается от их ценности. Но А. Смигу, в его исследовании естественной цены, нет до этого никакого дела. Кроме того, ни рыночная цена, ни—еще менее—колебания средней цены товаров не могут быть поняты, если мы предварительно не выясним себе вполне природы ценности). Если прибавочная ценность, заключающаяся в товаре, составляет 20 процентов его общей ценности, или—что сводится к тому же—25 процентов содержащегося в нем необходимого рабочего времени, то, следовательно, эта ценность в 5 шиллингов, т.-е. естествен-

ная цена товаров, может быть разложена на 4 шиллинга заработной платы и 1 шиллинг прибавочной ценности (которую мы, следуя А. Смиту, назовем здесь прибылью). Правильно было бы сказать, что определенная независимо от заработной платы и прибыли величина ценности товара, или его естественная цена, может быть разложена на 4 шиллинга заработной платы (цена труда) и 1 шиллинг прибыли (цена прибыли). Но было бы ошибочно сказать, что ценность товара составляет из сложения и соединения цены заработной платы и цены прибыли, независимо от его ценности. В последнем случае вообще непонятно было бы, почему общая ценность товара составляет 8, 10 и более шиллингов, смотря по тому, принимаем ли мы заработную плату = 5 шиллингам, а прибыль = 3 шиллингам и т. д. Чем же руководится А. Смит в определении „естественной нормы“ или „естественной цены“ заработной платы? „Естественной ценой“ средств существования, необходимых для воспроизводства рабочей силы. А чем определяет он естественную цену этих средств существования? Поскольку он вообще определяет эту цену, он прибегает к верному определению ценности, а именно к определению ее рабочим временем, необходимым для производства этих средств существования. Но как только он сходит с этого верного пути, он попадает в порочный круг. Чем определяет он цену средств существования, определяющих собою естественную цену заработной платы? Естественной ценой „заработной платы“, „прибыли“ и „земельной ренты“, которые составляют естественную цену этих средств существования, как и всех вообще товаров. Итак, *in infinitum*. Само собою разумеется, что болтовня о законе спроса и предложения не выводит из этого порочного круга. Естественная цена или цена, соответствующая ценности товара, именно тогда и должна обнаруживаться, когда спрос и предложение покрывают друг друга, т.-е. когда цена товара не опускается вследствие колебаний спроса и предложения ниже его ценности и не поднимается выше ее, когда — другими словами — цена производства товара (или ценность предлагаемого продавцом товара) равна цене, которую платят спрос.

Но, как мы уже сказали, при исследовании естественной цены заработной платы А. Смит на деле — по крайней мере местами — прибегает к правильному определению ценности товара. Напротив, в главе об естественной норме и естественной цене прибыли, он, в том, что касается настоящей задачи исследования, запутывается в бессодержательных общих местах и тавтологиях. В самом деле, сначала он определял заработную плату, прибыль и земельную ренту ценностью товара. Но впоследствии он, (приближаясь к эмпирической видимости и обычным представлениям о предмете) извращает постановку вопроса, и теперь, по его мнению, естественная цена товаров определяется и исчисляется сложением естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Одна из главных заслуг Рикардо именно в том и со-

стоит, что он положил конец этой путанице. Мы скоро вернемся к этому пункту его теории.

Здесь заметим еще только вот что: данная величина ценности товара, служащая фондом, из которого уплачиваются заработная плата и прибыль, эмпирически является промышленнику в виде того факта, что известная рыночная цена товара держится в течение некоторого времени, несмотря на все колебания заработной платы.

Следует обратить также внимание на странный ход мыслей в книге А. Смита: сначала он исследует ценность товара и местами определяет ее правильно, до такой степени правильно, что А. Смит при этом открывает, в общем, происхождение прибавочной ценности и особых ее форм и, следовательно, выводит из этой ценности заработную плату и прибыль. Но затем он вступает на противоположный путь и пытается вывести, наоборот, ценность товаров (из которой он уже вывел заработную плату и прибыль) из сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Этому последнему обстоятельству он обязан тем, что, не имея твердой основы, нигде не умеет правильно развить влияние колебаний заработной платы, прибыли и т. д. на цены товаров.

4. Разложение цены на заработную плату, прибыль и земельную ренту*).

а) Постановка этого вопроса у Адама Смита.

Теперь мы переходим к другому пункту, стоящему в связи с распадением цены или ценности товара (та и другая здесь еще отождествляются). Предположим, что А. Смит правильно вел расчет, т.-е., имея ценность товара, разложил ее на составные части, в виде которых эта ценность распределяется между различными агентами производства, а не пытался, наоборот, вывести ценность из цены этих составных частей. Этот второй прием оставим в стороне. Равным образом не будем останавливаться на одностороннем изображении заработной платы и прибыли, в виде простых форм распределения, т.-е., следовательно, в виде форм дохода, в одинаковом смысле потребляемых своими получателями. Помимо всего этого, у А. Смита остается некоторое сомнение, и его преимущество перед Рикардо и здесь состоит не в том, что он разрешает это сомнение, а в том, что оно вообще у него возникло.

Именно А. Смит говорит:

„Из этих трех составных частей (заработной платы, прибыли и земельной ренты) должна, повидимому, состоять — непосредственно или в последнем счете — полная цена хлеба **). Можно предположить существование еще четвертой составной части цены, возмещающей капитал (stock) арендатора или убыль скота

*). Стр. 265—272 рукописи с короткими вставками со стр. 299. 283 в. 295, 369. К.

**). Вообще товара; А. Смит берет здесь хлеб, потому что, по его мнению, земельная рента не является конституирующей составною частью цены многих товаров.

и изнашивание других принадлежностей сельского хозяйства. Но надо принять во внимание, что цена каждого сельскохозяйственного орудия или вспомогательного предмета, например, рабочей лошади, в свою очередь, состоит (made up) из этих трех составных частей: ренты с земли, на которой она пасется, труда по ее выращиванию и по уходу за ней и прибыли арендатора, уплачивающего вперед эту ренту или плату за этот труд^{*)}. Так что, хотя цена хлеба включает как цену лошади, так и издержки ее содержания, однакоже, вся цена в целом, непосредственно или в конечном результате, разлагается на три составные части: земельную ренту, труд и прибыль^{**)}. (6-я глава I книги).

Но разве не столь же очевидно, что надо принять во внимание следующее: как арендатор вводит цену лошади или плуга и цену хлеба, так и лошадиный заводчик и фабрикант плугов, у которых арендатор купил лошадь или плуг, включили в цену орудий труда (в частном случае, может быть, другую лошадь) и сырых материалов, корма и железа, — в цену лошади и плуга, между тем как фонд, из которого лошадиный заводчик и фабрикант плугов выплачивают плату рабочим и прибыль (включая ренту), состоит из одного только нового труда, прибавляемого ими в своих отраслях производства к наличной сумме ценностей их постоянного капитала? Стало-быть, если А. Смит соглашается относительно арендатора, что в цену его хлеба, кроме уплаченных им самим и другими лицами, заработных плат, прибылей и ренты, входит еще четвертая, опять-таки сложная составная часть, а именно ценность потребленного им постоянного капитала, — каким являются, например, лошади, сельскохозяйственные орудия и т. д., — то он должен был бы признать это верным и относительно лошадиного заводчика и фабриканта сельскохозяйственных орудий и не отсылать нас без всякой надобности от Понтия к Пилату. Впрочем, пример арендатора особенно неудобен для отсылки от Понтия к Пилату, потому что между отдельными частями постоянного капитала здесь есть одна, которую вовсе нет надобности покупать из третьих рук, а именно семена. Разве эта составная часть ценности распадается для кого-нибудь на заработную плату, прибыль и ренту?

Но сначала пойдем дальше и посмотрим, везде ли А. Смит последовательно держится того взгляда, что ценность каждого товара может быть сведена ко всем источникам дохода или к одному из них: к заработной плате, прибыли, земельной ренте; т.-е., стало-быть, того взгляда, по которому товар потребляется только в форме естественных припасов или вообще идет в какое-нибудь личное (а не промышленное, не производительное) потребление.

Но предварительно еще одно замечание. При сборе ягод, например, могли бы предположить, что их ценность сводится исключительно к заработной плате, хотя и здесь требуется большею частью, в качестве

*) Здесь прибыль является первоначальной формой, включающей и ренту.

***) Нескладно то, что он вдруг говорит: труд, вместо: заработная плата, в то время как ренту и прибыль не заменяют земельною собственностью и капиталом.

орудий труда, некоторые приспособления, например, корзины и т. п. Но подобные примеры здесь, где речь идет о капиталистическом производстве, вообще совершенно неуместны.

Сначала идет опять повторение взгляда, высказанного в 6-ой главе I книги.

В самом начале 2-ой главы II книги, посвященной исследованию „о деньгах, как об отдельной отрасли всего общественного капитала в его целом“, говорится:

„В первой книге показано, что цена большинства товаров распадается на три части, из которых одна оплачивает заработную плату, другая—прибыль на капитал и третья—земельную ренту“.

Сообразно этому, ценность каждого товара разлагается на различные доходы и, следовательно, достается, в качестве потребительного фонда, тому или иному классу, живущему на данный вид дохода. А так как вся совокупность, например, годового производства данной страны состоит только из суммы ценностей произведенных товаров и так как ценность каждого из этих товаров сводится к доходу, то, следовательно, и сумма их—годовой продукт труда, валовой доход—может быть потреблена в течение этого времени в форме дохода. И вот Смит сам тотчас возражает на это:

„Было замечено, что если это верно для каждого товара, рассматриваемого отдельно от других, то это должно оставаться в силе и для всей совокупности товаров, составляющей весь годовой продукт земли и труда какой-нибудь страны. Вся цена или меновая ценность этого годового продукта тоже должна распадаться на три части и распределяться между различными обитателями страны, как заработная плата, или как прибыль с капитала, или как земельная рента“.

Это, действительно, необходимый вывод. Что верно для одного товара, необходимо остается в силе для всей их суммы.

Но Адам говорит, quite non. Он продолжает:

„Но хотя вся ценность годового продукта земли и труда всякой страны распределяется таким образом и служит доходом для различных ее обитателей, однакоже, подобно тому, как в ренте частного землевладения мы различали валовую ренту от чистой, так и в доходе всех обитателей данной обширной страны мы можем предположить такое же разделение“.

Стой! Выше он нам сказал совершенно противоположное: В продукте отдельного арендатора мы различаем еще четвертую составную часть ценности—его хлеба, например,—именно ту часть, которая возмещает потребленный постоянный капитал. Это, продолжает Смит, не посредственно верно для отдельного арендатора. Но при дальнейшем исследовании выходит, что та часть, которая является постоянным капиталом для фермера, еще прежде, чем она стала для него таковым, разложилась в других руках на заработную плату, прибыль и т. д., коротко говоря, свелась к доходу. Поэтому если справедливо, что в руках отдельного производителя ценность товаров разлагается на такие части, одна из которых вовсе не служит доходом, то для „всех обитателей данной обширной страны“ это не верно, ибо то, что в руках

одного служит постоянным капиталом, обязано своею ценностью только тому обстоятельству, что выводит из рук другого, как сумма цен, заработной платы, прибыли и ренты“

Теперь Адам говорит нечто прямо противоположное.

Он продолжает:

„Валовая рента частной земельной собственности включает все, что платит фермер. Чистая рента есть то, что остается у землевладельца за вычетом его расходов по управлению и ремонту и других неизбежных затрат; чистая рента состоит из того, что он, без ущерба для своего имущества, может при совокуплять к фонду, который служит ему для непосредственного потребления для его стола и т. д. Его реальное богатство зависит не от валовой, а от чистой ренты“.

Во-первых, Смит смешивает здесь различные вещи. То, что фермер платит землевладельцу в качестве ренты, равно как и то, что он платит рабочему в виде заработной платы, служит, как и его собственная прибыль, частью ценности или цены товаров, сводящейся к доходу. Но вопрос ведь в том, имеет ли товар еще какую-нибудь иную часть ценности. Здесь А. Смит допускает это, — подобно тому, как он допустил это для фермера, хотя это совсем не помешало ему свести хлеб фермера (т. е. цену или меновую ценность хлеба) к одному лишь доходу.

Во-вторых, заметим мимоходом следующее. Богатство, которым располагает отдельный фермер, как фермер, зависит от его прибыли. Но, с другой стороны, как товаровладелец, он может продать всю свою землю или, если земля не принадлежит ему, весь находящийся на ней постоянный капитал: рабочий скот, земледельческие орудия и т. д. Ценность, которую он таким образом может реализовать, а следовательно и богатство, которым он будет в состоянии располагать, зависит от ценности, а следовательно и от величины принадлежащего ему постоянного капитала. Но он может продать это опять-таки только другому фермеру, в руках которого эта ценность является не свободным богатством, а постоянным капиталом.

Стало-быть, мы еще не сдвинулись с места.

„Валовой доход всех обитателей данной обширной страны включает весь годовой продукт их земли и труда*). Чистый доход состоит из того, что у них остается за вычетом издержек на поддержание, во-первых, их основного, во-вторых, их оборотного капитала **). Так что он включает все, что без сокращения их капитала может быть присоединено к фонду их непосредственного потребления ***).

*) Прежде мы слышали, что ценность всей этой суммы распадается соответственно на заработные платы, прибыли и ренты, словом — формы чистого дохода.

***) Следовательно, Смит вычитает прежде всего орудия труда и сырья.

***). Теперь мы узнаем, значить, что цена или меновая ценность полной суммы товаров, для всей страны, точно так же, как и для отдельных капиталистов, заключает в себе еще и четвертую часть, которая ни для кого не служит прибылью; и не может быть сведена ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к ренте.

Ясно, что все затраты на сохранение основного капитала должны быть исключаемы из чистого общественного дохода. Ни материалы, служащие для поддержания в исправном состоянии и для пополнения комплекта (supporting) их машин, служебных строений и т. д., ни продукты труда, необходимые для того, чтобы придать этим материалам надлежащую форму, ни в коем случае не могут составлять часть этого чистого дохода. Цена этого труда может, конечно, служить частью этого дохода в том случае, когда занимающийся им рабочий имеет возможность всю ценность своей заработной платы вкладывать в фонд своего непосредственного потребления. При других же видах труда, как цена, так и продукт труда входят в этот фонд, и притом цена — в фонд рабочих, а продукт — в фонд других лиц, для которых труд этого рабочего умножает средства существования, удобства, удовольствия“.

Здесь А. Смит близок к правильному взгляду, но все же ему не удается разрешить вопрос, на который он должен ответить, о четвертой составной части полной цены товара, о части, которая не разлагается ни на заработную плату, ни на прибыль, ни на ренту.

Прежде всего отметим крупную ошибку. У фабриканта машин, как и у всякого другого промышленного капиталиста, труд сооружения машин из сырого материала, конечно, разлагается на необходимый и прибавочный труд, т.-е. создает не только заработную плату, но и прибыль капиталиста. Но ценность материалов и ценность инструментов, при помощи которых рабочие придают материалам надлежащую форму, не сводится ни к одному, ни к другому. Никакого значения не имеет здесь то обстоятельство, что продукты, природой своей предназначенные не для индивидуального, а для промышленного потребления, не входят в потребительный фонд. Семена, например, (т.-е. часть зерна, служащая для посева) по природе своей могли бы входить в потребительный фонд, но экономически входят в фонд производства.

Но, с другой стороны, совершенно неверно, будто бы вся цена продуктов, предназначенных для индивидуального потребления, вместе с самим продуктом входит в фонд потребления. Полотно, например, поскольку оно не идет на паруса или на другое производительное назначение, входит всецело в потребление. Но этого нельзя сказать об его цене, потому что часть этой цены возмещает пряжу, часть — ткацкие станки и т. д., и только часть цены холста состоит из доходов того или другого рода.

Адам только что сказал нам, что сырые материалы, идущие на постройку машин, зданий, служащих для производства, и т. д., равно как и сделанные из них машины и проч., „ни в коем случае не могут составлять часть этого чистого дохода“. Значит, они составляют часть валового дохода. А вскоре после этого, в той же главе, он говорит, напротив:

«Машины, инструменты, употребляемые в промышленности и т. д., составляющие основной капитал отдельного лица или общества, не составляют части ни их валового, ни их чистого дохода; точно также и деньги и т. д.“.

Это хождение Адама вокруг да около, его противоречия, его отклонения от предмета, доказывают, что он запутался и должен был за-

путаться здесь, приняв заработную плату, прибыль и ренту за те части, из которых составляется меновая ценность или цена продукта в ее целом.

* * *

Противоречия А. Смита имеют то положительное значение, что они заключают в себе задачи, которых он, правда, не разрешает, но тем самым обнаруживает, что попадает в противоречие с самим собою. И его верный инстинкт в этом отношении лучше всего доказывается тем, что последующие экономисты, в их спорах между собою, принимали то одну, то другую сторону его учения.

* * *

Тот же взгляд, согласно которому годовой продукт страны распадается на заработную плату и прибыль (в эти последние входят земельные ренты, проценты и т. д.), А. Смит высказывает во 2-ой главе I книги, при исследовании денежного обращения и кредитной системы, при чем он говорит следующее:

„Обращение каждой страны можно представить себе разделенным на две различные ветви: обращение к среде капиталистов (dealers) и обращение между капиталистами и потребителями^{*)}. Хотя зачастую одни и те же денежные знаки, металлические или бумажные, могут вращаться то в одной, то в другой области обращения, однакоже, так как обе они одновременно находятся в непрерывном движении, то каждая из них требует для своего обращения известного запаса денег того или другого сорта. Ценность товаров, обращающихся между капиталистами (dealers), никогда не может превышать ту, которая находится в обращении между капиталистами и потребителями, сколько бы товаров первые ни покупали, количество этих товаров определяется в конечном счете тем обстоятельством, что и покупают для продажи потребителям“.

[Эта мысль неверна. Возьмите двух крестьян. Пусть у каждого из них жатва составляет 120 кварталов хлеба, из которых 12 кварталов должно быть оставлено на семена].

Крестьянин может продать весь свой сбор в 120 кварталов, но тогда он должен купить у другого крестьянина 12 кварталов семян. А так как тот, в свою очередь, должен взять на семена 12 кварталов, то у него на продажу для нужд индивидуального потребления остается только 96 кварталов. Из 240 кварталов 24 будут, попрежнему, возвращены земле, как семена:

Но на обращении это отзовется иначе. В первом случае, когда каждый удерживает десятую часть, в обращение входят 216 кварталов. Во втором случае первый крестьянин отдает в обращение 120 кварталов, второй—108, следовательно, в сумме 228 кварталов. На долю же

^{*)} Под dealers Смит понимает всех капиталистов, принимающих участие в процессе производства и обращения; под consumers—рабочих, а равно и капиталистов, землевладельцев и т. д. и их свиту, поскольку они расходуют свои доходы.

настоящих потребителей попережнему приходится только 216 кварталов. На этом примере мы уже видим, стало-быть, что сумма обращающихся в среде dealers, больше суммы ценностей, входящей в обмен между dealers и consumers.

Такая же разница существует, кроме того, во всех тех случаях, когда часть прибылей превращается в капитал, затем тогда, когда сроки сделок между dealers и dealers простираются на много лет.

b) Другие экономисты о том же предмете.

Сэй, старающийся скрыть свою крайнюю поверхность с помощью абсолютно-общих фраз, которыми он будто бы устраняет непоследовательность и ошибки А. Смита, следующим образом разлагает на доходы совокупность произведенных ценностей. В примечании к 26 главе „Principes“ Гикардо (traduit de l'anglais par Constance, avec notes par J. B. Say. Париж 1918 г.) он говорит:

„Чистый доход частного лица состоит из ценности продукта, в производстве которого он принимал участие своим личным трудом, капиталом или землей, за вычетом его издержек. Но так как его издержки служат частями дохода, выплачиваемого им другим лицам, то вся сумма ценности его продукта в целом идет на уплату доходов. Полный доход всякого данного народа состоит из валового продукта, т.-е. в общей ценности всех продуктов, распределяющихся между производителями“.

Последняя мысль была бы правильна, если бы она была выражена так: Весь доход народа в целом состоит из тех частей его валового продукта,—т.-е. из валовой ценности всех тех продуктов,—которые распределяются в качестве доходов между производителями. Иными словами, он равен валовому продукту за вычетом той его части, которая возмещает в каждой отрасли промышленности средства производства. Но, формулированное таким образом, это положение уничтожает само себя.

Сэй продолжает:

„Эта ценность могла бы быть—после нескольких актов обмена—целиком потреблена в течение года своего возникновения, не переставая все же составлять доход нации, подобно тому, как частное лицо, владеющее годовым доходом в 20000 франков, не лишается этого дохода, если целиком потребляет его в течение года. Его доход состоит не только из его сбережений“.

Его доход никогда не состоит из его сбережений, хотя эти сбережения создаются всегда из его дохода. Чтобы доказать, что народ в течение года может потратить, как свой капитал, так и свой доход. Сэй сравнивает его с частным лицом, которое оставляет потраченным свой капитал и потребляет в течение года только свой доход. Если бы это частное лицо потребило, как свой доход в 20000, так и свой капитал в 200000 франков, то в следующем году ему нечего было бы есть. Если бы весь капитал народа—а стало-быть, конечно, и вся ценность его продуктов—разложился на доходы, тогда Сэй был бы прав.

Частное лицо потребляет свой 20000 франков дохода; 200000 франков его капитала, не идущие в его потребление, состояли бы из доходов других частных лиц, из которых каждое потребляло бы свою часть, так что к концу года потреблялся бы весь этот капитал. Но он и воспроизводился бы при этом потреблении, которое являлось бы его возмещением! Но наше частное лицо потому воспроизводит ежегодно свой доход в 20000 франков, что не потребляет своего капитала в 200000 франков. И если другие лица потребили свой капитал, то они уже не имеют его для воспроизводства нового дохода.

В своем «Traité d'Économie Politique» Сэй говорит:

„Нация, взятая в ее целом, вовсе не имеет чистого продукта. В самом деле, если ценность продуктов равняется издержкам их производства, то, вычитая эти издержки, мы отнимаем всю ценность продуктов. Годовой доход есть валовой доход“ („Traité d'Économie Politique“, troisième édition. Париж, 1817 г. 2, часть, стр. 469).

Ценность суммы продуктов, произведенных в течение года, равняется количеству овеществленного в них рабочего времени. Если отнять эту общую ценность от годового продукта, то, действительно, — поскольку речь идет о ценности — не останется ничего, и при этом приходит конец как чистому, так и валовому доходу. Но Сэй думает, что ценности, производимые в течение года, потребляются в течение того же времени. И потому для нации в ее целом не существует вовсе чистого дохода, а только валовой.

Во-первых, неверно то, что ценности, производимые в течение года, потребляются в течение того же времени. Это неприменимо к значительной части основного капитала. Значительная часть ежегодно производимых ценностей поступает в процесс труда, не входя в процесс увеличения ценностей, т. е. не вся сумма ценностей потребляется ежегодно. А, во-вторых: ценности, которые производятся не для потребления, а в качестве средств производства, которые возвращаются в производство или в том виде, в каком вышли из него, или в форме эквивалентов, составляют часть всей суммы ежегодно потребляемых ценностей. Вторая часть этой суммы состоит из ценностей, которые, являясь излишком сверх первой части, могут идти в личное потребление. Они составляют чистый продукт.

Шторх говорит о мудрствовании Сэй:

„Итак, что ценность годового продукта состоит отчасти из капитала, отчасти из доходов (profits), и что каждая из этих частей ценности годового продукта постоянно покупает продукты, которые нужны нации как для восстановления своего капитала, так и для возобновления своего потребительного фонда“ (H. Storch „Cours de l'Économie Politique. Considerations sur la nature du revenue national“. Париж, 1824 г. 5 часть, стр. 134, 135).

Спрашивается, равен ли доход семьи, „которая удовлетворяет все свои потребности своим трудом“, — чему много примеров мы видим в России, — равен ли доход такой семьи „валовому продукту ее земли,

ее капитала и ее промышленности? Может ли она жить в амбарах и хлебах, есть семена и корм, назначенный для скота, одеваться в шкуры рабочего скота, развлекаться земледельческими орудиями? Следуя положениям господина Сэй, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы" (I. с., стр. 135, 136).

"Господин Сэй считает валовой продукт доходом общества и выводит заключение, что общество может потреблять ценность, равную этому продукту" (I. с., стр. 245).

"Чистый доход нации является не излишком произведенных ценностей над всей суммой ценностей потребленных, как изображает это автор (Сэй), но излишком над производительно потребленными ценностями. Так что если нация в течение одного года потребляет весь этот излишек, то она потребляет весь свой (чистый) доход" (I. с., стр. 146).

"Если допустить, что доход нации равен ее валовому продукту, т.е. что из этого продукта для получения величины дохода не нужно вычитать никакого капитала, то следовало бы предположить, что можно непроизводительно израсходовать всю ценность годового продукта, нисколько не нанося ущерба будущему доходу" (I. с., стр. 147).

"Продукты, составляющие капитал *) нации, не подлежат потреблению" (I. с., стр. 150).

Рамзэй (George Ramsay), в своем: „An Essay on the Distribution of Wealth“ (Эдинбург, 1836 г.), говорит о том же предмете, т.е. о том, что А. Смит называет четвертой частью полной цены, а именно — постоянным капиталом в отличие от капитала, затрачиваемого в виде заработной платы:

"Господин Рикардо, повидимому, всегда предполагает, что весь продукт делится на заработную плату и прибыль, и при этом забывает часть, необходимую для возмещения основного капитала" (стр. 174, примечание).

Под „основным капиталом“ Рамзэй понимает не только орудия производства и т. д., но также и сырой материал, короче — то, что я называл постоянным капиталом в пределах каждой отрасли производства **). Когда Рикардо говорит о разделении продукта на прибыль и заработную плату, он всегда предполагает, что из него уже вычтен употребленный на производство и потребленный в нем капитал. Тем не менее, в главном Рамзэй прав. Совершенно пренебрегая дальнейшим исследованием постоянной части капитала, Рикардо совершает грубую ошибку, особенно обнаруживающуюся в смещении прибыли и прибавочной ценности, а также и при исследовании колебаний и уровня прибыли и т. д.

Но послушаем, что говорит сам Рамзэй:

Мы сравниваем продукт и „затраченный на него капитал... Если иметь в виду нацию в ее целом, то ясно, что все разнородные эле-

*) Следовало бы сказать: постоянный капитал.

***) У Рамзея мы находим хорошее объяснение постоянного капитала, но лишь со стороны его потребительной ценности (I. с., стр. 166); он говорит: „Как бы ни изменялась величина валового дохода (напр. фермера), но то количество, которое необходимо из него выделить для возмещения всего потребленного (при его производстве) в различных формах, не подделжит никаким изменениям. Это количество должно быть рассматриваемо, как постоянное, поскольку производство продолжается в тех же размерах.“

менты затраченного капитала в той или другой области производства (employment) должны быть воспроизведены, так как, в противном случае, производство страны не могло бы дальше вестись в прежних размерах. Сырой материал и орудия как в сельском хозяйстве, так и в промышленности; многочисленные машины в этой последней; необходимые для производства и хранения продуктов постройки, — все эти предметы должны входить в виде составных частей, как в валовой продукт (total return) страны, так и в авансы своих предпринимателей-капиталистов (masters capitalists). Количество первого (т.-е. продукта) можно сравнить с количеством последних, так как каждый предмет можно представить себе стоящим, так сказать, рядом с другим предметом того же рода.

Что же касается отдельного промышленного капиталиста, то так как он возмещает свои издержки не *in natura*, а принужден восстанавливать значительнейшую часть их путем „обмена, который требует определенного количества продукта“, то „отдельному капиталистическому предпринимателю“ приходится „обращать больше внимания на меновую ценность, чем на количество продукта“ (I. c., стр. 145, 146). Чем больше ценность продукта превосходит ценность капитала, затраченного на производство, тем значительнее его прибыль. Так что он оценивает ее сравнением ценности с ценностью, а не количества с количеством... Прибыль должна возрастать или понижаться в обратной зависимости от возрастания или понижения той части валового продукта или его ценности, которая возмещает необходимые авансы“. Следовательно, норма прибыли зависит от двух обстоятельств: „во-первых, от той части всего продукта, которая приходится на долю рабочего, во-вторых, от той его части, которая должна быть возвращена для возмещения основного капитала *in natura* или путем обмена“ (I. c., стр. 146—148, *passim*).

То, что Рамзэй говорит здесь о норме прибыли, подлежит рассмотрению в отделе о прибыли. Важно то, что он надлежащим образом оттеняет этот элемент. С одной стороны, прав Рикардо, который говорит, что удешевление товаров, составляющих постоянный капитал, — т.-е. то, что Рамзэй называет основным капиталом, — всегда понижает ценность части наличного капитала. Это особенно справедливо в применении к основному капиталу в собственном смысле слова, к машинам и т. д. Для отдельного капиталиста нет никакой выгоды в том, что прибавочная ценность возрастает по сравнению со всем его капиталом, если это возрастание ее уровня вызывается уменьшением общей ценности его постоянного капитала (который принадлежал ему еще до понижения этой ценности). Но это в очень малой степени верно по отношению к той части капитала, которая состоит из сырого материала или из готовых товаров (не входящих в основной капитал). Принадлежащая ему часть этого капитала, могущая подвергнуться такому умень-

лению ценности, является лишь ничтожно малой величиной по сравнению со всем производством в его целом. К той части капитала отдельного капиталиста, которая составляет его оборотный капитал, это применимо лишь в незначительной мере. Напротив, так как прибыль равняется массе прибавочной ценности, взятой в ее отношении ко всей сумме употребленного в дело капитала, и так как то количество труда, которое может быть поглощено, зависит не от ценности, а от массы сырого материала и от того, как велика производительная сила средств производства; так как оно зависит не от меновой, а от потребительной ценности авансированного капитала,—то ясно, что, чем производительнее промышленность в тех своих отраслях, продукт которых входит в состав постоянного капитала, чем меньше затраты на постоянный капитал, необходимый для производства определенного количества прибавочной ценности, тем больше это отношение прибавочной ценности ко всему авансированному капиталу; а следовательно, тем выше норма прибыли при данной величине прибавочной ценности. То, что Рамзэй рассматривает как два отдельных случая,—возмещение продукта продуктом, в процессе воспроизводства для всей страны, и возмещение ценности ценностью для отдельного капиталиста,—представляет собою лишь две различных точки зрения, которые обе должны быть приняты во внимание при изучении процесса обращения капитала, процесса, являющегося—даже для отдельного капитала—в то же время и процессом его воспроизводства.

Приложение.

Исследование проблемы разложения всего капитала на заработную плату и прибыль. Первая постановка вопроса *).

Рамзэй несколько не разрешил собственно-того затруднения, которое занимало А. Смита и вовлекло его во всевозможные противоречия. Это затруднение, коротко говоря, состоит в следующем: весь капитал (как ценность) сводится к труду, представляет собою не что иное, как известное количество овеществленного труда. Но оплаченный труд равняется заработной плате рабочего; неоплаченный труд равняется прибыли капиталиста. Стало-быть, весь капитал может быть сведен, прямо или косвенно, к заработной плате или прибыли. Или, может-быть, где-нибудь совершается труд, не сводящийся ни к заработной плате, ни к прибыли и имеющий целью простое возмещение ценностей, которые уничтожаются в производстве, но служат условиям воспроизводства? Но кто же выполняет этот труд? Ведь весь труд рабочего делится на две части, из которых одна идет на содержание его собственной рабочей силы, а другая составляет прибыль с капитала.

Для того, чтобы устранить из задачи всякие обманчивые примеси, заметим прежде всего следующее. Когда капиталист превращает часть своей прибыли, своего дохода в капитал, в орудия и предмет труда, то он оплачивает то и другое той частью труда, которую рабочий совершил для него безвозмездно.

*) Стр. 272—283-а рукописи. К.

В этом случае выступает новое количество труда, составляющее эквивалент нового количества товаров, которые, по своей потребительской ценности, состоят из орудий труда и сырого материала. Этот случай относится к воспроизводству, к накоплению капитала и не представляет никаких затруднений; дело идет тут о возрастании постоянного капитала за его первоначальные пределы или об образовании нового постоянного капитала, сверх той его массы, которая должна сохраняться и восстанавливаться. Затруднение относится к воспроизводству уже существующего постоянного капитала, а не к образованию нового сверх той его массы, которая подлежит воспроизводству. Источником этого нового постоянного капитала, несомненно, является прибыль; в течение некоторого времени он существовал в форме дохода, превратившегося затем в капитал. Эта часть прибыли сводится к прибавочному рабочему времени, которое даже и в том случае, если бы капитал не существовал, обществу приходилось бы постоянно затрачивать для того, чтобы иметь в своем распоряжении, так сказать, фонд дальнейшего развития, необходимость которого вызывается уже одним фактом роста населения.

Итак, прежде всего [надо покончить] с следующим фактом: образование нового постоянного капитала—в отличие от воспроизводства уже существовавшего и потребленного—имеет своим источником прибыль, при чем предполагается, что, с одной стороны, заработной платы хватает только на воспроизводство рабочей силы, а с другой—вся прибавочная ценность включается в категорию прибыли, так как непосредственным присвоителем всей прибавочной ценности является промышленный капиталист, независимо от того, кому и как он впоследствии отдаст часть этой прибавочной ценности.

„Капиталистический предприниматель служит общественным распределителем национального дохода; он есть то лицо, которое выплачивает владельцам различных источников ценности их долю годового продукта. Он платит рабочим заработную плату, денежному капиталисту—процент, землевладельцу—ренту“ (Фамзэй, стр. 218, 219).

Называя всю прибавочную ценность прибылью, мы рассматриваем промышленного капиталиста 1) как то лицо, которое прежде всего присваивает себе всю произведенную прибавочную ценность, 2) как то лицо, которое потом распределяет эту прибавочную ценность между землевладельцем, владельцем отдаваемого в заем капитала и самим собою.

То обстоятельство, что источником нового постоянного капитала служит прибыль, означает только, что он обязан своим происхождением некоторой части прибавочного труда рабочих. Совершенно так же, как дикарю приходится помимо времени, затрачиваемого на охоту, тратить время и на изготoвление лука; и совершенно так же, как крестьянин в эпоху патриархального сельского хозяйства должен помимо времени, идущего на обработку земли, употреблять определенное количество его на выделку большей части своих орудий.

Но здесь вопрос в том, кто работает для возмещения эквивалента постоянного, уже бывшего в производстве капитала? Та часть труда, которую рабочий затрачивает на самого себя, замещает его заработную плату, или, рассматривая производство в его целом, создает его заработную плату. Напротив, его прибавочный труд, образующий прибыль, отчасти составляет потребительный фонд капиталиста, отчасти же превращается в добавочный капитал. Но капиталист не этим прибавочным трудом и не прибылью замещает тот капитал, который уже был у него в производстве. С другой же стороны, необходимый труд, создающий заработную плату, и прибавочный труд, создающий прибыль, целиком заполняют рабочий день, и кроме них не совершается никакого труда. (Возможный труд капиталиста по надзору и управлению—labour of inspection and direction—включается в заработную плату. С этой точки зрения капиталист является наемным рабочим если и не другого капиталиста, то все же своего собственного капитала). Откуда же, стало-быть, берется тот источник, тот труд, который возмещает постоянный капитал?

Та часть капитала, которая израсходована на заработную плату, возмещается (не говоря о прибавочном труде) в новом процессе производства. Рабочий потребляет заработную плату, но он прибавляет столько же нового труда, сколько он уничтожил старого, а если рассматривать рабочий класс в целом, не смущаясь разделением труда, то окажется, что рабочий производит не только ту же самую ценность, но и те же самые потребительные ценности, так что одна и та же ценность, одно и то же количество труда воспроизводится в зависимости от производительности этого труда в большем или меньшем количестве тех же самых потребительных ценностей.

Если мы возьмем общество в любой момент, то мы увидим, что одновременно во всех областях производства есть, хотя и весьма неравномерно-распределяется между ними, определенный постоянный капитал, существование которого необходимо предполагается, как необходимое условие производства, капитал, раз навсегда принадлежащий ему и непременно подлежащий возврату, подобно тому, как семя возвращается почве. Ценность этой постоянной части может, разумеется, понижаться или возрастать, смотря по тому, дешевле или дороже обходится воспроизводство тех товаров, из которых она состоит. Несмотря, однако, на изменение ее ценности, эта часть капитала непременно предполагается в производительном процессе, куда она входит как средство производства, и она должна, как ценность, вновь обнаружиться в ценности продукта. Стало-быть, здесь можно пренебречь этим возможным изменением ценности постоянного капитала. Он тут во всяком случае является определенным количеством прошлого овеществленного труда, которое переходит в ценность продукта, как определяющий фактор.

Дело нисколько не меняется и от того, например, что ценность постоянного капитала переходит в продукты не в течение одного года, а лишь в течение нескольких лет, как это бывает с основным капиталом. Ведь речь идет здесь только о той части постоянного капитала, которая действительно затрачивается в течение года, а потому и должна быть замещена в течение того же года.

Ради большей определенности задачи допустим, что издержки производства, или ценность постоянной части капитала, тоже остаются без перемены, являются постоянными.

Вопрос о воспроизводстве постоянного капитала относится, очевидно, к отряду о процессе воспроизводства или о процессе обращения капитала, что, однако, не мешает рассмотреть здесь его сущность.

Возьмем сначала заработную плату рабочего. Он получает определенную денежную сумму, в которой воплощены, допустим, десять рабочих часов, если работает на капиталиста двенадцать часов. Эта плата сводится к средствам существования. Все эти средства существования являются товарами. Мы предполагаем, что цена этих товаров равна их ценности. Но в ценность этих товаров входит такая составная часть, которая покрывает собою ценность содержащихся в них сырых материалов и изношенных орудий производства. Но все составные части ценности этих товаров, взятые вместе, содержат, как и заработная плата, израсходованная рабочим, только десять рабочих часов. Допустим, что две трети ценности этих товаров составляют ценность заключенного в них постоянного капитала, а одна треть создана тем трудом, который окончательно превратил продукт в предмет потребления. Таким образом, десять часов живого труда рабочего возмещают две трети постоянного капитала и одну треть тоже живого труда (прибавленного к предмету в течение года). Если бы в средствах существования, т.-е. в товарах, покупаемых рабочим, вовсе не заключалось постоянного капитала, если бы их сырой материал ничего не стоил и для их изготовления не нужно было орудий труда, то возможно было бы одно из двух. Либо товары теперь, как и раньше заключали бы в себе десять часов труда, тогда рабочий возместил бы 10 часов живого труда 10-ю же часами живого труда. Либо то же самое количество потребительных ценностей, на приобретение которых расходуется его заработная плата, и в которых он нуждается для воспроизведения своей рабочей силы, стоило бы только $3\frac{1}{3}$ часов труда. Тогда рабочему пришлось бы потратить только $3\frac{1}{3}$ часов необходимого труда, и его плата на самом деле понизилась бы до размера $3\frac{1}{3}$ часов овеществленного труда.

Предположим, что товаром является холст: 12 аршин холста (конечно, дело идет вовсе не о настоящей цене) = 36 шиллингам. Допустим, что $\frac{1}{3}$ составляет вновь приложенный труд, а $\frac{2}{3}$ — соответствуют сырому материалу (пряже) и изнашиванию машин. Пусть необходимое рабочее время = 10 часам, следовательно, прибавочное время = 2 часам. Один рабочий час, выраженный в деньгах, пусть = 1 шиллингу. В таком случае 12 рабочих часов = 12 шиллингам, заработная плата = 10 шиллингам, прибыль = 2 шиллингам. Допустим, что всю заработную плату и прибыль, т.-е. 12 шилл., другими словами, всю ценность, прибавленную к сырому материалу и машинам, т.-е. все количество нового рабочего времени, воплощенное в процессе превращения пряжи, рабочий и капиталист израсходовали на покупку этого самого холста, в качестве продукта потребления. (В самом деле возможно, что и не один рабочий день впоследствии будет израсходован на покупку продукта собственного производства). Аршин холста стоит 3 шилл. За 12 шилл. рабочий и капиталист вместе, если взять вместе заработную плату и прибыль, могут купить только 4 арш. холста.

В этих 4 арш. содержится 12 рабочих часов, из которых только 4 представляют собою вновь прибавленный труд, а 8—труд, реализованный в виде постоянного капитала. За 12 часов труда заработная плата и прибыль вместе покупают только $\frac{1}{3}$ часть всего своего продукта, так как $\frac{2}{3}$ этого продукта состоит из постоянного капитала. 12 рабочих часов распадаются на 4+8, из которых 4 возмещают сами себя, 8 же идут на возмещение такого труда, который уже вошел в процесс тканья в осуществленной форме, в виде хлопка и машины. Итак, что касается той части продукта или товара, которая обменивается или покупается на заработную плату и прибыль в качестве продукта потребления (или для каких-либо других целей, не исключая и производства, так как цель, ради которой производится товар, нисколько не меняет дела); то ясно, что та часть ценности продукта, которая соответствует постоянному капиталу, оплачивается из фонда вновь прибавленного труда, распадающегося на заработную плату и прибыль. Много ли постоянного капитала и много ли труда, приложенного в последнем процессе производства, покупается на заработную плату и прибыль, взятые вместе, в каких пропорциях оплачивается вновь приложенный труд и в каких пропорциях оплачивается труд, реализованный в постоянном капитале,— все это зависит от первоначальной пропорции, в которой они входили как элементы ценности в готовый товар. Ради упрощения мы предполагаем отношение двух третей труда реализованного в постоянном капитале, к одной трети вновь приложенного труда.

Отсюда несомненно следуют два вывода:

Во-первых: отношение, принятое нами для холста, т. е. для того случая, когда рабочий и капиталист реализуют заработную плату и прибыль в товарах собственного производства, когда они покупают обратно часть своего собственного продукта; это отношение не изменяется, если они расходуют ту же самую сумму ценностей на другие продукты. Согласно тому предположению, что каждый товар содержит $\frac{2}{3}$ постоянного капитала и $\frac{1}{3}$ вновь приложенного труда, заработная плата и прибыль, взятые вместе, всегда могут купить только $\frac{1}{3}$ своего собственного продукта. 12 часов рабочего времени=4 арш. холста. Превратившись в деньги, эти 4 арш. холста существуют в виде 12 шиллингов. Если эти 12 шиллингов затем превращаются не в холст, а в какой-нибудь другой товар, то они покупают товары стоимостью в 12 рабочих часов, из которых 4 представляют собою вновь приложенный труд, а 8—труд, реализованный в постоянном капитале. Стало-быть, это отношение является всеобщим, при том предположении, конечно что в другие товары, подобно холсту, труд, реализованный в постоянном капитале, и труд, вновь приложенный, входят в той же самой первоначальной пропорции.

Во-вторых: если ежедневный, вновь прилагаемый труд=12 часам, то из этих 12 часов только труд 4 часов возмещает его, т. е. такой же живой, вновь приложенный труд, между тем как остальными 8-ю часами оплачивается труд, реализованный в постоянном капитале. Но кто оплачивает эти 8 часов живого труда, которые не замещаются живым же трудом? Те именно 8 часов овеществленного труда, которые заключены в постоянном капитале и обмениваются на 8 часов живого труда.

Итак, не подлежит никакому сомнению, что часть готового товара, покупаемая на всю сумму заработных плат и прибылей,—которые в совокупности представляют собою не что иное, как общее количество труда, вновь приложенного к постоянному капиталу,—возмещается во всех своих элементах: как в том, что касается вновь приложенного труда, содержащегося в этой части, так и в том, что касается труда, реализованного в постоянном капитале. Затем несомненно и то, что труд, заключающийся в постоянном капитале, при этом получил свой эквивалент из фонда живого, вновь приложенного к нему труда.

Но здесь начинается затруднение. В е с ь п р о д у к т двенадцатичасового ткацкого труда=12 аршинам холста, имеющих ценность 36 рабочих часов или 36 шиллингов. Ценность этого общего продукта ткацкого труда весьма отлична от ценности, произведенной одним лишь трудом ткача. Заработная плата и прибыль, вместе взятые, другими словами, общая сумма 12 часов рабочего времени, могут из этих 36 часов выкупить только 12; т. е. из общего продукта только 4 аршина, ни вершка больше. Что же будет с остальными 8 аршинами?

Заметим прежде всего, что 8 аршин представляют собою не что иное, как затраченный постоянный капитал. Впрочем он теперь получил видоизмененную форму потребительной ценности. Он существует теперь в виде нового продукта, уже не в виде пряжи, ткацкого станка и т. д., а в виде холста. Эти 8 арш. холста, как и 4 остальных, купленных на заработную плату и прибыль содержат, в смысле ценности, одну треть труда, приложенного в процессе тканья, и

две трети существовавшего раньше овеществленного в постоянном капитале труда. Но между тем, как прежде, при 4 арш., одна треть всего вновь приложенного труда покрывала ткацкий труд, содержащийся в 4 арш., т.-е. самое себя, остальные же две трети ткацкого труда покрывали заключающийся в 4 арш. постоянный капитал, теперь, наоборот, содержащийся в 8 аршинах холста постоянный капитал покрывается двумя третями постоянного капитала, а содержащийся в них вновь приложенный труд покрывается одной третью постоянного капитала.

Что же будет с этими 8 арш. холста, в которых содержится вошедшая в них ценность всего постоянного капитала, переданного продукту в течение 12-часового ткацкого труда и теперь имеющего форму продукта, который предназначен для непосредственного личного (не промышленного) потребления? Эти 8 арш. принадлежат капиталисту. Если бы капиталист захотел их сам потребить точно так же, как и $\frac{2}{3}$ тех аршин, которые представляют его прибыль, то он потерял бы возможность воспроизвести содержащийся в 12-часовом процессе ткацкий постоянный капитал и вообще не мог бы—поскольку речь идет о капитале, заключенном в этом 12-часовом процессе—продолжать функционировать в качестве капиталиста. Значит, он продает эти 8 арш. холста, превращая их в деньги; на сумму в 24 шилл. или 24 рабочих часов. Но здесь то мы и наталкиваемся на затруднение. Кому он продает их? В чьи деньги он превращает их? Впрочем, к этому мы скоро вернемся, пока же проследим дальнейший процесс.

Коль скоро капиталист 8 аршин холста—т.-е. ту часть ценности своего продукта, которая равна затраченному им постоянному капиталу—превратил в деньги, продал, облек в форму меновой ценности, он снова покупает на эту ценность товары, однородные (по своим потребительным ценностям) с товарами, из которых первоначально состоял его постоянный капитал: он покупает пряжу, ткацкий станок и т. д. Он делит 24 шилл. между сырым материалом и орудиями производства в такой пропорции, в какой они нужны для изготовления нового холста.

Следовательно, его постоянный капитал возмещен (в отношении его потребительной ценности) новыми продуктами того же самого труда, подобными тем, из которых он первоначально состоял. Капиталист воспроизвел его. Но во всяком случае новая пряжа, ткацкий станок и т. д. состоят (по предположению) на две трети из постоянного капитала и на одну треть из вновь приложенного труда. Стало-быть, если первые 4 арш., холста (вновь приложенный труд и постоянный капитал) были оплачены исключительно вновь приложенным трудом, то эти 8 арш. возмещены своими же собственными, вновь произведенными элементами производства, которые отчасти состоят из вновь приложенного труда, отчасти—из постоянного капитала. Таким образом, по крайней мере, часть постоянного капитала, повидимому, возмещается на постоянный капитал в другой форме. Процесс возмещения продуктов—вполне реален, так как одновременно с переработкой пряжи в холст, лен перерабатывается в пряжу и семена льна в лен; точно также одновременно с изнашиванием ткацкого станка изготавливается новый станок, а во время выделки этого последнего добывается вновь дерево и железо. В то время, как в одной области производства производятся данные элементы, в другой—они перерабатываются. Но хотя каждый из этих одновременных процессов производства представляет более высокую стадию изготовления того же продукта, однако, во всех них одновременно потребляется в различных пропорциях постоянный капитал.

Ценность готового продукта холста распадается, стало-быть, на две части, из которых одна вновь покупает одновременно произведенные элементы постоянного капитала, другая же расходуется на предметы потребления. Для простоты мы совершенно оставляем здесь в стороне обратное превращение части прибыли в капитал, т.-е. мы принимаем—как делали во всем этом исследовании—что заработная плата плюс прибыль, т.-е. вся сумма прибавленного к постоянному капиталу труда, потребляется целиком, как доход.

Теперь остается только ответить на вопрос, кто покупает ту часть всего продукта, на ценность которой опять покупаются вновь производимые элементы постоянного капитала? Кто покупает 8 арш. холста?

Во избежание каких бы то ни было уверток мы принимаем, что это сорт холста, специально предназначаемый для личного, а не для промышленного потребления, как, например, парусный холст. Необходимо также совершенно оставить в стороне все просто промежуточные торговые операции, поскольку они играют посредническую роль. Так, например, если 8 арш. холста проданы были торговцу и прошли через руки не одного, а целых 20 торговцев, двадцать раз были продаваемы и двадцать раз опять покупаемы, то, в конце концов, они

все же должны быть проданы в руки действительного потребителя, который, стало-быть, на самом деле платит или производителю, или последнему, двадцатому торговцу, игравшему по отношению к потребителю роль первого торговца, т.-е. служит представителем действительного производителя. Эти промежуточные сделки отодвигают или, если угодно, осложняют окончательную сделку, но не объясняют ее. Спросим ли мы: кто покупает 8 аршин у фабриканта холста? или спросим: кто покупает 8 арш. холста у двадцатого торговца, в руки которого они попали путем целого ряда меновых сделок?—вопрос остается тем же самым.

8 аршин холста совершенно так же, как и первые 4 арш., должны перейти в фонд потребления. Это значит, что они могут быть оплачены только из заработной платы и прибыли, так как последние являются единственными источниками дохода для производителей, которые одни только в данном случае и принимаются нами во внимание, как потребители.

8 аршин холста содержат в себе 24 рабочих часа. Допустим (считая 12 рабочих часов за общепринятый нормальный рабочий день), что рабочий и капиталист в двух других отраслях промышленности расходуют всю свою заработную плату и прибыль на покупку холста, подобно тому, как поступали рабочий и капиталист в ткацком промысле со своим рабочим днем (рабочий со своими 10 часами, капиталист с 2 часами прибавочной стоимости, вырученными им на каждом рабочем, т.-е. на каждых 10 часах). В таком случае, ткач продал свои 8 аршин холста, ценность постоянного капитала, приходящаяся на 12 аршин, была бы возмещена, и эта ценность могла бы быть затрачена на те определенные товары, из которых состоит постоянный капитал, так как эти товары—пряжа, ткацкие станки и т. д., находящиеся на рынке—производились в то же самое время, когда пряжа и ткацкий станок перерабатывались в холст. Одновременно производством пряжи и станка, с тем процессом производства, который не вырабатывает, но поглощает их, объясняется то обстоятельство, что часть ценности холста, равная ценности переработанного в нем сырого материала, ткацкого станка и т. д., может быть снова превращена в пряжу, ткацкий станок и т. д. Если бы этот процесс производства элементов холста не совершался одновременно с процессом производства самого холста, то 8 арш. холста, даже будучи проданы, превращены в деньги, не могли бы быть обратно превращены из своей денежной формы в постоянные элементы холста *).

Но, с другой стороны, хотя на рынке и есть новая пряжа, новый ткацкий станок и т. д., хотя, стало-быть, производство новой пряжи и новых ткацких станков шло своим чередом, пока готовая пряжа, готовый ткацкий станок превращались в холст, словом—несмотря на то, что эти два производительных процесса совершались параллельно один другому, 8 арш. холста не могут быть обратно превращены в вещественные элементы постоянного капитала ткацкого производства до тех пор, пока они не будут проданы, пока они не будут превращены в деньги. Итак, непрерывный, реальный процесс производства элементов холста, параллельно производству самого холста, еще недостаточен для объяснения воспроизводства постоянного капитала, пока мы не знаем, откуда происходит фонд для покупки 8 арш. холста, т.-е. для возвращения им денежной формы, формы самостоятельной меновой ценности.

Для преодоления этой последней трудности допустим, что V^1 и V^2 —скажем, сапожник и мясник—израсходовали каждый сумму своей заработной платы и прибыли, т.-е. 24 часа, находящегося в их распоряжении рабочего времени, на 8 арш. холста. Таким образом, что касается А, ткача холста, то мы вышли из затруднительного положения. Весь его продукт, 12 арш. холста, в которых овеществлены 36 рабочих часов, возмещен одной только заработной платой и прибылью, т.-е. всей суммой рабочего времени, вновь приложенного к постоянному капиталу в сферах производства А, V^1 и V^2 . Все содержащееся в холсте рабочее время, как то, которое входило первоначально в его постоянный капитал, так и то, которое вновь приложено в процессе тканья, теперь обменено на рабочее время, не содержавшееся раньше в качестве постоянного капитала ни в одной из тех сфер производства, но одновременно прибавленное к постоянному капиталу всех трех сфер производства А, V^1 , V^2 . Итак, если попрежнему ошибочно

*) Как это происходит, например, в настоящее время, вследствие гражданской войны в Америке, с пряжей и ситцем хлопчатобумажных фабрикантов. Простая продажа их продукта еще не обеспечивает им возможности обратного превращения денег в средства производства, так как на рынке нет хлопчатой бумаги.

было бы утверждать, что первоначальная ценность холста распадается только на заработную плату и прибыль,—так как она распадается на ценность суммы заработных плат и прибыли, равной 12 часам ткацкого труда, и на 24 рабочих часа, которые, независимо от процесса тканья, входили в пряжу, станок, словом в постоянный капитал,—то, напротив, правильно было бы сказать, что эквивалент 12 арш. холста, т.-е. 36 шиллингов, за которые они были проданы, распадается на одни заработные платы и прибыли, так что не только ткацкий труд, но и труд, содержащийся в пряже и ткацком станке—а именно: 12 часов труда А, 12 часов труда В¹ и 12 часов труда В²—возмещается исключительно вновь приложенным трудом. Ценность проданного товара распалась на вновь приложенный труд (заработную плату и прибыль) и раньше существовавший (ценность постоянного капитала). Наоборот, покупательная ценность—эквивалент, даваемый покупателем продавцу—свелась исключительно ко вновь приложенному труду, т.-е. к заработной плате и прибыли.

Но так как всякий товар прежде своей продажи является таким товаром, который нужно продать, и превращается в деньги только путем изменения своей формы, то выходит так, как будто всякий товар, в качестве проданного товара, состоит из иных элементов ценности, чем те, из которых состоит покупательный товар (как деньги). А это—бессмыслица. Далее; труд, выполняемый обществом в течение, например, одного года, не только покрывал бы сам себя, так что, если бы всю массу товаров разделить на две равные части, то одна половина годового труда составила бы эквивалент для другой половины,—но одна треть труда равнялась бы величине в три раза большей ее самой. Это еще бессмысленнее.

В вышеприведенном примере мы передвинули затруднение от А к В¹, В², но оно от этого только увеличилось, а не упростилось. Во-первых, пока мы имели дело только с А, у нас был тот исход, что 4 арш.—в которых заключается столько рабочего времени, сколько его прибавлено к пряже, т.-е. сумма заработной платы и прибыли в А,—что эти 4 аршина потреблены в виде того же холста, т.-е. в виде продукта собственного труда. Иначе обстоит дело с В¹ и В², потому что они потребляют сумму приложенного ими рабочего времени в виде продукта сферы А, в форме холста, стало-быть, не в виде продукта В¹ или В². Им, стало-быть, приходится продавать не только ту часть своего продукта, которая включает 24 рабочих часа постоянного капитала, но и ту часть, которая представляет собой 12 часов вновь приложенного к постоянному капиталу труда. В¹ должен продать 36 рабочих часов, а не 24, как А. Точно также обстоит дело и с В².

Во-вторых, для того, чтобы сбыть кому-нибудь, продать постоянный капитал А,—чтобы превратить его в деньги,—нужен весь вновь приложенный труд не только В¹, но и В².

В-третьих, В¹ и В² не могут продать А ни одной доли своего продукта, так как вся та часть А, которая составляет доход, израсходована уже в самой сфере А ее же производителями. Они не могут также ни одной частью своего продукта заместить постоянный капитал А, так как, согласно предположению, их продукты—не элементы производства А, а товары, идущие на индивидуальное потребление. При всяком дальнейшем шаге вперед трудность возрастает.

Чтобы можно было обменять 36 часов, содержащихся в продуктах А, исключительно на труд, прибавленный к постоянному капиталу, нужно было, чтобы заработная плата и прибыль А, т.-е. 12 часов труда, приложенного к сфере А, сами потребили треть продукта А. Остальные две трети всего продукта, т.-е. 24 часа, представляли ценность, заключенную в постоянном капитале. Эта ценность была обменена на всю сумму заработных плат и прибылей, или на все количество вновь приложенного в сферах В¹ и В² труда. Но для того, чтобы В¹ и В² были в состоянии купить холст посредством тех 24 часов, которые представляют их заработные платы и прибыли, они должны продать эти 24 часа в виде своих собственных продуктов. Кроме того, для возмещения постоянного капитала им приходится еще продать в виде продуктов своего собственного производства и остальные 48 часов. Они должны, следовательно, продать продукты сфер В¹ и В² в размере 72 часов в обмен на общую сумму прибылей и заработных плат других сфер производства; при чем (раз нормальный рабочий день принимается равным 12 часам) в продуктах В¹ и В² должны быть реализованы $12 \times 6 (= 72)$ часов, т.-е. вновь приложенный труд в шести других сферах производства; и, иными словами, прибыль и заработная плата, т.-е. сумма труда вновь приложенного к соответственным постоянным капиталам сферам С¹—С⁶. Только при этих условиях ценность всего продукта В¹ и В² была бы оплачена

одним лишь вновь приложенным трудом, т.е. суммой заработных плат и прибыли шести сфер производства C^1-C^6 . Но теперь весь продукт этих последних должен быть опять-таки продан (так как ни малейшая доля их не потребляется самими производителями, поместившими уже весь свой доход в продуктах V^1 и V^2), и ни малейшая часть их не должна быть засчитана в их внутренний обмен. Следовательно, сумма их продукта равнялась бы: 6×36 рабочих часов = 216, из которых 144 приходилось бы на долю постоянного капитала, а $72 (6 \times 12)$ на долю вновь приложенного труда. Чтобы подобным же образом превратить в свою очередь продукты C^1-C^6 в заработные платы и прибыли, т.е. во вновь приложенный труд, нужно было бы, чтобы весь труд, вновь приложенный в 18 сферах производства D^1-D^{18} , т.е. сумма заработных плат и прибылей этих 18 сфер, был целиком затрачен на покупку продуктов сфер C^1-C^6 . Эти 18 сфер D^1-D^{18} , в виду того, что они сами не потребляют ни одной части своего продукта, а, наоборот, затратили весь свой доход в сферах C^1-C^6 , должны в свою очередь продать $18 \times 36 = 648$ рабочих часов, из которых 18×12 или 216 представляли бы вновь приложенный труд, а $432 =$ труд, заключенный в постоянном капитале. Итак, для превращения всего продукта D^1-D^{18} в труд, вновь приложенный в других сферах, — или в сумму заработных плат и прибылей, — понадобился бы вновь приложенный труд сфер E^1-E^{54} , а именно $12 \times 54 = 648$ рабочих часов. Сферам E^1-E^{54} для обмена на вновь приложенный труд всего своего продукта = 1944 часам (из которых $648 = 12 \times 54 =$ вновь приложенному труду, $1296 =$ труду, заключенному в постоянном капитале) пришлось бы поглотить вновь приложенный труд сфер F^1-F^{162} , так как $162 \times 12 = 1944$; этим последним в свою очередь — вновь приложенный труд сфер G^1-G^{486} и т. д.

Таков великолепный процесс *in infinitum*, к которому нас приводит то предположение, что ценность всех продуктов разлагается на заработную плату и прибыль, т.е. сводится ко вновь приложенному труду, и что не только труд, вновь прибавленный к товару, но и его постоянный капитал должен быть оплачен трудом, вновь приложенным в какой-нибудь другой сфере производства.

Повторим, чтобы ясно представить себе закон этого ряда:

1. A^* . Продукт = 3 рабочим дням = 36 часам. 12 часов приложеного труда. 24 часа постоянного капитала.

2. V^1-2 . Продукт = $3 \times 2 = 6$ рабочих дней = 72 часа. Приложенный труд = 12×24 часа. Постоянный капитал = $48 = 2 \times 24$ часа.

6. C^1-6 . Продукт = 3×6 рабочих дней = 3×72 час. = 216 рабочих часов. Приложенный труд = 12×6 рабочих часов = 72. Постоянный капитал = $2 \times 72 = 144$.

18. D^1-18 . Продукт = 3×18 рабочих дней = 54 рабочих дня = 648 рабочих часов. Приложенный труд = $12 \times 18 = 216$. Постоянный капитал = 432 рабочих дня.

54. E^1-54 . Продукт = 3×54 рабочих дней = 162 рабочих дня = 1944 рабочих часа. Приложенный труд = $12 \times 54 = 648$. Постоянный капитал = 1296 рабочих часов.

162. F^1-162 . Продукт = 3×162 рабочих дней = 486 рабочих дней = 5832 рабочих часа. Приложенный труд = 12×162 рабочих дней = 1944 рабочих часов. Постоянный капитал = 3888 рабочих часов.

486. G^1-486 . Продукт = $3 \times 486 = 1458$ рабочих дней = 17496 рабочих часов. Приложенный труд = $12 \times 486 = 5832$ рабочих часов. Постоянный капитал = 11664 рабочих часов, и т. д. и т. д.

Мы уже получили здесь кругленькую сумму в $1+2+6+18+54+162+486$ различных рабочих дней в различных сферах производства = 729 различных сфер производства, что предполагает уже значительно расчлененное общество.

Но допустим, что со сферой G мы достигли конечного предела, дальше которого отодвигаться некуда, — а изображенный выше процесс во всяком обществе скоро должен натолкнуться на конечный предел, — что же дальше? У нас имеется продукт, в котором содержится 1458 рабочих дней, при чем из них 486 дней — вновь приложенного труда и 972 — труда, реализованного в постоянном капитале. 486 рабочих дней могут быть обменены в предыдущей сфере F^1-162 . Но посредством чего могут быть куплены 972 рабочих дня, содержащихся в постоянном капитале? За пределами G^{486} нет больше сфер производства, а

*) Поставленные в начале цифры 1, 2, 6, и т. д. означают число рабочих дней или различные виды труда в различных отраслях производства, так как для каждой отдельной сферы мы принимаем один рабочий день.

следовательно, нет и никаких отраслей труда. С предшествующими же сферами за исключением F^1-F^{462} обмена быть не может. Притом же сфера G^{1-486} затрагивает всю содержащуюся в ней заработную плату и прибыль до последнего сантима в сфере F^{1-162} . Таким образом, 972 рабочих дня, реализованных в продукте G^{1-486} и равных ценности заключающегося в нем постоянного капитала, остаются не проданными. Ни к чему, стало-быть, не привело то обстоятельство, что мы смущающую нас трудность—8 аршин холста А, или 24 рабочих часов, представляющих в продукте А ценность постоянного капитала,—передвинули почти через 800 отраслей производства.

Напрасно было бы думать, что результат получился бы иной, если бы А, скажем, расходовал не всю свою прибыль и заработную плату на холст, но употреблял бы часть ее на продукты V^1 и V^2 . Часы вновь приложенного труда, содержащегося в сферах А, V^1 , V^2 , дают возможность распорядиться лишь равным им количеством времени. Если они покупают большее количество одного какого-нибудь продукта, то другого они покупают меньше. Указанное предположение только запутало бы расчет, но никоим образом не изменило бы результата. Стало-быть, что же делать?

В вышеприведенном расчете мы находим:

	Продукт. Раб. дн.	Прилож. труд. Раб. д.	Пост. кап. Раб. дн.
A =	3	1*)	2
B =	6	2	4
C =	18	6	12
D =	54	18	36
E =	162	54	108
F =	486	162	324
Итого . . .	729	243	486

Если бы в этом расчете последние 324 рабочих дня, постоянный капитал в F, равнялись тому постоянному капиталу, который землевладелец сам себе возмещает, беря его из своего продукта и возвращая его снова земле, и который, стало-быть, не подлежит оплате новым трудом, в таком случае расчет был бы верен. Но загадка была бы разгадана только благодаря тому, что часть постоянного капитала возместила самое себя [т.-е. не была бы сведена к заработной плате и прибыли].

В самом деле, у нас ушло в употребление 243 рабочих дня, соответствующих вновь приложенному труду. Ценность последнего продукта отрасли F, 486 рабочих дней, равняется ценности всего постоянного капитала, содержащегося во всех сферах от А до F. Для того, чтобы найти ему место, мы допускаем, что в G содержится 486 дней вновь приложенного труда. Но этим мы достигаем только того, что, вместо возни с 486 днями постоянного капитала, мы имеем удовольствие возиться с постоянным капиталом в 972 рабочих днях, содержащимся в продукте G, равном 1458 рабочим дням. Если бы мы захотели выпутаться из затруднения, предположив, что в отрасли G производство совершается без постоянного капитала, так что продукт равен только 486 дням вновь приложенного времени, то в нашем расчете, конечно, концы будут сведены с концами, но тогда вопрос о том, кто оплачивает содержащуюся в продукте часть ценности, соответствующую постоянному капиталу, был бы решен допущением такого случая, когда постоянный капитал равен нулю, а, стало-быть, и не входит в ценность продукта.

Для того, чтобы весь продукт А целиком был продан в обмен на вновь приложенный труд, для того, чтобы можно было разложить на заработную плату и прибыль, весь вновь приложенный труд в А, V^1 и V^2 должен быть обменян на труд, реализованный в продукте А. Точно также для того, чтобы продать весь продукт V^1+V^2 , должен быть употреблен в обмен на него весь труд, вновь приложенный в C^1-C^6 ; равным образом, для продажи всего продукта C^1-C^6 необходима была затрата всего труда, приложенного в D^1-18 и т. д. И, наконец, для продажи всего продукта F^1-162 нужно все рабочее время, вновь приложенное в G^{1-486} . В этих 486 отраслях производства, представляемых G^{1-486} , все приложенное рабочее время равно всему продукту 162 отраслей F, при чем весь этот продукт, возмещаемый трудом, равновелик постоянному капиталу

*) Потребляется самим же А.

в А, В^{1:2}, F^{1:6}, D^{1:18}, E^{1:54}, F^{1:162}. Но постоянный капитал отрасли G, который вдвое больше постоянного капитала, приложенного в отраслях А—F¹⁶², не возмещен и не может быть возмещен.

В самом деле, мы нашли, что, так как, по нашему предположению, в каждой отрасли производства отношение вновь приложенного труда к раньше существовавшему равно 1:2, то всегда нужен весь вновь приложенный труд трех сфер производства для того, чтобы купить продукт предыдущей сферы: одним словом, что всегда нужно вдвое больше вновь приложенного труда, нежели его содержится в самом продукте; так что в последней сфере производства G, для того, чтобы купить весь продукт, нужно было бы вдвое больше вновь приложенного труда, чем есть в наличности. Словом, в итоге, в отрасли G мы находим то, что мы уже видели в нашей точке отправления А, т.е. что приложенный труд никак не может купить из своего продукта долю, превышающую его собственную величину, и что он не может купить труд, уже раньше существовавший в постоянном капитале.

Следовательно, ценность дохода не может покрывать ценность всего продукта. Но так как помимо дохода нет никакого фонда, из которого мог бы быть оплачиваем продукт, продаваемый производителем индивидуальному потребителю, то, стало-быть, ценность всего продукта *minus* ценность дохода вообще не может быть продана, оплачена или индивидуально потреблена. Но, с другой стороны, всякий продукт должен быть продан и оплачен по своей цене (в предположении, что цена здесь равна ценности).

Впрочем, можно было уже с самого начала предвидеть, что введение промежуточных меновых актов—актов продажи и купли различных товаров или продуктов различных отраслей производства—не подвинет нас вперед ни на один шаг. В А, т.е. в отрасли производства первого товара, полотна, у нас была одна треть или 12 часов вновь приложенного труда и 2×12 или 24 часа труда, первоначально существовавшего в капитале. Заработная плата и прибыль могли выкупить только такую долю труда А, и, стало-быть, его эквивалента в каком-нибудь другом товаре, которая равна 12 рабочим часам. Они не могли выкупить свой собственный постоянный капитал в 24 часа, а, значит, не могли выкупить и эквивалент этого постоянного капитала в любом ином товаре. Возможно, что в товаре В отношение между вновь приложенным трудом и постоянным капиталом иное. Но, как бы различно ни было отношение между постоянным капиталом и вновь приложенным трудом в различных отраслях производства, мы всегда можем вычислить среднюю величину этого отношения. Положим, стало-быть, что в продукте всего общества или всего класса капиталистов, во всей совокупности продукта капитала, вновь приложенный труд = *a*, а труд, первоначально существовавший в постоянном капитале = *b*; другими словами, отношение 1:2, принятое нами для А, — т.е. для полотна, — есть лишь символическое выражение отношения *a : b* и означает только то, что между этими обоими элементами существует так или иначе определенное или доступное определению отношение, т.е. отношение между прибавленным в течение года, или какого-либо иного промежутка времени живым трудом и прошлым трудом, существовавшим в виде постоянного капитала. Если на приложенные к пряже 12 часов труда покупается не один только холст; если полотна покупают, например, лишь на 4 часа, то на отдельные 8 часов можно купить другой какой-либо продукт; но общая сумма купленного никогда не может быть больше 12 часов. И если на 8 часов труда будет куплен другой продукт, то А нужно будет продать полотна уже не на 24 часа труда, а на 32 часа. Пример, данный для А, относится, стало-быть, ко всему обществу капиталу; и хотя введение промежуточных меновых актов запутывает нашу задачу, но оно нисколько не изменяет ее.

Предположим, что А есть весь продукт общества, в таком случае треть этого продукта может быть куплена производителями для своего собственного потребления, т.е. она может быть куплена и оплачена суммой их заработных плат и прибылей. Но нет средств оплаты, покупки и потребления остальных двух третей. И вот, подобно тому, как вновь приложенный труд, т.е. та треть, которая может быть сведена к прибыли и заработной плате, покрывает самое себя своим продуктом или выкупает только ту долю ценности продукта, в которой содержится одна треть всей суммы труда, — т.е. вновь приложенный труд или его эквивалент, — так и две трети первоначально существовавшего труда должны быть покрыты своим собственным продуктом, иными словами, постоянный капитал остается равен самому себе и сам себя возмещает той частью ценности, которую он представляет во всем продукте общества. Обмен между

различными товарами, обращение между покупателями и продавцами различных отраслей лишь постольку вносит формальное различие, поскольку постоянный капитал покрывает себя в отдельных, обменивающихся между собою отраслях производства в той пропорции, в какой он содержался в них первоначально.

Рассмотрим это подробнее.

2. Дальнейшее исследование проблемы. Вторая постановка вопроса *)

Вернемся опять к нашему примеру. Дневной продукт А был = 12 арш. холста = 36 шилл. = 36 рабочим часам, из которых 12 часов вновь приложенного труда могут быть сведены к заработной плате и прибыли и 24 часа, или два дня, равны ценности постоянного капитала, который теперь существует в форме полотна вместо прежней формы пряжи и ткацкого станка, и притом существует в том количестве полотна, которое равняется 24 часам = 24 шилл. и заключает в себе количество труда, содержащееся в пряже и ткацком станке и теперь возмещенное им; на это количество полотна опять можно, стало-быть, купить те же самые количества пряжи и ткацкого станка, если мы предположим, что ценность их осталась та же, т.е. что производительность труда в этих отраслях производства не изменилась. Прядильщик и фабрикант ткацкого станка должны продать весь свой годовой или дневной (тут это безразлично) продукт ткачу, так как только для него их товар является потребительной ценностью. Он их единственный потребитель. Но если ежедневно потребляемый ткачом постоянный капитал равен 2 рабочим дням, то на один рабочий день ткача приходится 2 рабочих дня прядильщика и машинистроителя, — два рабочих дня, которые, со своей стороны, опять могут распадаться, в весьма различных пропорциях, на вновь приложенный труд и постоянный капитал. Весь дневной продукт прядильщика и машинистроителя, взятый в целом (при том условии, что машинистроитель производит только ткацкие станки), т.е. постоянный капитал и приложенный труд, вместе взятые, не могут превышать двух рабочих дней, в то время как дневной продукт ткача составляет, благодаря вновь приложенным 12-ти часам труда, три рабочих дня. Возможно, что прядильщик и машинистроитель потребляют стелько же живого рабочего времени, как и ткач. В таком случае рабочее время, содержащееся в их постоянном капитале, будет по необходимости меньше. Одно из двух! Они ни в каком случае не могут применить такое же количество труда, *summa summarum*, овеществленного и живого, какое применяет ткач. Возможно, что ткач прилагает относительно меньше живого рабочего времени, нежели прядильщик; а этот последний наверно меньше, чем возделыватель льна: тем значительнее будет в этом случае излишек его постоянного капитала над переменной его частью.

Стало-быть, постоянный капитал ткача возмещает весь капитал прядильщика и машинистроителя, т.е. не только их собственный постоянный капитал, но и труд, вновь приложенный в процессе прядения и машинистроения. Продавцы свои товары ткачу, прядильщик и фабрикант ткацких станков возместили не только свой постоянный капитал, но получили плату и за вновь приложенный ими труд. Постоянный капитал ткача возмещает им обоим их собственный постоянный капитал и реализует их доход, сумму заработной платы и прибыли. Постольку постоянный капитал ткача возмещает лишь их собственный постоянный капитал, который они передали ткачу в форме пряжи и ткацкого станка, поскольку совершился только обмен одной формы постоянного капитала на другую. В действительности никакого изменения ценности постоянного капитала не произошло.

Но вернемся еще дальше назад. Продукт прядильщика распадается на две части: во-первых, лен, веретена, уголь и т. д., словом—его постоянный капитал, и, во-вторых, приложенный им труд. То же самое относится и к продукту машинистроителя. Когда прядильщик возмещает свой постоянный капитал, то он этим самым оплачивает не только весь капитал фабриканта веретен и т. д., но также и капитал возделывателя льна. Его постоянный капитал оплачивает часть их постоянного капитала плюс приложенный труд. Что касается возделывателя льна, то его постоянный капитал, за вычетом земледельческих орудий и т. д.; сводится к семенам, удобрению и т. д. Мы принимаем, что эта часть постоянного капитала фермера (семена, удобрение и т. д.),—как это всегда

*) Стр. 283—300. Заключительная часть взята со стр. 304 рукописи. К.

происходит, более или менее посредственно, в земледелии, — представляет собою ежегодный вычет из его собственного продукта, вычет, который ежегодно отдается обратно из продукта земле, т. е. возвращается в производство. Здесь мы видим часть постоянного капитала, возмещающую самое себя, никогда не продаваемую, никогда, стало-быть, не оплачиваемую, никогда не переходящую в личное потребление. Ценность семян и т. д. переходит в ценность всего продукта, но та же ценность — потому что то же количество продукта — (при том условии, что производительность труда не изменилась) снова вычитается из валового продукта и отдается обратно в процесс производства, не входя в обращение. Тут мы видим, что, по крайней мере, часть постоянного капитала, — то что можно рассматривать, как сырой продукт земледелия, — возмещает самое себя. Тут, стало-быть, перед нами значительная отрасль годового производства, — самая значительная по размерам и по величине капитала, вложенного в нее, — в которой довольно значительная часть постоянного капитала, состоящая из сырья (за исключением искусственного удобрения и т. д.), сама себя возмещает и не входит в обращение, т. е. не возмещается ни одной из форм дохода. Так что прядильщику не приходится выплачивать возделывателю льна эту (возмещаемую и оплачиваемую этим последним саморлично) часть постоянного капитала, точно также и ткачу не приходится выплачивать ее прядильщику, а покупателю полотна выплачивать ее ткачу.

Предположим, что все те, которые прямо или косвенно участвуют в производстве двенадцати аршин полотна, получают плату в виде самого полотна. Прежде всего очевидно, что производители элементов полотна — постоянного капитала полотна — не в состоянии потребить свой собственный продукт, так как этот продукт производится для производства и не входит в непосредственное потребление. Они, следовательно, должны реализовать свои заработные платы и прибыли в полотне, в том продукте, который, в конце концов, идет в личное потребление. Ту ценность, которой они не потребляют в виде полотна, они должны потребить в виде другого годного для потребления продукта, полученного в обмен на полотно. Это равносильно потреблению ими полотна, так как та ценность, которую они потребляют в форме другого продукта, потребляется производителями других продуктов в форме полотна. Стало быть, вся загадка находит свое разрешение — если оставить обмен совершенно без внимания — в рассмотрении того, как распределяется 12 арш. полотна между всеми производителями, участвовавшими в производстве его самого или его элементов.

Прядильщик и фабрикант ткацкого станка прибавили одну треть ценности своего продукта в виде труда, а постоянный их капитал составляет две трети ценности пряжи и станка. Следовательно, из 8 арш. полотна (или 24 часов = 24 шилл.), возмещающих весь их продукт, они могут потребить только одну треть, $2\frac{2}{3}$ арш. полотна, т. е. 8 час. труда = 8 шиллингам.

Из 8 аршин, возмещающих постоянный капитал ткача, потребляются 2 аршина = 6 шилл. = 6 час. прядильщиком, и $\frac{2}{3}$ арш. = 2 шилл. = 2 час. — фабрикантом станка и др.

Нам остается, стало-быть, еще дать отчет относительно $8 - 2\frac{2}{3}$ аршина = $5\frac{1}{3}$ арш. (= 16 шилл. = 16 рабочих часов). Эти остающиеся $5\frac{1}{3}$ арш. распределяются следующим образом. Положим, что из 8 аршин 6 арш. приходится на пряжу и 2 арш. на ткацкий станок; из них 4 арш. представляют постоянный капитал прядильщика, т. е. элементы его пряжи, а $1\frac{1}{3}$ арш. — постоянный капитал фабриканта ткацких станков. Из 4 аршин, к которым сводится постоянный капитал прядильщика, 3 арш. приходится на лен и один аршин на прядильную машину.

Значительная часть постоянного капитала, затраченная на производство льна, не подлежит возмещению, а возвращается почве самим возделывателем льна в форме семян, удобрения, корма для скота и т. д. В той части его продукта, которая поступает в продажу, остается, значит, засчитать, в качестве постоянного капитала, изнашивание его орудий труда и т. д. Здесь надо принять приложенный труд равным, по крайней мере, двум третям (2 арш.); а постоянный капитал, подлежащий замещению, самое большее — одной трети (1 аршину).

Нам еще остается теперь принять в расчет постоянный капитал фабриканта ткацкого станка. На станок приходится 2 аршина, на его постоянный капитал $1\frac{1}{3}$ аршина (= 4 шиллинга = 4 рабочих часа). Наконец, 1 арш. (3 шилл., 3 рабочих часа) приходится на ту долю всего продукта, которая содержится в прядильной машине. Мы предполагаем, что фабрикант ткацкого станка и фабрикант прядильной машины — одно и то же лицо.

Прежде всего надо, стало-быть, вычесть то, что подлежит потреблению фабрикантом прядильных машин.

Пряд. машина. Весь продукт в целом = 1 арш.			3 шилл.
			3 раб. часа.
Постоянный капитал.	Приложенный труд.	Подлежит потреблению.	
$\frac{2}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	
2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.	
2 раб. часа.	1 раб. час.	1 раб. час.	

Далее разложим земледельческую машину, постоянный капитал возделывателя льна, на ее подлежащие потреблению и проч. части.

Землед. машина. Весь продукт в целом = 1 арш.			3 шилл.
			3 раб. часа.
Постоянный капитал.	Приложенный труд.	Подлежит потреблению.	
$\frac{2}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	
2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.	
2 раб. часа.	1 раб. час.	1 раб. час.	

Представим эти результаты в виде таблицы; получается следующее:

Т к а ч :

Весь продукт	12 аршин.
Постоянный капитал	8 "
Приложенный ткацкий труд в 12 час.	4 "
Потребление	4 "

Прядильщик.

Весь продукт	6 арш.
Постоянный капитал	4 "
Труд прядильщика	2 "
Потребление	2 "

Фабрикант ткацких станков:

Весь продукт	2 арш.
Постоянный капитал	$\frac{4}{3}$ "
Труд фабриканта машин	$\frac{2}{3}$ "
Потребление	$\frac{2}{3}$ "

Возделыватель льна:

Весь продукт	3 арш.
Постоянный капитал	1 "
Земледельческий труд	2 "
Потребление	2 "

Фабрикант прядильной машины:

Весь продукт	1 арш.
Постоянный капитал	$\frac{2}{3}$ "
Труд машиностроителя	$\frac{1}{3}$ "
Потребление	$\frac{1}{3}$ "

Фабрикант земледельческой машины:

Весь продукт	1 арш.
Постоянный капитал	$\frac{2}{3}$ "
Труд машиностроения	$\frac{1}{3}$ "
Потребление	$\frac{1}{3}$ "

Складывая вместе все те части продукта, которые сводятся к машинам, получим 2 арш., приходящихся на долю ткацкого станка, 1 арш. на долю прядильной машины и один аршин на долю земледельческой машины, — итого 4 аршина или одна треть всего продукта, равного 12 арш. холста. Из этих 4 аршин может быть потреблено фабрикантом ткацких станков — $\frac{2}{3}$ арш., фабрикантом прядильных машин — $\frac{1}{3}$ арш. и земледельческих орудий — тоже $\frac{1}{3}$ аршина, итого $1\frac{1}{3}$ арш. Остается еще $2\frac{2}{3}$ арш., т.е. $\frac{4}{3}$ арш. постоянного капитала ткацкого станка, $\frac{2}{3}$ арш. постоянного капитала прядильной машины и $\frac{2}{3}$ — земледельческой машины. Этот остаток есть подлежащий возмещению постоянный капитал машиностроителей.

Каковы же элементы этого постоянного капитала? С одной стороны, его сырые материалы, как-то: железо, дерево, ремни и т. д. С другой же стороны, изнашивающаяся часть его машины (которую машиностроитель мог сам по-

строить), необходимой ему для производства машин. Предположим, что сырой материал составляет $\frac{3}{4}$ этого постоянного капитала, а изнашивание машины, служащей для постройки машин, равно одной четверти. Три четверти, идущие на долю дерева и железа, представляют собой три четверти от $2\frac{2}{3}$ аршин, т.-е. 2 аршина *).

Рассмотрим прежде всего выделку дерева и железа и т. д.

Допустим при этом, что на машины приходится одна треть, а на приложенный труд две трети (так как на сырье не идет ничего); тогда две трети двух аршин возмещают приложенный труд, а одна треть их, равная $\frac{2}{3}$ арш., возмещает машины. Постоянный капитал производителя дерева и железа, словом, добывающей промышленности, состоит исключительно из орудий производства, которые мы здесь называем вообще машинами, а не из сырья.

Четверть от $2\frac{2}{3}$ аршина, составляющих постоянный капитал машиностроителя, т.-е. $\frac{2}{3}$ аршина, возмещают изнашивание *машин, служащей для постройки машин*. Эта последняя, в свою очередь, распадается на сырой материал (железо, дерево и т. д.), на часть машины, изношенную в процессе машиностроения, и, наконец, приложенный труд. Если этот последний элемент равен, скажем, одной трети, то на долю приложенного труда придется $\frac{2}{9}$ аршина, $\frac{1}{9}$ аршина останется для возмещения постоянного капитала машиностроительной машины, т.-е. $\frac{3}{9}$ арш. придется на долю сырого материала, а $\frac{1}{9}$ пойдет на возмещение той части ценности, которая соответствует изнашиванию машин, служащих для обработки этого сырья.

С другой стороны, $\frac{2}{3}$ арш. холста, возмещающих машины производителей железа и дерева, тоже распадается на сырой материал машины и приложенный труд. Если принять последний за одну треть, то он = $\frac{2}{9}$ арш., а постоянный капитал этой части машин выразится в $\frac{4}{9}$ арш., из которых $\frac{3}{9}$ арш. возмещают сырой материал, а $\frac{1}{9}$ арш. изнашивания машин.

Стало-быть, в руках машиностроителя оставались бы в качестве постоянного капитала для возмещения изнашивания его машины: $\frac{1}{9}$ арш., которую бы возмещает изнашивание своей машиностроительной машины, и $\frac{1}{9}$ —для возмещения изнашивания машин, употребляемых производителями железа и дерева, итого в сумме $\frac{2}{9}$ аршина.

Сверх того, в его постоянном капитале нужно было тремя девятыми аршина возместить сырой материал, содержащийся в машиностроительной машине, и другим $\frac{3}{9}$ арш.—сырой материал, входящий в машины производителей железа и дерева, итого $\frac{6}{9} = \frac{2}{3}$ аршина. Но из них, в свою очередь, две трети представляют приложенный труд, а одна треть изнашивание машин. Следовательно, из $\frac{6}{9}$ за труд уплачивается $\frac{4}{9}$. Из этого сырого материала на возмещение машин еще раз остается $\frac{2}{9}$. Стало-быть, $\frac{2}{9}$ возвратились бы к машиностроителю. В руках машиностроителя теперь опять были бы: $\frac{1}{9}$ арш. — для возмещения изнашивания машины и $\frac{1}{9}$ арш.—для возмещения изнашивания машин, употребляемых производителями железа и дерева, и $\frac{2}{9}$ — как часть ценности, возмещающая машины в виде сырья, железа и т. д.

Итак, мы могли бы продолжать расчет до бесконечности, получая все меньшие дроби, но никогда не доходя в делении 12 аршин до нулевого остатка.

Резюмируем вкратце весь предыдущий ход нашего исследования.

Сначала мы сказали, что в различных сферах производства существует различное отношение между вновь приложенным трудом и постоянным капиталом, к которому этот труд прилагается. Но мы можем принять среднее отношение, например: a — приложенный труд, b — постоянный капитал, или можем допустить, что в среднем первый относится к последнему, как 1 : 2. Если, сказали мы дальше, таково отношение в каждой из сфер производства капитала, то в данной сфере производства на приложенный труд (заработную плату и прибыль) можно купить всегда только одну треть ее собственного продукта, ибо заработная плата и прибыль в сумме представляют лишь треть реализованного в продукте рабочего времени. Конечно, капиталисту принадлежат и те две трети

*) В оригинале отношение между сырым материалом и изнашиванием машины, применяемой в машиностроении, принимается в данном случае равным $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$, потом равным $\frac{1}{2} : \frac{1}{2}$ и, наконец, $\frac{3}{4} : \frac{1}{4}$. Вообще Маркс изменяет в своем изложении. Я попытался по возможности установить единообразные предпосылки. В данном случае я взял $\frac{3}{4}$ вместо $\frac{2}{3}$, так как это дает более простые числа и небольшие дроби. К.

продукте, которые возмещают его постоянный капитал. Но если он хочет продолжать производство, то ему необходимо восстановить свой постоянный капитал, т.е. он должен вновь превратить две трети своего продукта в постоянный капитал. Для этого ему необходимо продать эти две трети.

Но кому продать? Треть продукта, которая может быть куплена на сумму заработной платы и прибыли, уже вычтена нами. Если эта сумма составляет 1 рабочий день, или 12 часов, то та часть продукта, ценность которой равна постоянному капиталу, представляет два рабочих дня или 24 часа. Мы поэтому допустили, что вторая треть продукта покупается на сумму прибыли и заработной платы в другой отрасли производства и последняя треть—на такую же сумму в третьей отрасли производства. Но при этом постоянный капитал продукта I был у нас обменен исключительно на заработную плату и прибыль, т.е. на вновь приложенный труд, потому что весь приложенный труд продуктов II и III потребил, по нашему предположению, постоянный капитал продукта I. Из шести рабочих дней, заключенных в продуктах II и III в виде вновь приложенного и первоначально существовавшего труда, ни один не возмещается, т.е. ни один не покупается на труд, содержащийся в продукте I или в продуктах II и III. В виду этого нам пришлось снова предположить, что производители других продуктов затрачивают весь приложенный у них труд на покупку продуктов II и III и т.д. Наконец, нам пришлось остановиться на одном продукте, в котором приложенный труд равен сумме постоянных капиталов всех предыдущих продуктов, но собственный постоянный капитал которого, равный двум его третям, продать было некому. Таким образом, разрешение вопроса ни на один шаг не двинулось с места. Для продукта X, как и для продукта I, остается в силе вопрос: кому сбывают ту часть продукта, которая возмещает постоянный капитал? Может-быть, одна треть вновь приложенного в продукте труда возмещает как эту треть, так и две трети первоначально существовавшего труда? Может-быть, одна треть должна равняться трем третям?

Итак, оказалось, что отодвигание затруднения с продукта I на продукт II и т.д., словом, введение посредствующих меновых актов, ничего не объясняет.

Пришлось поставить вопрос иначе.

Мы предположили, что 12 арш. холста=36 шилл.=36 рабочим часам, представляют собою продукт, в котором содержится 12 рабочих часов, или один рабочий день ткача (необходимый и прибавочный труд вместе взятые, стало-быть, сумму прибыли и заработной платы), а две трети представляют ценность содержащегося в холсте постоянного капитала: пряжи, машин и т.д. Кроме того, мы предположили,—чтобы загородить дорогу всяким отклонениям в сторону,—что наш холст такого сорта, который предназначается лишь для индивидуального потребления и, стало-быть, не служит, например, сырым материалом другого производства. Тем самым мы установили, что это продукт, который должен быть оплачиваем заработной платой и прибылью, обмениваем на доход. Наконец, для простоты мы предположили, что никакая часть прибыли не превращается обратно в капитал, а вся она целиком расходуется в качестве дохода.

Что касается первых 4 аршин, первой трети продукта, равной 12 рабочим часам, приложенным ткачом, то мы быстро с ними покончим. Они целиком сводятся к заработной плате и прибыли: их ценность равна ценности суммы прибыли и заработной платы ткача. Они, стало-быть, потребляются самим предпринимателем и его рабочими. Для этих 4 аршин это решение имеет безусловное значение. В самом деле, если прибыль и заработная плата потребляются не в виде холста, а в виде другого продукта, то это только потому, что производители другого продукта потребляют предназначенную для их собственного потребления часть своего продукта не в его первоначальной форме, а в форме холста. Если, например, из 4 арш. холста ткач потребляет только 1 арш., остальные же 3 арш. потребляются в виде мяса, хлеба, сукна, то все-таки ценность 4 арш. холста попрежнему потреблена самими ткачами холста, с тою лишь разницей, что они потребили три четверти этой ценности в виде других товаров, между тем как производители этих других товаров потребили в форме холста произведенные ими, в качестве заработной платы и прибыли, мясо, хлеб, сукно. Конечно, здесь, как и во всем нашем исследовании, всюду предполагается, что товар продается и притом продается по своей ценности.

Но теперь мы подошли к настоящей проблеме. Постоянный капитал ткача существует теперь в форме 8 арш. холста=24 рабочим часам=24 шилл. Если ткач желает продолжать производство, то он должен превратить эти 8 арш. холста в деньги, в 24 шилл., и на эти 24 шилл. купить находящиеся на рынке вновь произведенные товары, из которых состоит его, ткача, постоянный капитал. Ради

упрощения вопроса допустим, что он не возмещает свои машины сразу, по прошествии нескольких лет, а ежедневно восстанавливает на деньги, вырученные им от продажи своего продукта *in natura*, такую часть машин, которая равна ежедневно уничтожаемой части ценности этих машин. Ту часть продукта, которая равна ценности потребленного в нем постоянного капитала, он должен возмещать элементами этого постоянного капитала или вещественными производственными условиями своего труда. С другой стороны, продукт ткача, холст не входит ни в какую другую сферу производства в качестве средства производства, а идет лишь в личное потребление. Стало-быть, ткач может возместить ту часть своего продукта, которая представляет его постоянный капитал, лишь обменивая ее на доход, т. е. на ту часть ценности продукта других производителей, которая сводится к заработной плате и прибыли, *hinc*—ко вновь приложенному труду. В таком виде задача формулирована правильно. Спрашивается только, при каких условиях она может быть решена.

Одно затруднение, которое возникло при нашей первой постановке вопроса, теперь отчасти уже устранено. Хотя во всех сферах производства вновь прилагаемый труд равен одной трети, а постоянный капитал, согласно предположению, двум третям, однако, эта треть приложенного труда или сумма ценности дохода может быть потребляема в форме продуктов только тех отраслей производства, которые работают непосредственно для индивидуального потребления. Продукты всех остальных отраслей производства могут быть потребляемы только в качестве капитала, т. е. могут идти только в промышленное потребление.

Постоянный капитал, представляемый в 8 арш. (=24 час.=24 шилл.), состоит из пряжи (сырого материала) и машин; состоит, скажем, на три четверти из сырого материала и на одну четверть из машин, (К сырому материалу, кроме того, причисляются все вспомогательные вещества, как масло, уголь и т. д.; однако, для упрощения, лучше пренебречь ими совершенно). При этом пряжа стоила бы 18 шилл. или 18 рабочих часов=6 арш., а машины—6 шилл., или 6 рабочих часов=2 аршина.

Стало-быть, если ткач покупает на свои 8 арш. пряжу (на 6 арш.) и машины (на 2 арш.), то он своим постоянным капиталом в 8 арш. оплачивает не только постоянный капитал прядильщика и фабриканта ткацких станков, но и вновь приложенный ими труд. Так что часть той ценности, которая служит постоянным капиталом ткача, на стороне прядильщика и фабриканта ткацких станков является вновь приложенным трудом и потому превращается для них не в капитал, а в доход.

Из 6 арш. холста одну треть=2 арш. прядильщик может потребить сам. (Эта часть равняется вновь прибавленному труду, прибыли и заработной плате). Но 4 арш. возмещают ему лен и машины: 3 арш., скажем, приходится на долю льна, 1 арш. на машины. Этими четырьмя аршинами он должен расплатиться.

Двумя аршинами ткач платит фабриканту машин за ткацкий станок. Из них фабрикант машин лично может потребить $\frac{2}{3}$ арш., а остальные $\frac{1}{3}$ только возмещают ему железо и дерево, словом, сырье и машиностроительные машины. Допустим, что из $\frac{1}{3}$ арш. на сырой материал идет 1 арш. а на машины $\frac{1}{3}$ арш.

До сих пор у нас из 12 аршин потреблено: 1) 4.—ткачем, 2) 2.—прядильщиком и 3) $\frac{2}{3}$ —фабрикантом машин; итого $6\frac{2}{3}$ арш. Остаются, стало-быть, еще $5\frac{1}{3}$ аршина. Они распределяются следующим образом.

Прядильщику надо возместить из ценности 4 аршин—тремя аршинами лен и одним машины. Фабриканту машин нужно из ценности в $\frac{1}{3}$ аршина возместить одним аршином железо и т. п., а одну треть—машины, которые он сам употребляет в машиностроении.

Стало-быть, 3 арш. прядильщик платит за лен возделывателю льна. У этого последнего мы встречаем ту особенность, что часть его постоянного капитала (а именно: семена, удобрение и т. д., словом, все продукты земли, которые он снова ей возвращает), совсем не вступает в обращение, стало-быть, она не подлежит вычету из продаваемого им продукта; так что, в противоположность предыдущему, этот продукт весь (за исключением той части его, которая замещает машины, искусственное удобрение и т. п.) представляет собою вновь приложенный труд и поэтому целиком сводится к заработной плате и прибыли. Здесь нам следует принять, что две трети продукта составляют при-

ложенный труд, т.е. из 3 арш. под эту категорию подходят 2, а остающийся 1 арш. приходится на долю машин и т. д. *)

Если из $5\frac{1}{3}$ арш., которые подлежали у нас погреблению, вычесть 2 арш., то остается еще $3\frac{1}{3}$ арш.

У возделывателя льна остается 1 арш., который он должен затратить на покупку машин.

Счет фабриканта машин теперь представляется в таком виде: из постоянного капитала, приходящегося на ткацкий станок, он затратил 1 арш. на железо и т. д., $\frac{1}{3}$ арш.—на изнашивание машиностроительной машины в производстве ткацких станков. Затем, у фабриканта машин прядильщик покупает за 1 арш. прядильный станок и возделыватель льна—на 1 арш. земледельческие орудия. Из этих 2 арш. фабрикант машин потребляет одну треть на вновь приобретенный труд, а две трети он затрачивает на постоянный капитал, вложенный в прядильную машину и земледельческие орудия. Стало-быть, $\frac{2}{3}$ арш. снова идут в личное потребление фабриканта машин, а $\frac{1}{3}$ арш. относятся к постоянному капиталу. Следовательно, из $3\frac{1}{3}$ арш. еще не потребленного холста отпадает еще $\frac{2}{3}$ арш. Остается $2\frac{2}{3}$ аршина.

Из $\frac{4}{3}$ арш., сводящихся к постоянному капиталу, фабрикант машин затрачивает три четверти, т.е. 1 арш., на сырой материал, железо, дерево и т. д., и одну четверть, т.е. $\frac{1}{3}$ арш., он уплачивает самому себе в возмещение машиностроительной машины.

Весь расчет представляется теперь в таком виде:

Постоянный капитал фабриканта машин.

	Сырой материал.	Изнашивание его собственной машины.
Ткацкий станок	1 арш.	$\frac{1}{3}$ арш.
Прядильная машина и земледельческое орудие	1	$\frac{1}{3}$
Итого	2 арш.	$\frac{2}{3}$ арш.

Итак, на ценность 2 арш. фабрикант машин покупает у железозаводчика и лесопромышленника дерево и железо. Но здесь возникает новый вопрос. У возделывателя льна сырой материал, как часть постоянного капитала, не вошел в проданный им продукт, так как был заранее вычтен. Здесь же, наоборот, мы должны разложить весь продукт на приложенный труд и машины. Если даже мы предположим, что вновь приложенный труд составляет две трети продукта, а машины—одну треть, то из 2 арш. в потребление пойдут $\frac{4}{3}$. В качестве постоянного капитала остались $\frac{2}{3}$ арш. на долю машин. Эти $\frac{2}{3}$ арш. возвращаются к фабриканту машин, следовательно, в остатке получилось бы $\frac{3}{3}$ арш.; которые фабрикант машин уплачивал бы себе за изнашивание своих собственных машин, и другие $\frac{2}{3}$ арш., которые ему возвращают железозаводчик и лесопромышленник за машины, итого $\frac{4}{3}$ аршина.

Пусть из $\frac{2}{3}$ арш. возвращаемых фабриканту машин, вновь приложенный труд составляет одну треть= $\frac{2}{9}$ арш. Следовательно, эти $\frac{2}{9}$ арш. тоже могут быть потреблены, а остальные $\frac{4}{9}$ арш. представляют постоянный капитал, содержащийся в топоре плотника и машине железозаводчика, при чем три четверти= $\frac{3}{9}$ арш. приходится на долю сырого железа, дерева и т. п., а одна четверть= $\frac{1}{9}$ арш.—на долю изнашивания орудий.

Итак, на изнашивание машиностроительной машины приходится теперь $\frac{2}{3} + \frac{1}{9} = \frac{7}{9}$ арш.

Было бы совершенно бесполезно разлагать дальше $\frac{3}{9}$ арш., идущих на покупку железа, дерева и т. п., на их составные части и снова возвращать часть фабриканту машин, часть железозаводчику и лесопромышленнику. Всегда получался бы остаток и *progressus in infinitum*.

Поэтому рассмотрим вопрос в его данном положении.

$\frac{7}{9}$ арш. оставляет себе фабрикант машины для возмещения изношенных машин.

*) Тут Маркс берет на долю земледельческих машин только $\frac{1}{2}$ арш., тогда как прежде принимал 1 арш. Дальнейшие вычисления исходили из этого нового предположения. Для сохранения единства в изложении я поставил в тексте 1 арш. вместо $\frac{1}{2}$ арш. и изменил соответственно этому все остальные числа. К.

$\frac{3}{10}$ арш. представляют соответствующую ценность в дереве и железе. Фабрикант машин отдал их железозаводчику и лесопромышленнику для возмещения своего сырого материала. Следовательно, мы получаем в остатке $\frac{7}{10} + \frac{3}{10} = \frac{10}{10}$ арш.

$\frac{7}{10}$ арш., которые фабрикант машин сохраняет в виде остатка для возмещения изнашивания своих машин, равны $\frac{7}{10} = 2\frac{1}{3}$ шилл. или $2\frac{1}{3}$ рабочим часам. Эта ценность не может быть отдана фабрикантом машин на покупку холста; ему пришлось бы перепродавать его за $2\frac{1}{3}$ шилл. для того, чтобы возместить изнашивание своих машин, т.-е. для того, чтобы построить новые машиностроительные машины. Кому же может быть продан этот холст? Производителям других продуктов помимо железа и дерева? Но эти производители уже потребили все то количество холста, которое они в состоянии потратить. Обмену на другие продукты (помимо тех, которые входят в их постоянный капитал) или на труд, возмещающий капитал ткача, подлежат только те 4 арш. холста, которые образуют заработную плату и прибыль ткача. Эти четыре аршина нами уже приняты в расчет. Или не должен ли этот холст идти в уплату ткачам рабочим? Но мы уже вычли из продуктов ткача все то, что приложено рабочими, и все это, по нашему предположению, потреблено в виде холста.

Представим дело в другой форме:

Затрата на возмещение машин:

Ткач	2	арш. = 6	шилл. = 6	раб. час.
Прядильщик	1	" = 3	" = 3	" "
Возделыватель льна	1	" = 3	" = 3	" "
Производитель железа и дерева	$\frac{2}{3}$	" = 2	" = 2	" "
		<hr/>		
		$4\frac{2}{3}$ арш. = 14	шилл. = 14	раб. час.

Такова затрачиваемая на машины сумма аршин холста, или та часть стоимости холста, которая передается холсту от машин.

Из этих $4\frac{2}{3}$ арш. на прибыль и заработную плату отходит одна треть = $\frac{14}{9}$ арш.

На долю постоянного капитала остается $\frac{28}{9}$ арш., из которых три четверти = $\frac{21}{9}$ арш. идут на сырой материал и одна четверть = $\frac{7}{9}$ арш. — на возмещение изнашивания машин.

Эти $\frac{7}{9}$ арш., идущих на возмещение машин, составляют все, что остается у фабриканта машин, так как $\frac{21}{9}$ или $2\frac{1}{3}$ арш. он платит за сырой материал производителям железа и дерева.

Было бы ошибкой заставлять производителей железа и дерева вновь делать затраты на машины, так как все, что им приходится возмещать в машинах, а именно $\frac{2}{3}$ арш., уже занесено было в счет фабриканту машин. В эту статью уже занесены все необходимые им для производства железа и дерева машины, и, следовательно, они не могут быть вторично поставлены в счет. Так что, в конце концов, $2\frac{1}{3}$ арш., соответствующие железу и дереву, сводятся, стало-быть, целиком к труду, так как здесь нет сырья, и могут поэтому быть потреблены в виде холста.

Итак, весь остаток состоит из $\frac{7}{9}$ арш., которые относятся к изнашиванию рабочих машин машиностроителя.

Задача отчасти получила свое решение в том, что та доля постоянного капитала земледельца, которая не сводится ни ко вновь приложенному труду, ни к машинам, совсем не вступает в обращение, но вычитается заранее: эта доля сама себя возмещает в собственном процессе производства, и, стало-быть, весь вступаящий в обращение продукт земледельца, за вычетом машин, сводится к заработной плате и прибыли и поэтому может быть потреблен в виде холста. Этим решается одна часть задачи. Другая часть ее решается предположением, согласно которому то, что в одной отрасли производства является постоянным капиталом, в другой отрасли оказывается трудом, вновь прилагаемым в течение того же года. То, что в руках ткача служит постоянным капиталом, в значительной своей части распадается на доходы прядильщика, фабриканта машин, возделывателя льна, железозаводчика и лесопромышленника.

Это совершенно очевидно. Так, например, когда один и тот же фабрикант ведет прядильное и ткацкое дело, то его постоянный капитал оказывается меньше, чем постоянный капитал ткача, а вновь приложенный труд, т.-е. та часть его продукта, которая сводится ко вновь приложенному труду, т.-е. к до-

ходу, т.-е. к прибыли и заработной плате, больше вновь приложенного труда ткача. Доход ткача выражался в 4 арш. = 12 шилл.; постоянный капитал = 8 арш. = 24 шиллингам. Если он является в то же время и прядильщиком, то его доход = 6 арш., его постоянный капитал тоже = 6 арш. (2 арш. — ткацкий станок, 3 арш. — лен и 1 арш. — прядильная машина).

Третье из найденных до сих пор решений задачи состояло в том, что все производители сырого материала или средств производства для тех продуктов, которые, в конце концов, идут в индивидуальное потребление, потребляют свой доход не в форме своего собственного продукта, а лишь в виде продукта, годного для индивидуального потребления, или — что то же самое — потребляют его в обмен на годные к потреблению продукты других производств. Они реализуют весь свой вновь приложенный труд не в своем собственном продукте, а в продукте, производимом для индивидуального потребления, так что выходит, как будто их продукт состоит исключительно из заработной платы и прибыли, т.-е. из вновь приложенного труда.

Итак, та часть задачи, которую еще предстоит разрешить, сводится к следующему. Что будет с $\frac{1}{9}$ арш., соответствующими изнашиванию машиностроительной машины — не тех машин, которые применяются в производстве, так как эти последние сводятся к новому труду и именно к тому новому труду, который придает форму новых машин сырому материалу, ничего в сущности не стоящему. Или, иначе говоря: при каких условиях фабрикант машин может потребить $\frac{1}{9}$ арш. в виде холста, возмещающего одновременно свои машины? В этом вся сущность вопроса. Это явление совершается на самом деле. Оно неизбежно. Задача состоит в том, чтобы найти его объяснение.

Не только в земледелии (включая сюда скотоводство, рыболовство, а равно и лесоводство, когда воспроизводство совершается в нем искусственно и т.д.) — стало-быть, не только в производстве сырья для одежды — пищевых средств и значительной части продуктов, входящих в промышленный основной капитал, каковы паруса, канаты, ремни и т.д., — но и в горном деле мы видим частичное возмещение постоянного капитала *in natura* из продукта собственного производства, вследствие чего той доле продукта, которая входит в обращение, не приходится возмещать этих частей постоянного капитала. Так, напр., в каменноугольном производстве часть угля идет на приведение в движение паровой машины, которая служит для выкачивания воды и извлечения угля. Таким образом, ценность годового продукта равняется частью тому количеству труда, которое уже раньше было затрачено на добывание угля и теперь было потреблено в каменноугольном производстве, а частью — количеству вновь приложенного труда (изнашивание машин и т.д. не принимается в расчет). Из общей суммы продукта непосредственно отнимается, стало-быть, та часть постоянного капитала, которая состоит из угля и возвращается в производство. Никто не должен возмещать производителю эту часть, так как он сам себе ее возмещает. Если производительность труда не подвергалась никакому изменению, то и часть ценности, соответствующая этой части продукта, остается неизменно равна определенной части того количества труда, которое овеществлено в продукте как в виде прежнего, так и в виде вновь прибавленного (в течение года) труда. Возмещение постоянного капитала *in natura* имеет место и в прочих отраслях горнозаводской промышленности.

Здесь необходимо принять в соображение также те отбросы, которые — как, например, отбросы хлопчатобумажного производства — возвращаются почве в виде удобрения или употребляются в других отраслях промышленности в качестве сырого материала, как хлопчатобумажное тряпье в производстве бумаги. В подобных случаях часть постоянного капитала одной отрасли промышленности может непосредственно обмениваться на постоянный капитал другой отрасли, напр., хлопок на хлопчатобумажные отбросы, служащие как удобрение.

В общем, однако, существует коренное различие между машиностроением и производством сырья (железа, угля, дерева) — с одной стороны, и другими фазами производства — с другой. В этих последних нет взаимодействия. Холст не может стать частью постоянного капитала прядильщика; пряжа (как таковая) не может сделаться частью постоянного капитала возделывателя льна или фабриканта машин. Но сырой материал машины состоит не только из таких продуктов земледелия, как ремни, канаты и т.д., но еще и из дерева, железа, угля; а с другой стороны — машина, как средство производства, является частью постоянного капитала производителей дерева, железа, каменного угля и т.д. Стало-быть, в самом деле обе эти отрасли обмениваются *in natura* частью из постоянного капитала. Тут происходит обмен постоянного капитала на постоян-

ный капитал. Производитель железа ставит на счет фабриканту машин изнашивание машин, употребляемых при добывании железа, а фабрикант машин взыскивает с производителя железа изнашивание своих машиностроительных машин. Предположим, что производитель железа и угля — одно и то же лицо. Во-первых, как мы видели, он сам себе возмещает каменный уголь. Во-вторых, ценность всего его продукта (железа и угля) равна ценности вновь приложенного труда плюс ценность труда, первоначально существовавшего в изношенной части машин. За вычетом из общей суммы продукта того количества железа, которое замещает стоимость машины, остается то количество железа, которое сводится ко вновь приложенному труду. Эта последняя часть составляет для фабриканта машин сырой материал. Эту последнюю часть фабрикант машин оплачивает производителю железа холстом. На первую часть производитель железа покупает машины, возмещающие ему изнашивание его машин.

С другой стороны, мы имеем часть постоянного капитала фабриканта машин, которая соответствует изнашиванию его машиностроительных машин, инструментов и т. д., которая, стало-быть, не может быть сведена ни к сырому материалу, ни к сырому труду. На деле это изнашивание возмещается тем, что фабрикант машин присваивает себе из числа первых своих машин одну или несколько машиностроительных машин. Эта часть его продукта сводится просто к затрате лишнего сырого материала: она не представляет собою вновь приложенного труда, так как в полном продукте труда определенное число машин соответствует ценности вновь приложенного труда, другое число их — ценности сырого материала, третье — тому элементу ценности, который входил в состав машиностроительной машины. Правда, этот последний элемент содержит в себе приложенный труд; но труд этот по своей ценности равен нулю, так как в ту часть машин, которая представляет собою вновь приложенный труд, не входит труд, содержащийся в сыром материале и изношенной части машин, а во второй части, возмещающей сырой материал, не затрата доля, возмещающая новый труд и машины; стало-быть, в третьей части не содержится, в смысле ценности, ни приложенного труда, ни сырого материала: эта часть машины представляет собою только изнашивание машин.

Машины самого фабриканта машин не идут в продажу. Они возмещаются *in natura*, будучи вычитаемы из общей суммы продукта. Следовательно, продаваемые им машины представляют лишь сырой материал (который сводится исключительно к труду, раз производитель сырья уже взыскал с него изнашивание своих машин) и вновь приложенный труд, т. е. они превращаются в холст, как для него, так и для производителей сырья.

Что же касается собственно производителя сырья, то в вознаграждение за изнашивание своих машин он взял такую часть железа, которая соответствует его ценности, и этим железом он обменивается с фабрикантом машин, так что оба они расплачиваются друг с другом *in natura*, и этот процесс не имеет ничего общего с распределением дохода между ними.

Вот что мы хотели сказать об этом вопросе, к которому мы вернемся еще, когда будем рассматривать обращение капитала.

Постоянный капитал в действительности возмещается тем путем, что непрерывно вновь производится и отчасти сам себя воспроизводит. Та же часть постоянного капитала, которая входит в продукт, служащий для личного потребления, оплачивается той долей живого труда, которая входит в продукты, не предназначенные для личного потребления. Именно потому, что этот труд не оплачивается своими собственными продуктами, он имеет возможность превратить в доход весь годный для личного потребления продукт. Некоторая часть постоянного капитала, с точки зрения годовичного производства, является только кажущейся. Другая часть хотя и входит в общую сумму продукта, но ни в качестве элемента ценности, ни в виде потребительной стоимости не входит в предназначенный к потреблению продукт, а возмещается *in natura*, оставаясь постоянно органически связанной с процессом производства.

Здесь мы рассмотрели, как продукт, предназначенный для личного потребления, распределяется и распадается на все входящие в него элементы ценности и условия производства.

Однакоже, всегда одновременно и на ряду с процессом производства продукта для личного потребления (который, поскольку он сводится к заработной плате, равен переменной части капитала) совершается процесс производства всех частей постоянного капитала, необходимого для производства продукта, независимо от того, входит ли он в этот последний, или нет. Таким образом всякий капитал всегда делится на постоянный и переменный, и хотя постоянная

его часть, подобно переменной, непрерывно возмещается новыми продуктами, но она не перестает существовать до тех пор, пока производство продолжается в прежней своей форме.

Отношение между фабрикантом машин и производителем сырья (железа, дерева и т. д.) таково, что каждый из них на деле только обменивается с другим частью своего постоянного капитала,—обстоятельство, не имеющее ровно ничего общего с превращением доли постоянного капитала одного в доход другого,—при чем их продукты, хотя один из них и служит предварительной ступенью производства другого, обоюдно входят в качестве средств производства, в их взаимно связанный постоянный капитал. В обмен за машины, в которых нуждаются производители железа, дерева и т. д., эти последние дают фабриканту машин железо, дерево и т. д., в размере ценности, подлежащей замещению машинами. Эта доля постоянного капитала производителя железа *) является для него тем же, чем семена для крестьянина. Она составляет для него ту часть годового продукта, которую он возмещает *in natura* и которая не превращается для него в доход. С другой стороны, фабриканту машин в этом обмене возмещается в форме сырого материала не только то сырье, которое содержится в машине производителя железа, но также и та часть ценности этой машины, которая соответствует вновь приложенному труду и изнашиванию его собственных машин.

Значит, фабриканту машин возвращается не только то, что соответствует изнашиванию его собственных машин, но также и то, что может быть отнесено к возмещению некоторой части изнашивания других машин. Правда, эти последние заключают в себя также и те, полученные от производителя железа части ценности, которые равны сырому материалу и приложенному труду. Но именно потому на их долю должно быть засчитано соответственно меньшее количество их собственного изнашивания. Стало-быть, эта часть постоянного капитала производителей сырья и машин, т. е. часть того продукта их годового труда, который возмещает часть ценности изнашиваемого постоянного капитала, не входит в машины, продаваемые машиностроителем прочим фабрикантам. А что касается изнашивания этих последних машин, то оно [возмещается фабриканту машин в виде упомянутых выше $\frac{7}{9}$ аршин холста = $2\frac{1}{3}$ рабочих часов. Он покупает на них железо, дерево и т. д. в размере соответствующей ценности и возмещает себе [изнашивание] в другой форме своего постоянного капитала, в форме железа. Таким образом, часть его сырого материала возмещает ему, кроме ценности сырого материала, ценность изнашивания его машин. У производителя железа этот сырой материал сводится к одному только вновь приложенному труду, так как орудия этих производителей сырья (железо, дерево, уголь и т. д.) уже раньше были засчитаны.

Таким образом, все элементы холста сводятся к сумме определенных количеств труда, которая равна сумме вновь приложенного труда, но отнюдь не равна сумме всего труда, содержащегося в постоянном капитале и увековечиваемого воспроизводством.

Положение, гласящее, что то количество частью живого, частью уже прежде совершенного труда, которое составляет сумму товаров, идущих ежегодно в индивидуальное потребление, т. е. ежегодно потребляемых в виде дохода, не может быть больше количества ежегодно вновь прилагаемого труда,—представляет собою простую тавтологию. Потому, что доход равен сумме заработной платы и прибыли, равен сумме вновь приложенного труда, равен сумме товаров, заключающих в себе равное количество труда.

Пример производителя железа и фабриканта машин приведен нами только как образец. И в других подобных случаях между различными сферами производства, доставляющими друг другу средства производства в виде своих продуктов, происходит *in natura* (скрытый, благодаря ряду денежных сделок) взаимный обмен их постоянных капиталов. И поскольку такой обмен имеет место, постольку потребителю окончательного продукта, идущего в индивидуальное потребление, не приходится возмещать этот постоянный капитал, так как он уже возмещен.

Например, при производстве паровозов ежедневно остаются целые вагоны железных опилок. Их собирают и перепродают (или ставят в счет) тому самому железозаводчику, который поставляет производителю паровозов его главный сырой материал. Железозаводчик придает им снова прочную форму, прилагает к ним новый труд. И в этой форме, в которой он отправляет их обратно к па-

*) В подлиннике стоит „возделывателя железа“—Eisenbauers. K.

ровозаводчику, эти опилки составляют часть ценности продукта, возмещающую сырой материал. Таким образом, происходит постоянное перемещение с завода на завод, конечно, не тех же самых опилок, но всегда определенного количества их. Эта часть поочередно служит сырым материалом для обеих отраслей промышленности и на деле только переходит из одних мастерских в другие. Поэтому она не входит в конечный продукт, но служит для замещения постоянного капитала *in natura*.

В самом деле, всякая машина, поставляемая фабрикантом ее, разлагается, как ценность, на сырой материал, вновь приложенный труд и изнашивание машин. Но их общая сумма, входящая в производство других сфер, может по своей ценности равняться только сумме ценности машин минус та часть постоянного капитала, которая беспрерывно перемещается туда и назад между фабрикантом машин и железозаводчиком. Один, продаваемый крестьянином, квартал пшеницы так же дорог, как и другой. Проданный квартал пшеницы стоит не дешевле того квартала ее, который возвращается почве в виде семян. Тем не менее, если продукт равен 6 кварталам, квартал равен 3 ф. стерлинг.—каждый квартал содержит элементы ценности, соответствующие вновь приложенному труду, сырому материалу и машинам, и если крестьянину приходится употребить один квартал на семена, то он продаст только 5 кварталов за 15 ф. стерл. Потребителям не придется, стало-быть, платить за ту часть ценности, которая содержится в одном квартале семян. В том-то и штука: каким образом ценность продажного продукта равняется всем содержащимся в нем элементам ценности, вновь приложенному труду и постоянному капиталу, а потребитель, несмотря на это, не платит за постоянный капитал и все же покупает продукт?

Насколько пресный Сэй не понимал самого вопроса, показывает следующая цитата: „Для полного понимания вопроса о доходах необходимо принять во внимание, что полная ценность разлагается на доходы различных лиц, потому что полная ценность всякого продукта слагается из прибыли землевладельцев, капиталистов и рабочих (*industrieux*), принимавших участие в его создании. Вследствие этого доход общества равняется произведенной валовой ценности, а не чистому продукту земли, как воображала секта экономистов... Если бы доход нации составлялся только излишком произведенных ценностей над потребленными, то отсюда вытекало бы то совершенно нелепое следствие, что нация, которая в течение года потребляет столько же ценностей, сколько производит, не получает никакого дохода“ (I. с., 2 т., стр. 63, 64). В предыдущем году такая нация имела бы известный доход, а в следующем году не имела бы ровно никакого. Ошибочно думать, что годовой продукт труда, часть которого составляет продукт годового труда, сводится к доходу. Наоборот, это верно по отношению к той части продукта, которая входит в годовое индивидуальное потребление. Доход, состоящий исключительно из вновь приложенного труда, может оплатить весь этот продукт, состоящий отчасти из вновь приложенного, а отчасти из ранее совершенного труда, т. е. вновь приложенный труд в состоянии оплатить не только самого себя, но и ранее совершенный труд, потому что другая часть продукта, тоже состоящая из вновь приложенного и ранее совершенного труда, возмещает исключительно только труд, ранее совершенный, возмещает только постоянный капитал.

3. Обмен капитала на капитал и влияние на него изменения ценности *).

Когда каменноугольная копь поставляет уголь железодельному заводу, получая от него железо, которое в качестве средства производства входит в процесс добывания угля, тогда уголь обменивается на капитал в размере ценности железа, а железо, со своей стороны, в размере своей собственной ценности, как капитал, обменивается на уголь. И железо, и уголь, как потребительные ценности, представляют собою продукты нового труда, хотя труд этот совершался с помощью уже готовых средств производства. Но ценность продукта годового труда не то же, что продукт годового труда. Она возмещает еще и ценность прежнего труда, овеществленного в средствах производства. Стало-быть, та часть полного продукта, которая равна этой последней ценности, не принадлежит к продукту годового труда, но является воспроизводством прошлого труда.

*) Стр. 350—356 и стр. 368 рукописи. К.

Возьмем для примера продукт дневного труда каменноугольной копи, железодельного завода, лесопромышленного предприятия и машиностроительного завода. Предположим, что постоянный капитал во всех этих предприятиях равен одной трети суммы всех элементов капитала. Пусть ежедневный продукт этих предприятий будет z, z', z'', z''' . Эти продукты представляют собою определенные количества угля, железа, дерева и машин. В качестве таковых, они являются продуктами дневного труда, но в равной мере и продуктами потребляемых в течение дня сырых материалов, орудий производства, машин и т. д., участвовавших в дневном производстве. Пусть ценности их равны x, x', x'', x''' . Эти ценности не представляют собою продукта дневного труда, так как $\frac{x}{z}, \frac{x'}{z'}, \frac{x''}{z''}, \frac{x'''}{z'''}$ представляют лишь ценности, которыми обладали постоянные элементы прежде, чем они были употреблены в дневном труде. Стало-быть, и $\frac{x}{z}, \frac{x'}{z'}, \frac{x''}{z''}, \frac{x'''}{z'''}$ или треть произведенных потребительных ценностей, представляет собою ценность прежнего труда и постоянно возмещает его. z равно x ; однако, x есть ценность всего z ; но $\frac{1}{3} x$ равняется ценности

содержащегося в z сырого материала и т. п. Таким образом, $\frac{z}{3}$ есть часть дневного продукта труда (но не продукт дневного труда, а продукт присоединенного к нему ранее совершенного труда), в которой вновь проявляется и возмещается связанный с дневным трудом прежде совершенный труд. Всякая данная доля z —которое обозначает только количество действительных продуктов (железа, угля и т. д.)—состоит, в смысле ценности, на одну треть из прежде совершенного труда и на две трети из труда, вновь совершенного и приложенного в течение дня. Прежде совершенный труд и труд данного дня в одинаковой пропорции входят как в общую сумму продуктов, так и в каждый из отдельных продуктов, составляющих эту сумму. Но если разделить весь продукт на две части, кладя одну треть его на одну сторону и две трети на другую, то выйдет, как-будто одна треть представляет собою только прежде совершенный труд, а две другие трети—только труд данного дня. На самом деле первая треть представляет весь прежний труд, вошедший в продукт, всю ценность потребленных в промышленности средств производства. Стало-быть, остальные две трети могут представлять собою продукт дневного труда только после вычета этой трети. Они представляют собою все количество дневного труда, приложенного к средствам производства. Значит, последние две трети равняются доходу производителя (прибыли и заработной плате). Он может потребить их, т. е. затратить на предметы личного потребления.

Предположим, что эти две трети ежедневно производимого каменного угля покупаются потребителями или покупателями не на деньги, а в обмен на товары, которые в противном случае им пришлось бы, для покупки угля, предварительно превратить в деньги. Из этих двух третей часть угля идет на домашнее отопление и т. д., т. е. переходит в личное потребление самого производителя угля. Следовательно, эта часть не входит в обращение, или если она раньше уже вошла в него, то она извлекается обратно своим же собственным производителем. За вычетом из двух третей этой части, потребляемой самими производителями, все остальное количество должно быть обменено производителями на предметы личного потребления, если только они желают потребить его. При этом обмене им совершенно все равно, что именно обменивают на уголь продавцы предметов потребления: капитал или доход; другими словами, обменивает ли, например, фабрикант сукна свое сукно на уголь с тою целью, чтобы отоплять дом, служащий ему жилищем (в этом случае уголь, в свою очередь, становится для него предметом потребления, который он оплачивает из своего дохода некоторым количеством сукна, представляющим собою прибыль), или Джэмс, лакей фабриканта сукна, обменивает на уголь то сукно, которое он получил в качестве заработной платы (в этом случае уголь опять становится предметом потребления и обменивается на доход фабриканта, который, в свою очередь, предварительно обменял свой доход на непродуцируемый труд лакея), или, наконец, фабрикант обменивает сукно на уголь с целью возместить необходимый для его фабрики, но уже потребленный уголь.

В этом последнем случае сукно, даваемое в обмен фабрикантом сукна, представляет собою для него только постоянный капитал, только ценность его орудий производства; уголь же является для него не только ценностью, но и средством производства *in natura*. А для производителя угля сукно есть пред-

мет потребления, и как уголь, так и сукно представляют собою для него доход: уголь доход—в нереализованной форме, сукно—в реализованной.

Что же касается последней трети угля, то производитель не может затратить ее на покупку предметов личного потребления, не может употребить их как доход, она всецело принадлежит процессу производства (процессу воспроизводства) и должна быть превращена в железо, дерево, машины, в предметы, составляющие его постоянный капитал, без которых производство угля не может быть возобновлено, не может продолжаться. Конечно, он мог бы и эту треть обменять на предметы потребления (или, что то же самое, на деньги производителей этих предметов), но лишь с тем, чтобы эти предметы потребления обменялись обратно на железо, дерево, машины, т. е. с тем, чтобы они не вошли ни в его личное потребление, ни в число затрат его дохода, а лишь в потребление и затраты дохода производителей дерева, железа, машин, при чем эти производители, в свою очередь, могут затратить на предметы личного потребления только две трети своего продукта.

Но допустим, что уголь переходит в постоянный капитал производителей железа, дерева и машин. С другой стороны, железо, дерево, машины переходят в постоянный капитал углепромышленника. Поскольку эти их продукты перемещаются из капитала в капитал, как равные ценности, постольку производитель возмещает их друг другу *in natura*, и одному из них остается лишь заплатить другому баланс в размере излишка купленного над проданным. В действительности деньги в данном случае играют (благодаря векселям и т. п.) лишь роль платежного средства, а не монеты, не средства обращения, и служат только для уплаты баланса. Некоторая часть этой трети угля нужна углепромышленнику для продолжения его производства совершенно так же, как известная доля двух третей была взята им из продукта для своего личного потребления.

Все количество угля, железа, дерева и машин, которые, таким образом, взаимно возмещаются, путем обмена постоянного капитала на постоянный капитал, постоянного капитала в одной натуральной форме на постоянный капитал в другой натуральной форме, не имеет никакого отношения ни к обмену дохода на постоянный капитал, ни к обмену дохода на доход. Эта часть продукта играет точно такую же роль, какую семена в земледелии или заводский скот в скотоводстве. Эта часть годового продукта труда, но не продукт годового труда (точнее—это часть продукта годового труда плюс прежде совершенный труд). При неизменных условиях производства она ежегодно сама себя возмещает в качестве средств производства, в качестве постоянного капитала, не входя ни в какое другое обращение, кроме обращения между *dealers* и *dealers*, и не влияя на ценность той части продукта, которая вступает в процесс обращения между *dealers* и *consumers*.

Предположим, что вся треть угля, таким образом, обменивается *in natura* на его собственные элементы производства, на железо, дерево, машины (могло бы случиться, что она, например, обменивается непосредственно на одни только машины, при чем фабрикант машин, в свою очередь, обменивает ее как постоянный капитал, не только на свой собственный постоянный капитал, но также и на постоянный капитал производителей железа и дерева). Если полный продукт производителя угля равен, например, 30000 центнерам, то в качестве дохода он обменивает только 20000 центнеров. Остальные 10000 центнеров, согласно предположению, возмещаются железом, деревом, машинами и т. п., словом, вся ценность средств производства, потребленных в 30000 центнерах угля, возмещается *in natura* средствами производства того же рода и той же ценности. Таким образом, покупатель 20000 центн. на деле не платит ни гроша за ценность содержащегося в 20000 центнерах прежде совершенного труда. В самом деле, ведь 20000 центнеров представляют только те две трети ценности, в которых реализуется вновь приложенный труд. Это то же самое, как если бы 20000 центнеров представляли собою исключительно только вновь приложенный (например, в течение года) труд и вовсе не представляли бы труда прежде совершенного. Стало быть, покупатель оплачивает полную ценность каждого центнера: как прежде совершенный, так и вновь приложенный труд, и в то же самое время он платит только за вновь приложенный труд и это именно потому, что он покупает только эти 20000 центнеров, т. е. только ту часть всего продукта, которая равна полной ценности вновь приложенного труда. Столь же мало он платит и за семена землевладельца, оплачивая лишь пшеницу, которую потребляет. Производители возместили друг другу эту часть продукта; стало-быть, нет надобности возмещать ее вторично. Они возместили ее той частью своего собственного продукта, которая, будучи годовым продуктом их труда, отнюдь не является продуктом.

их годового труда, а, наоборот, представляет собою ту часть их годового продукта, которая соответствует прежде существовавшему труду. Без нового труда не было бы продукта, но его не было бы и без труда, овеществленного в средствах производства. Если бы он был продуктом только нового труда, то его ценность была бы меньше, чем она теперь, и тогда ни одну часть продукта не пришлось бы возвращать производству. Но если бы другой способ труда*) не был производительнее и не давал бы большего количества продукта, — несмотря на то, что часть продукта приходится возвращать производству, — то к нему не стали бы и прибегать.

Хотя ни одна часть ценности трети угля не вошла в 20000 проданных в качестве дохода центнеров, тем не менее всякое изменение ценности постоянного капитала, представляемого этой третью или 10000 центнеров, вызвало бы изменение в ценности остальных двух третей, продаваемых в качестве дохода.

Допустим, что производство железа, дерева, машин и т. д., словом тех элементов производства, к которым сводятся указанная треть продукта, становится дороже. Производительность же труда по добычанию угля остается прежняя. При помощи того же количества железа, дерева, угля, машин и труда производится попрежнему 30000 центн. угля. Но так как железо, дерево и машины стали дороже, стоят теперь больше рабочего времени, то за них теперь дают больше угля, нежели прежде.

Постоянный капитал стоит теперь на $\frac{6}{10}$, 60% больше, чем прежде, следовательно, если при прежней ценности он равнялся 10000 центнеров угля, то теперь он равняется 16000 центнеров. Так что если 1 центн. прежде стоил 1 ф. ст., то постоянный капитал стоит теперь 16000 ф. ст. вместо прежних 10000 фунтов. 20000 ф. ст., которые представляют вновь приложенный труд, стоят попрежнему 20000 ф. ст. Таким образом, ценность всего продукта теперь равняется 36000 ф. ст. вместо прежних 30000 ф. ст. Раньше центнер стоил 1 ф. ст.; теперь же он стоит $1\frac{1}{3}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 4 шилл. Ценность постоянного капитала составляла прежде $\frac{2}{3}$ (10000 из 30000 ф. ст.) ценности всего продукта, а теперь — $\frac{4}{9}$ (16000 из 36000), 10000 центн. угля, потребляемых производителями железа, дерева и т. п., стоят теперь 12000 ф. ст., в обмен на которые углепромышленник [снова покупает железо, дерево и т. п.]

Таким образом, мы получаем:

	Постоянный капитал.	Вновь приложенный труд.
Ценность = 36000 ф. ст.	16000 ф. ст. ($\frac{4}{9}$ продукта).	20000 ф. ст. (прежняя ценность = $\frac{2}{3}$ продукта).
Продукт = 30000 цент.	13333 $\frac{1}{3}$ центн.	16666 $\frac{2}{3}$ центн.

Труд углекопа не сделался менее производительным; но он оказывается менее производительным по отношению к сумме, составляемой продуктом труда углекопов + прежде совершенный труд; это значит, что для возмещения ценности постоянного капитала продукта нужно теперь на одну девятую часть больше, чем прежде. Ценность вновь приложенного труда обнимает на одну девятую часть меньше продукта, чем прежде.

Производители железа, дерева и т. п. попрежнему оплачивают 10000 центнеров угля. Прежде они им стоили 10000 ф. ст., а теперь 12000 ф. ст. Часть издержек постоянного капитала уравновесилась бы таким образом, благодаря тому, что им пришлось бы сделать добавочный расход на ту часть угля, которую они получают в возмещение железа и т. д. Но углепромышленник должен купить у них на 16000 ф. ст. сырых материалов и т. д. Ему надо, стало-быть, заплатить баланс в 40000 ф. ст., т. е. 3333 $\frac{1}{3}$ центн. угля. Следовательно, он попрежнему доставляет потребителям 16666 $\frac{2}{3}$ центн. + 3333 $\frac{1}{3}$ центн. = 20000 центн. угля, т. е. две трети продукта; но потребители должны теперь заплатить за них 24000 ф. ст. вместо 20000 ф. ст. Таким образом, они возместят ему не только вновь приложенный труд, но и часть постоянного капитала.

По отношению к потребителям дело будет обстоять весьма просто. Если они захотят потреблять прежнее количество угля, то им придется уплатить на одну пятую больше и, стало-быть, [соответственно] меньше затратить на другие продукты, предполагая, что издержки производства во всех отраслях промышленности остались без внимания. Трудность заключается лишь в том, ка-

*) Т. е. тот, при котором употребляются в дело ранее произведенные ценности. Прим. Г. В. Плеханова.

ким образом углепромышленник уплачивает 4000 ф. ст. за железо, дерево и т. д., в то время как производители этих последних не нуждаются в соответственном количестве угля? Он продал свои $3333\frac{1}{3}$ центн., равные этим 4000 ф. ст., потребителям угля, получив в обмен на них различные товары. Но они не могут пойти ни в его личное потребление, ни в потребление его рабочих, а должны быть потреблены производителями железа, дерева и т. д., так как этими предметами он должен возместить ценность $3333\frac{1}{3}$ центн. угля. Скажут: дело очень просто! Теперь все потребители угля должны потребить меньше [на 4000 ф. ст.] количество всех остальных товаров или каждый даст [соответственно] больше своего товара за уголь. И это-то [больше] потребляют производители дерева, железа и т. д. Однако, *prima facie* трудно понять, каким образом изменение производительности труда в железодельательной и машиностроительной промышленности, в рубке леса и т. д. дает их производителям возможность потреблять больший по сравнению с прежним доход: мы предполагаем, что цена их изделий равна их ценности, и, стало-быть, повышается лишь в соответствии с уменьшенным производительностью труда.

Нами допущено, что ценность железа, дерева, машин увеличилась на три пятых, на 60%. Это может произойти только по двум причинам. Или потому, что производство железа, дерева и т. п. стало менее производительным, т. е. уменьшилась производительность применяемого там живого труда, вследствие чего необходимо прилагать большее количество труда для изготовления того же продукта. В этом случае производителям пришлось бы прилагать на три пятых больше труда, нежели прежде. Норма заработной платы осталась та же, так как изменение производительности труда лишь временно коснулось некоторых продуктов. Следовательно, и норма прибавочной ценности осталась прежней. Производителю нужно 24 рабочих дня там, где прежде ему нужно было только 15, но он платит рабочим попрежнему только за 10 часов каждого из этих 24 дней и попрежнему заставляет их каждый день работать 2 часа безвозмездно. Так что если рабочие в течение 15 дней работали 150 часов на себя и 30—на него, то в течение 24 дней они работают 240 часов на себя и 48 часов на него. Норма прибыли нас здесь не интересует. Заработная же плата уменьшилась бы лишь в той мере, в какой она расходовалась бы на железо, дерево и т. д., т. е. на машины, что не имеет здесь места. 24 рабочих потребляют теперь на три пятых больше в сравнении с прежними 15-ю. Значит, производители угля могут быть им теперь соответственно большую часть ценности $3333\frac{1}{3}$ центнеров.

Но изменение производительности в железодельательной, лесной и пр. промышленности может также зависеть и от того, что вздорожали части их постоянного капитала, их средств производства. Тогда выступит опять та же самая альтернатива [для другой сферы производства], и, в конце концов, изменение производительности должно свестись к увеличению количества приложенного живого труда, а стало-быть и к увеличению заработной платы, которую потребители угля покрывают частью 4000 ф. ст.

В тех отраслях производства, где применен был прибавочный труд, возросла, вследствие увеличения числа занятых рабочих, и масса прибавочной ценности. С другой стороны, норма прибыли настолько же упала, насколько [повысилась] ценность элементов постоянного капитала. Но если их затраченный на заработную плату оборотный капитал возрос сильнее, нежели подлежащая возмещению часть их постоянного капитала, то возросла также и норма прибыли, и эти отрасли производства участвуют в потреблении доли 4000 ф. ст.

Относительно той части постоянного капитала, которая обменивается *in natura*, изменение ценности дела не меняет. Попрежнему то же самое количество железа, дерева, угля обменивается *in natura* для возмещения изношенного железа, дерева, угля, и повышение цен здесь взаимно уравновешивается. Но излишек угля, составляющий теперь для углепромышленника часть его постоянного капитала и не входящий в этот натуральный обмен, обменивается попрежнему на доход (в только-что приведенном случае — не только на заработную плату, но и отчасти и на прибыль), с тою лишь разницей, что доход этот достается не прежним потребителям, а тем производителям, в производстве которых применено было большее количество труда, т. е. возросло число рабочих.

Если в какой-либо отрасли промышленности производятся продукты, служащие исключительно для индивидуального потребления, не входящие ни в какую-либо другую отрасль промышленности в качестве средств производства (под средствами производства здесь подразумевается только постоянный капитал), ни в процесс собственного воспроизводства (что бывает, например, в земледелии, скотоводстве, углепромышленности, где часть угля потребляется, как вспомогательное

вещество), то годовой продукт этой отрасли промышленности (возможное увеличение годового продукта не имеет значения для данного вопроса) всегда должен быть оплачен из дохода, т. е. из заработной платы и прибыли.

Могло показаться, однако, странным то, сделанное нами выше, предположение, согласно которому производительность труда в данной отрасли промышленности осталась та же, а между тем, при оценке производительности живого труда этой отрасли количеством его собственного продукта, производительность эта оказывается пониженной. Но дело объясняется очень просто.

Предположим, что продукт труда прядильщика составляет пять фунтов пряжи. Предположим также; что для его производства ему нужно 5 фунтов хлопчатой бумаги (отброса, стало-быть, нет); пусть фунт пряжи стоит один шиллинг; мы не принимаем в соображение машин и предполагаем, что их ценность не понижалась и не повысилась, стало-быть, для данного случая она равна нулю. Пусть фунт хлопка стоит 8 пенсов. Из 5 шиллингов, составляющих цену пяти фунтов пряжи, 40 пенсов приходится на хлопчатую бумагу и 20 пенсов на вновь приложенный труд. Из всего продукта— $3\frac{1}{2}$ ф. пряжи приходится на долю постоянного капитала и $1\frac{2}{3}$ фунта на долю труда. Стало-быть, две трети 5 фунтов пряжи возмещают постоянный капитал, а одна треть есть та часть продукта, которая оплачивает труд.

Допустим, что цена фунта хлопка поднялась на 50%, с 8 пенс. на 12 пенс.—или на 1 шилл. Тогда 5 фунтов пряжи стоят: 5 шилл. за 5 фунт. хлопка и 20 пенс. = 1 шилл. 8 пенс. за вновь приложенный труд, количество которого, а стало-быть и ценность, выраженные в деньгах, остаются без переменны. Таким образом, 5 фунтов пряжи стоят теперь 5 шилл. + 1 шилл. 8 пенс. = 6 шилл. 8 пенс. = 80 пенс. Труд составляет теперь только четвертую часть ценности всего продукта, 20 пенс. из 80, между тем как раньше он был равен одной трети (20 пенс. : 60 пенс.). С другой стороны, сырой материал составляет теперь три четверти, а раньше составлял только две трети ценности всего продукта. Так как 5 фунт. пряжи стоят теперь 80 пенс., то 1 фунт обходится в $\frac{80}{5}$ = 16 пенс. 20 пенс. — ценность вновь приложенного труда (заработная плата и прибыль)—соответствует теперь $1\frac{1}{4}$ фунта пряжи, а раньше соответствовали $1\frac{2}{3}$ фунта. Оцениваемый в его собственном продукте, труд стал, значит, менее производительным, несмотря на то, что его производительность, вообще говоря, осталась прежней и только вздорожал сырой материал. Труд, повторяем, сохранил прежнюю производительность, так как то же его количество превращает в течение того же времени 5 фунтов хлопка в 5 фунтов пряжи и так как настоящим продуктом этого труда (в смысле потребительной ценности) является лишь принятая хлопком форма пряжи. Пять фунтов хлопка приняты теперь, как принимали и прежде, форму пряжи при посредстве того же количества труда. Но действительный продукт состоит не только из этой формы пряжи, а также и из необработанного хлопка, т. е. из того вещества, которому была придана его форма, и ценность этого вещества составляет теперь по отношению к труду, придающему форму большую, чем прежде, часть продукта. Поэтому то же количество труда прядильщика оплачивается меньшим количеством пряжи, иначе сказать, уменьшается доля продукта, возмещающая этот труд.

* * *

Переменный капитал сводится к доходу, во-первых, к заработной плате, во-вторых, к прибыли. Поэтому если капитал рассматривается в противоположности к доходу, то постоянный капитал является капиталом в собственном смысле слова, тою частью продукта, которая принадлежит производству и входит в его издержки, не будучи никем индивидуально потребляема (исключение составляет рабочий скот). Эта часть, может-быть, целиком образовалась из прибыли и заработной платы. В последнем счете только таким путем она и образуется; она составляет продукт труда, но такого труда, который своим доходом считает сами орудия производств, как дикарь свой лук. Но, раз превратившись в постоянный капитал, эта часть продукта перестает раснадеваться на заработную плату и прибыль, хотя ее воспроизводство и порождает заработную плату и прибыль. Этой части принадлежит известная доля продукта. Всякий новый продукт является продуктом этого прошлого и нового труда. Новый труд может продолжаться лишь постольку, поскольку он возвращает производству некоторую часть продукта; он должен in natura возместить постоянный капитал. Становясь производительнее, он увеличивает количество продукта, но отнюдь не его ценность,—эта последняя уменьшается. Становясь менее произво-

дительно, он увеличивает ценность продукта. В первом случае возрастает та доля продукта, которая состоит из прошлого труда; во втором—она уменьшается. В первом случае живой труд становится более производительным, во втором— менее производительным.

* * *

К числу условий, вызывающих уменьшение издержек на постоянный капитал, относится также облагороженное сырое материала. Так, например, в течение данного времени нельзя произвести одно и то же количество пряжи как из хорошего, так и из плохого материала, не говоря уже об относительной массе отбросов.

4. Обмен дохода и капитала *)

Следует различать: 1) ту часть дохода, которая превращается в новый капитал, т.е. ту часть прибыли, которая снова капитализируется. Ее мы здесь вовсе не будем рассматривать. Это относится к отделу о накоплении. 2) Тот доход, который обменивается на потребляемый в производстве капитал, так что при этом не образуется новый капитал, а возмещается, одним словом сохраняется старый. Стало-быть, ту часть дохода, которая превращается в новый капитал, мы можем приравнять к нулю.

Таким образом, вся масса годового продукта подразделяется на две части: одна часть потребляется в качестве дохода, другая возмещает потребленный in natura постоянный капитал.

Доход обменивается на доход в том случае, когда, например, производитель полотна из той части своего продукта, которая представляет их прибыли и заработные их платы, т.е. их доход, обменивают некоторую долю на хлеб, составляющий часть прибыли и заработной платы земледельца. Здесь мы видим обмен полотна на хлеб,—обмен между двумя товарами, которые оба войдут в индивидуальное потребление, обмен дохода в форме холста на доход, в форме хлеба. Тут нет никакой трудности. Если предназначаемые для личного потребления продукты произведены в пропорциях, соответствующих потребностям, если, стало-быть, пропорционально распределены соответственные количества общественного труда, необходимые для их производства (чего, конечно, в точности никогда не бывает, но происходят обыкновенно отклонения, диспропорциональности, которые, как таковые, уравниваются; так что само постоянно-уравнительное движение предполагает постоянную наличность непропорциональности), то доход, например, в форме полотна, существует как-раз в таком количестве, в каком он нужен, как средство потребления, так что он возмещается средствами потребления других производителей. То, что потребляется производителем полотна в виде хлеба, потребляется земледельцем в виде полотна. Стало-быть, та соответствующая доходу часть его продукта, которую он даёт в обмен на другие товары (предметы потребления); принимается в обмен производителями этих других товаров, как средство потребления. То, что потребляется им в виде продуктов других лиц, потребляется другими лицами в виде продуктов **).

*) Стр. 379—390 рукописи. К.

**) Кстати заметим: если затрачиваемое на приготовление продукта рабочее время не превышает общественно-необходимого—т.е. не больше того, которое в среднем нужно для производства данного товара,—то это результат капиталистического способа производства, которое даже постоянно понижает минимум необходимого рабочего времени. Но для этого производство должно совершаться в постоянно увеличивающихся размерах.

Если 1 арш. полотна обходится в 1 час труда, и если это есть необходимое для его производства рабочее время; которое обществу приходится затрачивать для удовлетворения своей потребности в аршине полотна, то отсюда еще совсем не следует, что при производстве 12 миллионов аршин, т.е. при затрате 12 милл. рабочих часов или 1 миллиона рабочих дней, при 1 миллионе рабочих, занятых в ткацком промысле, обществу должно „необходимо“ затрачивать именно такую часть своего рабочего времени на ткань полотна. Дано необходимое рабочее время, т.е. дано то количество полотна, которое может быть произведено в течение одного дня; спрашивается, сколько таких дней должно быть затрачено на производство полотна? Отношение общего количества рабо-

Относительно той части дохода в какой-либо отрасли производства (предметов личного потребления), которая потребляется в форме дохода другой отрасли производства, можно утверждать, что спрос равен предложению (поскольку производство ведется в должной пропорциональности). Дело обстоит так, как будто каждый сам потребляет эту часть своего дохода. Здесь имеет место только формальная метаморфоза товара: Т—Д—Т, полотно—деньги—пшеница.

Оба товара, вступающие во взаимный обмен, представляют собой здесь лишь часть вновь приложенного в течение года труда. Но, во-первых, ясно, что этого рода обмен, когда каждый из двух производителей потребляет соответствующую его доходу часть своего продукта в товаре другого, имеет место только в отраслях производства, доставляющих продукты личного потребления, т. е. такие продукты, которые прямо входят в личное потребление и на покупку которых доход может быть употреблен, как доход. Во-вторых, не менее ясно и следующее: только применительно к этой части обмена продуктов можно

чего времени, затрачиваемого в данной отрасли производства, ко всему рабочему времени, находящемуся в распоряжении общества, может быть выше или ниже правильного отношения. Несмотря на то, что каждая доля продукта содержит только необходимое для ее изготовления рабочее время, или несмотря на то, что каждая доля затраченного рабочего времени была необходима для создания соответствующей ей доли всего продукта. С этой точки зрения необходимое рабочее время получает другой смысл. Спрашивается, в каких количествах само необходимое рабочее время распределяется между различными сферами производства?

Конкуренция постоянно регулирует это распределение подобно тому, как она же постоянно и нарушает его. Если в какой-нибудь отрасли затрачено слишком большое количество общественного рабочего времени, то эквивалент все-таки может быть уплачен только в том размере, как будто затрачено необходимое количество. Значит вся масса продукта (одной сферы) — т. е. ценность всей этой массы — равняется в этом случае не тому рабочему времени, которое в ней содержится, а тому рабочему времени, которое должно было быть пропорционально затрачено, если бы вся масса этого продукта была пропорциональна производству в других сферах. Но поскольку цена всей массы продукта падает ниже ее ценности, постольку же падает цена каждой отдельной доли продукта. Если произведено 6000 арш. полотна (вместо 4000, считая ценность 4000 арш. = 8000 шиллингов), то эти 6000 арш. полотна будут проданы за 8000 шиллингов. Цена аршина [в последнем случае] равна $1\frac{1}{3}$ шилл. вместо 2 шилл., т. е. она на одну треть ниже своей ценности. Значит, это то же самое, как если бы на производство каждого аршина полотна ушло на одну треть больше времени, чем необходимо. Принимая, что товар имеет потребительную ценность, факт падения его цены ниже его ценности показывает, что хотя на каждую часть продукта затрачено было лишь общественно-необходимое рабочее время (здесь предполагается, что условия производства не изменились), но на всю отрасль промышленности в целом затрачено было лишнее время, превышающее то его количество, которое общественно-необходимо.

Совсем другое дело — понижение относительной ценности товара вследствие изменившихся условий производства [этого товара или других]. Данный кусок полотна, находящийся на рынке, стоил 2 шиллинга, равных, положим, одному рабочему дню. Но он ежедневно может быть воспроизведен за 1 шилл. Так как ценность определяется общественно-необходимым рабочим временем, а не тем временем, которое нужно отдельному производителю, то день, нужный этому производителю для производства одного аршина полотна, в действительности равняется только половине общественно-определенного [рабочего] дня. Падение цены аршина его полотна с 2 шилл. на 1 шилл., т. е. падение его цены ниже той ценности, в которую он ему обошелся, указывает только на изменение условий производства, т. е. на перемену в самом необходимом рабочем времени.

С другой стороны, если излишки производства полотна остаются без изменения и, наоборот, возрастают издержки производства нескольких других предметов, только не золота, т. е. не денежного материала, напр., пшеницы, меди и т. д., одним словом, предметов, не входящих в состав полотна, то 1 арш. полотна попрежнему будет стоить 2 шилл. Его цена не понизится; но его относительная ценность, выраженная в пшенице, меди и т. д., уменьшится.

сказать, что предложение со стороны производителя равно спросу с его стороны на другие продукты, которые он хочет потребить. В самом деле, здесь речь идет только о простом товарном обмене. Вместо того, чтобы самому производить для себя средства существования, он производит их для других, а те для него. Здесь нет ничего похожего на отношение дохода к капиталу. Доход в форме одних предметов потребления обменивается на доход в форме других предметов. Словом, предметы потребления обмениваются на предметы потребления. Процесс их обмена определяется не тем, что и те, и другие представляют собою доход, а тем, что и те, и другие представляют собою предметы потребления. Определенная форма их, как дохода, здесь вовсе не проявляется. Правда, она обнаруживается в потребительной ценности взаимно обменивающихся товаров, в том, что и те, и другие идут в индивидуальное потребление, но это означает только то, что одна часть предметов потребления обменивается на другую их часть. Форма дохода может играть роль и обнаруживаться только там, где ей противостоят формы капитала. Но даже и в этом случае неверно то утверждение Сая и других вульгарных экономистов, что если А не в состоянии продать свое полотно, т. е. ту часть своего полотна, которую он сам намеревается потребить в качестве дохода, или если он продает ее только ниже ее цены, так это потому, что В, С и т. д. произвели слишком мало хлеба, мяса и т. д. Возможно, что это происходит потому, что они произвели недостаточное их количество; но это может произойти также и потому, что А произвел слишком много полотна. В самом деле, если даже предположить, что у В, С и т. д. достаточно пшеницы и т. д. для закупки всего полотна А, то они все-таки не купят его потому, что ими потребляется лишь определенное количество полотна. Или может быть, что А потому не в состоянии продать полотно, что он произвел его в количестве, превышающем ту часть их дохода, которая вообще может быть израсходована на материалы для одежды, так как каждый в состоянии затратить только определенное количество своего продукта в виде дохода, между тем как А производит такое количество полотна, которое предполагает больший доход, чем тот, который имеется. Но смешно думать, что там, где дело идет только об обмене дохода на доход, предметом требования является не потребительная ценность продукта, а количество этой потребительной ценности; смешно забывать, что при этом обмене речь идет только об удовлетворении потребности, а не о количестве, как это бывает там, где речь идет о меновой ценности.

Но каждый хочет иметь побольше продукта! Если этим разрешается затруднение, то совершенно нельзя понять, почему бы производителю полотна вместо того, чтобы обменивать свое полотно на другие предметы потребления и накапливать их en masse, почему бы ему не прибегнуть к более простому процессу и не потребить часть своего дохода в виде излишнего полотна. Почему вообще он превращает свой доход из формы полотна в другие формы? Потому что, кроме потребности в полотне, у него есть еще другие потребности. Почему он сам потребляет только определенную часть полотна? Потому, что только количественно-определенная часть полотна представляет для него потребительную ценность. Но то же самое относится и к В, С, и т. д. Когда В продает вино, С — книги, D — зеркала, то они, может-быть, предпочитают потреблять излишек своего дохода в виде собственных своих продуктов, вина, книг и зеркал, а не в форме холста. Стало-быть, нельзя с безусловной уверенностью утверждать, что если А совсем не может превратить (или не может превратить по действительной его ценности) свой—состоящий из полотна—доход в вино, книги, зеркала, то это значит, что произведено слишком мало вина, книг, зеркал. Но еще более смешно видеть в этом обмене дохода на доход—т. е. незначительной части товарного обмена—весь товарный обмен.

Итак, с частью продукта мы справились. Часть предметов потребления перемещается из рук в руки в среде самих производителей этих предметов. Каждый из них потребляет часть своего дохода (прибыли и заработной платы) не в виде своего собственного предмета потребления, а в виде предмета потребления другого, и притом каждый может поступить так только в той мере, в какой другим тоже потребляется чужой продукт, а не свой собственный. Выходит так, как будто бы каждый потребляет ту часть своего продукта, которая представляет его собственный доход.

Но что касается всех остальных продуктов, то их меновые отношения более сложны, так как тут обмениваемые товары противостоят друг другу как доход и капитал, а не только как доход.

Но прежде всего заметим. Во всех отраслях производства часть продукта.

представляет собою доход, труд, приложенный в течение года, т.е. прибыль и заработную плату. Рента, процент и т. д. являются частями прибыли; доходы чиновников *)—частями прибыли и заработной платы; доход других непродуцительных работников есть та часть прибыли и заработной платы, которую они покупают своим непродуцительным трудом, стало-быть, он не увеличивает количества продукта, существующего в виде прибыли и заработной платы, а только определяет, какая часть продукта приходится на его долю и какая—на долю продуцительных рабочих и капиталистов.

Только в некоторых отраслях производства часть продукта, представляющая доход, может непосредственно *in natura* стать доходом или быть потребленной, как потребительная ценность, в качестве дохода. Продукты, служащие средствами производства, не могут быть потреблены в качестве дохода *in natura*, в своей непосредственной форме; потребленной в этом виде может быть только их ценность. Правда, некоторая часть средств производства может служить и для непосредственного потребления,—смотря по своему назначению,—например, лошадь, телега и т. п. С другой стороны, известная часть непосредственных средств потребления может быть употреблена также и в качестве средств производства, как, например, рожь для выкуривания спирта, пшеница для обсеменения и т. п. Можно сказать, что почти все предметы потребления могут снова входить в процесс производства в виде отбросов потребления, как, например, старые полусгнившие тряпки в бумажное производство. Никто, однако, не производит полотна с тем, чтобы оно служило, в виде тряпья, сырым материалом для производства бумаги. Полотно получает эту форму только после того, как продукт ткацкого производства, как таковой, сделался предметом личного потребления. Только как отброс потребления, как остаток и продукт потребительного процесса, оно может потом опять войти в другую продуцительную сферу в качестве средства производства. Стало-быть, этот случай сюда не относится.

Как бы то ни было, существует целый ряд таких продуктов, часть которых, соответствующая доходу, может быть потреблена их собственными продуцителями в качестве ценности, но не в качестве потребительной ценности. Таким образом, продуцителям приходится в целях потребления продавать, например, ту часть своих машин, которая представляет собою заработную плату и прибыль, потому что в виде машин она не может непосредственно удовлетворять ни одной индивидуальной потребности. Равным образом эти продукты не могут идти в индивидуальное потребление, не могут быть потреблены продуцителями других продуктов, стало-быть, не относятся к числу таких продуктов, на которые расходуется их доход: это противоречит свойствам их потребительной ценности, по самой природе своей исключаящей индивидуальное потребление.

Продуцители этих негодных для индивидуального потребления продуктов могут потребить только их меновую ценность, т.е. они должны прежде превратить их в деньги, а потом превратить эти деньги в годные для потребления товары. Но кому же они должны продать их. Продуцителям других, негодных для индивидуального потребления продуктов? Тогда вместо одного негодного для личного потребления продукта у них оказался бы другой такой же продукт. Но мы предположили, что эта часть продуктов составляет их доход, что они продают ее с целью потребить ее ценность в виде предметов личного потребления. Следовательно, они могут продавать ее только продуцителям продуктов, идущих в индивидуальное потребление.

Эта часть товарного обмена представляют собою обмен капитала одного на доход другого или дохода одного на капитал другого.

Только некоторая часть всего продукта продуцителя предметов потребления представляет собою доход; остальная часть представляет собою постоянный капитал. Эта вторая часть не может быть ни потреблена им, ни обменена на предметы потребления других продуцителей. Он не может потребить ее потребительную ценность *in natura*; он не может также потребить ее меновую ценность, обменяв ее на другие предметы потребления. Он должен превращать ее в естественные элементы своего постоянного капитала. Эту часть своего продукта он должен потребить промышленно (*industriell*), т.е. использовать в виде средств производства. Но его собственный продукт, по природе своей потребительной ценности, способен идти только в личное потребление; стало-быть, продуцитель не может превратить его *in natura* снова в элементы своего соб.

*) Здесь Маркс употребляет слишком оскорбительное для нежных нервов выражение, которое я не решаюсь поместить в печатном тексте. К.

ственного производства. Природа его потребительной ценности исключает возможность его промышленного потребления. Стало-быть, производитель может потребить его ценность только промышленно. Этой части своего продукта он не может потребить ни *in natura*, ни как меновую ценность, посредством обмена на другие предметы индивидуального потребления. И подобно тому, как она не может быть его собственным доходом, она не может быть и возмещена из дохода производителей других предметов индивидуального потребления, так как это было бы возможно лишь в том случае, если бы он обменивал свой продукт на их продукты, другими словами—если бы он потребил ценность своего продукта, что невозможно. Но так как эта часть его продукта,—подобно другой части, потребляемой в качестве дохода—по природе своей потребительной ценности может быть потреблена только как доход, перейдя в личное потребление, и не может возместить постоянный капитал, то ясно, что она должна войти в доход производителей продуктов, негодных для личного потребления; должна идти в обмен на ту долю их продуктов, ценность которой они могут потребить и которая составляет их доход.

Если рассматривать этот обмен с точки зрения каждого из участников его, то для А, производителя предметов потребления, он представляет собою процесс превращения капитала в капитал. А превращает обратно долю всего своего продукта, равную ценности заключающегося в нем постоянного капитала, в ту естественную форму, в которой она может играть роль постоянного капитала. Как до обмена, так и после него, ценность упомянутой доли продукта представляет постоянный капитал. Напротив, для В, производителя продуктов, негодных для личного потребления, обмен сводится лишь к превращению одной формы дохода в другую. В превращает долю всего своего продукта, составляющую его доход и равную той части продукта, которая представляет собою вновь приложенный труд, в натуральную форму только для того, чтобы потребить ее в качестве дохода. Как до обмена, так и после него ценность этой доли продукта В представляет собою только его доход.

Стало-быть, взаимное отношение обеих сторон таково: А обменивает свой постоянный капитал на доход В, и В свой доход на капитал А; доход В возмещает постоянный капитал А, и постоянный капитал А возмещает доход В.

В самом процессе обмена, независимо от целей его участников, противостоят друг другу только товары, и происходит простой обмен товаров, которые относятся друг к другу только как товары и для которых одинаково не имеют значения определения: доход и капитал. Только различная природа потребительной ценности этих товаров обнаруживает, что одни из них служат исключительно для промышленного, а другие—для личного потребления. Но различие способов применения различных потребительных ценностей различных товаров относится к области потребления и совершенно не касается процесса обмена их, как товаров. Иное дело, когда капитал капиталиста превращается в заработную плату, а труд—в капитал. В этом случае товары противостоят друг другу не как простые товары, но капитал, как таковой, противостоит товару—рабочей силе, создающей прибавочную ценность. Но в только-что рассмотренном процессе обмена продавец и покупатель выступают друг против друга исключительно, как таковые, исключительно, как простые товаровладельцы.

Кроме того, ясно: все продукты, предназначенные исключительно для индивидуального потребления, или все продукты, идущие на индивидуальное потребление, могут быть обмениваемы только на доход. Они не могут потребляться промышленно: но это значит, они могут потребляться только в качестве дохода, т.-е. индивидуально. Превращение прибыли в капитал, как было замечено выше, здесь не принимается в расчет.

Положим, что А производитель какого-нибудь предмета личного потребления, при чем его доход равен одной трети всей совокупности его продукта, а постоянный капитал—двум третям. Первую треть он потребляет, согласно предположению, сам—все равно, целиком ли *in natura*, или же только частью, или, наконец, вовсе не в ее натуральном виде, а обменивая ее ценность на другие продукты потребления; в этом последнем случае продавцы этих продуктов потребляют свой доход в виде продукта А. Таким образом, та часть предметов потребления, которая представляет собою доход их производителей, потребляется ими прямо или косвенно посредством взаимного обмена нужных им продуктов, при чем доход обменивается на доход. Но эта часть представляет собою то количество труда, которое приложила в течение года группа производителей А к своему постоянному капиталу; а это количество равно всей сумме заработных плат и прибылей, произведенных группой А, в течение года.

Остальные две трети продукта А равны ценности постоянного капитала и, стало-быть, должны быть возмещаемы продуктом годового труда группы В, которая поставляет только продукты, служащие не для индивидуального, а для промышленного потребления, входящие в производительный процесс в качестве средств производства. Но так как эти две трети продукта А, подобно первой его трети, предназначены для индивидуального потребления, то они берутся производителями группы В в обмен на ту долю их продукта, которая представляет их доход. Таким образом, группа А обменила постоянную часть своего продукта на его первоначальные натуральные формы, превратив ее во вновь созданные продукты группы В, группа же В заплатила за нее исключительно той же частью своего продукта, которая представляет ее доход, но может быть потреблена ею только в виде продукта А. Следовательно, он заплатил за нее своим вновь приложенным трудом, реализованным всецело в той части В, которая обменивается на последние две трети продукта А. Стало-быть, продукт А обменивается на доход, т.-е. целиком входит в индивидуальное потребление. С другой стороны, весь доход общества затрачивается на продукты А, так как, согласно условию, превращение дохода в капитал оставлено в стороне, приравнено к нулю, и так как производители А, равно как и производители В потребляют свой доход в продуктах А, других же групп, помимо этих, не существует.

Продукт А потребляется целиком, несмотря на то, что в нем содержатся две трети постоянного капитала, которые не могут быть потреблены производителями А, но должны быть превращены в натуральную форму элементов их производства. Продукт А, взятый в его целом, равен доходу общества, взятому в его целом. А доход общества, взятый в его целом, представляет собою сумму рабочего времени, приложенную этим обществом в течение года к наличному постоянному капиталу. Таким образом, хотя продукт А только на одну треть состоит из вновь приложенного труда, а на две трети из прежнего, подлежащего возмещению труда, но тем не менее весь этот продукт А может быть куплен исключительно на вновь приложенный труд, потому что две трети этого годового труда должны быть потреблены не в виде их собственных продуктов, а в виде продуктов А. А возмещается количеством вновь приложенного труда, на две трети превышающим тот вновь приложенный труд, который содержится в нем самом, потому что эти две трети представляют собою труд, вновь приложенный группою В, а В может потребить эти две трети лишь индивидуально, лишь в форме А, подобно тому, как А может потребить эти две трети только производительно, в В. Таким образом, и весь продукт А может быть потреблен как доход, и его постоянный капитал может быть при этом возмещен. Точнее будет сказать, что он потому именно и потребляется целиком, как доход, что две трети его возмещаются производителями постоянного капитала, которые лишены возможности потреблять in natura соответствующую доходу долю своего собственного продукта и вынуждены потреблять ее в виде А, т.-е. посредством обмена на две трети А.

Итак, мы справились с последними двумя третями А. Ясно, что дело несколько не меняется, если существует третья категория С, продукты которой могут быть потребляемы как промышленно, так и индивидуально, например, рожь, служащая пищей для людей или для скота, или семена, лошади, скот, телеги и т. п. Поскольку эти продукты входят в индивидуальное потребление, постольку они должны быть прямо или косвенно потреблены, как доход, своими собственными производителями и производителями той доли постоянного капитала, которая в них содержится. А поскольку они не входят в индивидуальное потребление, постольку они относятся к группе В.

Процесс обмена второго рода, где обмениваются не доход на доход, а капитал на доход, где, в конце концов, весь постоянный капитал должен свестись к доходу, т.-е. ко вновь приложенному труду, может быть представлен двояко. Допустим, что продукт А есть его полотно. Две трети полотна, равные постоянному капиталу А или его стоимости, оплачивают пряжу, машины, вспомогательные вещества. Но фабриканты пряжи и машин в состоянии потребить лишь такое количество продукта А, какое представляет их собственный доход. Фабрикант полотна оплачивает всю ценность пряжи и машин двумя третями своего продукта. Этим он возмещает прядильщику и фабриканту машин весь их продукт, вошедший в полотно в качестве постоянного капитала. Но их продукт, в свою очередь, равен постоянному капиталу плюс доход, т.-е. равен части приложенного прядильщиком и фабрикантом машин труда плюс другая часть, представляющая собою стоимость их собственных средств производства, т.-е. цен-

ность льна, масла, машин, угля и т. д.—для прядильщика, угля, железа, машин—для фабриканта машин. Таким образом [две трети полотна, равные] постоянному капиталу А, возместили весь продукт прядильщика и фабриканта машин: их постоянный капитал и приложенный ими труд. Но в продуктах А они могут потреблять только свой доход. Вычтя из двух третей А часть, равную своему доходу, они на остаток покупают для себя сырье и машины. А в этих последних, согласно предположению, уже не приходится возмещать никакого постоянного капитала. Из них продукта в продукт А, а стало-быть и в продукты, служащие средствами производства А, может войти лишь такая часть, какую А в состоянии оплатить. Но А может своими двумя третями оплатить лишь столько, сколько В в состоянии купить на свой доход, т. е. столько, сколько продукт, обмениваемый В, представляет собой дохода, или вновь приложенного труда. Если бы производители последних элементов производства А, прядильщики, захотели продать такое количество своего продукта, которое представляет часть их собственного постоянного капитала и которое превышает труд, приложенный ими к постоянному капиталу, то они в уплату за нее не могли бы взять продукты А, так как были бы лишены возможности потребить некоторую часть этих продуктов. Таким образом происходит обратное.

Представим процесс в обратной последовательности. Предположим, что все полотно [по ценности] равнялось 12 дням. Пусть продукт возделывателя льна, железозаводчика и т. д. равен 4 дням; этот продукт продается прядильщику и фабриканту машин, которые прибавляют к нему еще 4 рабочих дня; они, в свою очередь, продают его ткачу, прибавляющему еще 4 дня. Третью часть своего продукта ткач может потребить лично; 8 дней возмещают ему постоянный капитал и оплачивают продукт прядильщика и фабриканта машин. Прядильщик и фабрикант машин из 8 дней могут потребить 4, остальные же 4 они платят возделывателю льна и т. д., восставляя таким образом свой постоянный капитал. Возделывателю льна и т. д. остается возместить 4 днями в форме полотна только свой труд. Доход, хотя и одинаковый во всех трех случаях,—равный, по предположению, 4 дням,—входит тем не менее в различных пропорциях в продукты трех классов производства, участвующих в производстве продукта А. Для ткача этот доход составляет треть его продукта; для прядильщика и фабриканта машин—половину их продукта; для возделывателя льна доход равен всему его продукту. Но по отношению ко всей совокупности продукта доход [всюду] остается одинаковым, равняясь одной трети 12. Однако, с точки зрения ткача, вновь приложенный труд прядильщика, фабриканта машин и возделывателя льна представляется в виде постоянного капитала; с точки зрения прядильщика и фабриканта машин труд, вновь приложенный как ими самими, так и возделывателем льна, представляется совокупностью продукта, а рабочее время возделывателя льна постоянным капиталом. Этот призрак постоянного капитала исчезает на точке зрения возделывателя льна.

Само собою разумеется, что новым трудом должна быть возмещена только та часть постоянного капитала группы А, которая входит в процесс производства А, т. е. потребляется во время процесса труда. Целиком в процесс труда входят: сырой материал, вспомогательные вещества и изнашивание основного капитала. Остальная часть основного капитала не входит в этот процесс, а, стало-быть, не подлежит и возмещению.

Значительная часть постоянного наличного капитала,—значительная в соответствии с тем отношением, которое существует между основным капиталом и всей совокупностью капитала,—не подлежит, стало-быть, ежегодному возмещению новым трудом. Вся эта часть постоянного капитала в А и В, служа определяющим фактором в определении нормы прибыли при данной величине прибавочной ценности, не имеет определяющего значения в текущем процессе воспроизводства основного капитала. Чем больше эта часть по отношению ко всей совокупности капитала,—чем больше размеры необходимого для производства основного капитала,—тем больше будет размер текущего воспроизводства, совершаемого для возмещения изношенного основного капитала, но тем меньше величина этого воспроизводства по сравнению со всей совокупностью капитала.

Предположим, что среднее время воспроизводства всех видов основного капитала равняется десяти годам.

Предположим, далее, что различные виды основного капитала совершают полный оборот в течение 30, 20, 17, 15, 12, 11, 10, 8, 6, 4, 3, 2, 1½, 1/3 лет (14 видов). Тогда средний оборот основного капитала равен десяти годам.

Стало-быть, в среднем на возмещение основного капитала нужно 10 лет.

Если весь основной капитал составляет $\frac{1}{10}$ всего капитала в целом, то каждый год должна быть возмещена $\frac{1}{100}$ всего капитала.

Но сравним теперь основные капиталы с различными периодами воспроизводства, например, тот, на воспроизводство которого нужно 20 лет, с тем, который требует $\frac{1}{3}$ года.

Из капитала, воспроизводимого в 20 лет, ежегодно должна быть произведена $\frac{1}{20}$. Если он составляет половину всей совокупности капитала, то ежегодно должна быть возмещена одна сороковая часть ее. Напротив, если капитал, которому для воспроизводства нужна $\frac{1}{3}$ года,—который, стало-быть, совершает за год три оборота, равен лишь $\frac{1}{10}$ всей совокупности капитала, то основной капитал должен быть возмещен три раза в год, т.-е. в течение года должны быть возмещены $\frac{3}{10}$ всего капитала в его целом.

В общем [можно сказать; что] чем больше основной капитал по сравнению со всей совокупностью капитала, тем больше его относительное, но не абсолютное время воспроизводства, а чем он меньше, тем меньше и его относительное время воспроизводства. Инструмент ремесленника составляет гораздо меньшую часть ремесленного капитала, чем та, которую составляют машины по сравнению со всем капиталом машинного производства, но ремесленные инструменты изнашиваются гораздо скорее машин.

Хотя с ростом абсолютной величины основного капитала возрастает также и абсолютная величина его воспроизводства. Или его изнашивание, но относительная величина по большей части понижается, так как время оборота основного капитала в большинстве случаев возрастает вместе с ростом этого капитала. Это доказывает, между прочим, что количество труда, воспроизводящего машины или основной капитал, не имеет никакого отношения к тому количеству труда, которое было затрачено первоначально на производство этих машин (при одинаковых условиях производства), так как возмещению подлежит только ежегодно изнашивающаяся часть. Если производительность труда, как это постоянно происходит в этой отрасли производства, возрастает, то количество труда, необходимое для воспроизводства упомянутой части постоянного капитала, сокращается еще больше. Правда, сюда следует отнести также и ежедневные средства потребления машины, не имеющие, однако, ничего общего с трудом постройки машин. Но машина, которой нужны только уголь и немного масла и сала, живет бесконечно скромнее, нежели рабочий,—не только тот рабочий, которого она замещает, но даже и тот рабочий, который ее соорудил.

Таким образом, мы распределили весь продукт категории А и часть продукта категории В. А потребляется целиком: одна треть—его собственными производителями; остальные две трети—производителями В, которые не могут потреблять своего дохода в форме своего собственного продукта. Две трети А, в виде которых производители В потребляют соответствующую их доходу часть ценности своего продукта, в то же время возмещают производителям А их постоянный капитал in natura, т.-е. поставляют им товары, идущие в промышленное потребление. Но [треть] продукта А, потребленная целиком А, и две трети А, потребленные В [который зато производит постоянный капитал А], исчерпывают собою всю ту долю продукта, которая представляет труд, вновь приложенный в течение года. Этот труд уже не может поэтому купить никакой другой части продукта. Действительно, весь вновь приложенный за год труд—если отвлечься от капитализации прибыли—равен количеству содержащегося в А труда. Потому что одна треть А, потребляемая своими собственными производителями, представляет собою тот труд, который вновь приложен в течение года к двум третям А, составляющим постоянный капитал А. Сверх этого труда, который они потребляют в виде своего же собственного продукта, они не произвели никакой работы. Остальные же две трети А, возмещаемые и потребляемые производителями В, представляют собою рабочее время, прилагаемое производителями В к своему постоянному капиталу. Сверх этого они не приложили никакого труда и потому не могут потребить ничего, кроме указанных двух третей.

По своей потребительной ценности продукт А представляет всю ту долю всего годового продукта, которая входит в течение года в личное потребление. По своей меновой ценности он представляет собою всю сумму труда, приложенного производителями в течение года.

Но, таким образом, мы получаем в остатке третью часть общей массы продукта, составные части которой в своем обмене не представляют ни обмена дохода на доход, ни обмена капитала на доход, ни обратного обмена. Это та часть продуктов В, которая представляет собою постоянный капитал В. Эта

часть не входит в доход В и не может, следовательно, не быть возмещенной продуктами А, ни быть обмененной на них, не может поэтому и войти, как конституирующий элемент, в постоянный капитал А. Но она тоже потребляется, промышленно потребляется, поскольку входит не только в процессе труда, но и в процессе образования ценности В. Стало-быть, эта часть, подобно всем остальным частям продукта, должна возмещаться в той мере, в какой она образует составную часть продукта, и притом возмещаться *in natura* новыми продуктами того же рода. С другой стороны, она не возмещается никаким новым трудом, так как все количество вновь приложенного труда равно содержащемуся в А рабочему времени, которое возмещается полностью потому, что, во-первых, В потребляет свой доход в виде двух третей продукта А, давая А в обмен средства производства, потребляемые в этой отрасли, и подлежащие возмещению; а, во-вторых, первая треть А. потребляемая своими собственными производителями, состоит, как меновая ценность, исключительно из вновь приложенного ими труда и не содержит постоянного капитала.

Рассмотрим этот остаток.

Он состоит, во-первых, из постоянного капитала, входящего в сырые материалы; во-вторых, из постоянного капитала, входящего в состав основного капитала, и, в-третьих, из постоянного капитала, входящего во вспомогательные вещества.

Во-первых: Сырые материалы. Их постоянный капитал разлагается прежде всего на основной капитал, машины, рабочие инструменты, строения и на некоторое количество вспомогательных веществ, служащих средствами потребления для употребляемых в дело машин. С той частью сырья, которая потребляется непосредственно, как скот, рожь, виноград и т. д., затруднений нет. С этой стороны она принадлежит к классу А. Содержащаяся в ней часть постоянного капитала входит в две трети той постоянной части А, которая обменивается, как капитал, на негодные для потребления продукты В: или в виде которой В потребляет свой доход. Это относится также и к непотребляемым непосредственно сырым материалам, в той мере, в какой они *in natura* входят в предметы потребления, сколько бы ни проходили они при этом промежуточных производственных процессов. Та часть льна, которая превращается сначала в пряжу, потом в полотно, целиком входит в продукт потребления.

Но некоторая доля этих растительных сырых материалов, например, дерево, лен, конопля, кожа и т. д., отчасти входит прямо в состав основного капитала, отчасти же во вспомогательные вещества последнего, например, в форме масла, сала и т. д.

Затем, к постоянному капиталу сырых материалов относятся семена. Растительные и животные вещества воспроизводят себя сами. Рост растений и размножение животных. Под семенами здесь следует понимать как семена в собственном смысле этого слова, так и корм для скота, возвращаемый почве в виде удобрения, племенной скот и т. д. Эта значительная часть годовичного продукта—или постоянной части годовичного продукта—сама непосредственно служит материалом для своего возрождения, сама себя воспроизводит.

Ценность не растительных сырых материалов—металлов, камней и т. д.—состоит только из двух частей, так как здесь отсутствуют семена, играющие роль сырья в земледелии. Их ценность состоит только из вновь приложенного труда и из потребленных машин, включая сюда и средства потребления машин. Стало быть, помимо той части продукта, которая представляет вновь приложенный труд и поэтому входит в обмен между В и двумя третями А, здесь подлежит возмещению только изнашивание основного капитала и его средств потребления, каковы уголь, масло и т. д. Но эти, не растительные, сырые материалы составляют главный элемент, постоянной [части] основного капитала (каковы машины, инструменты, строения и т. д.). Так что они возмещают свой постоянный капитал *in natura* путем обмена.

Во-вторых: Основной капитал. (Машины, строения, рабочие инструменты, сосуда всякого рода). Его постоянный капитал тоже состоит из сырых материалов, металлов, камней и растительных веществ, каковы дерево, ремни, канаты и т. д. Но если эти вещества составляют его сырые материалы, то они же служат и орудиями труда в процессе создания этих сырых материалов. Они, стало-быть, возмещают себя *in natura*. Производителю железа надо возмещать машину, фабриканту машин—железо. В каменодомне изнашиваются машины, а в фабричном здании изнашивается каменный строительный материал и т. д. Далее надо принять во внимание

познавание машиностроительных машин, подлежащих периодическому возмещению новым продуктом той же отрасли труда. Но продукт того же рода естественно может возместить сам себя.

В-третьих: Вспомогательные вещества. Часть из них нуждается в сырых материалах, как, например: масло, мыло, сало, газ и т. д. С другой стороны, в форме удобрения и т. д., они отчасти возвращаются в процесс образования этих сырых материалов. Например, уголь требуется для производства газа, но, в свою очередь, в процессе добывания угля употребляется газовое освещение и т. п. Другие вспомогательные вещества состоят исключительно из вновь приложенного труда и основного капитала (машины, сосуды, трубы, рукава и т. д.). Уголь нужен для возмещения изнашивания употребляемой в производстве угля паровой машины. Но паровая машина питается углем. Стало-быть, уголь является средством производства угля; другими словами, он возмещается здесь *in natura*. Железнодорожная перевозка угля входит в издержки производства угля; а уголь, в свою очередь, входит в издержки производства паровозов.

Если отнестись рабочий скот к машинам, то надо будет сказать, что изнашивание его возмещается кормом и при известных условиях стойлами. Но если корм входит в процесс производства скота, то скот входит в процесс производства корма.

Далее придется специально кое-что добавить относительно химических заводов, которые все более или менее занимаются изготовлением вспомогательных веществ, напр., сырья для сосудов (стекла, фарфора), а равно и предметов, входящих непосредственно в потребление.

Все красящие вещества служат вспомогательными веществами. Но они входят в продукт не только своей ценностью,—как, например потребленный в производстве уголь в хлопчатую бумагу,—но воспроизводятся в форме продукта (в его окраске).

Вспомогательные вещества отчасти служат средствами потребления для машин. При этом они представляют собой либо горючий материал для двигателей, либо средство для уменьшения трения рабочих машин и т. д., каковы, напр., сало, мыло, масло и т. п. Или они служат в качестве вспомогательных веществ в строительном деле, как, напр.: замазка и т. д. Или же являются они вспомогательными веществами, необходимыми вообще для процесса производства, например: освещение, топливо и т. д.; в этом случае они нужны самим рабочим, как необходимые для работы средства.

Есть еще вспомогательные вещества, которые входят в процесс производства сырых материалов, каковы, напр.: удобрения всякого рода и все поглощаемые сырыми материалами химические продукты. Наконец, существуют также вспомогательные вещества, которые входят в готовый продукт: краски, лак и т. д.

Результат, стало-быть, таков: А возмещает свой собственный постоянный капитал (две трети своего продукта) путем обмена на ту часть не служащих для потребления продуктов В, которая представляет доход В, т. е. труд, приложенный в течение года группой В. Но А не возмещает постоянного капитала В. Группа В, с своей стороны, должна возместить этот постоянный капитал новыми продуктами того же рода *in natura*. Но у группы В нет свободного рабочего времени для их возмещения. В самом деле, все вновь приложенное ею рабочее время составляет ее доход и, стало-быть, является той долей продукта В, которая в качестве постоянного капитала входит в А.

Как же возмещается постоянный капитал В? Он возмещается частью путем собственного (растительного или животного) воспроизводства, как это имеет место всюду в земледелии и в скотоводстве; частью — путем обмена *in natura* частей одного постоянного капитала на части другого, при чем продукт одной отрасли входит как сырой материал или как средство производства в другую отрасль и *vice versa*, так что при этом продукты различных отраслей производства, различные виды постоянного капитала, возмещают друг друга как условия производства *in natura*.

Производители не служащих для потребления продуктов являются производителями постоянного капитала для производителей предметов потребления. Но в то же время их продукты взаимно служат им в качестве элементов или факторов их собственного постоянного капитала. Это значит, что они промышленно потребляют продукты друг друга.]

Стало-быть, здесь происходит возмещение постоянного капитала постоянным капиталом. Поскольку это не совершается непосредственно т. е. без обмена,

поскольку здесь совершается обмен капитала на капитал, т. е. — в смысле потребительной ценности — обмен продуктов на продукты, которые обоюдно поступают каждый в соответственное производство, так что каждый из них потребляется промышленно производителями других продуктов.

Эта часть капитала не разлагается на прибыль и заработную плату, она не содержит вновь приложенного труда, не обменивается на доход, не оплачивается ни прямо, ни косвенно потребителями — все равно, совершается ли это взаимное возмещение капиталов [при посредстве] торговцев [или нет].

Итак, утверждение А. Смита, что размеры торговли между dealers и dealers должны быть равны размерам торговли между dealers и потребителями, — ошибочно. Оно основано на другом его ложном утверждении, будто бы весь продукт разлагается на доход, и на деле означает лишь то, что часть товарного обмена, равная обмену между капиталом и доходом, равна товарному обмену в его целом. Поскольку ложно основное положение, постольку же неверны и выводы, делаемые из него Туком для случая денежного обращения и в частности для отношения суммы денег, циркулирующей между dealers, к сумме денег, циркулирующей между dealers и consumers.

Если считать последним, dealer, противостоящим потребителю, торговца, покупающего продукты А, то продукт этот покупается у него, с одной стороны, доходом А, равным $\frac{1}{3}$ А, а с другой — доходом В, равным $\frac{2}{3}$ А. Таким образом, возмещается его торговый капитал. Сумма доходов А и В должна покрыть его капитал. Прибыль, выручаемая этим молодцом, получается вследствие того, что часть продукта он оставляет у себя и уменьшенную часть А продает по ценности всего А. Дело несколько не меняется от того, признаем ли мы торговца необходимым агентом производства или считаем его бесполезным спаритом. Этот обмен между dealer и consumers. А по своей ценности покрывает обмен между dealer А и всеми производителями А, т. е. покрывает все покупки и продажи между этими производителями.

Торговец покупает полотно. Это — последняя сделка между dealer и dealer. Ткач полотна покупает пряжу, машины, уголь и т. д. — предпоследняя сделка между dealer и dealer. Прядильщик покупает лен, машины, уголь и т. д. — предпоследняя сделка между dealer и dealer. Возделыватель льна и фабрикант машин докупают машины, железо и т. д. и т. д. Но сделки между производителями льна, машин, железа, угля, — для возмещения их постоянного капитала — и ценность этих сделок не относятся к покупкам и продажам, через которые проходит продукт А — для обмена ли дохода на доход, или же для обмена дохода на постоянный капитал. [В] этих сделках — не между производителями В и производителями А, а только между производителями В — покупателем продуктов А так же мало приходится возмещать продавцу А ценность, как мало ценность этой части В входит в ценность А. Конечно, эти сделки тоже требуют денег, тоже совершаются при посредстве торговцев; но та часть денежного обращения, которая относится исключительно к этой области, совершенно отделена от той части денежного обращения, которая совершается между dealers и consumers.

Остается решить еще два вопроса:

1. До сих пор в нашем исследовании заработная плата рассматривалась, как доход, всегда в связи с прибылью. Спрашивается, какое значение имеет в данном случае то обстоятельство, что заработная плата одновременно является частью оборотного капитала капиталиста?

2. Раньше предполагалось, что весь доход тратится как доход. Остается рассмотреть те изменения, которые возникают, когда часть дохода, прибылей, капитализируется. Это рассмотрение в действительности совпадает с изучением процесса накопления. Но с формальной стороны оно отличается от него. Совершенно понятно то явление, что доля продукта, представляющая прибавочную ценность, подвергается обратному превращению отчасти в заработную плату, отчасти в постоянный капитал. Но нужно исследовать, как это обстоятельство влияет на товарный обмен в выше рассмотренных подразделениях: обмен дохода на доход, обмен дохода на капитал и, наконец, обмен капитала на капитал.

Но пока этот *intermezzo* можно закончить историко-критическую часть нашего исследования.

5. Производительный и непроизводительный труд.

а) Определение производительного труда, как труда, производящего капитал *).

[Теперь мы переходим к последнему пункту нашего исследования в системе Адама Смита, а именно к определению производительного и непроизводительного труда].

В определении производительного труда в отличие от непроизводительного Смит остается таким же двойственным, каким мы его видели до сих пор во всем остальном. Мы встречаем у него постоянное смешение двух определений того, что он называет производительным трудом; рассмотрим сначала первое, правильное определение.

Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является наемный труд, который, будучи обменен на переменную часть капитала, не только воспроизводит эту часть (т.-е. ценность своей собственной рабочей силы), но, кроме того, создает для капиталиста прибавочную ценность. Только благодаря этому, товар или деньги превращаются в капитал, производятся, как капитал. Производителен только тот наемный труд, который производит капитал. А это значит, что этот труд воспроизводит в большем размере израсходованную на него сумму ценностей, другими словами—возвращает больше труда, чем в этой сумме содержится в форме заработной платы. Производительная, стало-быть, только та рабочая сила, ценность продукта которой, получаемая в результате ее употребления в дело, больше ценности ее самой. Существование класса капиталистов, а следовательно и капитала, основано на производительности труда, но не на абсолютной, а на относительной его производительности. Если бы, например, рабочего дня хватало только на поддержание жизни рабочего, т.-е. на воспроизводство его рабочей силы, то, говоря безотносительно, труд был бы производителен, так как он воспроизводил бы, т.-е. всегда возмещал бы, потребленные им же ценности (сумма которых равна ценности его собственной рабочей силы). Но он не был бы производителен в капиталистическом смысле, так как он не производил бы никакой прибавочной ценности. Он, в самом деле, не создавал бы никакой новой ценности, а восстанавливал бы лишь прежнюю; он потреблял бы ценность в одной форме, чтобы воспроизвести ее в другой. В этом смысле и сказано было, что тот рабочий, которого производство равно его личному потреблению, производителен, а тот, который больше потребляет, чем воспроизводит, непроизводителен.

Производительность труда в капиталистическом смысле основывается на относительной производительности, т.-е. на том что рабочий не

*) Стр. 301—304 рукописи. К.

только возмещает прежнюю ценность, но создает еще и новую; на том, что он овеществляет в своем продукте больше рабочего времени, чем содержится его в том продукте, который поддерживает его существование, как рабочего. Существование капитала основывается на этом виде производительного наемного труда.

Такое понимание производительного труда вытекает само собой из представления А. Смита в происхождении прибавочной ценности, т.-е. о сущности капитала. Поскольку он выдвигает это определение производительного труда, он следует направлению, данному физиократами и даже еще меркантилистами, лишь освобождая его от ложных представлений, т.-е. разрабатывая его внутреннее содержание. Физиократы, держась своего ложного взгляда, будто бы производителем один только земледельческий труд, совершенно верно утверждали, однако, что, с точки зрения капиталистического производства, только тот труд производителем, который создает прибавочную ценность и притом не для себя, а для собственников средств производства; только тот, который производит *produit net* не для себя, а для землевладельцев. Потому что прибавочная ценность и прибавочное рабочее время воплощается в прибавочном продукте, или в *produit net*.

Но они неправильно понимают прибавочный продукт (*produit net*). Они видят его, например, там, где пшеницы получается больше, чем потребляют рабочие и арендатор; но ведь и сукна производится больше, чем его нужно на одежду производителям сукна (рабочему и предпринимателю).

Прибавочная ценность тоже ложно понимается ими, так как они имеют неверное представление о ценности и приурочивают ее к потребительной ценности труда, а не к рабочему времени, не к общественному, качественно-безразличному труду. Тем не менее, остается верным тот взгляд, что производителем только наемный труд, создающий больше ценности, чем затрачивается на него самого. А. Смит устраняет ложные представления, связанные у физиократов с этим взглядом.

От физиократов вернемся назад к меркантилистам. И в их учении есть сторона, содержащая тот же взгляд на производительный труд, хотя они и не сознают этого. Их основным представлением было то, что труд производителем только в тех областях производства, продукты которых, будучи вывезены за границу, возвращают стране больше денег, чем они стоили (или чем нужно было на них затратить), т.-е., стало-быть, дают стране возможность в усиленной мере присваивать себе продукты вновь открытых золотых и серебряных руд. Они видели, что в таких странах происходил быстрый рост богатства и среднего класса населения. Чем же на самом деле обуславливалось это влияние денег? Возрастание заработной платы не поспевало за ростом товарных цен; стало-быть, она уменьшалась, а вместе с тем увеличивалась относительная прибавочная ценность, повышалась норма при-

были, не потому, что рабочие становились производительнее, а потому, что уменьшалась абсолютная величина заработной платы (т.-е. сумма получаемых рабочим средств существования), словом—потому, что ухудшалось положение рабочих. Таким образом, труд действительно становился в этих странах производительнее для предпринимателей. Это обусловливалось притоком благородного металла, и это обстоятельство служило для меркантилистов хотя и смутно понимаемым побуждением считать производительным только тот труд, который затрачивался в этих областях производства.

„Поразительный рост населения, совершившийся почти повсеместно в Европе в течение последних 50 или 60 лет; вызывается, может-быть, главным образом растущей производительностью американских копей. Чрезмерный прилив благородных металлов повышает цены товаров *) сильнее, чем цены труда; он принижает положение рабочего и вместе с этим увеличивает прибыли его хозяина, у которого вследствие этого является побуждение возможно больше увеличить свой оборотный капитал, чтобы быть в состоянии нанять побольше рабочих“, и это вызывает рост населения. „Мальтус замечает, что открытие американских копей, утроив и даже учетверив цены на хлеб, только удвоило цену труда... Цена товаров на внутреннем рынке (например, цена хлеба) возрастает не тотчас вслед за притоком денег; и так как норма прибыли в земледелии понижается сравнительно с нормой прибыли в промышленности, то капитал переходит от первого к последней. Таким образом, все капиталы начинают давать более высокие прибыли, а возрастание прибылей всегда равносильно понижению заработной платы“ (John Barton, „Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society“. Лондон, 1817, стр. 29, 2 абз.).

Следовательно, во-первых, по Бартону, во второй половине восемнадцатого столетия повторилось то самое явление, которое, обнаружившись в последней трети шестнадцатого века и в семнадцатом столетии, дало толчок развитию меркантильной системы. Во-вторых, так как только вывозимые за границу товары оцениваются по пониженной ценности золота и серебра, а товары, потребляемые внутри страны, продолжают оцениваться по прежней ценности благородных металлов (пока конкуренция между капиталистами не устранит этой оценки по двум различным масштабам), то в первом из этих двух больших отделов производства труд кажется непосредственно-производительным, т.-е. создающим прибавочную ценность, вследствие того, что заработная плата понижается в этом отделе ниже своего прежнего уровня.

Второй, извращенный, взгляд Смита на производительный труд до такой степени переплетается с правильным, что оба эти взгляда шаг

*) Понятно, вследствие понижения реальной ценности этих металлов.

за шагом следуют друг за другом в одном и том же месте книги. Поэтому для освещения первого взгляда нам придется разорвать цитату на части.

Третья глава второй книги „Wealth of Nations“ начинается следующими словами:

„Существует такого рода труд, который прибавляет новую ценность к обрабатываемому им предмету; существует и род труда, не имеющий этого свойства. Первый может быть назван производительным, так как он производит ценность; второй—непроизводительный труд. Так труд промышленного рабочего прибавляет ценность к обрабатываемым им материалам, а именно—ценность средств своего существования и прибыль своего хозяина. Напротив, труд слуги (menial servant) не прибавляет никакой новой ценности. Хотя промышленный рабочий получает свою заработную плату от хозяина вперед, но он в действительности ничего не стоит этому последнему, так как ценность этой заработной платы вместе с прибылью возвращается обыкновенно к нему в увеличенной ценности предмета, к которому был приложен труд рабочего. А издержки содержания слуги никогда не возмещаются. Нанимая большое количество промышленных рабочих—богатеют, а держа много прислуги—разоряются“.

В этом месте,—а в приводимом ниже дальнейшем изложении противоречивые определения переплетаются еще сильнее друг с другом,—под производительным трудом нужно понимать главным образом труд, создающий прибавочную ценность—„прибыль своего хозяина“—сверх воспроизводства „средств своего существования“ (т.-е. средств существования рабочего). И промышленник не мог бы „обогащаться наймом промышленных рабочих“, если бы они не прибавляли прибавочной ценности сверх ценности средств своего существования.

Но А. Смит, кроме того, понимает здесь под производительным трудом такой труд, который вообще „создает ценность“. Оставляя пока в стороне это последнее объяснение, процитируем сначала другие места, где первый взгляд Смита отчасти повторяется, отчасти формулируется с большею отчетливостью, но в особенности получает дальнейшее развитие.

„Если бы все потребляемые непроизводительными рабочими естественные припасы и одежда были распределены между производительными, то эти последние воспроизвели бы вместе с прибылью полную ценность того, что потреблено ими“.

Здесь совершенно определенно назван производительным такой рабочий, который не только воспроизводит капиталисту полную ценность содержащихся в заработной плате средств существования, но воспроизводит их с прибылью.

Производителен только труд, производящий капитал. Капиталом же становятся товары и деньги только в силу того, что их обменивают прямо на заработную плату, а обменивают их только затем, чтобы они возмещались большим количеством труда, чем содержится в них самих. Потому что потребительная ценность рабочей силы для капиталиста, как такового, состоит не в ее действительной потребительной ценности, не в полезности данного вида конкретного труда, не

в том, что это труд прядильщика, ткача. Это интересует капиталиста так же мало, как и потребительная ценность продукта, в котором он видит товар и который до первой метаморфозы для него не есть предмет потребления. Капиталиста в товаре интересует то обстоятельство, что он содержит в себе больше меновой ценности, чем он на него израсходовал. Таким образом, потребительная ценность труда заключается для капиталиста в том, что он получает обратно большее количество рабочего времени, чем то, которое им оплачено в форме заработной платы. К производительным рабочим принадлежат, понятно, все, кто так или иначе участвует в производстве товаров, начиная с собственно рабочего и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста). Поэтому последний английский официальный фабричный отчет определенно зачисляет в категорию наемных рабочих промышленных заведений всех служащих на фабриках и в фабричных конторах, за исключением самого фабриканта. Здесь понятие производительного рабочего устанавливается сообразно точке зрения капиталистического производства, и тут А. Смит вполне исчерпал содержание вопроса, попал в цель; одна из самых больших его научных заслуг (по справедливому замечанию Мальтуса, это критическое различие производительного труда от непроизводительного легло в основание всей буржуазной политической экономии) состоит в том, что он определяет производительный труд, как труд, который обменивается непосредственно на капитал, т.-е. определяет его, указывая на тот обмен, путем которого средства труда и ценность вообще, деньги или товар, только и превращаются в капитал, а труд — в наемный труд, в научном смысле этих слов. Тем самым уже вполне устанавливается, что такое непроизводительный труд. Это труд, который обменивается не на капитал, но непосредственно на доход, т.-е. на заработную плату или прибыль, а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента. Где всякий труд частью сам себя оплачивает, как, например, земледельческий труд крепостного крестьянина, частью же прямо обменивается на доход, как мануфактурный труд в городах Азии, там не существует капитала и наемного труда в смысле буржуазной политической экономии. Следовательно, определения эти взяты не из вещественных процессов труда, не из природы его продукта, не из акта труда, как конкретного труда, а из определенных общественных форм, из тех общественных отношений производства, в которых этот труд осуществляется.

Актер, например, и даже клоун, является, согласно этому, производительным рабочим, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем сам получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит на дом к капиталисту и шьет ему брюки, создавая

этому последнему только потребительную ценность, является непродуцительным рабочим. Труд первого обменивается на капитал, труд второго — на доход. Первый род труда производит прибавочную ценность, во втором — потребляется доход.

Это различие между производительным и непродуцительным трудом устанавливается здесь только с точки зрения владельца денег, капиталиста, но не *рабочего*, и отсюда бессмыслица у Ганиля и др., которые так мало понимают в этом вопросе, что спрашивают себя, приносит ли деньги труд или функция проститутки или латынь и т. д.

Писатель является производительным рабочим не потому, что он создает идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинение, т.-е. он производитель постольку, поскольку служит наемным рабочим капиталиста.

в) Определе́ние производительного труда, как труда, производящего товары *).

Потребительная ценность товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть самого ничтожного свойства. Это вещественное свойство продукта не имеет ничего общего с тем его свойством [служить овеществленным производительного труда], которое, в свою очередь, выражает только определенное общественное отношение производства. Это последнее свойство труда создается не его содержанием и не его результатом, а его данной общественной формой.

С другой стороны, если мы предположим, что капитал завладел всем производством, что, следовательно, товар (в отличие от простой потребительной ценности) совсем уже не производится рабочим, владеющим средствами его производства, что, стало-быть, только капиталист является производителем товара [за исключением только одного товара: рабочей силы), в таком случае доход должен обмениваться или на товары, производимые и продаваемые исключительно капиталом, или на труд, который так же, как и эти товары, покупается для потребления, т.-е. только из-за его определенной вещественной формы, его потребительной ценности, из-за услуг, оказываемых им в данной конкретной форме своим покупателям и потребителям. Для рабочего, оказывающего эти услуги, акты их совершения являются товарами. Они имеют известную (мнимую или действительную) потребительную ценность и определенную меновую ценность. Но для покупателя эти услуги лишь потребительные ценности, предметы, в форме которых он потребляет свой доход. Эти непродуцительные рабочие не даром получают свою долю дохода (заработной платы и прибылей), свою долю в товарах, создаваемых произ-

*) Стр. 304—314 рукописи. Примечание стр. 180 и заключительная часть главы взяты со стр. 394; выдержки, предшествующие заключительной части (стр. 182—184), взяты со стр. 418 и 419. К.

водительным трудом: они должны ее купить, но сами они не имеют никакого отношения к ее производству.

Но во всяком случае ясно: чем больше дохода (заработной платы и прибыли) тратится на товары, производимые капиталистом, тем менее его расходуется на покупку услуг непродуцительных рабочих и обратно.

Определенный вещественный характер труда, а следовательно и его продукта, сам по себе не имеет никакого отношения к этому различию между производительным и непродуцительным трудом. Например, повара и лакеи гостиницы являются производительными рабочими, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы. Но те же лица становятся непродуцительными рабочими, в качестве *menial servants*, поскольку я из их услуг не создаю капитала, а трачу на них доход. Таким образом, те же самые лица являются непродуцительными рабочими по отношению ко мне, потребителю в гостинице.

Та часть годового продукта земли и труда данной страны, которая возмещает капитал, никогда непосредственно не расходуется на наем каких-нибудь других рабочих, кроме производительных. Она идет исключительно на заработную плату производительным рабочим. Та же часть, которая непосредственно служит доходом—прибылью или рентой, может одинаково расходоваться на наем как производительных, так и непродуцительных рабочих.

„Какую бы часть своего имущества (*stock*) ни употреблял данный человек в качестве капитала, он всегда рассчитывает получить ее обратно с прибылью. Поэтому он расходует ее только на наем производительных рабочих, и, послужив ему в качестве капитала, она приносит ему доход. А если бы он употребил часть своего имущества на содержание каких-нибудь непродуцительных рабочих, то эта часть сейчас же перестала бы служить ему в качестве капитала и перешла бы в его фонд непосредственного потребления“ (I. c., книга II, глава 3).

Очевидно, что по мере того, как капитал завладевает всем производством, и по мере того, как исчезает поэтому форма домашней и мелкой, словом той промышленности, которая производит потребительные ценности для личного обихода, те товары, — непродуцительные рабочие, те рабочие, услуги которых непосредственно обмениваются на доход, по большей части исполняют еще только личные услуги, и лишь незначительная часть их (как, например, повара, швеи, портные, занимающиеся починкой и т. д.) производит вещественные потребительные ценности. И вполне естественно, что они не производят товаров. Потому что товар, как таковой, никогда не служит предметом непосредственного потребления, а является носителем меновой ценности. Поэтому только совершенно ничтожная часть этих непродуцительных рабочих может, при полном развитии капиталистического способа производства, принимать непосредственное участие в производстве вещественных благ. Только путем обмена [своих] услуг на доход [они получают часть] этого последнего. Но это не мешает, по замечанию А. Смита, тому, что ценность услуг этих непродуцительных рабочих определяется и может быть определена точно таким же (или аналогичным) спосо-

бом, каким определяется ценность труда производительных рабочих. А именно—издержками производства, нужными для поддержания их существования или для их производства. К этому присоединяются еще и другие обстоятельства, о которых здесь говорить не приходится.

Рабочая сила производительного рабочего служит товаром для него самого. То же самое—и для непроизводительного рабочего. Но производительный рабочий производит товар для покупателя его рабочей силы. Непроизводительный же создает для него только потребительную ценность, воображаемую или действительную, а вовсе не товар. Для непроизводительного рабочего характерно то, что он не производит для покупателя товара, а получает товар от него.

„Труд некоторых, пользующихся наибольшим уважением общественных классов, так же мало производит ценность, как и труд прислуги... Так, например, государь и все его судейские чиновники и офицеры, весь состав его армии и флота—непроизводительные рабочие. Они являются слугами публики и содержатся на часть годового продукта труда других людей... К тому же классу принадлежат: духовные, юристы, врачи, всякого рода писатели, комедианты, актеры, музыканты, оперные певцы, балетные танцовщицы и т. д.“ (I. с).

Само по себе это различие между производительным и непроизводительным трудом, как уже сказано, несколько не зависит ни от особого рода назначения, ни от той особой потребительной ценности, которая создается этим особым родом труда. В одном случае труд обменивается на капитал, в другом—на доход. В первом случае труд превращается в капитал и создает прибыль капиталисту, во втором—он является расходом, одним из предметов потребления дохода. Например, рабочий фортепианного мастера является производительным рабочим. Его труд не только возмещает потребленную им заработную плату, но в его продукте, в фортепиано, в товаре, продаваемом фабрикантом, сверх ценности заработной платы содержится прибавочная ценность. Допустим, наоборот, что я сам покупаю весь материал, необходимый для приготовления фортепиано (или пусть его имеет сам рабочий) и, вместо того, чтобы покупать фортепиано в лавке, я приказываю его сделать у меня на дому. Тогда фортепианный мастер становится непроизводительным рабочим, потому что его труд обменивается непосредственно на мой доход.

Ясно, однако, что в той мере, в какой капитал подчиняет себе все производство,—стало-быть, в той мере, в какой товары производятся на продажу, а не для непосредственного потребления, и развивается параллельно этому производительность труда,—все сильнее и сильнее становится вещественное различие между производительными и непроизводительными родами труда, потому что первые, за немногими исключениями, будут направлены на производство товаров, а вторые почти исключительно будут сводиться к личным услугам. Класс первых будет поэтому производить непосредственно—вещественное, из товаров состоящее богатство, все товары, поскольку они состоят не из самой

рабочей силы. И в этом заключается одно из соображений, побудивших Адама Смита, кроме главной и принципиальной *differentia specifica*, прибавить еще и другие.

Так, в силу различных ассоциаций идей он утверждает:

„Напротив, труд слуги *) не прибавляет никакой новой ценности... Издержки содержания слуги никогда не возмещаются. Нанимая больше количество промышленных рабочих, богатеют, а держа много прислуги, разоряются. Впрочем труд последней тоже имеет свою ценность и также заслуживает своей заработной платы, как и труд первых. Но труд промышленных рабочих фиксируется и овеществляется в каком-нибудь определенном предмете или в продажном товаре, который существует хоть немного дольше, чем труд его производства. Дело обстоит так, как-будто бы накаплилось и сохранялось известное количество труда с той целью, чтобы, в случае надобности, впоследствии воспользоваться им. Этот предмет, или, что одно и то же, цена этого предмета, может затем, если понадобится, привести в движение количество труда, равное тому количеству его, которое было первоначально затрачено на производство предмета. Напротив, труд слуги не фиксируется, не овеществляется ни в каком определенном предмете, ни в каком продажном товаре. Обыкновенно его услуги исчезают в момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-нибудь след или какую-нибудь ценность, на которую впоследствии можно было бы получить такое же количество услуг“.

„Труд некоторых, пользующихся наибольшим уважением общественных классов в смысле создания ценности так же непроеводительен, как и труд прислуги, не фиксируется, не овеществляется ни в могущем сохраняться предмете, ни в продажном товаре“... (Книга II, глава 36-я).

Для выяснения понятия непроеводительного рабочего мы находим у А. Смита нижеследующие определения, объясняющие в то же время внутреннюю последовательность его хода мыслей.

Труд непроеводительного рабочего „не производит никакой ценности“, „не прибавляет никакой новой ценности“, „издержки на содержание (непроеводительного рабочего) никогда не возмещаются“, „его труд не фиксируется, не овеществляется ни в каком-нибудь отдельном предмете, ни в каком-нибудь продажном товаре“. Напротив, „его услуги обыкновенно исчезают в момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-нибудь след, какую-нибудь ценность, на которую впоследствии можно было бы получить такое же количество услуг“. Наконец, „его труд не фиксируется, не овеществляется ни в могущем сохраняться предмете, ни в продажном товаре“.

При таком понимании слов: производительный и непроеводительный, они получают не тот смысл, какой они имели первоначально. Речь идет уже не о производстве прибавочной ценности, которое само по себе подразумевает воспроизводство эквивалента потребленной ценности. Труд рабочего считается здесь постольку производительным, поскольку рабочий замещает потребленную им ценность ее эквивалентом, прибавляя своим трудом к какому-нибудь материалу количество ценности, равное тому, которое содержалось в его заработной плате. Мы при этом далеко уходим здесь от формального определения, от определения производительных и непроеводительных рабочих их отношением к капи-

*) В противоположность труду промышленного рабочего.

талистическому производству. Из 9-ой главы IV книги, где А. Смит критикует учение физиократов, видно, что он пришел к этой аберрации частью в противоположность физиократам, частью под их влиянием. Если рабочий в течение года только возмещает эквивалент своей заработной платы, то он вовсе не служит для капиталиста производительным рабочим. Правда, он возмещает ему свою заработную плату, рыночную цену своего труда. Но это совершенно такая же сделка, как если бы капиталист купил товар, произведенный рабочим. Он оплачивает труд, содержащийся в постоянном капитале и в заработной плате. Он получает то же количество труда в форме товара, какое он раньше имел в форме денег. В таком случае его деньги не превращаются в капитал. Получается то, что случилось бы, если бы рабочий сам был владельцем своих средств производства. В этом случае он должен был бы из ценности своего годового продукта ежегодно выплывать ценность средств производства для того, чтобы восстанавливать их. В течение года он потреблял бы или мог бы потреблять ту часть ценности своего продукта, которая была бы равна труду, вновь прибавляемому им к его постоянному капиталу. Но в этом случае не существовало бы вовсе капиталистического производства.

Первое основание, в силу которого А. Смит называет этот род труда „производительным“, состоит в том, что физиократы называют его „бесплодным“ (*stérile*) и „непроизводительным“ (*non productive*).

Так, он говорит нам в указанной главе:

„Во-первых: они (физиократы) признают, что этот класс (т.е. промышленные классы, совсем не занимающиеся земледелием) ежегодно воспроизводит ценность своего собственного годового потребления и по меньшей мере поддерживает существование фонда или капитала, дающего им возможность жить и работать. Между тем арендаторы и сельские рабочие сверх фонда, дающего им средства жизни и производства, производят еще и ежегодный чистый доход, чистую ренту для землевладельца... Очевидно, что труд арендаторов и сельских рабочих производительнее труда торговцев, ремесленников (*artificers*) и мануфактурных рабочих (*manufacturers*). Но то обстоятельство, что продукт одного класса выше продукта другого, не делает еще другой класс бесплодным или непроизводительным“ (I. с., книга IV, глава 9-ая).

Тут, стало-быть, А. Смит возвращается на точку зрения физиократов. Настоящий „производительный труд“, труд, создающий прибавочную ценность, а потому и „*produit net*“, есть труд земледельцев. Смит покидает свой собственный взгляд на прибавочную ценность и принимает воззрение физиократов. Вместе с тем он, вопреки физиократам, утверждает, что промышленный (у него даже и торговый) труд все-таки производителен, хотя и не в полном смысле этого слова. Так что он отступает от формального определения, от определения „производительного рабочего“ с точки зрения капиталистического производства; оспаривая физиократов, он указывает на то, что неземледельческий, промышленный класс воспроизводит свою собственную заработную плату, стало-быть, все-таки создает ценность, равную той, которую он потре-

бляет и тем самым „по меньшей мере восстанавливает фонд или капитал, дающий ему возможность жить и работать“. Так, под влиянием физиократов и в полемике с ними возникает у А. Смита его второе определение „производительного труда“

«Во-вторых,—говорит А. Смит,—кажется поэтому недопустимым ставить ремесленников, мануфактурных рабочих и торговцев на одну доску с прислугой. Труд этой последней не поддерживает существования фонда, дающего ей возможность жить и работать. Средства, идущие на поддержку жизни и работы прислуги, составляют всецело расход ее господина, и труд ее не такого рода, чтобы он мог возмещать этот расход. Этот труд состоит из услуг, которые обыкновенно исчезают в момент их выполнения и не фиксируются, не овещаются ни в каком продажном товаре, который мог бы возместить ценность их заработной платы и издержек их содержания. Напротив, труд ремесленников, мануфактурных рабочих и купцов фиксируется и овещается в продажном товаре. На этом основании я, в главе о производительном и непроизводительном труде, отнес ремесленников, мануфактурных рабочих и торговцев к производительным, а прислугу—к бесплодным или непроизводительным рабочим“.

Когда капитал завладел всем производством, доход, поскольку он вообще обменивается на труд, обменивается не на труд, создающий товар, а исключительно на услуги. Он идет в обмен отчасти на товары, назначение которых быть потребительными ценностями, отчасти на *services*, услуги, которые, в качестве таковых, служат потребительными ценностями.

Товар, в отличие от самой рабочей силы, есть предмет, вещественно противостоящий человеку и представляющий собою для него известную полезность, предмет, в котором фиксировано, овеществлено известное количество труда.

Таким образом, мы приходим к определению, которое по своему существу уже приведено у нас *sub 1°*. Производительными рабочими являются такие, труд которых производит товары, при чем эти рабочие потребляют не больше товара, чем создают, не больше, чем стоит их труд. Их труд фиксируется и овещается „в каком-нибудь продажном товаре, который может возместить ценность их заработной платы и издержки их содержания“. Производя товары, производительный рабочий тем самым непрерывно воспроизводит переменный капитал, постоянно потребляемый им в форме заработной платы. Он постоянно создает фонд, из которого ему платят, „который дает ему возможность жить и работать“.

Во-первых, под понятие труда, фиксируемого и овеществляемого в продажном товаре, А. Смит, конечно, подводит и все виды умственного труда, которые непосредственно употребляются в материальном производстве. Производительными рабочими являются не только чернорабочие или работающие у машин, но и надсмотрщик, инженер, директор, приказчик и т. д., словом, производителен труд всего персонала, нужного в данной отрасли материального производства для изготовления известного товара, — персонала, сотрудничество (кооперация) которого необходимо для производства товаров. В самом деле, они прибавляют

к постоянному капиталу свой коллективный труд и увеличивают на эту сумму ценность продукта. (Насколько это верно в применении к банкиру и т. д.?).

Во-вторых, А. Смит говорит, что обыкновенно, в целом, „generally“, труд непроизводительного рабочего не дает таких результатов. Но, хотя капитал и завладел материальным производством, так что, в общем и целом, исчезла домашняя промышленность или труд мелкого ремесленника, производящего потребительные ценности на дому у потребителя, однакоже, А. Смит, конечно, знает, что швея, которую я приглашаю на дом шить рубахи, или рабочие, ремонтирующие мебель, или слуга, моющий, прибирающий дом и т. д., или кухарка, приготовляющая к столу мясо и т. д., точно также фиксируют свой труд в каком-нибудь предмете и тем увеличивают при этом ценность предмета, как и швея, шьющая на фабрике, как и машинист, починяющий машины, как и рабочие, которые чистят машины, как и кухарка, которая стряпает в гостинице по найму у капиталиста. Эти потребительные ценности являются по возможности также и товарами: рубахи могут быть заложены, дом может быть продан, мебель может пойти с молотка и т. д. Стало-быть, эти лица в возможности создали также и товары и прибавили ценность к предметам своего труда. Но такие составляют очень незначительную категорию непроизводительных рабочих. И этого нельзя сказать о массе лакеев, попов, чиновников, солдат, музыкантов и т. д.

Но, как бы ни было велико или мало число таких „непроизводительных рабочих“, уже одно это ограничительное выражение: „из услуг, которые обыкновенно исчезают в момент их выполнения“ и т. д., ясно показывает и утверждает, что „производительность“ или „непроизводительность“ еще не определяется ни родом занятий, ни формой проявления продукта работников. Один и тот же труд может быть производительным, если я покупаю его, как капиталист, как производитель, ради прибыли, и непроизводительным, если я покупаю его, как потребитель, расходующий свой доход, с целью использовать его потребительную ценность, независимо от того, исчезает ли эта потребительная ценность вместе с прекращением деятельности рабочей силы, или же она овеществляется, фиксируется в каком-нибудь предмете. Служащая в гостинице кухарка, производит товар для того, кто купил ее труд, т. е. для владельца гостиницы. Потребитель бараньей котлеты должен оплатить ее труд, и этот труд возмещает владельцу гостиницы (помимо прибыли) тот фонд, из которого он продолжает платить жалованье кухарке. Напротив, если я покупаю труд кухарки для того, чтобы она варила мне мясо и т. д., не для того, чтобы извлечь прибыль из этого труда, как труда вообще, а для того, чтобы воспользоваться им, как определенным конкретным трудом, тогда ее труд непроизводителен, хоть он фиксирован в вещественном продукте и так же удобно мог бы стать

(в результате) продажным товаром, как он был им для владельца гостиницы. Впрочем, здесь остается значительная разница: мне (частному лицу) кухарка не возмещает фонда, из которого я ей плачу. Это потому, что я покупаю ее труд не как элемент, создающий ценность, а лишь из-за его потребительной ценности. Ее труд так же мало возмещает мне фонд, из которого я ей плачу, как мало, например, обед, съеденный мною в гостинице, дает мне, как таковой, возможность еще раз купить и съесть такой же обед. Но такое же различие существует и между товарами. Товар, покупаемый капиталистом для возмещения своего постоянного капитала (например, бумажная ткань, если он занимается набивкой ситца), восстанавливает свою ценность в ситце. Напротив, если он покупает бумажную ткань для личного потребления, то товар не возмещает его затраты. Значительнейшая часть общества, т.-е. рабочий класс, принуждена впрочем сама для себя выполнять этот непроеводительный) род труда; но она может взяться за него лишь при условии, если она отработала „производительно“. Рабочий получает возможность варить себе мясо лишь в том случае, если он произвел заработную плату, посредством которой он может оплатить это мясо; равным образом он имеет возможность содержать в чистоте свою мебель, свои жилища, чистить свои сапоги только тогда, если он произвел ценность мебели, квартирной платы, сапог. Таким образом, у этого класса производительных рабочих - непроеводительным оказывается труд, выполняемый им для себя самого. Этот непроеводительный труд никогда не дает рабочему возможности вновь приступить к этому же непроеводительному труду, если тот предварительно не отработал производительно.

В-третьих. С другой стороны: антрепренер театров, концертов, публичных домов и т. д. покупает временное пользование рабочей силой актеров, музыкантов, проституток и т. д., — на самом деле, косвенным путем, имеющим только экономически-формальный интерес и не влияющим на результаты процесса, — он покупает этот, так называемый „непроеводительный труд“, которого „услуги исчезают в момент их выполнения“ и не фиксируются или не реализуются в особом „предмете, сохраняющемся в течение некоторого времени, или в продажном товаре“ (кроме, как в них самих). Продажа этих услуг публичка возвращает антрепренеру заработную плату и дает прибыль. И услуги, купленные им таким образом, дают ему возможность возобновлять их, т.-е. ими же самими и восстанавливается тот фонд, из которого они оплачиваются. Это же относится и, например, к труду писца, которым адвокат пользуется в своей конторе, не говоря уже о том, что услуги писца большей частью воплощаются еще в очень объемистых „особых предметах“, в форме огромных куч дел. То правда, что антрепренеру эти услуги оплачиваются из доходов публички. Но не менее верно и то, что это применимо ко всем продуктам, поскольку они идут в индивидуальное потребление. Конечно, этих услуг, как таковых, нельзя вывозить за

границу, но можно вывозить их исполнителей. Так, например, Франция вывозит танцмейстеров, поваров и т. д., Германия—учителей. Впрочем, с вывозом танцмейстеров и учителей вывозится также и их доход, между тем как вывоз обуви для танцев и вывоз книг доставляет стране возмещающую их ценность.

Так что, если, с одной стороны, часть так называемого непронизводительного труда воплощается в вещественных потребительных ценностях, которые так же легко могли бы служить товарами (*vendible commodities*), то, с другой стороны, часть услуг, которые не об'ектируются в виде вещи, имеющей самостоятельное бытие, отделенное от лица, оказывающего услуги, и которые, как составная часть ценности, не входят в состав ни одного товара,—эта часть услуг может быть куплена на капитал непосредственным покупщиком труда, может возмещать свою собственную заработную плату и приносить прибыль. Словом, производство этих услуг может быть частично подчинено капиталу; совершенно так же, как часть труда, воплощаемого в полезных вещах, обменивается прямо на доход и не подчиняется капиталистическому производству.

В-четвертых. Весь мир товаров может быть разделен на две большие части. Во-первых, рабочая сила; во-вторых, все отличное от рабочей силы товары. А что сказать о тех услугах, назначение которых состоит в том, чтобы сохранять, видоизменять рабочую силу, давать ей образование и т. д., словом—специализировать или только физически поддерживать ее, какова, например, служба учителя, поскольку он является „промышленно-необходимым“ или полезным, служба врача, поскольку он поддерживает здоровье, т.-е. сохраняет источник всех ценностей, рабочую силу, иными словами—о таких услугах, которые поставляют взамен себя „продажный товар“ и т. д., а именно создают самую рабочую силу, входя в издержки ее производства и воспроизводство? Но А. Смит знал, какую ничтожную роль играют в ряду издержек производства расходы на „образование“ массы рабочих. А услуги врача во всяком случае принадлежат к *faux frais* производства. Их можно отнести к издержкам на починку рабочей силы. Допустим, что по той или другой причине одновременно уменьшается общая ценность как заработной платы, так и прибыли,—например, оттого, что данная нация стала ленивой,—и что вместе с тем уменьшится и потребительная ценность их вследствие того, что, благодаря неурожаю и т. д., падает производительность труда; словом, допустим, что та часть продукта, ценность которой равна доходу, уменьшается в силу того, что в течение последнего года было прибавлено меньшее количество нового труда и вновь прибавленный труд был менее производителен. Если бы капиталисты и рабочие попрежнему хотели потреблять в виде вещественных благ ту же самую сумму ценностей, то им пришлось бы по-

купать меньше услуг врача, учителя и т. д. А если бы они были вынуждены тратить столько же, как и прежде, на эти услуги, то им пришлось бы уменьшить потребление других вещей. Стало-быть, ясно, что труд врача и учителя не создает непосредственно фонда, из которого они получают вознаграждение, хотя труд обоих входит в издержки производства фонда, создающего вообще все ценности, т. е. в издержки производства рабочей силы.

А. Смит продолжает:

В-третьих, ни в каком случае нельзя сказать, что труд ремесленников, мануфактурных рабочих и торговцев не увеличивает реального дохода общества. Даже если бы мы, например, предположили, — как это, по видимому, предполагают физиократы, — что ценность дневного, месячного, годового потребления этого класса точно равна ценности дневного, месячного, годового продукта его производства, то все же из этого не следовало бы, что труд этого класса ничего не прибавляет к реальному доходу, к реальной ценности годового продукта земли и труда общества. Например, ремесленник, создающий своим трудом в течение первых шести месяцев после жатвы ценность в десять фунтов ст. прибавляет ценность в 10 ф. ст. к годовому продукту земли и труда общества, хотя бы за это время он и потратил на 10 ф. ст. хлеба и других средств существования. Потребляя полугодовой доход в 10 ф. ст. в форме хлеба и других средств существования, он произвел такую же ценность, которая может доставить ему самому или кому-нибудь другому тот же полугодовой доход. Следовательно, ценность того, что он потратил, и того, что он произвел в течение этих 6 месяцев, составляет не 10, а 20 ф. ст. Возможно, разумеется, что в данный момент существует не более 10 ф. ст. этой ценности. Но если бы 10 ф. ст. ценности в форме хлеба и других средств существования были потреблены не ремесленником, а солдатом или слугой, то в конце полугодия было бы на 10 ф. ст. меньше продукта, чем его остается в первом случае в результате труда ремесленника. Стало-быть, хотя мы допускаем, что ни в один момент ценность продукта труда ремесленника не больше ценности потребленного им, однако же, благодаря его труду, количество ценности, действительно находящееся в каждый данный момент на рынке, становится больше, чем оно было бы без этого труда" (I. с., книга IV, глава 9).

А разве ценность товаров, находящихся в данный момент на рынке, не увеличивается, благодаря существованию „непроизводительного труда“? Разве в каждый момент, на ряду с хлебом и мясом, на рынке нет проституток, адвокатов, проповедников, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т. д.? Эта братия недаром получает „хлеб и другие средства существования“. За это она отдает или навязывает свои услуги, которые, как таковые, имеют потребительную ценность, а благодаря затратам на их производство — также и меновую. Во-первых, в каждый данный момент в числе предметов потребления, на ряду с предметами, потребляемыми в форме товаров, существует известное количество предметов, идущих в потребление в форме услуг. Так что общая сумма предметов потребления во всякое время оказывается, благодаря наличности таких потребляемых услуг, больше, чем была бы без них. Во-вторых, ценность тоже увеличится, потому что она равняется ценности товаров, платимых за эти услуги, а эта последняя равна ценности самих услуг. Ведь здесь, как и при всяком обмене товара на товар, эквивалент дается за эквивалент, а стало-быть одна

и та же ценность является вдвойне: один раз на стороне покупателя, а другой — на стороне продавца.

А. Смит продолжает свои замечания по адресу физиократов:

„Когда представители этой системы говорят, что потребление ремесленников, мануфактурных рабочих и торговцев равно ценности их продукта, то они, повидимому, понимают под этим не что иное, как то, что их доход или их потребительный фонд равняется ценности их продукта“.

Здесь физиократы правы, если иметь в виду совокупность рабочих и предпринимателей, потому что прибыль этих последних включает ренту, просто как свою отдельную рубрику*).

*) В связи с этим А. Смит, в своей критике физиократов (9-я глава IV книги), говорит:

„Годовой продукт земли и труда всякого данного общества может быть увеличен только двумя путями: во-первых, увеличением производительной силы полезного труда, совершаемого в этом обществе, во-вторых — увеличением количества этого труда.“

„Рост производительной силы зависит прежде всего от увеличения ловкости рабочего, а равно и от улучшения машины, при помощи которых он работает.“

„... Увеличение количества полезного труда, совершаемого в обществе, должно всецело зависеть от роста капитала, дающего приложение этому труду; рост же этого капитала, в свою очередь, совершенно равен сумме сбережений дохода лиц, ведущих капиталистические предприятия и управляющих ими, а также и лиц, дающих им займы свои сбережения“.

Тут получается двойной порочный круг:

Во-первых: Годовой продукт возрастает вследствие увеличения производительности труда. Все средства увеличения этой производительности, поскольку это увеличение не вызывается случайно природой, например, особенно благоприятным сезоном, зависят от увеличения капитала. Но для того, чтобы увеличился капитал, необходимо должен возрасти годовой продукт труда. Первый круг.

Во-вторых: Годовой продукт может возрасти вследствие увеличения количества прилагаемого труда. Но количество прилагаемого труда может возрасти только в том случае, если предварительно возрос капитал, дающий приложение труду. Смит вырывается из обоих этих кругов с помощью теории сбережения (saving): под этим словом он понимает превращение дохода в капитал. В сущности, уже совершенно неправильно считать всю прибыль доходом капиталиста. Закон капиталистического производства требует, чтобы часть прибавочного, неоплаченного труда рабочего превращалась в капитал. Если отдельный капиталист действует, как капиталист, т. е. как исполнитель функций капитала (als Funktionär des Kapitals), это превращение может ему казаться сбережением; но и даже ему оно представляется в виде накопления необходимого ему резервного фонда. А, кроме того, увеличение количества труда зависит не только от числа рабочих, а также и от продолжительности рабочего дня. Так что количество труда может быть увеличено без увеличения той части капитала, которая идет на заработную плату. Равным образом, при этом нет необходимости в увеличении количества машин и т. д. (хотя они быстрее изнашиваются. Но это дела не меняет). В конце концов, было бы только увеличение той части сырья, которая идет на семена и т. д. И верным остается то утверждение, что в данной стране (оставшая в стороне внешнюю торговлю) прибавочный труд раньше должен быть приложен к земледелию для того, чтобы он стал возможным в промышленности, которая получает от земли сырье. Часть их сырого материала — уголь, железо, дерево, рыба и т. д. (последняя, например, в качестве удобрения — может быть добыта простым увеличением рабочего времени (при неизменном числе рабочих). Так что за этим не может быть остановки. С другой стороны, раньше было показано, что возрастание производительности труда первоначально предпослагает всегда только концентрацию капитала, а не накопление его. Но потом оба эти процесса дополняют друг друга.

Таким образом, второй, или, вернее, сливающийся с другим, взгляд Смита на производительный и непроизводительный труд состоит в том, что производительным является труд, создающий товар, а непроизводительным—труд, не создающий товара. Он признает, что как тот, так и другой род труда представляет собою товар. См. выше (стр. 171):

„Труд этой последней (т.е. прислуги) имеет свою ценность и так же заслуживает своей заработной платы, как и труд первых“ (т.е. промышленных рабочих).

То-есть—в экономическом смысле. О моральной и т. д. точках зрения нет речи ни по отношению к первому, ни по отношению ко второму роду труда.

Но понятие товара подразумевает, что труд воплощается, овеществляется, реализуется в своем продукте. Нельзя считать товаром труд в непосредственной форме его бытия, в его живом виде: товаром является только рабочая сила, временным проявлением которой служит труд. Только такой взгляд выясняет нам как понятие наемного труда в собственном смысле этого слова, так и понятие „непроизводительного труда“, который у А. Смита всюду определяется издержками, необходимыми для производства „непроизводительного рабочего“. Стало-быть, товар должен быть рассматриваем, как нечто, имеющее отдельное от труда существование. Но тогда вся масса товаров распадается на две обширные категории:

С одной стороны—рабочая сила.

С другой стороны—остальные товары.

Однако, нельзя так по-шотландски понимать овеществление и т. д. труда, как понимал его А. Смит. Если мы говорим о товаре, как об овеществлении труда,—в смысле его меновой ценности,—то речь идет у нас только о воображаемой, т.е. только о социальной форме существования товара, не имеющей ничего общего с его вещественным существованием; мы представляем себе его в виде определенного количества общественного труда или денег. Возможно, что конкретный труд, результатом которого является товар, не оставляет на нем никакого следа. В мануфактурном товаре роль такого следа играет внешняя форма, получаемая сырым материалом. Напротив, в земледелии и т. д. хотя форма товара, например, пшеницы, быка и т. д., составляет продукт человеческого труда и притом труда, передаваемого по наследству и накопленного из поколения в поколение, но этого не видно на продукте. В других областях промышленности целью труда служит вовсе не изменение формы предмета, а только его перемещение. Если, например, товар привозится в Англию из Китая, то нет возможности распознать на самом предмете следы труда, затраченного на перевозку, разве только кто-нибудь вспомнит, что данная вещь не английского производства. Стало-быть, здесь непонятно было бы, в чем состоит

овеществленне труда в товаре *). Здесь вводит в обман то обстоятельство, что общественное отношение представляется в форме вещи. Но, конечно, остается верным то, что товар является прошлым, овеществленным трудом, и следовательно, если он не представляет собою вещи, то может существовать только в форме рабочей силы; но живой труд никогда не может быть товаром непосредственно, а только путем обхода, который с практической точки зрения кажется не имеющим значения, но обнаруживает свое влияние в установлении различных заработных плат. Стало-быть, производительным трудом будет такой труд, который или производит товар, или непосредственно создает, обучает, развивает, поддерживает, воспроизводит рабочую силу. Этот последний вид исключается Смитом из установленной им рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но все-таки руководится некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то тем самым настежь откроет двери для ложных представлений о производительном труде.

Таким образом, и поскольку рабочая сила не принимается во внимание, производительный труд сводится к труду, производящему товары, материальные продукты, на производство которых затрачено определенное количество труда или рабочего времени. К числу этих материальных продуктов относятся все произведения искусства и науки, книги, картины, статуи и т. д., поскольку они существуют, как вещи. Но, кроме того, продукт этого труда должен быть товаром, в смысле „продажного товара“, т.-е. товара в его первой форме; товара, которому еще предстоит пройти свою метаморфозу.

Положим, что фабрикант, не имеющий возможности купить готовую машину, строит ее сам, не на продажу, а для того, чтобы пользоваться ею, как потребительной ценностью. Но и тогда он употребляет ее, как часть своего постоянного капитала, т.-е., стало-быть, продает ее по частям в форме продукта, в производстве которого она применялась.

Некоторые виды труда *menial servants* точно также могут овеществляться в товарах (*potentia*) и даже, говоря в вещественном смысле, в тех же самых потребительных ценностях. Но все же слуги — непродуцирующие рабочие, потому что в действительности они произво-

*) Доказательство того, что А. Смит не совсем внешним образом понимает фиксирование труда, может служить следующая цитата, в которой между различными составными частями основного капитала названы:

„4. Полезные способности, приобретенные всеми членами общества. Выработка таких талантов всегда сопряжена с материальными затратами на содержание учащегося во время его воспитания, образования или ученичества, и эти затраты составляют капитал, который фиксируется и реализуется, так сказать, в его личности. Эти таланты составляют часть его имущества, а равно и часть имущества общества, к которому он принадлежит. Но увеличение ловкости рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машину или инструменты, которые облегчают и сокращают труд и которые хотя и вызывают известные расходы, но возмещают их с прибылью“ (I. с., книга II, глава I).

дят непосредственно „потребительные ценности“, а не товары. Что же касается тех видов труда, которые производительны для их покупателя или эксплуататора, как, например, труд актера, для театрального антрепренера, то они потому оказываются непродизводительными, что покупатель может продавать их публике не в форме товара, а в форме самого акта труда.

Несмотря на все это, производительным является тот труд, который производит товар, а непроизводительным — тот, который выполняет личные услуги. Первый вид труда овеществляется в предмете, который может быть продан; второй — должен быть потреблен во время своего исполнения. Первый род (за исключением труда, создающего самое рабочую силу) обнимает все существующее в вещественной форме материальное и интеллектуальное богатство — мясо так же, как и книги; ко второму — относятся все те виды труда, которые удовлетворяют воображаемые или действительные потребности индивидуума или даже навязываются индивидууму помимо его желания.

Товар есть самая элементарная форма буржуазного богатства. Следовательно, определение „производительного труда“, как труда, производящего товар, гораздо более элементарно, чем определение его, как труда, производящего капитал.

Противники А. Смита оставили без внимания его первое, соответствующее характеру предмета определение и ухватились за второе, обнаруживая неизбежные в нем противоречия и непоследовательности. При этом они облеглили себе полемку тем, что обратили внимание исключительно на вещественное содержание труда, а особенно на то, что производительный труд будто бы должен овеществляться в более или менее долговечном продукте. Мы сейчас увидим, что именно вызвало особенно сильную полемку.

Но прежде вот что. По словам А. Смита, вся заслуга системы физиократов заключается в том выводе, что богатство народов состоит „не в денежном запасе, который не может быть потреблен, а в годных для потребления благах, которые ежегодно воспроизводятся трудом общества“ (9-ая глава IV книги).

Тут мы встречаем применение его второго определения производительного труда *).

Понятно, что определение прибавочной ценности зависело от того, как понималась сама ценность. Поэтому в монетарной и меркантильной системе прибавочная ценность представляется в виде денег; у физиократов — в виде продукта земли, сельскохозяйственного продукта, наконец, у А. Смита — непременно в виде товара. У физиократов, поскольку они касаются субстанции ценности, ценность сводится к простой потре-

*) В оригинале написано: „of distinctive labour“. В этом нет никакого смысла. Это явная описка. К.

бительной ценности (к веществу, к материи), совершенно так же, как у меркантилистов она сводится к простой форме ценности—к форме, в которой продукт является как всеобщий общественный труд, т. е., к деньгам. А. Смит имеет в виду оба свойства товара: потребительную и меновую ценность, и потому производительным у него является всякий труд, который воплощен в какой-нибудь потребительной ценности, в полезном продукте. Это условие производительности труда уже подразумевает, что продукт этот равен также определенному количеству всеобщего общественного труда. В противоположность физиократам, А. Смит восстанавливает ценность продукта в ее качестве самой существенной черты буржуазного богатства; но, с другой стороны, он устраняет ту чисто фантастическую форму—форму золота и серебра, в которую облекалась ценность у меркантилистов. Всякий товар—деньги *an sich*. Нельзя не признать при этом, что А. Смит более или менее возвращается также к представлению меркантилистов о „долговечности“ или вернее о „нетленности“. Напомним то место у Петти *), где богатство ценится сообразно тому, насколько оно нетленно, более или менее долговечно, и где, наконец, выше всего ставится золото и серебро, „как нетленное богатство“.

„Ограничивая область богатства,—говорит А. Бланки **),—исключительно теми ценностями, которые воплощены в материальных вещах, он (А. Смит) вычеркнул из книги производства все безграничное множество не вещественных ценностей, дочерей духовного капитала цивилизованных наций, и т. д.“

* * *

В 1-ой главе IV книги сам А. Смит говорит:

„Господин Локк отличает деньги от других движимых благ. По его мнению, все остальные движимые блага так непрочны по своей природе, что нельзя многого основывать на богатстве, состоящем из них. Напротив, деньги надежный друг“.

А ниже в той же главе он говорит:

„Утверждают, что предметы потребления быстро уничтожаются, между тем как золото и серебро, по самой своей природе,—долговечны. Если бы их не вывозили беспрестанно за границу, то эти металлы могли бы накапливаться в течение столетий, так что действительное богатство страны dorосло бы до невероятных размеров“.

Последователь монетарной системы мечтает о золоте и серебре, потому что они суть деньги, самостоятельная, осязательная форма бытия меновой ценности, ее неразрушимая и вечная форма: но он мечтает о них только в той мере, в какой им не дают быть средством обращения, исчезающей формой меновой ценности товаров. Поэтому средством

*) „К критике политической экономии“, 3-ье русское издание 4.

***) „Histoire de l'Economie Politique“, Брюссель, 1842 г., стр. 152; русский перевод П. А. Библикова. Спб. 1869 г., т. II, стр. 47.

обогащения он считает накопление, сбережение, образование сокровища. И даже другие товары, как я показал это в цитате из Петти*), ценятся им только в той мере, в какой они более или менее долговечны, т.-е. не перестают быть меновыми ценностями.

Что касается А. Смита, то, во-первых, он повторяет этот взгляд—на относительно большую или меньшую долговечность товаров—в том отделе, где он говорит о потреблении, рассматривая его полезность с точки зрения создания богатства и определяя ее в зависимости от большей или меньшей продолжительности существования предметов потребления. Здесь у него, значит, проглядывает воззрение монетарной системы, и так должно было быть, потому что даже при непосредственном потреблении остается то соображение, что потребляемый предмет продолжает быть товаром, т.-е. единством потребительной и меновой ценностей, при чем это последнее свойство остается за ним сообразно степени долговечности потребительной ценности,—следовательно, зависит от того, что потребление только мало-по-малу лишает свой предмет возможности быть товаром или носителем меновой ценности.

Во-вторых, в своем втором определении производительного труда Смит вполне возвращается—в более широкой форме—к различию, установленному монетарной системой.

Производительный труд „фиксируется и овеществляется в данной вещи или продажном товаре, который существует, по крайней мере, еще некоторое время по окончании процесса труда. В нем, так сказать, накапливается известное количество труда, которое потом должно быть применено, смотря по надобности“. Напротив, результат непроизводительного труда или услуга „исчезает обыкновенно в момент их выполнения и редко оставляет после себя какой-нибудь след или какую-нибудь ценность, за которую впоследствии можно было бы потребовать такое же количество услуг“ (книга II, глава 3-ья).

Следовательно, Смит устанавливает такое же различие между товарами и услугами, какое монетарная система делала между золотом и серебром, с одной стороны, и другими товарами—с другой. И здесь разница обуславливается накоплением, но уже не в форме накопления сокровищ, а в реальной форме воспроизводства. Товар уничтожается в потреблении, но, уничтожаясь, он создает товар высшей ценности, или же он сам является ценностью, на которую могут быть куплены другие товары. Продукт труда обладает свойством существовать в виде потребительной ценности, более или менее долговечной, а потому и могущей подвергнуться новому отчуждению, в виде потребительной ценности, в которой он является носителем меновой ценности—товаром или день-

*) „К критике политической экономии“, 3-е русское издание, стр. 54.

гами. Услуги же — непроизводительные виды труда — не становятся вновь деньгами. Я не могу ни уплатить долги, ни приобрести какой-нибудь товар, ни купить труд, создающий прибавочную ценность, на услуги, за которые я плачу адвокату, врачу, попу, музыканту, политическому деятелю, солдату и т. д. Эти услуги исчезли, как преходящие предметы потребления.

Так что Смит говорит в сущности то же самое, что и монетарная система. Согласно этой последней, производителен только тот труд, который родит деньги, золото и серебро. Согласно Смиту, производителен только тот труд, который производит деньги своему покупателю. Разница лишь в том, что Смит во всех товарах подмечает скрытый характер денег, между тем как монетарная система видит его только в товаре, представляющем собою самостоятельное бытие меновой ценности. Это различие коренится в самой сущности буржуазного производства: богатство не равносильно потребительной ценности; богатством является только товар, только потребительная ценность, как носительница меновой ценности, т. е. как деньги. Меркантильная система не понимала, что деньги создаются и множатся посредством потребления товаров, а не посредством превращения товаров в золото и серебро, в которых они кристаллизуются, как самостоятельные меновые ценности, но при этом не только теряют потребительную ценность, но и не изменяют величины своей меновой ценности.

* * *

Если бы А. Смит вполне сознательно и твердо придерживался того анализа прибавочной ценности, который по существу содержится в его сочинении; и согласно которому эта ценность создается лишь путем обмена на наемный труд, то производительным оказался бы только труд, обмениваемый на капитал, а ни в каком случае не труд, обмениваемый на доход, как на таковой. Чтобы доход мог обмениваться на производительный труд, для этого он должен быть предварительно превращен в капитал.

Между тем, взяв за исходный пункт то одностороннее, традиционное представление, по которому производительным вообще является труд, непосредственно создающий материальное богатство, и комбинируя с этим представлением свое различие, поскольку в основе его лежит обмен капитала на труд или дохода на труд, Смит [приходит к следующему выводу]: тот род труда, который обменивается на капитал, всегда производителен, всегда создает вещественное богатство и т. д. Тот труд, который обменивается на доход, может быть производительным или непроизводительным, но человек, тратящий свой доход, гораздо больше любит привлекать к делу непроизводительный, чем производительный труд. Вы видите, что таким смешением обоих своих различий А. Смит очень ослабляет и обезцвечивает самое главное из них.

с) Полемика против определения, данного Смитом *).

В полемике против сделанного Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом участвуют преимущественно лишь *dii minorum gentium*, между которыми Шторх еще самый выдающийся; но ее не ведет ни один из значительных экономистов, ни один из тех, о ком можно было бы сказать, что он сделал какое-нибудь открытие в политической экономии; но зато полемика эта является коньком братии второго разряда и особенно коньком пропитанных школьной мудростью компиляторов, кропателей конспектов, красиво пишущих дилетантов и вульгаризаторов. Вызвали эту полемику против А. Смита, главным образом, следующие обстоятельства:

Во-первых: громадной массе так называемых „более высоко поставленных“ рабочих—чиновников, военных, виртуозов, врачей, попов, судей, адвокатов и т. д., труд которых отчасти не только не производителен, но разрушителен по своему существу, и которые, однако, умеют захватывать крупную долю „вещественного“ богатства, продажей ли „невещественных“ товаров, или же насильственным навязыванием их—этой массе вовсе не было приятно быть экономически причисленной к одному классу со скоморохами и прислугой, считаться только прихлебателями, паразитами настоящих производителей (или, вернее, агентов производства). Это было полнейшим развенчанием именно тех функций, которые до того времени были окружены ореолом святости, пользовались суеверным почитанием. Политическая экономия классического периода точно так же, как и сама буржуазия того времени, когда ей приходилось выбиваться в люди, строго и критически относилась к государственной машине и т. д. Впоследствии она поняла,—это обнаружилось и на практике,—опытом дошла до того убеждения, что из ее собственной организации вытекает необходимость всех этих, отчасти совершенно непроизводительных классов. Поскольку эти „непроизводительные рабочие“ не работают для чуждого наслаждения, т. е. поскольку спрос на их услуги не зависит исключительно от того, как намерены расходовать агенты производства свою заработную плату или свою прибыль; поскольку они, напротив, нужны или сами об'являют себя нужными по причине физических недугов (как врачи), или по причине духовных слабостей (как попы), или по причине столкновений между интересами частных лиц; или, наконец, по причине национальных столкновений (как политические деятели, всех родов юристы, полицейские, солдаты),—постольку они для Смита, как и для самого промышленного капиталиста и рабочего класса, являются *faux frais* производства, которые, стало быть, нужно свести, по возможности, до самого необходимого минимума и удешевить, насколько возможно. Буржуазное

*) См. стр. 315 и 316 рукописи. К.

общество снова, в свойственной ему форме, восстанавливает все то, что в феодальной и абсолютистской форме подвергалось его нападкам. Поэтому главной задачей сикофантов этого общества, особенно высших сословий, прежде всего становится теоретическая реставрация даже вполне паразитической части этих „непроизводительных работников“ или же теоретическое обоснование непомерных требований их необходимой части. На деле это было провозглашением зависимости идеологического и т. д. класса от капиталистов.

Но, во-вторых, то теми, то другими экономистами об'являлась „непроизводительной“ часть агентов производства (и именно материального производства). Так, например, отнеслась к землевладельцам часть экономистов, защищавших промышленный капитал (Рикардо). Другие (напр., Кэри) признали „непроизводительным“ работником торговца. Затем, явились даже такие, которые самого „капиталиста“ провозгласили непроизводительным или, по меньшей мере, стремились свести его притязания на материальное богатство к „заработной плате“ т.-е. к плате „производительного рабочего“. К такому скептицизму примкнули, повидному, многие интеллектуальные работники. Все это заставляло пойти на компромисс и признать производительность всех классов, не входящих непосредственно в число агентов материального производства. Рука руку моет, и, как в басне о пчелах, надо было показать, что и с „производительной“, экономической точки зрения буржуазный мир со всеми его „непроизводительными работниками“ есть лучший из миров; это было тем более уместно, что „непроизводительные работники“, с своей стороны, стали высказывать критические соображения относительно производительности тех классов, которые, главным образом, „*fruges consumere nati*“, или же тех агентов производства, которые—как, напр., землевладельцы—решительно ничего не делают и т. д. Как бездельникам, так и их паразитам нужно было найти место в этом лучшем из миров.

В-третьих. По мере того, как развивалось господство капитала, и по мере того, как в действительную зависимость от производства материального богатства все более и более попадали непосредственно не относящиеся к нему области производства,—положительные (естественные) науки особенно были подчинены, как средство, материальному производству,—низший ранг сикофантов политической экономии стал считать своей обязанностью возвеличивать и оправдывать всякую данную сферу деятельности указанием на то, что она „связана“ с производством вещественного богатства, что она служит для него средством; и каждому они оказывали честь тем, что делали его „производительным работником“ в „самом тесном“ смысле этого слова, т.-е. работником, который работает на капитал, тем или иным способом служит его увеличению и т. д.

Тут уже приходится предпочесть таких людей, как Мальтус, которые прямо защищали необходимость и полезность „непроизводительных рабочих“ и явных паразитов.

д) Некоторые воззрения на производительный труд до и после А. Смита *).

[Намек на различие производительного труда от непроизводительного мы находим уже у Томаса Гоббса. В своем „Leviathan'e“, вышедшем в свет в 1651 г., он пишет:]

„Человеку недостаточно работать для поддержания своего существования, ему приходится, кроме того, бороться, когда нужно защищать свой труд. Приходится или—подобно тому, как поступали евреи при восстановлении храма—по возвращении из Вавилонского пленения—одной рукой работать, а в другой держать меч, либо нанимать других людей для того, чтобы они вели эту борьбу“ („Leviathan. English Works of Sir Th. Hobbes“, ed. Molesworth, Лондон, 1839—44, III, стр. 333).

По Гоббсу, наука, а не созидательный труд, является матерью всех „общепользных“ искусств, „как постройка крепостей, сооружение машин и других орудий войны; эти искусства представляют собой силу, так как они содействуют обороне и победе; но хотя настоящей матерью их является наука,—и особенно математика,—источником их происхождения считается рука ремесленника (artificer), которая способствует их появлению на свет, подобно тому, как простонародье (the vulgar) смешивает повитуху с матерью ***) (I. c., стр. 75).

[Наука, говорит Гоббс перед этим, по большей части не доценивается и представляет собою незначительную силу, потому что только тот может понимать ее, кто сам в высокой степени овладел ею.]

Продукт умственного труда—наука—действительно ценится всегда далеко ниже ее ценности, потому что рабочее время, нужное для ее воспроизводства, не имеет никакого отношения к рабочему времени,

*) Этот параграф представляет собою соединение отдельных мест со стр. 1297, 318, 1346, 316, 317, 1294, 1333, 764 рукописи К.

**) В приведенном месте Гоббс продолжает:

„Ценность (value or worth) человека, как и всех других предметов, есть его цена, т. е. та сумма, которую дали бы за пользование его силой“ (I. c., стр. 76).

В другом месте он говорит: „Труд человека (стало-быть, пользование его, рабочей силой) есть тоже товар, который, как и всякая другая вещь, может быть обмениваем за вознаграждение (benefit)“ (I. c., стр. 233).

У Гоббса труд—единственный источник богатства, если не считать даров природы, существующих в годной для немедленного потребления форме. Бог (природа) или безвозмездно (freely) дает дары, или продает блага за труд человечеству“ („Leviathan“, стр. 232). Но у Гоббса, собственность и землю распределяет по своему усмотрению государь. [„Государь наделяет каждого участком земли, сообразно тому, как он, а не кто-нибудь из его подданных, и не та или другая часть их, находит это нужным и соответствующим общему благу“—(I. c., стр. 234)].

необходимому для ее оригинального производства; так, например, школьник может выучить теорему о биноме в течение одного часа.

* * *

Петти тоже различает производительных рабочих от непроизводительных. „Земледельцы, моряки, солдаты, мастеровые (artizans) и купцы служат истинными устоями всякого общества“. Все остальные профессии вызываются слабостями и заблуждениями этих людей; моряк же один представляет троих из этой четверки, так как он не только мореплаватель, но купец и солдат („Political Arithmetick“ etc., Лондон, 1699 г., стр. 177). „Труд моряка и перевозка водой всегда обусловлены природой вывозимого товара; излишек вывоза над ввозом приносит стране деньги“ (I. с., стр. 178, 179).

Пользуясь этим случаем, Петти опять излагает выгоды разделения труда: „Те, которые господствуют морской торговлей, могут и при более дешевой перевозке работать с большей прибылью, чем другие при большей (более дорогой перевозке); потому что,—подобно тому, как платье обходится дешевле, если один сучит шерсть, другой прядет, третий тклет, четвертый валяет сукно, пятый его лощит, шестой, наконец, прессует и упаковывает его,—те, которые господствуют в морской торговле, могут строить различные типы судов для различного назначения“. морские суда, речные, торговые, военные и т. д., „и это является главной причиной того, что голландцы могут перевозить за более дешевую цену, чем их соседи, потому что они имеют возможность сооружать особый род судов для каждой отдельной отрасли торговли“ (I. с., стр. 179, 180).

Впрочем, у Петти обнаруживается совершенно Смитовское воззрение, когда он опять говорит: „Если подать палатается на имущество промышленников и т. д. для снабжения деньгами тех, род занятий которых не создает „ни материальных предметов, ни предметов, обладающих действительной полезностью и ценностью для общества, то в этом случае богатство народа уменьшается. Иначе надо смотреть на те виды духовного отдыха и освежения, которые, при умеренном пользовании ими, возвращают человеку способность и охоту к предметам более важным по существу“ (I. с., стр. 198). Рассчитав число людей, нужное для промышленного труда, можно „в интересах общества смело и без вреда пользоваться остальными в искусствах и занятиях, которые имеют целью удовольствие и красоту, и из которых величайшим является развитие естествознания“ (I. с., стр. 199). „Мануфактура выгоднее сельского хозяйства, а торговля выгоднее мануфактуры“ (I. с., стр. 172). „Один моряк стоит трех крестьян“ (I. с., стр. 178).

К вопросу о производительном и непродуцительном труде относятся еще следующие места из „Treatise on taxes and contributions etc.“, Лондон, 1662 г. (цитировало по изданию 1679 г.).

1. Пасторы.

У нашего друга Петти „теории народонаселения“ совсем не такова, как у Мальтуса *). По его мнению, следовало бы установить „препятствие“ для способности размножения пасторов и восстановить безбрачие духовенства.

„Так как в Англии больше мужчин, чем женщины... то хорошо было бы если бы духовенство вернулось опять к безбрачию, или если бы никто не получал духовного сана, раз он женат... И тогда наши неженатые духовные лица так же хорошо жили бы на половину церковного дохода, как теперь на весь доход“ (стр. 7, 8) **).

2. Купцы и лавочники.

„Из числа их также может быть откинуто большинство таких, которые ничем в сущности не служат публике, так как являются лишь своего рода игроками, ведущими между собой игру на труд бедняков: сами они бесплодны и только распределяют, подобно венам и артериям, кровь и питательные соки общества, т.-е. продукт сельского хозяйства и промышленности“ (стр. 10).

3. Адвокаты, врачи, чиновники и т. д.

„Если бы были сокращены многочисленные должности и судебные доборы, которые связаны с правительством, правосудием и церковью, а равно и уменьшено количество богословов, юристов, врачей, купцов и лавочников, получающих крупные вознаграждения за небольшой труд, совершаемый ими для публики,—насколько легче тогда было бы покрывать издержки общества“ (стр. 11).

4. Нищие, безработные (supernumeraries).

„Кто должен платить этим людям? Каждый, отвечаю я... Ясно, я думаю, что не следовало бы ни оставлять их умирать голодной смертью, ни вешать, ни ссылать“. Им следует либо отдавать „излишек (the superfluity), или если такового нет, то пристойно было бы несколько ограничить по количеству и по качеству пропитание других“ (стр. 12, 13).

Все равно, какую работу ни возложили на безработных, но только она не должна вызывать потребление заграничных товаров. Главная задача в том, чтобы „приучить тех, которым дают работу, к дисциплине“.

*) Сравните хотя бы следующую фразу: „Редкое народонаселение—это настоящая бедность; нация в восемь миллионов голов вдвое богаче нации, которая на той же площади насчитывает только четыре миллиона“ (стр. 16).

***) Петти говорит о попах с утонченной иронией:

„Религия процветает тем больше, чем больше умерщвляют свою плоть (mortified) священники, подобно тому, как право... процветает тем больше, чем меньше работы юристам“ (стр. 59). Во всяком случае, он советует „не разводиться (breed) попов больше, нежели имеется для них в наличности, при теперешнем распределении церковных доходов“. Допустим, например, что в Англии и Уэльсе есть 12000 духовных мест. „В таком случае не следует доводить число духовенства до 24000, потому что тогда 12000 необеспеченных станут искать себе средств существования, чего им легче всего будет достигнуть, убеждая население в том, что 12000 получателей церковного дохода отравляют их души или морят их голодом и совращают с пути в царствие небесное“ (стр. 59, 60). Намек на английскую религиозную войну.

плине, а их физические силы — к терпеливому исполнению возможно более выгодных видов труда, на тот случай, когда они понадобятся для таких работ" (стр. 13).

Прежде всего их надо употреблять при постройке дорог, зданий, в рудниках и т. д. (стр. 12).

* * *

Дэвенент приводит таблицу одного старого статистика, Грегори Кинга, озаглавленную: „Scheme of the Income and Expence of the several Families of England, calculated for the year 1688“. Studiosus Кинг делит в ней весь народ на два главных класса: на класс, умножающий богатство страны, — численностью в 2675720 голов, и класс, уменьшающий это богатство, — в 2825000 голов; значит, первый — „производитель“, второй — „непроизводитель“; „производительный“ класс состоит из лордов, баронетов, рыцарей (knights), эсквайров, дворян, высших и низших чиновников, купцов, занимающихся морской торговлей, селян, духовных, землевладельцев, арендаторов, людей свободных профессий, мелких и крупных торговцев, — ремесленников, морских офицеров. Напротив, „непроизводительные“ классы состоят из матросов (common seamen), земледельческих и мануфактурных рабочих (labouring people and out servants), крестьян-хуторян (cottagers), составлявших во времена Дэвенента пятую часть всего населения Англии, из простых солдат, пауперов, цыган, воров, нищих и бродяг. Дэвенент так комментирует этот реестр ученейшего Кинга: „Он этим хочет сказать, что первый из двух классов народа сам себя содержит при посредстве земель, искусств и прилежания в ремеслах и ежегодно прибавляет известную долю к национальному капиталу, а независимо от этого так много дает ежегодно от своих излишков на содержание других классов. Люди же, принадлежащие ко второму из этих классов, отчасти содержат себя трудом, но остальные, т.-е. их жены и дети, питаются на счет других, из года в год служат для публики бременем, так как они ежегодно потребляют то, что могло бы быть вложено в общий капитал нации“ (Дэвенент, „An essay upon the probable methods of making a people gainers in the balance of trade“. Лондон, 1699, стр. 36 и 50).

[Юм в своем опыте о проценте говорит:].

„Труд адвокатов и врачей вовсе не есть промышленный труд, и богатства наживаются ими только на счет других, так что они с такой же быстротой уменьшают богатства других, с какой увеличивают свое собственное (Essays II-ое издание. — Лондон, 1764 г. II, стр. 334).

[Приведем еще замечания о производительном и непроизводительном труде некоторых писателей после-Смитовского периода.]

В „Nouveaux principes d'économie politique“ (I том, стр. 148) Сисмонди принимает правильное толкование Смитовского различия (как

это подразумевается само собой и у Рикардо): Действительное различие между производительным и непроизводительным классами таково: „первый всегда обменивает свой труд на капитал нации; второй—всегда обменивает его на часть национального дохода“.

Здесь нужно еще упомянуть одно место у Рикардо, где он доказывает, что „производительным рабочим“ гораздо выгоднее, если собственники прибавочной ценности (прибыли, земельной ренты) потребляют ее на „непроизводительных рабочих“ (например, на прислугу), чем когда они расходуют ее на создаваемые „производительными рабочими“ предметы роскоши.

Рикардо говорит:

„Если землевладелец или капиталист тратит свой доход, по примеру феодалного барона, на содержание многочисленной свиты или прислуги, то он дает занятие гораздо большему числу рабочих рук (labour), нежели в том случае, если он тратит его на изысканное платье, дорогую мебель, экипажи, лошадей, или другие предметы роскоши. Чистый, а равно и валовой, доход в обоих случаях был бы один и тот же, но первый реализовался бы в каждом из этих случаев в различных товарах. Если мой доход составляет 10000 ф. ст., то применяется почти одно и то же количество производительного труда, независимо от того, реализую ли я этот доход в виде изысканного платья, дорогой мебели и т. д., или же в виде средств существования на ту же сумму ценностей. Но если я реализую свой доход в товарах первого рода, то впоследствии труд уже больше не найдет себе применения. Я буду пользоваться моей мебелью и моим платьем, и это все. Напротив, если я реализую свой доход в средствах существования, с намерением держать прислугу, то к прежнему спросу на рабочих прибавляется еще спрос на всех тех, которых я могу нанять на мой доход в 10.000 ф. ст. или на равное ему количество средств существования, и это происходит только потому, что я избрал второй способ траты своего дохода. Так как рабочие заинтересованы в спросе на труд, то они естественно должны желать, чтобы возможно большее количество дохода было отвлечено от затрат на предметы роскоши и употреблено на содержание прислуги“ (Рикардо, „Principles of political economy“, глава 31; русский перевод Н. Рязанова. Спб. 1908 г. стр. 269).

* * *

*

„Насколько с точки зрения капиталистического производства не производителен тот рабочий, который хотя и производит продажные товары, но лишь в размерах суммы [ценности] своей собственной рабочей силы и, стало-быть, не создает вовсе прибавочной ценности для капиталиста,—это можно видеть уже из тех мест у Рикардо, где говорится, что самое существование подобных людей вредно (a unisance). Это—теория и практика капитала.“

„Как теория капитала, так и практика, стремящаяся доводить труд до той точки, на которой он может приносить капиталисту, сверх издержек на содержание рабочего, еще и прибыль, кажутся противоречащими естественному закону производства“ (Hodskin, „Popular political economy“. Лондон, 1827, стр. 238).

Недурно то заявление, что производителен тот рабочий, „который увеличивает богатство своего хозяина“. (Th. R. Malthus, „Principles of political economy“, 2. Edition. Лондон, 1836, стр. 47 примеч.).

С этим следует сопоставить еще одну фразу:

„Единственным потреблением, которое с полным правом можно назвать производительным, является потребление или уничтожение богатства капиталистами в целях воспроизводства... Конечно, ту часть своей заработной платы, которой он не сберегает, рабочий, трудящийся на капиталиста, потребляет, как доход, на свое содержание или на предметы удовольствия, а не в виде капитала, для целей производства. Он является производительным потребителем для своего хозяина и для государства, но, строго говоря, не для себя самого“ (Malthus, „Definitions in political economy“). Edition Cazenove, стр. 30).

Господин Дж.-Ст. Милль в своих „Essays on some unsettled questions of political economy“ (Лондон, 1844 г.) бьется над вопросом о производительном и непроизводительном труде; но на деле он ничего не прибавляет к Смитовскому (второму) толкованию, кроме утверждения, что производительны также и те виды труда, которые производят самую рабочую силу.

„Источники наслаждения могут быть накапливаемы и сберегаемы; само наслаждение не может. Богатство страны состоит из всей суммы длящихся источников наслаждения независимо от того, материальны они или нет; следовательно, труд или расход, имеющий целью увеличение количества или сохранение этих длящихся источников наслаждения, следует назвать *производительными*“ (I. с., стр. 82). „Если механик, делающий прядильный станок, работает производительно, то производительно работает и прядильщик; изучая свое ремесло; то, что они оба потребляют при этом, потребляется производительно, т.е. такое потребление стремится не уменьшить, а умножить в стране число длящихся источников наслаждения, создавая вновь также источники, которые возмещают с излишком сумму потребленного“ (стр. 83).

е) Г. Гарнье*).

Мы бинем только беглый взгляд на направленные против Смита разглагольствования о производительном и непроизводительном труде.

Начнем со взглядов Жермена Гарнье, развитых им в V томе примечаний к его переводу „Wealth of Nations“ Смита (Париж, 1802 г.).

Гарнье в полном смысле разделяет воззрение физиократов на производительный труд, лишь несколько ослабляя его. Он оспаривает тот взгляд Смита, что „производителен тот труд, который реализуется в каком-нибудь предмете, тот, который оставляет следы своего действия и продукт которого может быть продан или обменян“ (I. с., V том, стр. 169).

Доводы, выставленные им против А. Смита, отчасти были повторены его учениками.

Во-первых, он возражает против введенного Смитом подразделения:

„Это подразделение ошибочно, так как оно основывается на несуществующем различии. Всякий труд производителен в том смысле, в каком автор употребляет слово производительный. Труд как одного, так и другого рода одинаково производителен в смысле создания какого-нибудь наслаждения, удобства, пользы—для того, кто платит за него. Без этого никакой труд не получал бы вознаграждения“.

*) Стр. 318, 319, 347, 350, 356, 357, 358, 400, 421 рукописи. К.

Стало-быть, он производителен потому, что производит какую бы то ни было потребительную ценность и продается, обладает меновой ценностью, т.-е. сам служит товаром. Развивая эту мысль и для ее иллюстрации, Гарнье приводит примеры, в которых непроизводительные рабочие производят ту же самую или такого же рода потребительную ценность, как и „производительные“. Например, „служанка или лакей, которые, служа у меня, топят мои печи, завивают мои волосы, чистят и убирают платье и мебель, стряпают для меня и т. д., заняты точно такой же работой, как прачка или белошвейка, которые моют и чинят белье для своих заказчиков... как трактирщик или содержатель харчевни, занятие которых состоит в том, чтобы готовить кушанья для своих клиентов; как цирюльник, парикмахер и т. д., которые оказывают непосредственные услуги *); наконец, как каменщик, кровельщик, столяр, стекольщик, печник и все то множество строительных рабочих, которых приглашают для починки и ремонта и которые в такой же мере выручают свой доход из работ по случайному и постоянному ремонту, как и из новых строительных работ **). Этот род труда состоит не столько в производстве, сколько в ремонте; его назначение заключается не столько в том, чтобы прибавлять новую ценность вещам, сколько в том, чтобы предотвращать их разрушение. Все эти рабочие, включая домашнюю прислугу, берегают тому, кто их нанимает, труд по уходу за его собственным имуществом ***). В громадном большинстве случаев их затем и только затем и нанимают ****); стало-быть, они все производительны или из них не производителен никто“ (I. с., стр. 171, 172).

*) Но большинство этих лиц у А. Смита также мало относится к числу производительных рабочих, как и прислуга.

***) А. Смит нигде не говорит, что труд, фиксирующийся в более или менее долговечном предмете, не может быть в такой же мере трудом по ремонту, как и трудом по созданию чего-нибудь нового.

****) Их, следовательно, можно рассматривать как машины для сохранения ценности, или, вернее, потребительных ценностей. Эта точка зрения „сбережения“ проводится, как мы это еще увидим дальше, Дестютом де Трасе.

Непроизводительный труд одного не становится производительным благодаря тому, что он берегает непроизводительный труд другому. Он выполняется кем-нибудь из двух непроизводительных рабочих. Часть Смитовского непроизводительного труда становится необходимой, благодаря разделению труда.—это та часть непроизводительного труда, которая абсолютно необходима для потребления вещей и, стало-быть, принадлежит, так сказать, к издержкам потребления, но и то только тогда, когда непроизводительный труд берегает это время производительному рабочему. И А. Смит вовсе не отрицает преимуществ этого „разделения труда“. Если бы, при отсутствии этого последнего, каждый был вынужден совершать и производительный и непроизводительный труд,—что могло быть лучше сделано, благодаря разделению труда,—то это несколько не изменило бы того обстоятельства, что один из этих видов труда производителен, а другой нет.

*****) Странный способ „берегать“ труд: для того, чтобы один берегал труд ухода за самим собой, ему должны прислуживать десятеро; кроме того, „непроизводительным“ трудом такого рода пользуются большей частью те, кто ничего не делает.

Во-вторых. Француз не может позабыть *ponts et chaussées*, ведомство путей сообщения. Почему, говорит он, называют производительным „труд инспектора или директора частного, торгового или промышленного предприятия и непроизводительным—труд правительственного чиновника, который заведует общественными дорогами и судоходными каналами, гаванями, монетными дворами и другими могущественными орудиями оживления торговли; который следит за безопасностью сообщений и за исполнением договоров и т. д. и имеет право считаться как бы инспектором большой общественной фабрики? Это—совершенно такой же род труда, только совершаемый в значительно большем масштабе“ (стр. 172, 173).

Поскольку такое лицо участвует в производстве (или в сохранении и воспроизводстве) материальных вещей, которые могли бы быть проданы, если бы не были в руках государства, Смит мог бы назвать его „производительным“. „Инспекторы большой общественной фабрики“—чисто французские создания.

В-третьих. Тут Гарнье ударяется в „мораль“. Почему это парикмахер, который нежит мое обоняние—производитель, а музыкант, чарующий мой слух—нет? (стр. 173). Потому, ответил бы Смит, что один поставляет материальный продукт, а другой—нет. Мораль и „заслуга“ того и другого не имеют ровно никакого отношения к этому различию.

В-четвертых. Не видите ли вы противоречия в том, что „сериичный и органичный мастер, потный торговец и т. д., и т. д.“ производительны, а профессии, по отношению к которым их труд имеет лишь подготовительный характер, не производительны? „Как те, так и другие имеют конечной целью своего труда один и тот же род потребления. Если конечный результат труда одних не заслуживает того, чтобы его занесли в число продуктов общественного труда, то почему такое предпочтение отдается тому, что является только средством к достижению этого результата“ (I. c., стр. 173).

Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, так же производитель, как и тот, кто его производит. Ведь для чего производится хлеб? Для еды. Стало-быть, если еда—непроизводительный труд, то почему же производительно хлебопашество, служащее только средством к достижению этой цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т. д., а разве это не такие же благородные продукты, как овес и пшеница?—спросит А. Смита возмущенный друг людей.

Во-первых, А. Смит не говорит, что непроизводительные рабочие не создают никаких продуктов. Если бы это было так, то они вообще не были бы рабочими. Во-вторых, вы можете удивляться тому, что врач, прописывающий пилюли, называется непроизводительным рабочим, а аптекарь, делающий их,—производителем. Или—производителем инстру-

ментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Но это только показывает, что в этих случаях „производительные рабочие“ поставляют продукты, назначение которых служить исключительно средствами производства для непродуцительных рабочих. А это не более удивительно, чем то обстоятельство, что, в конце концов, все производительные рабочие, во-первых, поставляют средства для оплаты непродуцительных и, во-вторых, поставляют продукты, потребляемые без всякого труда.

Из всех этих замечаний второй пункт вполне в духе французов, которые никак не могут позабыть своих *ponts et chaussées*; третий—сводится к морали; четвертый или содержит в себе ту бессмыслицу, что потребление также производительно, как производство (что неверно для буржуазного общества, где один производит, а другой потребляет), или же показывает, что часть производительного труда только предоставляет материал для непродуцительных видов труда, чего А. Смит нигде не отрицает.

Только в первом пункте верно замечено, что А. Смит во втором своем определении называет одни и те же виды труда производительными и непродуцительными, или, вернее, что он, в силу своего же собственного определения, должен назвать производительной некоторую, сравнительно небольшую, часть своего „непродуцительного“ труда,—но это возражение не против самого различия, а против классификации на основе этого различия, против частного применения этого последнего.

После всего этого ученейший Гарнье подходит, наконец, к делу.

„Единственное общее различие, которое, казалось бы, можно найти между двумя выдуманными Смитом классами, состоит в том, что у того класса, который он называет производительным, существует или может существовать посредник между производителем и потребителем предмета; между тем как у того класса, который назван им непродуцительным, подобный посредник невозможен, и отношение между рабочим и потребителем по необходимости—прямое и непосредственное. Ясно, что тот, кто пользуется опытностью врача, искусством хирурга, знанием адвоката, талантом музыканта или актера, или, наконец, услугами прислуги, по необходимости становится в прямое и непосредственное отношение к каждому из этих работников в момент совершения им труда; напротив, в профессиях других классов предназначенный для потребления объект является материальной, осязаемой вещью, которая способна пройти различные акты обмена, прежде чем она от своего производителя попадает к потребителю“ (стр. 174).

Этими последними словами Гарнье бессознательно указывает, какал тайная логическая связь существует между первым Смитовским различием (труд, обмениваемый на капитал, и труд обмениваемый на доход) и последним (труд, фиксирующийся в материальном, продажном товаре, и труд, не фиксирующийся в таковом). Те виды труда, которые не фиксируются в товаре, по природе своей часто не могут быть подчинены капиталистическому способу производства; для других видов это возможно. И это верно совершенно независимо от того, что на основе

капиталистического производства, где наибольшая часть материальных и осязаемых товаров производится наемными рабочими под властью капитала, [непроизводительные] виды труда (или услуги—будь то услуги проститутки или римского папы) могут быть оплачиваемы только либо заработками производительных рабочих, либо прибылями их хозяев (и их соучастников в этих прибылях); совершенно независимо от того, что эти производительные рабочие создают материальный базис для содержания и, стало-быть, существования непроизводительных рабочих. Но очень характерно для этого пустого болтуна, что он, мнящий себя политико-экономом, а стало-быть, исследователем капиталистического производства, считает несущественным то, благодаря чему это производство именно и становится капиталистическим: обмен капитала на наемный труд, вместо непосредственного обмена дохода на наемный труд или прямой уплаты дохода рабочим самому себе. Таким образом, само капиталистическое производство оказывается несущественной формой, тогда как на деле оно является необходимой, хотя только исторически, т. е. преходяще-необходимой формой для развития общественной производительной силы труда и превращения труда в общественный труд.

Гарнье продолжает:

„Равным образом из его производительного класса следовало бы исключить рабочих, труд которых состоит в том, что они чистят, оберегают и чинят готовые предметы, не вводя этим в обращение никакого нового продукта“ (стр. 175).

Смит нигде не говорит, что труд и его продукт непременно должны входить в оборотный капитал. Он может входить прямо в основной капитал, как труд механика, исправляющего на фабрике машины. Но затем ценность его труда входит в обращение продукта. А мастера, производящие починки и т. д. на домах у заказчиков, обменивают свой труд не на капитал, а на доход.

„Согласно этому различению, непроизводительный класс содержится—как это заметил сам Смит—только на доходы. Так как у этого класса не может быть посредника между ним и потребителем его продуктов, т. е. потребителем его труда, то труд этот оплачивается непосредственно потребителем или тем, кто оплачивает только из своего дохода. Напротив, рабочие производительного класса обыкновенно получают плату от посредника, цель которого—извлекать из труда прибыль, так что их труд оплачивается часто из капитала. Но капитал этот, в конце концов, возмещается доходом того или другого потребителя; в противном случае, он не мог бы обращаться и не приносил бы прибыли своему владельцу“.

Последнее „но“ совсем ребяческое. Во-первых, утверждение Гарнье, будто бы, в конце концов, весь капитал возмещается из дохода потребителя—неверно, так как часть капитала возмещается капиталом, а не доходом *). Во-вторых, это само по себе нелепо, так как доход, по-

*) Здесь Маркс помещает очень длинное отступление по этому вопросу, которое я, ради непрерывности главного изложения, отнес в приложение к предыдущей главе, озаглавив его: „Обмен капитала на капитал“. К.

сколько он не служит заработной платой (или заработной платой, выдаваемой из заработной платы, т.-е. производным от нее доходом), представляет собой прибыль с капитала (или производный от этой прибыли доход). Наконец—вздор, будто бы часть капитала, не входящая в обращение (в том смысле, что она не возмещается доходом потребителя), не может „приносить прибыли своему владельцу“. В самом деле, при неизменных прочих условиях производства, эта часть не приносит прибыли (вернее—прибавочной ценности). Но без этой части капитал вообще не мог бы создавать своей прибыли.

„Все, что можно извлечь из этого различия, есть тот факт, что для того, чтобы производительные рабочие были заняты в производстве, нужен не только доход потребителей их труда, но также и капитал, дающий прибыли посредникам, между тем как для найма непроизводительных рабочих в большинстве случаев достаточно дохода их нанимателей“ (I. с., стр. 175).

Уже одна эта фраза—такое сплетение бессмыслицы, что после нее ясно одно: Гарнье, переводчик А. Смита, решительно ничего не понял у А. Смита и не имеет никакого представления о той сущности „Wealth of Nations“, что капиталистический способ производства—самый производительный, каким он безусловно и является по сравнению с предшествующими формами производства.

Прежде всего, в высшей степени глупо возражать А. Смигу, называющему непроизводительным тот труд, который оплачивается доходом, что „для найма непроизводительных рабочих в большинстве случаев достаточно дохода их нанимателей“. А противоположное положение! „Для того же, чтобы производительные рабочие были заняты в производстве, нужен не только доход потребителей их труда, но также и капитал, приносящий прибыль посредникам“. Как же производительен после этого у господина Гарнье земледельческий труд, для которого, помимо дохода потребителей продукта земли, нужен еще и капитал, приносящий не только прибыль посредникам, но и земельную ренту землевладельцам!

Не верно, что „для того, чтобы производительные рабочие были наняты в производстве“, нужен, во-первых, капитал, дающий им занятие, а во-вторых,—доход, потребляющий их труд; для этого нужен только капитал, который сам уже создает и доход, пользующийся плодами их труда. Если я, капиталист-портной, выдаю в виде заработной платы 100 ф. ст., то они производят для меня, скажем, 120 ф. ст. Они создают для меня доход в 20 ф. стерлингов, посредством которых я теперь могу, если захочу, воспользоваться работой портного в форме сюртука. Если же я, вместо того, покупаю на 20 ф. ст. платья, чтобы носить его, то, очевидно, что не это платье создало для меня затраченные на его покупку 20 ф. ст. И то же самое было бы, если бы я пригласил к себе портного на дом и велел бы емушить для меня сюртук за 20 ф. ст. В первом случае я выручил на 20 ф. ст. больше, чем у меня было прежде; во втором случае у меня после сделки на

20 ф. ст. меньше, чем было до нее. К тому же, я скоро заметил бы, что портной, которому я плачу непосредственно из дохода, не так дешево шьет сюртуки, как обошлись бы они мне, если бы я покупал их у посредника. Гарнье воображает, что прибыль оплачивается потребителем. Потребитель оплачивает ценность товара, и хотя товар включает в себя прибыль капиталистов, однако, ему, потребителю, выгоднее купить готовый товар, нежели затратить свой доход непосредственно на покупку труда, который должен производить в ничтожных размерах для удовлетворения его личных потребностей. Тут ясно видно, что Гарнье не имеет ни малейшего понятия о том, что такое капитал. Он продолжает:

„А разве многие непроеводительные рабочие, каковы—актеры, музыканты и т. д., не получают свою заработную плату по большей части от директора, который получает прибыль от капитала, вложенного в такого рода предприятие“? (I. с., стр. 176, 177).

Это замечание справедливо, но оно только показывает, что часть рабочих, которых А. Смит по второму своему определению называет непроеводительными, по смыслу первого его определения производительны.

„Нужно, следовательно, предположить, что общество, производительный класс которого очень многочислен, отличается сильным скоплением капиталов в руках посредников или предпринимателей“ (I. с., стр. 176).

В самом деле: массовое скопление наемного труда является только другим выражением массового скопления капитала.

„Таким образом, не отношение между массой капиталов и массой доходов—как предполагает Смит—определяет собой отношение между производительным и непроеводительным классом. Это последнее отношение скорее зависит, повидимому, от нравов и привычек народа, от большей или меньшей высоты развития его промышленности“ (стр. 177).

Если производительными являются рабочие, которые получают плату из капитала, а непроеводительными те, которые оплачиваются доходом, то очевидно, что производительный класс относится к непроеводительному, как капитал к доходу. Но пропорциональный рост обоих классов будет зависеть не только от существующего отношения между массой капиталов и массой доходов. Он будет зависеть также и от того, в какой пропорции растущий доход (прибыль) превращается в капитал, и в какой он расходуется, как доход. Хотя первоначально буржуазия очень экономна, но с ростом производительности капитала, т. е. рабочих, она, по примеру феодалов, заводит себе целые свиты. По последнему (1861 г.) фабричному отчету общее число всех лиц (включая состав администрации), занятых на фабриках, в собственном смысле слова, в Соединенном Королевстве составляло только 775.534 *), между тем как число слуг женского пола в одной только Англии доходило

*) Return to an address of the House of Commons, помеченный 24 апреля 1861 г. (отпечатан 11 февраля 1862 г.).

до миллиона. Как прекрасен тот порядок вещей, который заставляет молодую девушку по 12 часов в день трудиться до пота лица на фабрике, для того, чтобы ее неоплаченный труд дал ее хозяину возможность взять к себе ее сестру в служанки, ее брата—в грумы, а ее двоюродного брата—в солдаты или в полицейские.

Последнее добавление к мысли Гарнье бессодержательно, так как является тавтологией. Отношение между производительными и непроизводительными классами зависит не от отношения между капиталом и доходом,—вернее, не от отношения между массой наличных товаров, расходуемых в форме капитала, и массой товаров, расходуемых в форме дохода,—а от нравов и привычек народа, от состояния его промышленности. В самом деле, капиталистическое производство устанавливается только на очень высокой ступени развития промышленности.

Как сенатор-бонапартист, Гарнье мечтает, разумеется, о лакеях и вообще о прислуге.

* „При равном числе лиц ни один класс не содействует до такой степени превращению в капиталы сумм, происходящих от дохода, как домашняя прислуга“ (стр. 181).

На деле же, ни один класс не поставляет более негодных элементов в мелкую буржуазию. Гарнье не понимает, каким образом Смит, „человек, обладающий такой пронизательностью“, не дает более высокой оценки „тому посреднику, который приставлен к богатому для того, чтобы подбирать остатки дохода, беззаботно им расточаемые“ (I. с., стр. 183).

Он сам же говорит здесь, что посредник „подбирает“ остатки дохода. Но из чего состоит этот доход? Из неоплаченного труда производительных рабочих.

После всей этой неудачной полемики против Смита Гарнье, возвращаясь к физиократии, объявляет единственно производительным трудом—труд земледельцев! И почему? Потому, что их труд „создает новую ценность, которая не существовала в обществе,—даже как эквивалент,—в то время, когда начиналось действие труда; это именно та ценность, которая доставляет ренту землевладельца“ (I. с., стр. 184).

Стало-быть, что такое производительный труд? Это—труд, создающий прибавочную ценность, новую ценность сверх эквивалента, получаемого им в качестве заработной платы. Не Смит виноват, если Гарнье не понимает, что обмен капитала на труд означает только то, что товар данной ценности, равной определенному количеству труда, обменивается на количество труда, большее, чем то, которое заключается в этом товаре и, таким образом, создает „новую ценность, не существовавшую и не имевшую своего эквивалента в обществе в тот момент, когда начиналось действие труда“.

В 1796 г. господин Г. Гарнье издал в Париже: „Abrégé élémentaire des Principes de l'Économie Politique“. Тут, на ряду с физиократическим воззрением, будто производительно только сельское хозяйство, высказывается другое, которое хорошо об'ясняет его полемику против А. Смита и которое состоит в том, что источником производства является потребление, представителями которого главным образом служат „непроизводительные рабочие“, и что величина производства измеряется величиной потребления. Непроизводительные рабочие удовлетворяют искусственные потребности и потребляют материальные продукты, стало-быть, они полезны и в том и в другом отношении. Поэтому он ведет полемику и против бережливости. На стр. XIII своего предисловия он говорит: „имущество частного лица возрастает благодаря бережливости этого последнего; напротив, общественное богатство (fortune publique) растет с увеличением потребления“. А на стр. 200, в главе о государственных долгах, он говорит: „Единственной причиной улучшения и поддержания сельского хозяйства, а, стало-быть, и причиной прогресса промышленности и торговли, служит рост искусственных потребностей“. Отсюда он заключает, что государственные долги очень полезны, так как они вызывают рост этих потребностей.

Связь между принадлежащими Гарнье теориями потребления и экономической пользы расточительности, с одной стороны, и физиократией, с другой, хорошо видна еще из следующего замечания Шмальца, этого немецкого последыша физиократии:

„Больше того: она (физиократия) даже их (потребителей) расходы ставит им в заслугу, как ковенное повышение национального дохода. Потому что не будь их, не производились бы и предметы их потребления, не получал бы дохода и землевладелец!“ (Теория государственного хозяйства в письмах, стр. 287).

Этот же Schmalz Schmiertopf *) говорит в своей критике Смитовского различения между производительным и непроизводительным трудом:

„Мне нет надобности доказывать, что устанавливаемое Смитом различие между производительным и непроизводительным трудом оказывается совершенно несущественным, если только принять в соображение, что вообще ценность чужого труда состоит собственно в том, что он сберегает нам время**). Столяр, который делает для меня стол, и слуга, который носит мои письма на почту, чистит мне платье и ухаживает за мной—оба они оказывают мне совершенно одинаковые услуги; они сберегают мне время и притом вдвойне сберегают его: во-первых, то время, которое в данный момент мне пришлось бы потратить для того, чтобы делать все это самому; во-вторых, то, которое ушло бы у меня на приобретение необходимой для этого сноровки“ (I. с., стр. 274).

*) Непереводимый каламбур с фамилией Schmalz (само): Schmalz Schmiertopf—горшок сала для смазки.

Прим. перев.

**) Здесь у него путаница заключается в том, что сбережение времени вследствие разделения труда не определяет ценности, но, благодаря ему, я за ту же ценность получаю большую потребительную ценность, труд становится производительнее, так как в то же самое время создается большее количество продукта; но, будучи только подголоском физиократов, он, конечно, не мог понять, что ценность заключается в рабочем времени.

f) Ганиль (Ganilh *)).

Очень слабой и поверхностной стряпней является сочинение: „Des systèmes d'économie politique“ Ганиля, Первое издание вышло в Париже в 1809 г., второе в 1821 г. (Цитирую по второму изданию). Его разглагольствования тесно связаны с разглагольствованиями Гарнье, с которым он полемизирует.

Точкой отправления господина Ганиля служит то элементарное положение, что товар является элементом буржуазного богатства, т. е. что труд должен продавать самого себя или свой продукт для того, чтобы производить богатство, товары. „При современном состоянии цивилизации нам знаком труд только через посредство обмена“ (I. с., стр. 79, том I). „Труд без обмена совершенно не может создавать богатства“ (I. с., стр. 81 **).

Отсюда господин Ганиль тотчас перескакивает в меркантилизм. Так как труд без обмена не создает буржуазного богатства, то, „богатства создается исключительно торговлей“ (I. с., стр. 84). Или, как он выражается ниже: „Только обмен или торговля дают вещам ценность“ (I. с., стр. 98). На этом „принципе тождества ценности и богатства основано учение о плодovitости всеобщего труда (travail général)“ (I. с., стр. 93).

Ганиль даже сам заявляет, что „меркантильная система“, которую он называет простым „видоизменением монетарной системы“, „выводит частное и общественное богатство из меновых ценностей труда, независимо от того, фиксированы ли эти ценности в материальных, долговечных, неизменных предметах, или нет“ (I. с., стр. 95).

Таким образом, он возвращается к представлениям меркантильной системы, подобно тому, как Гарнье — к физиократии. Его ни на что другое негодная болтовня годится поэтому для характеристики меркантильной системы и ее воззрений на прибавочную ценность — в особенности потому, что он применял ее ученье к критике Смита, Рикардо и т. д.

Богатство есть меновая ценность; поэтому всякий труд, создающий меновую ценность, или сам по себе обладающий ценностью, производит богатство. Единственное слово, которое показывает, что Ганиль смотрит несколько глубже, чем другие меркантилисты, это слово travail général — всеобщий труд. Труд отдельного лица, или, вернее, продукт его труда, должен принять форму всеобщего труда. Только таким путем он становится меновой ценностью.

*) Ст. 358—364 рукописи. Примечание на стр. 208—со стр. 367. К.

**) Канар в „Principes d'économie politique“ (Париж, 1801 г.) определяет богатство, как „накопление излишнего труда“. Определение было бы правильно, если бы он сказал, что богатство есть труд, составляющий излишек сверх того, что нужно для поддержания существования рабочих, как таковых.

На деле Ганиль возвращается к тому воззрению, что богатство составляют деньги; но не только золото и серебро, а и товар, поскольку он представляет собой деньги.

Ганиль противопоставляет „системе экономистов или материальной системе систему торговли или обмена ценностей всеобщего труда“ (I. с., стр. 98).

Это — бессмыслица. Продукт есть ценность, как бытие, как воплощение всеобщего труда, но не как „ценность всеобщего труда“, что значило бы: ценность ценности. Но если товар конституирован, как ценность, то он сам приобретает форму денег, является товаром, прошедшим через метаморфозу. Теперь он — меновая ценность. Но какова величина этой ценности? Все товары — меновые ценности. В этом отношении между ними нет разницы. Что же определяет меновую ценность данного товара? Тут Ганиль останавливается перед самыми простыми явлениями. А есть большая меновая ценность, если он обменивается на много В, С, D и т. д.

Ганиль совершенно правильно замечает о Рикардо и о первых экономистах, что они рассматривают труд, оставляя без внимания обмен, хотя их система, как и вся вообще буржуазная система, основана на меновой ценности. Но они поступали так единственно потому, что для них товарная форма продукта подразумевалась сама собой, и они рассматривали только величину ценности. В обмене продукты отдельных лиц, приобретая форму денег, тем самым показывают себя продуктами всеобщего труда. Но обмен еще не определяет величины их ценности. В нем они показывают себя всеобщим общественным трудом, но в какой мере могут они показывать себя *всеобщим трудом*, это зависит от того, в какой мере могут они показать себя общественным трудом, стало-быть, от количества товаров, на которые они могут обмениваться, стало-быть, от размеров обмена, торговли, от того ряда товаров, в котором они выражают себя, как меновую ценность. Если бы, например, существовало только четыре различных отрасли производства, то каждый производитель значительную часть своих продуктов производил бы для самого себя. А если существует целая тысяча отраслей производства, то каждый отдельный производитель может производить весь свой продукт, как товар. Его продукт может целиком идти в обмен. Но Ганиль, как и меркантилисты, воображает, что величина ценности сама является продуктом обмена, между тем как обмен дает продуктам только форму ценности или форму товара.

„Обмен дает вещам ценность, которой они без него не имели бы“ (I. с., стр. 102).

Если это значит: вещи, потребительные ценности, становятся ценностями, получают эту форму, только как относительные выражения

общественного труда, то это тавтология. Если же это значит: благодаря обмену они получают большую ценность, чем имели бы без него, то это—явная бессмыслица, потому что обмен может [повысить величину ценности А, только уменьшая ценность В. Насколько он увеличивает ценность А сравнительно с тем, какой она была до обмена, настолько же он уменьшает ценность В. Стало-быть, $A+B$ сохраняют одну и ту же ценность до и после обмена.

„Самые полезные продукты не могут иметь никакой ценности, если обмен не сообщает ее им *), и самые бесполезные продукты могут иметь значительную ценность, если обмен благоприятствует им“ (I. с., стр. 104).

„Обмен“ представляется господину Ганилю каким-то мистическим лицом. Если „самые бесполезные продукты“ ни к чему не годны, если они не имеют потребительной ценности, то кто станет их покупать? Стало-быть во всяком случае, они должны приносить покупателю какую-нибудь воображаемую пользу. И если он не дурак, то с какой стати он будет дорого платить за них? Следовательно, их дороговизна имеет причину, ни в каком случае не зависящую от их бесполезности. Их редкость? Но Ганиль называет их „самыми бесполезными продуктами“! А раз они—продукты, то почему же их не производят целыми массами, несмотря на их большую меновую ценность? Если прежде дураком был покупатель, который давал большие деньги за то, что для него самого не имело ни действительной, ни воображаемой потребительной ценности, то теперь дураком оказывается продавец, который не догадывается, что ему выгоднее производить эту дрянь, меновая ценность которой очень высока, вместо полезных вещей, имеющих незначительную меновую ценность. Стало-быть, если их меновая ценность так велика, несмотря на незначительность их потребительной ценности (с точки зрения естественных потребностей человека), то это должно обуславливаться причиной, которая исходит не от господина обмена, а от самого продукта. Его высокая меновая ценность не есть продукт обмена, а лишь проявляется в обмене.

„Та ценность, по которой вещи уже обменены (*valeur échangée*), а не та по которой они лишь могут быть обменены (*valeur échangeable*), определяет истинную ценность, ту, которая равносильна богатству“ (I. с., стр. 104).

В основе этой мысли лежит то верное представление, что товар по необходимости входит в обмен лишь как ценность, могущая быть обмененной, реализация же его меновой ценности является только-

*) Прежде всего, если эти вещи являются продуктами, то они являются именно продуктами труда, а не повсюду существующими дарами природы, как воздух и т. д.; если они—самые полезные, то они служат потребительными ценностями в полном смысле, потребительными ценностями, нужными для всех. Обмен может не сообщать им никакой ценности только в том случае, если всякий производит сам для себя; но это противоречит предположению, что они производятся для обмена; стало-быть, все построение лишено смысла.

результатом обмена. Это обстоятельство вынуждает превращение товара в деньги. Но ценность, по которой вещь может быть обменена, есть отношение одной вещи к другим, на которые ее можно обменивать. Напротив, ценность, по которой А уже обменено, есть определенное количество продуктов В, С, D и т. д. Стало-быть, по Ганцию, это уже не ценность, а вещь без обмена. В, С, D и т. д. вовсе не были „ценностями“. А сделалось ценностью, благодаря тому, что на его место, на место обмененной ценности, поставили эти неценности. Эти вещи стали ценностями благодаря простому перемещению, после которого они вышли из обмена и очутились в том же положении, в каком были прежде.

„Следовательно, богатство составляет не действительная полезность вещей и не их внутренняя ценность (*valeur intrinsèque*), а обмен, фиксирующий и определяющий их ценность, и, благодаря этой ценности, они становятся богатством“ (I. с., стр. 205).

Господин обмен фиксирует и определяет нечто такое, что уже существовало, или нечто такое, что не существовало. Если ценность порождается только обменом, то она, как его продукт, исчезает, как скоро он прекращается. Стало-быть, то, что он делает, уничтожается им в той же мере. Я обмениваю А на $B+C+D$. В акте этого обмена А приобретает ценность. По окончании акта обмена на стороне А стоит $B+C+D$, а на стороне $B+C+D$ стоит А. И они стоят, каждая сторона сама по себе, вне господина обмена, который свелся только к перемещению. $B+C+D$ суть теперь вещи, но не ценность. Точно также и А. Или, может-быть, обмен фиксирует и определяет в собственном смысле этих слов [уже до него существовавшую ценность], подобно тому, как силомер фиксирует и определяет, но не создает силу моих мышц? Но в таком случае ценность производится не обменом.

„Нет ни частного, ни народного богатства, если каждый не работает на всех * и все не работают на каждого“ (**) (I. с., стр. 108).

После этого определения: меновая ценность есть выражение труда отдельной личности, как всеобщего общественного труда—Ганция опять возвращается к самому примитивному представлению: меновая ценность есть отношение, в котором товар А обменивается на товары В, С, D

*) Т. е. если труд каждого не показывает себя всеобщим общественным трудом. При другом толковании эта фраза становится нелепостью, так как, если иметь в виду не этот смысл, то надо признать, что железозаводчик работает не на всех, а только на потребителей железа.

**) Это новая бессмыслица, если речь идет здесь о потребительной ценности, потому что продукты всех представляют собою ряд особых продуктов, и каждый потребитель нуждается только в особых; стало-быть, смысл этого опять-таки лишь тот, что каждый особый продукт принимает такую форму, в которой он существует для всех, не как особый продукт, отличающийся от всех остальных, а именно, как тождественный со всеми ими; следовательно, тут мы тоже возвращаемся к форме общественного труда, обусловливаемой товарным производством.

и т. д. Ценность А велика, если за него дают много В, С, D; но тогда за В, С, D дают мало А. Богатство состоит из меновой ценности. Меновая ценность есть отношение, в котором одни продукты обмениваются на другие. Стало-быть, общая сумма всех продуктов не имеет меновой ценности, потому что она ни на что не обменивается. Стало-быть, общество, богатство которого состоит из меновых ценностей, совсем не имеет богатства. Отсюда следует не только то, что, как заключает сам Ганиль, „народное богатство, состоящее из меновых ценностей труда“ (стр. 108), никогда не может ни увеличиваться, ни уменьшаться в смысле своей меновой ценности (т.-е. что не может быть прибавочной ценности), но отсюда следует еще и то, что народное богатство вообще не имеет меновой ценности, а стало-быть и не есть богатство, потому что богатство состоит из одних меновых ценностей.

„Если вследствие избытка хлеба его ценность понизится, то уменьшится богатство сельских хозяев, так как у них будет меньше меновых ценностей для приобретения необходимых, полезных или приятных вещей; но потребители хлеба столько же выиграют, сколько сельские хозяева потеряют. Потеря одних уравновесится выгодой других, и общее богатство не подвергнется никакому изменению“ (I. с., стр. 108, 109).

Pardon! Потребители хлеба потребляют хлеб, а не его меновую ценность. Они стали богаче средствами пропитания, но не меновой ценностью. У них [пошло в обмен на хлеб] меньшее количество их продуктов, имеющих более высокую меновую ценность вследствие их относительной редкости по сравнению с количеством хлеба, на который они обмениваются.

Далее, общественная сумма меновых ценностей теряет свое свойство быть меновой ценностью по мере того, как она становится суммой меновых ценностей. А, В, С, D, E, F обладают меновой ценностью, поскольку они обмениваются друг на друга. Раз обмен закончился, все они становятся продуктами для своих потребителей, покупателей. В результате перемещения они перестали быть меновыми ценностями. В силу этого, общественное богатство, состоящее из меновых ценностей, исчезает. Ценность А относительна; она представляет его отношение к В, С и т. д. А + В обладают меньшей меновой ценностью, так как их меновая ценность существует только в отношении к С, D, E, F. Стало-быть, сумма А, В, С, D, E, F не имеет решительно никакой меновой ценности, так как не выражает никакого отношения. Общая сумма товаров не обменивается на другие товары. Следовательно, общественное богатство, состоящее из меновых ценностей, не имеет меновой ценности и вовсе не есть богатство.

„Отсюда следует, что трудно, а быть-может и невозможно для страны обогатиться посредством внутренней торговли. В совершенно другом положении находятся народы, ведущие внешнюю торговлю“ (I. с., стр. 109).

Это — старый меркантилизм. [Прибавочная] ценность состоит в том, что я получаю не эквивалент, а больше, нежели эквивалент. Но в то

же время здесь нет эквивалента, так как этот последний предполагал, что ценность А и ценность В определяется не отношением А к В и В к А, а некоторым третьим отношением, устанавливающим тождество А и В. Если же нет эквивалента, то нет и излишка над эквивалентом. Я получаю меньше золота за железо, чем железа за золото. Теперь я имею больше железа, за которое получаю меньше золота. Стало-быть, если я первоначально выигрывал вследствие того, что меньшее количество золота равнялось большему количеству железа, то теперь я столько же теряю, потому что большее количество железа равно меньшему количеству золота.

„Всякий труд, какова бы ни была его природа, производит богатство, если только он обладает меновой ценностью“ (I. с., стр. 119). „Обмен не считается ни с количеством, ни с материалом (matériau), ни с долговечностью продуктов“ (I. с., стр. 121). „Все (виды труда) производят ровно столько, сколько составляет сумма, на которую они обмениваются“ (I. с., стр. 121, 122).

Во-первых, стало-быть, они производят ровно столько, сколько составляет та сумма, которую за них заплатили, т.-е. ценность их заработной платы. А вслед затем Ганиль делает еще один шаг дальше. [Не] вещественный труд производит тот вещественный продукт, на который он обменивается, так что кажется, будто вещественный труд создал продукт не вещественного труда.

„Нет никакой разницы между трудом рабочего, который делает шкаф, получая в обмен на него четверик хлеба, и трудом музыканта, который получает четверик хлеба за свой труд. И в том и в другом случае был произведен хлеб: четверик—для уплаты за шкаф и четверик—для оплаты удовольствия, доставленного музыкантом. Конечно, после потребления четверика хлеба столяром остается шкаф, а после того, как музыкант потребил свой четверик хлеба, ничего не остается; но как много видов труда, которые считаются производительными, и которые дают точно такие же результаты. О производительности или бесплодности труда можно судить не потому, что остается в результате потребления, но по обмену или производству, которые вызываются этим трудом. А так как труд музыканта несколько не меньше, чем труд столяра, вызывает производство четверика хлеба, то оба они одинаково производят четверик хлеба, хотя один из них по окончании своем не фиксируется, не реализуется в сохраняющемся предмете, а другой—фиксируется и реализуется“ (I. с., стр. 122, 123).

„А. Смит тоже хотел бы ограничить число рабочих, занятия которых бесполезны, для того, чтобы увеличить число тех, чья работа полезна; но не обратил внимания на то обстоятельство, что если бы это желание могло осуществиться, то стало бы невозможно какое бы то ни было богатство, потому что производителям не хватило бы потребителей и непотребленные излишки не воспроизводились бы вновь. Производительные классы не безвозмездно отдают продукты своего труда классам, труд которых не создает материальных продуктов *). Они отдают им эти продукты в обмен на получаемые от них товары, удовольствия, наслаждения и должны производить для них эти продукты, чтобы быть в состоянии давать их им. Если бы материальные продукты не шли на оплату тех видов труда, которые не создают материальных продуктов, то они не находили бы себе потребителей, и прекратилось бы их воспроизводство. Те виды труда, которые производят удовольствия, так же деятельно участвуют в производстве, как и труд, считающийся наиболее производительным“ (I. с., стр. 123, 124).

*) Стало-быть, здесь он все-таки сам различает виды труда, которые создают материальные продукты, и те, которые не создают.

„Удобства, удовольствия или наслаждения, на которые есть требование, почти всегда следуют за продуктами, нужными для их оплаты, и почти никогда не предшествуют им“ (I. с., стр. 125).

Стало-быть, они скорее являются следствием, чем причиной продуктов, нужных для их оплаты.

„Иначе обстоит дело в том случае, когда производительные классы *) не представляют требования на те виды труда, которые служат удовольствиям, роскоши и блеску, а их, несмотря на это, принуждают оплачивать эти виды труда и соответственно этому сокращать свои потребности. Тогда может произойти то, что эти принудительные платежи не вызовут никакого увеличения количества продукта“ (I. с., стр. 125). „За исключением этого случая... всякий труд непременно производителен и участвует, более или менее сильно, в создании и накоплении общественного богатства, так как он неизбежно вызывает производство продуктов, которыми за него платят“ (I. с., стр. 126).

Так что непроизводительные виды труда производительны не потому, что они чего-нибудь стоят, т.-е. не вследствие их меновой ценности, и не потому, что они создают известные полезности, т.-е. не вследствие их потребительной ценности, а потому, что они порождают производительный труд.

Если, по А. Смиту, производителен труд, который обменивается непосредственно на капитал, то при этом принимается в соображение не только форма, но и вещественные составные части капитала, обмениваемого на труд. Этот капитал сводится к необходимым средствам существования, т.-е. по большей части к товарам, к материальным вещам. То, что рабочему из этой заработной платы приходится отдавать государству и церкви, составляет вычет за навязанные ему услуги; то, что он тратит на дело воспитания, совершенно ничтожно, но эти его затраты производительны, так как воспитание производит рабочую силу; то, что он расходует на услуги врачей, адвокатов, попов, есть потеря; затем остаются еще некоторые другие виды непроизводительного труда или услуг, на которые расходует зарплатная плата рабочего, но их очень мало, в особенности потому, что работа, необходимая при потреблении (приготовление пищи, чистка жилища, даже большая часть починок), падает на него самого.

В высшей степени характерна следующая фраза Ганиля:

„Если обмен придает труду слуги ценность в 1000 франков, между тем как труду сельско-хозяйственного или промышленного рабочего он придает ценность только в 500 франков, то отсюда следует заключить, что труд слуги вдвое содействует производству богатства, нежели труд сельского или промышленного рабочего; иначе и быть не может, пока труд слуги получает вдвое больше материальных продуктов, чем труд сельско-хозяйственного или промышленного рабочего“ (I. с., стр. 293, 294).

Если заработная плата промышленного или сельско-хозяйственного рабочего равна 500 франков, а создаваемая им прибавочная ценность (прибыль и рента) составляет 40 процентов, то *produit net* от

*) Следовательно, здесь Ганиль сам делает это различие.

него равен 200 франкам, и нужно 5 таких рабочих для того, чтобы создать заработную плату слуги в 1000 франков. Если бы господину обмену заблагорассудилось вместо слуги покупать себе содержанку за 10000 франков в год, то нужен был бы *produit net* 50 таких производительных рабочих. Но так как содержанке ее непродуцительный труд приносит меновую ценность, плату, в двадцать раз большую, чем плата производительных рабочих, то, по рассуждению Ганиля, эта особа в двадцать раз больше способствует „производству богатства“, и страна производит тем больше богатства, чем выше она оплачивает своих слуг и содержанок *). Господин Ганиль забывает, что только производительность промышленного и земледельческого труда, что вообще только излишек, который создают производительные рабочие, но за который им не платят, составляет фонд для оплаты непродуцительных рабочих. Он рассчитывает так: 1000 франков заработной платы и ее эквивалент в форме труда слуги или содержанки составляют вместе 2000 франков. Между тем ценность слуг и содержанок, т.-е. издержки их производства, всецело зависит от *produit net* производительных рабочих. От него зависит самое существование их, как особенного типа. Их цена и их ценность мало имеют общего друг с другом.

Но допустим даже, что ценность, издержки производства слуги были вдвое больше, чем ценность или издержки производства производительного рабочего. Тогда нужно принять во внимание, что производительность рабочего, равно как и машины, и его ценность—совершенно различные вещи, находящиеся даже в обратном отношении друг к другу. Ценность машины всегда является минусом в ее производительности.

„Напрасно возражают следующее: если труд слуги так же производительен, как и труд сельского и промышленного рабочего, то непонятно, почему нельзя употребить сбережения страны на содержание слуги, не только не опасаясь расточения ценности, но даже вызывая ее увеличение. Это возражение только потому кажется правильным, что оно основано на том предположении, что производительность всякого труда обуславливается его участием в производстве материальных предметов; что силой, создающей богатство, является материальное производство; что богатство и производство тождественны. Забывают, что всякое производство становится богатством только при содействии потребления **), и что обмен определяет, в какой мере производство способствует созданию богатства. Если вспомнить, что во всякой стране все виды труда прямо или косвенно служат всему производству в его целом, что посредством установления ценности каждого данного рода труда обмен определяет степень его

*) Нищий, подобно рантье, живет на доход страны. По логике Ганиля, он—представитель меновой ценности. Точно также и преступник, которого содержат в тюрьме. Значительная часть непродуцительных рабочих, государственных синекуристов и т. д. является только полными важности нищими.

***) Поэтому тот же самый молодец страницей ниже говорит, что всякий труд производит богатство пропорционально своей меновой ценности, определяемой предложением и спросом (труд производит богатство пропорционально не тому, сколько меновой ценности он производит, а тому, какова его собственная ценность, т.-е. пропорционально не тому, что производит, а тому, сколько он стоит), что данная его ценность способствует накоплению капиталов только путем сбережения и воздержания от участия в потреблении тех продуктов, которые эта его ценность дает право взять из общей суммы продукта“.

участия в производстве; что потребление продукта реализует ценность, получаемую продуктом от обмена, и что излишек или дефицит производства сравнительно с потреблением определяет уровень богатства или нищеты народов,— тогда станет ясно, как непоследовательно брать в отдельности каждый род труда и измерять его плодотворность и производительность степенью его участия в материальном производстве, оставляя без внимания потребление, которое одно только и сообщает ему ценность, а без ценности не могло бы существовать и богатство“ (I. с. стр. 294, 295).

С одной стороны, у нашего молодца богатство зависит от излишка производства над потреблением, а с другой—одно только потребление сообщает ценность. И слуга, потребляющий 1000 франков, в силу этого вдвое больше способствует образованию ценности, чем крестьянин, потребляющий 500 франков.

Во-первых, Ганиль допускает, что эти непроизводительные рабочие не участвуют в созидании материального богатства. Большого не утверждает и Смит. С другой стороны, он силится доказать, что они, наоборот, точно также создают материальное богатство, чего они, по его собственному признанию, не делают. В этой полемике с А. Смитом мы одновременно встречаем и отношение свысока к материальному производству, и желание оправдать невещественное производство—или даже вовсе не производство, как, например, труд лакея—посредством доказательства того, что оно тоже есть материальное производство. Совершенно все равно, тратит ли владелец чистого дохода этот последний на лакеев, содержанок или на даштеты. Но смешно воображать, что излишек ценности должен потребляться слугами и не может быть потреблен производительными рабочими без того, чтобы ценность продукта не пошла к чорту. У Мальтуса мы встречаем то же самое признание необходимости непроизводительных потребителей, которое в самом деле существует, пока излишек ценности остается в руках *des dens oisifs*.

g) Ганиль и Рикардо о валовом и чистом доходе *).

Ганиль утверждает, будто бы он в своей „*Théorie de l'économie politique*“ (книге, мне неизвестной) изложил теорию, которую у него заимствовал Рикардо. Это та теория, согласно которой богатство зависит от чистого, а не от валового продукта, т.-е., следовательно, от высоты прибыли и ренты. Конечно, не Ганиль придумал эту теорию; но у него есть своеобразная манера излагать ее.

[Ганиль объясняет нам:]

„Если страна обходится без помощи машин и труд ее совершается одной лишь силой рук, то трудящиеся классы потребляют почти все свои продукты. По мере того, как промышленность делает успехи, совершенствуясь вследствие разделения труда, увеличения искусства рабочих, изобретения машин, издержки производства понижаются или, другими словами, уменьшается число рабочих, нужных для производства продукта в увеличенном количестве“ (I. с. стр. 211, 212).

*) Стр. 364—378 рукописи. Примечание на стр. 215 взято со стр. 418. К.

Это значит, стало-быть, что по мере того, как промышленность становится производительнее, издержки производства заработной платы уменьшаются. Количество рабочих в его отношении к количеству продукта уменьшается, стало-быть, они получают и меньшую часть этого продукта.

Если рабочему для производства средств своего существования нужно 10 часов при работе без машины и 6—с машиной, то в первом случае он (при 12-тичасовом рабочем дне) работает 10 часов на себя и 2 часа на капиталиста, и этот последний из всего продукта двенадцати часов получает шестую часть. В первом случае 10 рабочих будут работать 100 часов на себя (производя продукт для 10 рабочих) и 20—на капиталиста. Из ценности в 120 единиц капиталист получает шестую часть, т.-е. 20. Во втором случае найдет себе занятые только половина рабочих. 5 рабочих будут работать 30 часов на себя (производя продукт для 5 рабочих) и 30 часов—на капиталиста. Теперь из 60 часов на долю капиталиста приходится 30, т.-е. половина, втрое больше прежнего. Равным образом возросла бы и общая прибавочная ценность, поднявшись с 20 на 30, на одну треть. Кроме того, получаемая капиталистом половина всего продукта стала бы и по количеству значительнее его прежней доли. Теперь 6 часов дают столько же продукта, сколько раньше давали 10 часов; стало-быть, 1 час дает продукта в $\frac{10}{6}$ больше прежнего. Следовательно, 30 часов прибавочной ценности содержат теперь $30 \times \frac{10}{6}$ продукта, т.-е. 50. Таким образом, прибавочная ценность капиталиста и его прибавочный продукт возросли бы. Прибавочная ценность могла бы возрасти даже помимо увеличения общего количества продукта. Возрастание прибавочной ценности означает, что рабочий способен произвести средства своего существования в течение более короткого времени, нежели прежде; что, стало-быть, ценность потребляемых им товаров уменьшается, представляет меньшее количество рабочего времени, и что, следовательно, данная ценность представляет большее количество потребительных ценностей, чем прежде. Рабочий получает то же количество продукта, что и прежде, но оно составляет меньшую часть общего количества продукта точно так же, как и его ценность выражает меньшую часть продукта рабочего дня. Хотя возрастание производительных сил в тех отраслях промышленности, продукты которых ни прямо, ни косвенно не входят в число средств потребления рабочего, не могло бы вызвать вышеописанного явления, так как ни увеличение, ни уменьшение производительности в этих областях не изменяет отношения необходимого труда к прибавочному, но, наоборот, для этих отраслей промышленности результат получился бы тот же самый, несмотря на то, что измещению подверглась не их собственная производительность. Относительная ценность их продуктов возросла бы в точно такой же мере, в какой понизилась бы относи-

тельная ценность других товаров (если бы их собственная производительность осталась неизменной); стало-быть, пропорционально меньшая часть этих продуктов или овеществленного в них рабочего времени давала бы рабочему прежнее количество средств существования. Следовательно, прибавочная ценность возросла бы в этих отраслях производства совершенно так же, как и в других.

А куда же теперь деваются пять устранившихся рабочих? Скажут, что вместе с ними освобожден и капитал, а именно тот, из которого оплачивались пять удаленных рабочих, получавших плату каждый за 10 часов, т.-е. вместе—за 50 часов; это прежде давало возможность оплачивать 5 рабочих, а теперь, когда заработная плата понизилась до 6 часов, это позволяет оплатить за $50/6 = 8\frac{1}{3}$ рабочих дня. Стало-быть на освобожденный капитал в 50 рабочих часов теперь можно дать заработок большему числу рабочих, чем их рассчитано.

Однако, освобожден капитал не всех 50 рабочих часов. Потому что, если даже предположить, что материал подешевел во столько же раз, во сколько большее количество его обрабатывается теперь в течение того же самого времени, и что, стало-быть, и в этой отрасли производства произошло такое же увеличение производительной силы, то все же остается затрата на новые машины. Допустим, что они стоят ровно 50 рабочих часов; тогда их производство никак не могло дать работу такому же числу рабочих, какое было удалено. Потому что эти 50 рабочих часов целиком шли на заработную плату, на наем 5 рабочих. А в ценность машин, равную 50 рабочим дням, включены прибыль и заработная плата, оплаченное и неоплаченное рабочее время. Кроме того, в ценность машин входит постоянный капитал. Следовательно, число этих, занятых в машинном производстве, рабочих меньше, нежели число удаленных. И эти рабочие были не те, которых удалили. Увеличение спроса на рабочие руки в машиностроительстве в лучшем случае может повлиять на последующее распределение сил рабочего класса в том смысле, что более значительная часть поколения, начинающего работать,—более значительная часть, нежели прежде,—найдет себе занятие в этой отрасли. Удаленным это ничего не дает. Кроме того, увеличение годового спроса на машиностроительных рабочих не равно новому капиталу, который затрачен на машины. Машина, например, служит десять лет. Следовательно, создаваемый ею ежегодный спрос равен одной десятой части содержащегося в ней рабочего времени. К этой десятой части нужно еще прибавить труд по починкам в течение 10 лет и ежегодное употребление угля, масла, вообще вспомогательных материалов. Все это в сумме могло бы, пожалуй, составить еще две десятичных.

Перемещение труда и капитала, создаваемое в результате увеличения производительности труда в какой-нибудь особой отрасли промыш-

ленности при посредстве машиностроения и т. д., возможно всегда лишь впоследствии. Другими словами, иначе распределится прирост вновь притекающей рабочей массы, быть-может, детей тех, которые выброшены на улицу, но не их самих. Они же сами долго прозябают в своем старом ремесле, которым они продолжают заниматься при самых неблагоприятных условиях, благодаря тому, что необходимое им рабочее время больше общественно-необходимого; они голодают или находят себе занятие в таких отраслях деятельности, где применяется труд более низкого качества.

* * *

Допустим, что производительность промышленности так повысилась, что если прежде в материальном производстве непосредственно принимали участие две трети всего населения, то теперь участвует только одна треть. Прежде для трех третей поставляли средства существования две трети; теперь—одна треть. Прежде чистый доход (в отличие от дохода рабочих) составлял одну треть; теперь он равен двум третям. Прежде нация, если отвлечься от классовых различий, располагала третью своего времени для непроизводительного производства, теперь же она может посвятить ему две трети. При равномерном распределении все три трети *) имели бы больше времени для непроизводительного труда и досуга. Но при капиталистическом производстве все кажется, и на самом деле является, противоречивым. Эти расчеты не предполагают неизменности народонаселения. Если возрастают три трети, то возрастает и одна треть. Число лиц, занятых производительным трудом, могло бы непрерывно расти в абсолютном смысле. Но относительно, в пропорции ко всему народонаселению, оно во всяком случае было бы на 50 процентов меньше, чем прежде; две трети теперь состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных рабочих, которые также, благодаря конкуренции, получают малые заработки и помогают первым поедать доход, а взамен его дают или—как политические непроизводительные рабочие—навязывают эквивалент в форме услуг. При этом мыслимо, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. д., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные рабочие в общем будут стоять на более высокой ступени развития, чем прежние, и что в особенности увеличилось число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, людей, делающих открытия, и т. д.

В среде самого производительного класса увеличилось число торговых посредников, а особенно также число занятых в машиностроении при постройке железных дорог и в горном деле; затем—число рабо-

*) В оригинале сказано: „две трети“. К.

чих, занятых в сельском хозяйстве уходом за скотом, и число рабочих, доставляющих рыбу и минеральные вещества для удобрения и т. д. Затем, число сельских хозяев, вырабатывающих сырье для промышленности, увеличилось сравнительно с числом тех, которые производят средства существования: увеличилось также число лиц, производящих корм для скота, сравнительно с числом лиц, приготовляющих съестные припасы для людей. Если возрастает постоянный капитал, то пропорционально увеличивается общее количество труда, применяемого в его воспроизводстве. Тем не менее, часть капитала, производящая непосредственно средства существования, создает более продукта, нежели прежде, хотя сама она стала меньшей частью. Труд ее более производителен. Подобно тому, как в отдельном капитале уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной его части совершается в виде уменьшения той части капитала, которая идет на заработную плату, так для всего капитала в его целом, в процессе его воспроизводства, это уменьшение выражается в том, что относительно большая часть занятой рабочей массы работает в производстве средств производства, нежели в производстве самих продуктов, стало-быть, работает в воспроизводстве машин (включая сюда средства сообщения и транспорта, а также строения), вспомогательных материалов (уголь, газ, масло, сало, ремни и т. д.) и растений, дающих сырые материалы для промышленных продуктов. Количество сельских рабочих убывает по сравнению с количеством промышленных. Наконец, возрастает число рабочих в производстве предметов роскоши, так как повысившийся доход потребляет эти продукты в большем количестве.

Ганиль продолжает:

„Пока разделение труда введено не во всех отраслях производства, пока не все классы сельского и промышленного населения достигли полного своего развития, до тех пор изобретение и введение машин в некоторых видах промышленности вызывает только переход вытесненных машинами капиталов и рабочих в другие отрасли труда, где для них находится выгодное применение. Но ясно, коль скоро все отрасли труда имеют столько капитала и столько рабочих, сколько им требуется, всякое дальнейшее улучшение, все новые машины, сокращающие труд, неизбежно уменьшают рабочее население; а так как уменьшение его не ограничивает производства, то незанятая часть рабочего населения будет возрастать к выгоде либо капиталов, либо земельной ренты; поэтому естественным и необходимым следствием введения машин служит уменьшение численности тех классов наемных рабочих, которые живут на валовой продукт, и увеличение численности тех, которые существуют на *produit net*“ (I. c., стр. 212).

„Неизбежно вызываемые прогрессом промышленности перемены в распределении населения страны служат истинной причиной расцвета силы и цивилизации современных наций. Чем больше уменьшаются в числе низшие классы общества, тем менее этому последнему приходится тревожиться из-за опасностей, которыми ему беспрестанно угрожают нужда, невежество, легковерие и суеверие несчастных классов. Чем многочисленнее становятся высшие классы, тем значительнее число тех подданных, которыми может располагать государство, тем прочнее и могущественнее это последнее, тем сильнее царствуют во всем населении просвещение, разум и цивилизация“ (I. c., стр. 213).

„Только *produit net*,—говорит Ганиль,—и те, кто его потребляет, создают его (государства) богатство и могущество, служат его процветанию, славе и росту (I. с., стр. 218).

Далее Ганиль цитирует примечания Сэй, к 26 главе Рикардо, в переводе Констанцио, где Рикардо говорит, что если в данной стране есть 12 миллионов населения, то для нее, с точки зрения богатства, выгоднее, когда для этих 12 миллионов трудятся 5 миллионов производительных рабочих, чем когда их трудится 7 миллионов. В первом случае *produit net* состоит из прибавочного продукта, за счет которого живут 7 миллионов непроизводительного населения; во втором случае прибавочного продукта хватает только для 5 миллионов. Сэй замечает по этому поводу:

„Это сильно напоминает учение экономистов XVIII столетия, которые утверждали, что промышленники ни в каком отношении не способствуют созданию богатства государства, так как класс наемных рабочих, который потребляет столько же ценности, сколько производит, ничего не прибавляет к их знаменитому *produit net*“.

Ганиль возражает на это (стр. 219, 220):

„Не легко найти связь между этим утверждением экономистов: будто бы промышленные классы потребляют столько же ценности, сколько производят, и той теорией Рикардо, по которой заработная плата не может быть причислена к доходу государства“.

Ганиль и тут промахнулся. Экономисты ошибаются в том, что они считают промышленников исключительно классом наемных рабочих. Это отличает их от Рикардо. Далее они ошибаются, думая, что наемные рабочие производят то лишь, что потребляют. Рикардо вполне верно возражал им, что *produit net* производят наемные рабочие, но производят именно благодаря тому, что их потребление, т.-е. заработная плата, равны, не всему их рабочему времени, а только времени, нужному для производства их заработной платы; или благодаря тому, что они из своего продукта получают только часть, соответствующую их необходимому потреблению, т.-е. из их собственного продукта им достается только эквивалент их собственного необходимого потребления. Экономисты думают, что весь промышленный класс, хозяева и рабочие, находятся с этой стороны в одинаковом положении. По их мнению, только рента имеет значение излишка производства над заработной платой. Поэтому она являлась в их глазах единственным богатством. Если же Рикардо говорит, что этот излишек, т.-е. единственное богатство, составляют прибыль и рента, то он, несмотря на свое расхождение с физиократами, соглашается с ними в том, что только *produit net*, продукт, воплощающий прибавочную ценность, составляет национальное богатство. Несмотря на то, что Рикардо лучше физиократов понимает природу этого излишка, у него богатство есть только та часть дохода, которая составляет излишек над заработной

платой. От экономистов его отличает не объяснение *produit net*, а объяснение заработной платы, под категорию которой экономисты неправильно подводили также и прибыль.

* * *

Господин Гамиль не вполне последователен в своем преклонении перед *produit net*. Он цитирует Сэй:

„Я несколько не сомневаюсь, что при рабском труде излишек продуктов над потреблением был больше того же излишка при труде свободных... Труд раба не знает другого предела, кроме полного истощения рабочей силы... Раб трудится для удовлетворения безграничной потребности, жадности своего господина“ *)! (Сэй, стр. 278, 3-е издание).

На это Гамиль говорит:

„Свободный рабочий не может издерживать больше и производить меньше, нежели раб... Каждая издержка предполагает, что для оплаты ее создается эквивалент. Если свободный рабочий издерживает больше нежели раб, то и продукты его труда должны быть значительно больше продуктов труда раба“ (1 часть, гл. 1 стр. 231) **).

Как-будто величина заработной платы зависит *только* от производительного рабочего; как-будто она не зависит, при данной производительности труда, от распределения продукта между рабочим и предпринимателем.

*) И свободный рабочий—ditto.

**) В одном месте своей книги А. Смит старается объяснить, почему прогресс промышленности требует свободы труда и т. д. Он говорит:

„Такого рода занятия (ремесла) считались подходящими только для рабов, и свободным гражданам государства было запрещено заниматься ими. Даже в государствах, где такое запрещение не существовало, как в Афинах и в Риме, большинство народа было свободно от всех тех ремесел, которые в наше время обыкновенно лежат на низших классах городского населения. Такие ремесла в Афинах и в Риме были всецело в руках рабов, принадлежащих богачам; ими занимались рабы для своих господ, которые своим богатством, силой и покровительством, оказываемым ими своим рабам, делали для свободного бедняка, если бы он вздумал конкурировать с их рабами, почти невозможным пойти рынок для своего труда. Однако, рабы редко бывают изобретательны; и все наиболее важные усовершенствования, облегчающие и сокращающие труд, в виде ли машин, или в виде лучшей организации и разделения труда, были изобретениями свободных людей. Если бы раб предложил какое-нибудь подобное усовершенствование, то господин его мог бы, пожалуй, увидеть в этом доказательство лени и желанья сберечь свой труд на его счет. Единственной наградой, которую мог бы ожидать бедный раб, была бы брань, а быть-может, и побой. Поэтому в тех производствах, где применяли рабов, обыкновенно затрачивалось для выполнения тех же работ больше труда, нежели в производствах со свободными рабочими. Следовательно, труд первых большей частью должен был обходиться дороже, чем труд последних. Венгерские рудники, говорит Монтегкье, хотя и не были богаче, все-таки всегда эксплуатировались с меньшими издержками, а потому и с большей прибылью, нежели турецкие рудники, находившиеся в их соседстве. В турецких рудниках работают рабы, и их руки представляют собою единственные машины, до которых способны додуматься турки. Венгерские рудники обслуживаются свободными рабочими, которые употребляют большое количество машин, облегчая и сокращая при помощи их свой труд. Насколько можно судить по тому немногому,

„Я знаю,—продолжает он,—мне с некоторым правом могут сказать, что сбережения, которые господа делали за счет рабочих *), вызывали увеличение их личных издержек и т. д.. Но для общего богатства выгоднее, если благосостояние царит во всех классах общества, чем если происходит чрезмерное скопление его в руках немногих лиц“ (стр. 234, 235).

Что же после этого будет с *produit net*? Впрочем, господин Ганиль тотчас же берет назад свои либеральные фразы (I. с., стр. 236, 237). Он отстаивает рабство негров в колониях. Он либерален лишь настолько, что не хочет восстановления его в Европе, убедившись в том, что здесь рабами являются свободные рабочие, существующие только для того, чтобы производить *produit net* для капиталистов, помещиков и их свиты.

„Он (Кенэ) решительно не соглашается с тем, что сбережения класса наемных рабочих обладают способностью увеличивать капиталы; в доказательство он приводит то, что эти классы совсем не должны были бы иметь возможность делать сбережения. Если бы у них оставался излишек, то это могло бы быть только в результате упущения, неустройства в общественном хозяйстве“ (I. с., стр. 274).

В подтверждение своих слов Ганиль цитирует следующее место из Кенэ („Физиократия“, стр. 321):

„Если бесплодный класс делает сбережения с целью увеличить количество своих наличных денег, ..то пропорционально этому убывает его деятельность и его доходы, и он приходит в состояние упадка“ (I. с., стр. 274, 275).

Это просто смешное недоразумение. Он не понимает Кенэ.

Краеугольным камнем у господина Ганиля служит следующее место:

„Чем они (заработные платы) значительнее, тем меньше доходы общества **), и все искусство правительства должно быть направлено на уменьшение их [заработных плат] размеров... Задача... достойная просвещенного века, в котором мы живем“ (I. с., II часть, стр. 24).

Сэй возражает Рикардо:

„У 7 миллионов находящихся на хорошем заработке рабочих было бы сбережений больше, чем у 5 миллионов“.

По этому поводу Ганиль справедливо говорит:

„Это равносильно тому утверждению, что сбережения из заработков предпочтительнее тех сбережений, которые вызываются уничтожением (*suppression*) расходов на заработную плату.. Нелепо было бы выплачивать 400 миллионов заработной платы тем рабочим, которые не создают *produit net*, только ради того, чтобы предоставить им возможность и средства делать сбережения из своих заработков“ (I. с., стр. 221).

что известно о ценах промышленных продуктов во времена греков и римлян, высокие сорта этих продуктов были чрезвычайно дороги“ (I. с., книга IV, гл. 9-ая).

*) Речь идет о сбережениях в оплате раба.

***) Общество стоит (*steht*) на рабочих, но рабочие не состоят (*stehen nicht*) в обществе.

С каждым шагом вперед, делаемым цивилизацией, труд становится менее тяжелым и более производительным; классы, осужденные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности; а классы, руководящие трудом, облагораживающие (!), утешающие (!) и просвещающие весь народ, увеличиваются, становятся многочисленнее и присваивают себе все блага, проистекающие от уменьшения издержек труда, от излишка в продуктах и дешевизны потребления. В этом направлении совершенствуется род человеческий... благодаря этому непрерывному уменьшению низших классов общества и росту высших, гражданское общество становится счастливее, сильнее и т. д." (I. c., стр. 224). „Если число занятых рабочих составляет 7 миллионов, то их заработки составят 1400 миллионов; но если 1400 миллионов дадут не больший *produit net*, чем миллиард, получаемый 5 миллионами рабочих, то в таком случае истинным сбережением является уничтожение 400 миллионов расходов на оплату 2 миллионов рабочих, не производящих никакого *produit net*, а не те сбережения, которые 2 миллиона рабочих могут сделать из 400 миллионов своих заработков" (I. c., стр. 221).

В 26 главе своих „Principles“ Рикардо говорит:

„А. Смит всегда превозносит преимущества, получаемые страной от значительного валового дохода по сравнению с преимуществами от значительного чистого дохода... Но какая может быть для страны выгода от применения более значительного количества производительного труда, если сумма ее прибылей и рент останется неизменной при употреблении в дело меньшего количества труда?“ (Рикардо, „Начала политической экономии“, перевод Н. Рязанова, Спб. 1908, стр. 234).

Употребляет ли данная нация 5 или 7 миллионов производительных рабочих на производство чистого дохода, на который живет 5 миллионов человек, во всяком случае „пища и одежда этих последних будет получаться из чистого дохода. Применение большего количества людей не дала бы нам возможности ни увеличить, хоть бы на одного человека, нашу армию и наш флот, ни прибавить к налогам хотя бы одну лишнюю гинею“.

Это напоминает древних германцев, у которых попеременно одна часть отправлялась в поход, а другая занималась земледелием. Чем меньше была часть, которую необходимо было оставить для обработки земли, тем значительнее была та часть, которая могла совершать походы. Для них не было бы никакой пользы от того, что количество народонаселения возросло бы на эту треть, — скажем, с 1000 на 1500, — если бы при этом для обработки земли понадобилось 1000 человек, вместо прежних 500. В их распоряжении свободными оставались бы, как и раньше, 500 человек. Напротив, если бы возросла производительность их труда, так что 250 человек было бы достаточно для хлебопашества, то для походов освободилось бы 750 из 1000, тогда как при вышепредположенных условиях из 1500 свободны были бы только 500.

Тут прежде всего следует заметить, что Рикардо под чистым доходом или *produit net* понимает не излишек всего продукта над той его частью, которая должна быть возвращена в производство в виде средств производства, сырья или инструментов. Он скорее склоняется к тому ложному взгляду, что весь продукт в его целом сводится к ва-

ловому доходу. Под *produit net* или чистым доходом он понимает прибавочную ценность, излишек всей суммы дохода над той частью его, которая состоит из заработной платы, из дохода рабочего. А этот доход рабочего равен переменному капиталу, той части оборотного капитала, которую рабочий постоянно потребляет и постоянно воспроизводит, той части его производства, которую он сам потребляет. Раз Рикардо не считает капиталстов совершенно бесполезными, т.-е. раз он и их относит к числу агентов производства и вследствие этого сводит некоторую часть их прибыли к заработной плате, то он должен вычесть эту часть прибыли из чистого дохода и объявить, что увеличение их числа способствует росту богатства лишь постольку, поскольку их заработная плата составляет возможно меньшую часть их прибыли. Но, как бы там ни было, некоторая часть времени этих людей, как агентов производства, принадлежит производству. А в той мере, в какой их время принадлежит производству, они уже не могут употреблять его для достижения других целей общества или государства. Чем больше свободного времени остается у них от их занятий по руководству производством, тем менее зависит их прибыль от заработной платы. В противоположность им капиталисты, живущие на свои проценты, *dito* люди, живущие на земельную ренту, лично вполне свободны [для других нужд, не относящихся к производству], и ни одна часть их доходов не входит в издержки производства, за исключением той части, которая идет на воспроизводство их собственной драгоценной персоны. Стало быть, в интересах государства Рикардо должен был бы также желать, чтобы росла рента (чистый доход) на счет прибыли; но он был очень далек от этого. Почему далек? Потому, что это мешает накоплению капиталов; а это до некоторой степени равносильно ответу: потому, что это увеличивает класс непродуцируемых рабочих за счет класса продуцируемых.

Рикардо целиком принимает Смитовское различие между производительным и непродуцируемым трудом, в том смысле, что первый обменивается непосредственно на капитал, а второй — на доход. Но у него уже нет Смитовской нежности к производительным рабочим и Смитовских иллюзий на их счет. Быть производительным рабочим это — несчастье. Производительный рабочий, это — рабочий, производящий чужое богатство. Его существование имеет смысл лишь постольку, поскольку он служит таким орудием производства чужого богатства. Стало-быть, если то же самое количество чужих богатств может быть создано меньшим числом производительных рабочих, то этих производительных рабочих уместно удалять. *Vos, non vobis*. Впрочем, Рикардо понимает это удаление не так, как Гамиль; он не думает, что достаточно удалить рабочих, чтобы увеличить доход и дать возможность потреблять в виде дохода то, что прежде потреблялось как переменный капитал (т.-е. в форме заработной платы). С уменьшением числа производительных

рабочих исчезает и то эквивалентное числу вытесненных рабочих количество продукта, которое эти рабочие сами производили и сами потребляли. Рикардо не воображает, как Гамиль, будто бы попрежнему производится то же самое количество продукта. По теории Рикардо, остается без перемены количество *produit net*. Если бы рабочие потребляли 200, а прибавочная ценность была бы равна 100, то вся ценность равнялась бы 300 и прибавочная ценность составляла бы одну треть ее. Если же рабочие потребляют 100 и дают прибавочную ценность попрежнему 100, то общая ценность равна 200, а прибавочная ценность составляет половину ее. Общий продукт уменьшился бы на одну треть, соответственно уменьшению в потреблении продукта ста рабочими, а *produit net* остался бы без перемены, так как $\frac{200}{3}$ равно $\frac{300}{3}$. Поэтому Рикардо относится безразлично к общему количеству продукта при том условии, что та часть этого последнего, которая составляет *produit net*, остается без перемены, или возрастает, но ни в коем случае не убывает.

Возвратимся к приведенному выше месту. Рикардо говорит там:

„А. Смит всегда превозносит преимущества, получаемые страной от значительного валового дохода по сравнению с преимуществами от значительного чистого дохода *)... Но какая может быть для страны выгода от применения большего количества производительного труда, если при таком же самом или при меньшем количестве его общая сумма прибылей и рент останется без изменения?***)... Человеку, владеющему капиталом в 20000 ф. ст. и получающему с него ежегодную прибыль в 2000 ф. ст. было бы совершенно безразлично, дает его ли капитал работу 100 или 1000 лиц, продается ли созданный продукт за 10000 или 20000 ф. ст., если только его прибыль ни в каком из этих случаев не падает ниже 2000 ф. ст. ***). И не в том ли же самом заключается истинный интерес целого народа? Если его действительный чистый доход, его рента и его прибыль остаются те же, то решительно все равно, состоит ли он из 10 или 12 миллионов человек. Его способность содержать армию и флот и поддерживать все виды непроизводительного труда ****) зависит от его чистого, а не от его валового дохода. Если 5 миллионов человек в состоянии производить нужное для 10 миллионов населения количество пищи и одежды, то пища и одежда для

*) Так как, говорит Адам, тем значительнее будет количество приводимого в движение производительного труда.

**) Это означает не что иное как если прибавочная ценность, созданная большим количеством труда, была бы такою же, как прибавочная ценность, создаваемая меньшим его количеством. А если так, то это значит только то, что для страны безразлично, применяется ли большее число рабочих при меньшей норме прибавочной ценности, или меньшее число их при более высокой норме. $n \times \frac{1}{4}$ составляет столько же, как и $2n \times \frac{1}{8}$, где n — означает число рабочих, а $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ — норма прибавочного труда. Производительный рабочий *an sich* служит только орудием производства для добывания прибавочной ценности, и большее число этих „производительных рабочих“, при неизменности результата их труда, было бы вредно.

***) Эта мысль, как видно из одного дальнейшего места, имеет совершенно банальный смысл. Например, виноторговец, вложивший в дело 20000 ф. ст., ежегодно оставляющий в своем погребке на 12000 ф. ст. товара и ежегодно продающий 8000 его за 10000 ф. ст., нанимает мало людей, и получает 10 процентов прибыли и т. д. А банкир!

****) Это место доказывает, между прочим, что Рикардо придерживается взгляда А. Смита на производительный и непроизводительный труд, хотя и не разделяет уже его иллюзорной сентиментальности по отношению к производительному труду.

5 миллионов является чистым доходом. Было ли бы хоть немного выгодно народу, если бы для производства этого чистого дохода понадобилось 7 миллионов человек, т.-е. если бы оказалось нужным употребить труд 7 миллионов человек для производства пищи и одежды для 12 миллионов? Чистый доход все же будет состоять из пищи и одежды для 5 миллионов населения. Применение большего количества людей не дало бы нам возможности увеличить, хотя бы на одного человека, нашу армию и флот, ни прибавить хотя бы 1 гинею к налогам" (I. с., глава 26. Перевод Н. Рязанова, стр. 234, 235).

Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население по отношению ко всему народонаселению, совершенно так же, как и для отдельного капиталиста тем лучше, чем меньше ему нужно рабочих для производства той же самой прибавочной ценности. При одинаковом количестве продуктов страна тем богаче, чем меньше ее производительное население по сравнению с непроизводительным. Потому что относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда.

С одной стороны, капитал обладает тенденцией сводить необходимое для производства товаров время к падающему минимуму, а стало-быть и уменьшать в отношении к массе продукта, количество производительного населения. С другой стороны, проявляется обратная тенденция; капиталисты стремятся накоплять, превращать прибыли в капитал, присваивать себе возможно большее количество чужого труда. Капитал стремится понизить норму необходимого труда; но при данной норме его стремление состоит в том, чтобы употребить в дело возможно большее количество производительного труда.

При этом совершенно безразлично отношение продукта к народонаселению. Хлеб и шерсть могут быть обмениваемы на вино, на бриллианты и т. д., или рабочие могут применяться в таком производительном труде, где прибавочный труд не воплощается непосредственно в предметах потребления, как, например, в железнодорожном строительстве и т. д. Если бы, благодаря какому-нибудь изобретению, капиталист получил возможность оставить в своем предприятии только 10000 ф. стерл. вместо прежних 20000, так как и десять тысяч было бы достаточно, и если бы они давали ему 20 процентов вместо 10, т.-е. столько же, сколько прежде приносили ему 20000, то из этого еще не следовало бы, что ему надо издержать освободившиеся десять тысяч как доход, вместо того, чтобы дать им капиталистическое употребление (о прямом превращении капитала в доход можно говорить собственно только при государственных займах). Он поместил бы их в какое-нибудь предприятие; но, кроме того, он стал бы капитализировать часть своей прибыли.

У экономистов, отчасти и у Рикардо в том числе, мы видим ту же самую антиномию, которая существует в действительности. Машинные вытесняют труд и увеличивают чистый доход, а особенно и всегда то, что Рикардо здесь называет чистым доходом, т.-е. массу продуктов,

в форме которых потребляется доход. Они уменьшают число рабочих и увеличивают количество продуктов, которые частью потребляются непродуцированными рабочими, а частью обмениваются за границей и т. д. Казалось бы, это именно то, что нужно. Но нет. Требуется еще доказать, что машины не лишают рабочих куска хлеба. Как же это доказывается? Это доказывается тем, что после потрясения, которому непосредственно пострадавшее население, может-быть, не в силах оказать было никакого сопротивления, машины дают занятие большему числу людей, чем участвовало в производстве раньше их введения, стало-быть, количество „производительных рабочих“ снова увеличивается и прежняя пропорциональность восстанавливается.

Так это на самом деле и бывает. И таким образом, несмотря на возрастающую производительность труда, рабочее население беспрестанно увеличивается, не относительно количества продукта, которое растет вместе с ним и притом быстрее его, а относительно [всего народонаселения], если, например, происходит концентрация капитала и, стало-быть, части производительного класса, бывшие прежде [самостоятельными], пролетаризируются. Незначительная часть пролетариата переходит в средний класс. Но непродуцирующие классы уже заботятся о том, чтобы ей тут не очень-то можно было пожить. Постоянное превращение прибыли в капитал совершается с каждым новым циклом на все более широком базисе. И у Рикардо забота о накоплении еще сильнее, нежели забота о чистой прибыли, так что эта последняя усердно прославляется им, как средство накопления.

Отсюда у него и противоречивые утешения и усовещивания по адресу рабочих. Они самым серьезным образом заинтересованы в накоплении капитала, так как от этого зависит спрос на их труд. А если повышается спрос, то растет и цена труда. Так что они сами должны желать понижения заработной платы, чтобы отнятая у них прибавочная ценность, профильтрованная через капитал, снова была возвращена им за новый труд и повысила их заработную плату. Но это повышение платы вредно, так как оно задерживает накопление. Поэтому они должны перестать размножаться. От этого уменьшится приток рабочих рук и, следовательно, поднимется цена труда. Но повышение этой цены понижает норму накопления, следовательно, уменьшает спрос на рабочих и удешевляет труд. Капитал уменьшается еще быстрее, чем сокращается приток рабочих рук. Если они будут плодить детей, то они увеличат приток своих рабочих рук, понизят цену труда, вследствие чего возрастет норма прибыли, а вместе с тем и накопление капитала. Но рост их числа должен идти *pari passu* с накоплением капитала, т.-е. рабочее население должно быть налицо именно в той мере, в какой оно требуется капиталисту,—как это впрочем и есть на деле.

h) Феррье. Теория накопления капитала А. Смита. Новое определение производительного труда *).

Феррье (Ferryer, F. L. A.), таможенный суб-инспектор, выпустил в свет в Париже в 1805 г.: „Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce“ — сочинение, послужившее главным источником Ф. Листу. Феррье был панегристом бонапартовской запретительной системы и т. д. Правительство, — а стало-быть и чиновники. эти непроизводительные рабочие, — имеет в его глазах значение руководящего элемента, непосредственно вмешивающегося в производство. Поэтому этот таможенный чиновник был сильно задет за живое тем, что А. Смит называет чиновников непроизводительными. „Принципы, установленные Адамом Смитом в области национального хозяйства, основаны на различении производительного труда от непроизводительного **)... Это совсем неправильное различение. Непроизводительного труда не существует“! (стр. 141).

„Нация может быть экономной и может быть расточительной; но расточительной или экономной нация является только в своих отношениях к другим народам, и вопрос следовало рассматривать именно с этой точки зрения“ (I. c., стр. 143).

„Нация может быть экономна, — говорит Феррье дальше, — но далеко не в Смитовском смысле. Экономность ее заключается в том, чтобы покупать иностранные продукты в количестве, не превышающем того, которое можно оплатить своими собственными. Иногда она состоит в том, чтобы вовсе от них отказываться“ (I. c., стр. 175).

Сделаем же общий обзор этой теории А. Смита, наводящей такой ужас на Феррье.

В 6-ой главе I книги, в конце этой главы, где речь идет „о составных частях цены товаров“, А. Смит говорит: „Так как в цивилизованной стране меновая ценность только небольшого числа товаров состоит исключительно из труда, между тем как меновые ценности большинства товаров включают в значительной мере земельную ренту и прибыль, то годовой продукт труда такой страны имеет всегда возможность купить или подкупить себе большее количество труда, нежели его было затрачено на изготовление, отделку и доставку на рынок этого продукта. Если бы общество ежегодно употребляло в деле весь тот труд, который оно может купить в данном году, то количество труда сильно возрастало бы с каждым годом и продукт каждого данного года был бы несравненно больше продукта предшествующего года. Но нет такой страны, где весь годичный продукт полностью употреблялся бы на содержание рабочих. Повсюду праздные люди потребляют значительную

*) Стр. 391—398 рукописи. К.

***) Так как Смит желает, чтобы возможно большая часть богатств расходовалась, как капитал, т. е. в обмене на производительный труд, и возможно меньшая, как доход, в обмене на непроизводительный труд.

часть продукта и, в зависимости от пропорции, в которой этот продукт распределяется между этими двумя различными классами, обычная или средняя ценность его с года на год или возрастает, или убывает, или остается без переменны".

Ужасная путаница в этом отрывке, где Смит собственно пытается разгадать загадку накопления.

Прежде всего здесь опять встречается то неправильное предположение, что меновая ценность [которой располагает общество в каждом данном году] равна годовому продукту труда и, стало-быть, сводится к заработной плате и прибыли, включая земельную ренту. Не будем возвращаться к этой бессмыслице. Заметим только еще следующее. Все количество годового продукта, или сумма товаров, представляющих собой годовой продукт труда, должно состоять в значительной степени *in natura* из товаров, которые могут войти только в постоянный капитал, как его элементы, сырой материал, семена, машины и т. д., и которые могут быть потреблены только промышленно. Так что относительно этих товаров,—а таково большинство товаров, входящих в постоянный капитал,—уже сама их потребительная ценность показывает, что они негодны для индивидуального потребления и что, следовательно, на их покупку не может быть израсходован доход, будь он заработной платой, прибылью или рентой. Часть сырых материалов,—поскольку она сама не является необходимой для воспроизводства сырого материала и не входит в основной капитал, как вспомогательное вещество или непосредственно как его составная часть,—впоследствии, конечно, приобретает потребительную форму, но только благодаря труду текущего года. Но, как продукт предыдущего года, даже эти сырые материалы не представляют собою ни одной части дохода. Только годная для потребления часть продукта может пойти в личное потребление, может, стало-быть, составить доход. Но даже некоторая часть потребляемого продукта не может быть потреблена без того, чтобы это не явилось препятствием для воспроизводства. Так что даже и от той части, которая может быть потреблена, отходит еще часть, идущая в промышленное потребление, т.-е. служащая материалом для труда, семенами и т. д., а не средствами существования рабочих или капиталистов. Следовательно, в расчете А. Смита эта часть продукта должна быть с самого начала или отпущена, или, вернее, прибавлена. При неизменной производительности труда та часть продукта, которая не сводится к доходу, остается ежегодно без переменны; это имеет место именно тогда, когда при неизменной производительности труда продолжает затрачиваться одно и то же количество рабочего времени.

Итак, вспомним еще раз его первое положение:

„Так как в цивилизованной стране меновая ценность лишь небольшого числа товаров происходит исключительно от труда, между тем как меновые ценности большинства товаров включают в значительной мере земельную ренту

и прибыль, то годовой продукт труда такой страны имеет всегда возможность купить или подчинить себе большее количество труда, нежели его было затрачено на изготовление, отделку и доставку на рынок (иными словами: на производство) этого продукта“.

Здесь явно смешаны разнородные понятия. В меновую ценность всего годового продукта входят не только живой труд, приложенный в производстве в течение этого года, но и прошлый труд, продукт труда прежних лет. Не только труд в живой форме, но и овеществленный труд. Меновая ценность продукта равна сумме содержащегося в нем рабочего времени, часть которого состояла из живого, а часть из овеществленного труда. Пусть одна часть относится к другой, как одна треть к двум третям, как 1 : 2. Тогда ценность всего продукта равна 3, из которых 2 овеществленного рабочего времени и 1—живого. Стало-быть, полная ценность продукта может купить большее количество живого труда, нежели в ней самой его содержится, если предположить, что овеществленный и живой труд обмениваются между собой как эквиваленты, т.-е., что определенное количество овеществленного труда подчиняет себе только равное ему количество живого. Продукт равен трем рабочим дням, а содержащееся в нем живое рабочее время состоит из 1 рабочего дня. 1 рабочего дня было достаточно для того, чтобы произвести продукт, т.-е. собственно для того, чтобы придать его элементам окончательную форму. Но продукт содержит 3 рабочих дня. Так что, если бы он целиком был обменян на живое рабочее время, если бы его употребляли только на то, чтобы „покупать и подчинять себе живой труд, то он мог бы подчинить себе, купить 3 рабочих дня. Однакоже, Смит, очевидно, подразумевает не это, и такой вывод был бы для него совершенно бесполезной посылкой. Он утверждает, что значительная часть меновой ценности продукта не сводится к заработной плате (или, как он, в силу указанного раньше смешения понятий, неправильно говорит: [не составляется из заработной платы]), но к прибыли и ренте, или, скажем для упрощения, к прибыли. Другими словами: часть ценности продукта, равная количеству приложенного в течение последнего года труда, т.-е. та часть, которая в тесном смысле слова представляет продукт труда последнего года, идет, во-первых—на плату, рабочим и, во-вторых, входит в доход, потребительный фонд капиталиста. Вся эта часть полного продукта происходит от труда, исключительно от труда; но в нее входит оплаченный и неоплаченный труд. Заработная плата равна сумме оплаченного; прибыль—сумме неоплаченного труда. Если бы весь этот продукт был израсходован на заработную плату, то он естественно привел бы в движение больше труда, чем то его количество, которым он создан. И отношение приводимого им движения излишка рабочего времени к тому количеству, которое содержится в нем самом, вполне определяется тем отношением, в котором рабочий

день делится на оплаченное и неоплаченное время. Пусть это отношение будет таково, что рабочий в течение 5 часов, половины рабочего дня, производит или воспроизводит свою заработную плату. Тогда остальные 5 часов, или половина рабочего дня, создают прибавочную ценность. Так что, если продукт содержит 100 рабочих дней [вновь приложенного труда], при десятичасовом дне—1000 часов труда, по 1 шиллингу час, стало-быть, 1000 шиллингов, или 50 ф. ст., тогда на заработную плату было бы затрачено 25 ф. стерл. и столько же составляло бы прибыль, считая вместе с рентой, 25 ф. ст., т.-е. 50 рабочих дней составили бы плату 100 рабочих, которые точно также в течение половины своего рабочего времени даром работали бы на своих хозяев. Так что, если бы весь этот продукт 100 рабочих дней был издержан на заработную плату, то на 50 ф. ст. могли бы быть привлечены к делу 200 рабочих, из которых каждый, как было и прежде, получал бы в виде заработной платы 5 шиллингов, или половину продукта своего труда. Продукт этого труда был бы равен 100 ф. ст. (так как 200 рабочих дней равны 2000 шиллингов, равны 100 ф. ст.), которые могли бы привлечь к делу 400 рабочих, продукт которых, в свою очередь, составлял бы 200 ф. ст. и т. д. Вот что представляет себе А. Смит, говоря, что продукт годового труда мог бы покупать и подчинять себе большее количество труда, чем требовалось для производства его самого. В этом же смысле Смит говорит затем: „Если бы общество ежегодно употребляло в дело весь тот труд, который оно может купить в данном году, то количество труда сильно возрастало бы с каждым годом, и продукт каждого данного года был бы несравненно больше продукта предшествовавшего года“.

Но часть этого продукта поглощается собственниками прибыли и ренты, часть—их прихлебателями. Следовательно, на производительный труд может быть израсходована только часть продукта, определяемая той его частью, которая не поглощается самими капиталистами, ратье и их прихлебателями (которые вместе с тем являются и непродизводительными рабочими).

Но, таким образом, здесь во всяком случае находится налицо некоторый новый фонд, фонд заработной платы, могущий привести в данном году в движение—посредством продукта прошлогоднего труда—большее число рабочих. А так как ценность годового продукта определяется количеством затрачиваемого рабочего времени, то ценность годового продукта будет ежегодно возрастать.

Конечно, фонд, могущий „купить или подчинить себе большее количество труда“, чем его было затрачено в предыдущем году, был бы совершенно бесполезен, если бы на рынке не находилось значительно большего количества труда. Мне нет никакой пользы от того, что у меня есть больше денег для покупки товара, если на рынке нет большего количества этого товара. Если предположить, что капиталисты из

25 ф. ст. прибавочной ценности сами потребляли бы $12\frac{1}{2}$ ф. ст., то из 50 ф. ст. на заработную плату оставалось бы $37\frac{1}{2}$ ф. ст., которые могли бы употребить в дело 150 рабочих, а те создали бы на 75 ф. стерл. продукта. Но если бы число рабочих, могущих быть нанятыми, было попрежнему 100, то эти 100 получили бы теперь в виде заработной платы $37\frac{1}{2}$ ф. ст., вместо прежних 25, а продукт их был бы, как и раньше, разве только 50 ф. ст. Следовательно, доходы капиталистов понизились бы с 25 на $12\frac{1}{2}$ ф. ст., по той причине, что заработная плата повысилась бы на 50 процентов. Но А. Смит предполагает, что количество труда должно будет возрасти. Отчасти благодаря ежегодному приросту населения, средства для каждого должны доставляться прежней заработной платой, отчасти благодаря наличности безработных и только на половину занятых рабочих и т. д. Далее, благодаря массе непроизводительных рабочих, которые, при ином применении прибавочного продукта, отчасти могут превращаться в производительных рабочих. Наконец, та же самая рабочая масса может дать большее количество труда. А ведь все равно, нанимаю ли я 150 человек вместо 100, или 100 человек работают ежедневно вместо 10 по 15 часов.

Впрочем, то утверждение, что с ростом производительного капитала,—или с увеличением той части годового продукта, которая предназначается для воспроизводства,—в такой же пропорции должен расти и прилагаемый труд (живой труд, издерживаемая на заработную плату часть капитала), составляет ошибку А. Смита, которая вполне гармонирует с тем обстоятельством, что он сводит весь продукт к доходу.

Итак, у него прежде всего существует фонд потребительных средств существования, который может „купить и подчинить себе“ большее количество труда в каждом данном году; сравнительно с предыдущим. Существует большее количество труда и в то же время большее количество средств существования для этого труда.

Перейдем теперь к воззрениям Смита на происхождение и необходимость накопления.

„В том первобытном состоянии общества, когда не существует еще никакого разделения труда, редко совершается обмен, и каждый индивидуум сам себе добывает необходимое, нет нужды в накоплении запаса для поддержания хода общественного хозяйства *). Каждый старается собственными силами удовлетворять своим потребностям, по мере того как они возникают. Если человек голоден, он идет в лес охотиться и т. д.“

„Но когда повсюду устанавливается разделение труда, тогда отдельный человек может удовлетворить своим собственным трудом только очень незначительную часть своих потребностей. Огромное большинство их он удовлетворяет продуктом труда других людей, который он покупает на свой продукт, или, что одно и то же, на цену своего продукта. Но эта покупка может быть сделана лишь после того, как его собственный продукт не только закончен, но и продан. Поэтому должен быть составлен запас различных благ, достаточный как для содержания этого человека, так и для снабжения его сырым материалом и

*) Особенно после того, как было предположено, что общество не существует.

орудиями труда, по крайней мере до того момента, когда оба указанные предварительные условия будут выполнены *). Ткач не может всецело отдаться своему ремеслу, прежде чем в его руках или у какого-нибудь другого лица не будет накоплен запас, достаточный для снабжения его орудиями труда и содержания его не только до тех пор, пока он не окончит, но и пока он не продаст своего сукна. Это накопление, очевидно, должно быть совершено раньше, чем он отдаст свое ремеслу на такое продолжительное время.

„Если, по природе вещей, накопление капитала должно предшествовать разделению труда **), то и разделение труда может увеличиваться только по мере постепенного предварительного накопления капитала. По мере того как разделение труда подвигается вперед, возрастает количество сырого материала, которое может быть обработано данным числом людей, и так как производительные действия, совершаемые каждым рабочим, постепенно упрощаются, то удастся изобретать всевозможные новые машины для облегчения и сокращения этих действий. Поэтому, по мере того как возрастает разделение труда, становится необходимым—чтобы дать постоянное занятие прежнему числу рабочих—предварительно накапливать средства существования в прежнем количестве, а сырые материалы и инструменты—в большем, чем то, которое было бы нужно в первобытном строе.. Если накопление капитала является предварительным условием этого значительного роста производительных сил труда, то, с другой стороны, оно же вызывает этот рост их. Тот, кто употребляет свой капитал на наем рабочих, естественно желает сделать это так, чтобы они совершили возможно большее количество труда. Поэтому он старается, с одной стороны, возможно целесообразнее распределить труд между своими рабочими, а с другой стороны, снабдить их самыми лучшими машинами, какие только он может изобрести или купить. Успех его в том и другом отношении зависит от величины его капитала и от числа людей, которых он может нанять. Поэтому с ростом капитала в каждой стране не только возрастает количество занятого им труда, но то же самое число рабочих, вследствие этого возрастания капитала, производит больше продукта“ (I. с., введение ко II книге).

А. Смит рассматривает предметы, уже вошедшие в потребительный фонд, совершенно так же, как производительный и непродуцируемый труд. Например:

„Жилой дом, как таковой, не приносит никакого дохода живущему в нем лицу; и хотя он, без сомнения, очень полезен ему, но полезен так же, как полезны его платье и его мебель, хотя они составляют для него часть издержек а не доход“ (I. с., книга II, гл. 1).

Напротив, к основному капиталу принадлежат „все те необходимые постройки, которые являются средством создания дохода не только для владельца, отдающего их в наем, но и для нанIMATEЛЯ, который платит за их наем, а именно: торговые склады, магазины, фабрики, усадьбы со всеми их строениями, стойлами, амбарами и т. д. Эти строения сильно отличаются от простых жилых домов. Они составляют род орудий труда“ (I. с.).

„Всякий прогресс в механике, позволяющий с тем же числом рабочих выполнить то же количество труда при посредстве более дешевых и простых

*) Но и в первом случае [до эпохи товарного производства] человек не мог есть яйца, не убив его, и не мог убить его, не сделав себе классического лука или чего-нибудь подобного. Поэтому единственным новым условием во втором случае является необходимость какого-нибудь запаса [не на время выделки средств производства, а лишь] на время, необходимое для продажи продукта своего труда.

**) После того, как во введении было сказано, что до разделения труда не происходило накопления капитала, теперь—выходит, повидимому, что до накопления капитала нет разделения труда.

машин, всегда считался выгодным для общества. Некоторое количество сырого материала и труд некоторого количества рабочих, употреблявшихся прежде на уход за более сложными и дорогими машинами, теперь могут быть применены на то, чтобы увеличить на сколько возможно количество труда, даваемого той или другой машиной“.

„Все издержки на поддержание основного капитала необходимым образом исключаются из чистого дохода общества“.—„Всякое сбережение в издержках на поддержание основного капитала, если оно не мешает производительной силе труда, непременно увеличивает фонд, питающий промышленность, а тем самым и годовой продукт земли и труда, истинный доход общества“. (Книга II, гл. 2).

Деньги, вытесненные за границу банковыми и вообще кредитными билетами,—если их расходуют „на покупку иностранных товаров для потребления внутри страны“,—служат для приобретения или предметов роскоши, каковы заграничные вина, шелковые ткани и т. д., словом—таких товаров, назначение которых „итти в потребление праздным, ничего не производящим людям.. или же они служат для покупки сырого материала, инструментов и средств существования с целью нанять больше прежнего рабочих, которые воспроизвели бы с прибылью ценность своего годового потребления“ (I. с.).

Первый способ употребления денег, по словам Смита, порождает расточительность, „увеличивает издержки и потребление, не расширяя производства и не создавая постоянного фонда для покрытия этих издержек; он во всех отношениях вреден для общества“.

Напротив, „деньги, издержанные вторым способом, способствуют развитию промышленности; хотя они и увеличивают потребление общества, но создают постоянный фонд для покрытия этого потребления, так как потребители воспроизводят с прибылью всю ценность своего годового продукта“.

„Количество труда, которое может быть занято капиталом, очевидно равняется числу рабочих, которых он может снабдить, соответственно роду их занятий, сырым материалом, инструментами и средствами существования“ (I. с.).

В 3 главе II книги мы встречаем следующие мысли:

„Производительные и непроизводительные рабочие, равно как и те люди, которые вовсе не работают, все одинаково содержатся на годовой продукт земли и труда страны. Этот продукт.. имеет определенные границы. Поэтому, смотря по тому, больше или меньше употреблено его в каком-нибудь году на содержание непроизводительных рабочих, его останется меньше или больше для производительных, и соответственно этому будет больше или меньше продуктов следующего года.“

„Хотя весь годовой продукт земли и труда каждой данной страны, несомненно, предназначается, в конце концов, к тому, чтобы покрывать потребление ее жителей и приносить им доход, но он все-таки делится на две части, все равно—создается ли он землей, или же руками производительных рабочих. Одна из этих частей, и притом часто более значительная, предназначается прежде всего на возмещение капитала или на восстановление средств существования, сырого материала и готовых продуктов, которые взяты были из капитала; вторая часть предназначена служить доходом либо для собственника этого капитала, в виде прибыли с него, либо для другого лица—в виде ренты с его земли.. Та часть годового продукта земли и труда страны, которая возмещает капитал, непосредственно никогда не идет на содержание никого, кроме производительных рабочих. Она дает заработок только производительному труду; та же часть, назначение которой состоит в том, чтобы непосредственно образовать

доход, в качестве прибыли или ренты, может одинаково идти на наем как производительных, так и непроизводительных рабочих... Непроизводительные рабочие и те, кто вообще не работает, все содержится на доход: во-первых, на ту часть годового продукта, которая с самого начала предназначена составлять доход частных лиц, либо в виде земельной ренты, либо в виде прибыли с капитала; во-вторых, на ту часть годового продукта, которая хотя и предназначается на возмещение капитала и на содержание производительных рабочих, однако же, попав в их руки, может, в размере всего излишка над необходимыми им средствами существования, идти на содержание как производительных, так и непроизводительных рабочих. Так, например... обыкновенный рабочий, если заработок его велик, может держать прислугу, или ходить иногда в театр и таким образом принимать участие в содержании непроизводительных рабочих; или же он может платить некоторые налоги и тем содействовать поддержанию целого ряда других непроизводительных рабочих, пользующихся большим почетом и более полезных, но одинаково непроизводительных. Но никогда ни одна из тех частей годового продукта, которые первоначально предназначаются для возмещения капитала, не идет на содержание непроизводительных рабочих, прежде чем она в полном объеме не приведет в движение производительный труд.

„Рабочий должен заработать трудом свою плату, прежде чем он получит возможность расходовать ее таким образом... Земельная рента и прибыль с капитала везде являются главными источниками, из которых непроизводительные рабочие берут средства существования... Они одинаково могут содержать как производительных, так и непроизводительных рабочих. Однако, они, повидимому, отдают особенное предпочтение последним... Поэтому отношение между производительными и непроизводительными рабочими во всякой стране в сильной степени зависит от того, как делится годовой продукт, созданный землею или руками производительных рабочих, на те две части, из которых одна предназначается на возмещение капитала, а другая составляет доход, в виде ли земельной ренты, или в виде прибыли. Отношение между этими двумя частями в богатых странах сильно отличается от подобного отношения в странах бедных.

„Поэтому в настоящее время в богатых странах Европы очень значительная, нередко самая значительная часть продукта земли идет на образование капитала богатых и независимых арендаторов. Напротив, раньше, в феодальное время, очень небольшой части продукта было достаточно для возмещения занятого в сельском хозяйстве капитала“.

То же самое в торговле и промышленности. Теперь требуются значительные капиталы там, где прежде капиталы были совсем незначительны.

„Но эти незначительные капиталы приносили, должно быть, очень большие прибыли. Норма процента никогда не бывала ниже 10, и прибыли должны были быть достаточно велики для того, чтобы можно было платить такие высокие проценты. Теперь норма процента в передовых странах Европы нигде не превосходит 6 и в большинстве их равна четырем, трем и двум. Если, несмотря на это, та часть дохода населения, которая получается из прибыли на капитал, всегда значительнее в богатых, нежели в бедных странах, то это происходит от того, что там капитал гораздо больше; но по отношению к капиталу прибыли обыкновенно гораздо ниже.

„Таким образом, та часть годового продукта, которая, будучи порождена землею или создана руками производительных рабочих, предназначается на возмещение капитала, не только более значительна в богатых странах, нежели в бедных, но, кроме того, она значительнее в богатых странах и по отношению к другой части, идущей либо на земельную ренту, либо на прибыль. Фонд, предназначенный на содержание производительного труда, не только более значителен в богатых странах, нежели в бедных, но он также гораздо более велик сравнительно с тем фондом, который хотя и может одинаково поддерживать существование как производительных, так и непроизводительных рабочих, однако, обнаруживает обыкновенно тенденцию поддерживать этих последних *). Отношение

*) Смит впадает в ошибку, отождествляя величину производительного капитала с величиной той его части, которая предназначается на поддержание жизни производительным рабочим. Но он в самом деле видел только начало крупной промышленности.

между обоими этими различными фондами необходимо определит в каждой стране общий характер ее обитателей, степень их трудолюбия или ленивости".

Так, например, по словам Смита, в английских и голландских мануфактурных городах, где низшие классы населения живут, главным образом, на средства, доставляемые им вкладываемым в предприятия капиталом, они вообще трудолюбивы, воздержаны и расчетливы. Напротив, в тех городах, которые служат местопребыванием королевских дворов и т. д., и в которых низшие классы населения живут за счет траты доходов, они большей частью ленивы, разгульны и бедны; пример этому Рим, Версаль и т. д.

Таким образом, отношение между капиталом и доходом повсюду определяют, повидимому, отношение между промышленной деятельностью и праздностью. Всюду, где преобладает капитал, распространено промышленное оживление, а где преобладает доход, там — праздность. Поэтому всякое увеличение и уменьшение капитала имеет естественную тенденцию увеличивать или уменьшать сумму промышленной деятельности; число производительных рабочих, а вместе с тем и меновую стоимость годового продукта земли и труда страны, действительное богатство и действительный доход всех ее обитателей"...

Что сберегается в течение года, то потребляется так же регулярно, как и то, что расходуется в течение этого же года, и потребляется приблизительно в одно и то же время; только потребляется оно другим родом людей".

Первая часть дохода потребляется слугами и бесполезными об'едалами, которые не оставляют ничего такого, что возмещало бы собою их потребление. Вторая часть потребляется рабочими, которые с прибылью воспроизводят ценность своего годового дохода.

Потребление такое же, да потребители другие".

По этому поводу ниже в той же главе мы находим одну из назидательных проповедей Смита на тему о бережливом человеке, который своими ежегодными сбережениями создает, так сказать, общественную мастерскую (а public workhouse) для содержания добавочного количества производительных рабочих, и таким образом до известной степени основывает вечный фонд для „содержания" такого же числа производительных рабочих", между тем как расточитель „уменьшает фонд, предназначенный для найма производительного труда". Если бы то же самое количество одежды и средств существования, которое (благодаря мотовству расточителей) было потреблено непроизводительными рабочими, распределось между производительными, то они воспроизвели бы с прибылью полную ценность своего потребления".

Конец этой морали тот, что это (бережливость и расточительность) уравнивается между частными лицами, и фактически берут верх „воздержание" и „разум".

„Великие нации никогда не разоряются вследствие расточительности и неразумного поведения частных лиц, но их разоряют иногда расточительность и неразумие их правительств. Весь или почти весь доход государства в большинстве стран употребляется на содержание непроизводительных рабочих. Сюда относятся люди, входящие в состав многочисленных и блестящих дворов

государей, громадных церковных учреждений, большие армии и флоты, которые в мирное время ничего не производят, а в случае войны не завоевывают ничего такого, что могло бы покрыть издержки на их содержание даже и за одно лишь военное время. Все эти люди, не производя лично ничего, содержатся трудом других. Поэтому, если бы они чрезмерно размножились, то они могли бы потребить в течение одного года такое количество этого продукта, что не хватало бы на содержание производительных рабочих, которые должны воспроизвести продукт в следующем году" (1. с., книга II, глава 3).

"По мере роста фонда, предназначенного на содержание производительного труда, с каждым днем растет также и спрос на производительный труд. Рабочие легко находят себе заработок, но капиталисты лишь с трудом отыскивают рабочих для найма. Конкуренция между капиталистами повышает заработные платы и понижает прибыли" (1. с., книга II, глава 4).

В пятой главе второй книги, где речь идет о различных способах приложения капитала, Смит классифицирует их в зависимости от того, в какой мере они привлекают производительный труд в производство и тем повышают меновую ценность годового продукта. Сначала земледелие, далее мануфактура, потом оптовая торговля и, наконец, розничная торговля. Таков тот последовательный ряд, в который он их располагает сообразно количеству производительного труда, приводимого ими в движение. Тут мы получаем еще одно, совершенно новое определение производительных рабочих:

"Лица, применяющие капиталы одним из этих четырех способов, сами являются производительными рабочими. При целесообразном приложении их труд фиксируется и овеществляется в вещах или товарах, к которым он прилагается, при чем он вообще прибавляет к их цене по меньшей мере ценность своего собственного содержания и потребления".

В итоге Смит видит производительность этих лиц в том, что они дают применение производительному труду.

О сельском хозяине он говорит: "ни один капитал не дает применения большему количеству производительного труда, чем капитал фермера. Не только его дворня, но даже его рабочий скот являются производительными рабочими"; стало-быть, в конце концов, бык тоже оказывается производительным рабочим.

i) Лодердэль и Ж. Б. Сэй *).

Граф Лодердэль (Earl of Lauderdale): "An Inquiry into the nature and origin of public wealth etc.", Лондон, 1804, французский перевод: "Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique etc.", сделан Ларжантьиль де Лавезом (L'argentil de Lavaisse), Париж, 1806 г.

Апологетское объяснение Лодердэлем прибыли будет рассмотрено только впоследствии. По его смыслу, прибыль возникает из самих капиталов, потому что они "замещают" труд. Они получают плату потому, что они выполняют труд, который иначе должен был бы выполнить, а иногда и не в состоянии был бы выполнить человек.

*) Стр. 398—400 рукописи. К.

„Теперь понятно, что повсюду, где капитал извлекает из предприятий прибыль, эта прибыль получается или потому, что капитал замещает часть труда. Выполнять который в противном случае пришлось бы собственноручно человеку, или же потому, что он совершает труд, превосходящий силы отдельных лиц“ (I. с., стр. 161).

Граф — большой враг теории Смита о накоплении и сбережении, а равно и делаемого Смитом различения между производительными и непроизводительными рабочими. Но по его теории выходит, что то, что Смит называл „производительной силой труда“, есть лишь „производительная сила капитала“. Он прямо отрицает даваемое Смитом объяснение прибавочной ценности. И вот на каком основании:

„Если бы это понимание прибыли с капитала было безусловно правильно, то отсюда следовало бы, что прибыль с капитала есть не первоначальный, а побочный источник богатства, и тогда уже нельзя было бы смотреть на капитал, как на источник богатства, так как его прибыль была бы только перекладыванием из кармана рабочего в карман капиталиста“ (I. с., стр. 157, 158).

В виду этого нет ничего удивительного в том, что в своей полемике со Смитом Лодердэль является до последней степени плоским. Он говорит:

„Стало-быть, один и тот же труд может быть производительным и непроизводительным. смотря по тому, как употребляется впоследствии тот предмет, на который он был затрачен. Если, например, мой повар делает торт, который я тут же съедаю, то он — непроизводительный рабочий, и его занятие — бесплодный труд, так как его услуга исчезает тотчас после того, как она была оказана. Но если тот же труд выполнен в кондитерской, то он становится производительным“ *) (I. с., стр. 149, 150).

„Это замечательное различие, основанное на одной лишь долговечности оказываемых услуг, относит к числу непроизводительных рабочих тех людей, которые выполняют в обществе важнейшие функции. Государь и все те, которые служат религии, правосудию и обороне государства, равно как и те, которые поддерживают здоровье граждан и дают им образование, признаются непроизводительными рабочими“ (**).

„Если основой богатства служит меновая ценность, то совершенно излишне пускаться в длинные исследования для обнаружения ошибочности этой теории. Ничто не доказывает так хорошо ее неправильности, как то уважение, которым пользуются эти виды деятельности, если судить по тому, как их оплачивают“ (I. с., стр. 149—152).

Затем, указав на то, что труд промышленного рабочего фиксируется и овеществляется в каком-нибудь продажном продукте, Лодердэль говорит в примечании:

„Ни труд, выполняемый слугой, ни труд, сберегаемый оборотным капиталом ***) , ник им образом не могут быть накоплены или собраны так, чтобы можно было их передать другому лицу за определенную ценность. Прибыль, создаваемая как одним [слугой], так и другим [деньгами], происходит одинаково от труда, который они сберегают своему господину или вла-

*) Патент на это открытие принадлежит Гарнье, так как его издание Смита с примечаниями вышло в свет в 1802 г., т. е. двумя годами раньше Лодердэля.

**) Это звучит не так, как делаемое А. Смитом в 3 главе II книги перечисленные: „духовные, юристы, врачи, всех сортов литераторы, равно как и комедианты, скоморохи, музыканты, оперные певцы, танцовщицы и т. д.“.

***) Под этим он понимает деньги, монету.

дельцу. Сходство между ними, в самом деле, очень велико, и естественно предположить, что обстоятельства, благодаря которым был признан не производительным один, необходимо должны были привести к такому же заключению и относительно другого" (I. c., стр. 195, 196).

Последняя фраза со „сбережением труда“ особенно заезжена Тоувилем.

Таким образом, у нас получается следующий ряд: Феррье, Гарнье, Лодердаль, Ганиль.

После Гарнье вышло в свет: „Traité d'Économie politique“ банального Ж. Б. Сэй. Он упрекает Смита за то, что тот „отказал в названии продуктов результатам этих видов профессиональной деятельности. Он называет посвященный им труд непроизводительным“ (3 издание, I, стр. 117).

Смит решительно не призывает того, что „эти виды профессиональной деятельности“ производят „результат“, какой-нибудь „продукт“. Правда, он прямо называет „общественную безопасность, порядок и защиту государства“ результатом годового труда служащих государства (Смит, II книга, 3 глава). С своей стороны, Сэй присоединяется к тому побочному определению Смита, по которому „эти виды деятельности обыкновенно исчезают в момент их исполнения“ (Смит, I. c.). Господин Сэй называет эти „виды деятельности или их результаты“, словом—их потребительную ценность, „невещественными продуктами или ценностями, которые потребляются в момент их производства“. Вместо того, чтобы называть [труд] „непроизводительным“, он называет его „производительным в смысле невещественных продуктов“. Он дает другое название. Но дальше он заявляет, „что этот труд не способствует увеличению национального капитала“.

„Нация, в которой много музыкантов, проповедников, чиновников, может вести очень приятную жизнь, быть всесторонне образованной, превосходно управляемой, но не только. Ее капитал не получал бы от труда людей всех этих профессий никакого непосредственного прироста, потому что их продукты потребляются в момент их производства“ (I. c., I, стр. 119).

Следовательно, господин Сэй объявляет эти виды труда непроизводительными в самом тесном смысле определения, даваемого Смитом. Но в то же время он хочет усвоить себе „шаг вперед“, сделанный Гарнье. И вот он изобретает новое название для непроизводительных видов труда. Такова его оригинальность, производительность и манера делать открытия. При этом, со своей обычной логичностью, он сам же себя отвергает. Он говорит:

„Нельзя согласиться со взглядом господина Гарнье, который из производительности труда врачей, юристов и других подобных лиц делает тот вывод, что для нации так же выгодно развивать эти виды труда, как и всякие другие“ (I. c., стр. 120).

А почему же нет, если один вид труда так же производительен, как и другие, и если рост производительного труда вообще „выгоден

для нации“? Почему не так выгодно развивать этот вид труда, как и другие? Потому, отвечает Сэй с характерным для него глубокомыслием, что вообще невыгодно развивать какой бы то ни было производительный труд свыше потребности в нем. Но тогда Гарнье прав. В таком случае одинаково выгодно—т.-е. одинаково невыгодно—развивать как те, так и другие виды труда сверх определенной меры.

„Дело обстоит с этим так же, как обстояло бы оно и с ручным трудом, если бы его затрачивали на продукт больше, чем необходимо для производства этого последнего *). Труд, производящий не вещественные продукты, как и всякий другой труд, только до тех пор производителен, пока он увеличивает полезность, а следовательно, и ценность продукта **). Всякий труд, затрачиваемый сверх этого количества, совершенно не производителен“ (I. с., стр. 120).

Логика Сэя значит такова: для нации не так полезно увеличивать число „производителей не вещественных продуктов“, как число производителей вещественных продуктов. Доказательство: совершенно бесполезно увеличивать сверх надобности число производителей какого бы то ни было вещественного или не вещественного продукта. Стало-быть, полезнее увеличивать число бесполезных производителей вещественных продуктов, чем бесполезных производителей продуктов не вещественных.

В обоих случаях делается не то заключение, что бесполезно увеличивать число этих производителей вообще, а только то, что не следует увеличивать число производителей определенного рода, определенной профессии. Никогда нельзя произвести слишком много вещественных продуктов, а также и не вещественных. Но *variatio delectat*. Поэтому нужно в обеих отраслях производить различные сорта продуктов. Помимо этого господин Сэй поучает: „остановка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других“. Стало-быть, не может быть произведено слишком много столов, разве уж если произведено слишком мало, например, блюд, которые можно было бы ставить на эти столы. Если завелось слишком много врачей, то корень зла не в том, что предлагается слишком много врачебных услуг, а разве лишь в том, что предлагается слишком мало услуг других производителей не вещественных продуктов, например, проституток ***). В конце концов, здесь вещи еще склоняются на ту сторону „непроизводительных рабочих“. При данных условиях производства известно точно, сколько нужно труда для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть

*) На изготовление стола не должно затрачивать больше столярной работы, чем необходимо для его производства. То же и для починки больного тела—не больше, чем нужно для излечения. Стало-быть, адвокаты и врачи должны затрачивать только необходимый труд для изготовления своих не вещественных продуктов.

***) Т.-е. потребительную ценность; но Сэй смешивает потребительную ценность с меновой.

***) См. стр. 123 I. с., где сопоставляется труд носильщиков, проституток и т. д., где Сэй обоснуждает то утверждение, что „время обучения“ для проститутки „сводится к нулю“.

количество определенного рода труда для производства определенного продукта. Но не так обстоит дело со многими невещественными продуктами. Здесь определение количества труда, требуемого для достижения определенного результата, как и определение самого результата — основывается на догадках. Двадцать духовников вместе, быть-может, совершат обращение, которое не удастся одному; шесть врачей на общей консультации, быть-может, найдут врачебное средство, которого не находит один врач. В судебной коллегии производится, может-быть, больше правосудия, чем у одного судьи, который сам себя контролирует. Количество солдат, нужное для защиты страны, полицейских — для поддержания в ней порядка, чиновников — для хорошего управления ею и т. д., — все эти вещи проблематичны и, например, в английском парламенте очень часто ставятся на обсуждение, хотя в Англии знают очень точно, сколько нужно труда прядильщиков для изготовления тысячи фунтов пряжи. Что касается других „производительных“ рабочих этого рода, то само понятие заключает в себе указание на то, что полезность, создаваемая ими, зависит непосредственно только от их числа, им определяется. Например, лакеи, которые являются показателями богатства и высокого положения своих господ. Чем больше их число, тем сильнее эффект, „производимый“ ими. Таким образом, у господина Сэй остается в силе то утверждение, что никогда не может быть достаточно непроизводительных рабочих.

к) Дестютт де Траси. Происхождение прибыли.

Вопросом о производительных и непроизводительных рабочих занимается также граф Дестютт де Траси (Destutt de Trassy) в своих: „Elements d'ideologie“ — в IV и V части. „Traité de la volonté et de ses effets“, Париж, 1815 г. (2-е издание, под заглавием: „Traité d'économie politique“, Париж, 1823 г.).

Всякий полезный труд поистине производителен, и каждый общественный трудящийся класс должен в равной мере считаться производительным“ (стр. 87).

Но в этом производительном классе он различает „трудящийся класс, который производит непосредственно все наше богатство“ (стр. 88), т.-е. стало-быть, то, что Смит называет производительными рабочими.

Напротив, бесплодный класс состоит из богатых, потребляющих свою земельную или денежную ренту. Они составляют праздный класс.

„Настоящим бесплодным классом является класс праздных людей, которые ничего не делают, а живут, как говорится, на высокую ногу, пользуясь продуктами до них совершенного труда — продуктами, которые либо реализованы в имениях, отдаваемых ими в аренду, т.-е. в наем рабочему, либо со-

стоят из денег и ценных бумаг, которые отдаются ими в займы за известное вознаграждение; т.-е. тоже в наем. Это—настоящие трутни пчелиного улья (*fruges consumere nati*)“ (Стр. 87).

Эти праздные люди (*oisifs*) „могут тратить единственно только свой доход. Если они расходуют свой фонд, то он уже ничем не воз-
становляется, и их потребление только на одну минуту подымается выше нормы, чтобы затем навсегда прекратить ее“ (стр. 236, 237).

„Этот доход есть не что иное., как налог, всегда взимаемый со всех продуктов деятельности трудящихся граждан“ (стр. 236).

Как же обстоит дело с рабочими, которых эти *oisifs* непосредственно нанимают? Поскольку они потребляют товары, они потребляют не прямо труд, а продукты производительных рабочих. Речь идет, стало-быть, о рабочих, за труд которых они непосредственно дают часть своего дохода, о рабочих, получающих свою заработную плату прямо из дохода, а не из капитала.

„Так как люди, получающие доход, праздны, то ясно, что они не руководят никаким производительным трудом. Задача всех рабочих, которых они нанимают, состоит только в доставлении им наслаждений. Наслаждения эти, несомненно, разнообразны.. Издержки всего этого класса людей, прокармливая многочисленное население, делают возможным его существование, но труд этого населения совершенно бесплоден“.

Некоторые из этих издержек могут быть более или менее полезны, например, постройка дома, улучшение земельного участка. Но это исключения, благодаря которым [праздные люди] на время становятся руководителями производительного труда.

„За этими маловажными исключениями, все потребление подобных капиталистов во всех отношениях является, с точки зрения воспроизводства, чистой потерей и представляет соответственный вычет из произведенного богатства“ (стр. 236).

Политическая экономия в собственном смысле, политическая экономия à la Смит, смотрит на капиталиста, как на олицетворение капитала, как на агента производства. Но кто же должен потреблять его продукты? Рабочий? *Quod pop.* Сам капиталист? Но тогда он *qua* крупный потребитель, *oisif*, а не капиталист. Владельцы земельной и денежной рент? Они не воспроизводят своего потребления и тем наносят ущерб богатству. Есть, однако, две верные стороны в этом противоречивом взгляде, который видит в капиталисте только реального собирателя сокровища, а не призрачного, каким является собиратель сокровищ, собственно так называемый: 1) капитал (*hinc* капиталист, его олицетворение) рассматривается только как агент, служащий для развития производительных сил и производства; 2) точка зрения капиталистического общества, которое находится в восходящей части кривой линии своего движения, и для которого речь идет о меновой ценности, а не о потребительной, о богатстве, а не о наслаждении. В на-

слаждающемся богатстве оно видит пустоцвет, пока само не научается соединять эксплуатацию с потреблением и не подчиняет себе это наслаждающееся богатство.

„Для того, чтобы раскрыть происхождение этого дохода (на который живут oisifs), всегда нужно возвращаться к промышленным капиталистам“ (стр. 237, примеч.).

К промышленным капиталистам—ко второму роду капиталистов—относятся все предприниматели какой бы то ни было отрасли промышленности, т.-е. все люди, которые, владея капиталами... употребляют свои способности и свой труд на то, чтобы увеличивать эти капиталы в процессе производства, вместо того, чтобы отдавать их в наем, и которые поэтому живут не на заработную плату и не на доход, а на прибыль“ (стр. 237).

У Дестютта ясно обнаруживается,—как уже и у А. Смита, что мнимое превознесение производительных рабочих на деле оказывается только преклонением перед промышленными капиталистами в противоположность крупным землевладельцам и такого рода капиталистам, которые живут исключительно на свои доходы.

„Они имеют.. в своих руках почти все богатства общества.. Если только дела идут достаточно быстрым ходом, то эти люди в течение года, а иногда и несколько раз в году, расходуют не только ренту, приносимую капиталом, но и самый капитал. А так как в качестве промышленников (hommes industriels) они совсем не делают таких расходов, которые не приносили бы им прибыли то их прибыли тем значительнее, чем больше они расходуют при этом условии“ (стр. 237, 238).

Что же касается их личного потребления, то оно у них такое же, как и у праздных капиталистов. Но оно „вообще умеренно, так как промышленники обыкновенно скромны“ (стр. 238). Другое дело—их промышленное потребление. „Его меньше всего можно назвать окончательным; потребленное возвращается к ним с прибылью“ (I. c.). Их прибыль должна быть достаточно велика не только для их „личного потребления—но также и“ для „земельной и денежной рент“, которые принадлежат праздным капиталистам (стр. 238).

В этом Дестютт прав. Земельная и денежная ренты представляют собою только вычеты из промышленной прибыли, ее части, которые промышленный капиталист отдает землевладельцу или денежному капиталисту из своей валовой прибыли.

„Доходы праздных богачей составляются из рент, бремя которых лежит на промышленности; их создает только эта последняя“ (стр. 248).

Капиталисты-предприниматели „нанимают за ренту землю, дома и деньги (у праздных капиталистов) и дают им такое употребление, благодаря которому они получают с них прибыль сверх суммы этой ренты, т.-е. той ренты, которую они выплачивают праздным капиталистам, и которая составляет, стало-быть, только часть их прибыли.

Рента, уплачиваемая, таким образом, праздным землевладельцам и капиталистам, является „единственным доходом этих бездельников и единственным фондом их годовых издержек“ (стр. 238).

До сих пор все идет хорошо. Но как обстоит дело с вопросом о заработной плате производительных рабочих, нанимаемых капиталист-предпринимателями.

„У них нет другого сокровища, кроме их повседневного труда. Этот труд доставляет им их заработную плату... Но откуда берется эта заработная плата? Очевидно, она получается из имущества тех, кому наемные рабочие продают свой труд, т.-е. из фондов, уже принадлежащих покупателям труда и представляющих собою не что иное, как накопленные продукты прежнего труда. Отсюда следует, что потребление, оплачиваемое этими богатствами, является потреблением наемных рабочих в том смысле, что оно поддерживает их существование; но в сущности оно оплачивается не ими, или, по крайней мере, они оплачивают его только из тех фондов, которые раньше находились в руках их работодателей. Стало-быть, их потребление надо рассматривать, как потребление тех, которые их нанимают. Они одной рукой берут, а другою—отдают обратно... Не только все то, что они (наемные рабочие) расходуют, но и все, что они получают, нужно считать подлинной затратой и собственным потреблением покупателей их труда. Это до какой степени верно, что для решения вопроса о том, наносит ли это потребление больший или меньший ущерб наличному богатству или даже увеличивает его... нужно во всяком случае знать, как капиталисты употребляют покупаемый ими труд“ (стр. 234, 235).

Превосходно. А откуда берутся прибыли предпринимателей, дающие им возможность выплачивать доходы самим себе и праздным капиталистам и т. д.?

„Меня спросят, каким образом и откуда этим предпринимателям удается извлекать такие крупные прибыли. Я отвечаю: они достигают этого, продавая все производимое ими дороже, нежели им обходится производство“ (стр. 239).

Кому же они продают все дороже, чем следует?

„Они продают:

1) Самим себе в размере полной суммы потребления, имеющего целью удовлетворение их потребностей и оплачиваемого ими при посредстве части их прибылей;

2) наемным рабочим, как тем, которые работают у них самих, так и тем, которые служат у праздных капиталистов, и от которых они таким образом получают обратно всю вообще сумму их заработных плат, за исключением небольших сбережений, которые могут быть сделаны наемными рабочими;

3) праздным капиталистам, оплачивающим эти продукты 1)ю частью своего дохода, которая остается у них, за вычетом заработной платы рабочих, непосредственно ими нанимаемых; так что вся рента, ежегодно отбираемая праздными капиталистами у промышленных, притекает обратно к этим последним с той или другой стороны“ (1. с., стр. 239).

Рассмотрим эти три рубрики продаж. 1) Часть своего продукта (или прибыли) капиталисты-предприниматели поедают сами. Они не могут обогатиться, нагревая самих себя и продавая себе свой продукт дороже, чем сами за них заплатили. Но, таким образом, нельзя нагреть и никого другого. Если А продает дороже, чем следует, свой продукт, потребляемый промышленным капиталистом В, то В продает дороже свой продукт, потребляемый промышленным капиталистом А. Получается то же самое, как если бы А и В продавали друг другу свои

продукты по их действительной ценности. Первая рубрика указывает нам, как капиталисты издерживают часть своей прибыли; но она не указывает, откуда они ее извлекают. Во всяком случае, они получают прибыль не от того, „что все производимое ими они продают самим себе дороже, чем им обходится производство“.

2) Из той части продукта, которую они продают своим рабочим по цене, превышающей издержки производства, они точно также не могут извлекать прибыль. Согласно предположению, все потребление рабочих фактически является „собственным потреблением покупателей их труда“. Кроме того, Дестютт еще добавляет, что его капиталисты, продавая свои продукты наемным рабочим (как своим собственным, так и рабочим праздных капиталистов), в сущности только „получают обратно всю сумму их заработных плат“. И даже не всю целиком, а за вычетом сделанных рабочими сбережений. Продают ли они им продукты дешевле, или дороже, это не изменяет дела, потому что они всегда только получают обратно то, что они им дали, и, как было сказано выше, наемные рабочие „только берут одной рукой, а другой рукой возвращают“. Капиталист сначала платит рабочему деньги в виде заработной платы. Потом он ему слишком „дорого“ продает свой продукт и путем этой продажи извлекает деньги обратно. Но так как рабочий не может при уплате вернуть капиталисту больше денег, нежели он от него получил, то капиталист ни в каком случае не может продать ему свои продукты дороже, чем он ему заплатил за его труд. Он всегда может получить от рабочего обратно, при продаже ему своих продуктов, лишь столько денег, сколько он дал их ему за его труд. Ни гроша больше. Как же может возрасти, благодаря такому „обращению“, количество его денег?

Сверх того, здесь у Дестютта кроется еще другая нелепость. Капиталист С выдает рабочему А один фунт ст. недельной платы и затем, продавая ему на 1 фунт ст. товара, получает этот фунт ст. обратно. Таким путем, полагает Траси, капиталист извлекает обратно всю заработную плату. Но он сначала дает рабочему 1 ф. ст., потом дает ему на 1 ф. ст. товара. Стало-быть, фактически он ему дал 2 ф. ст., 1 ф. в виде товара и 1 ф. в виде денег. Из этих 2 ф. ст. он извлекает 1 ф. обратно в форме денег. Следовательно, на самом деле, он ни гроша не получил обратно из заработной платы в 1 ф. ст. И если бы ему пришлось обогащаться таким „извлечением обратно“ заработной платы, то он ушел бы недалеко.

Благородный Дестютт смешивает здесь денежное обращение с действительным обращением товаров. Капиталист, вместо того, чтобы прямо дать рабочему на 1 ф. ст. товара, дает ему 1 фунт стерлингов. На эти деньги рабочий покупает теперь товар по собственному выбору. Получив подходящую ему долю продаваемого капиталистом товара,

он возвращает капиталисту, в форме денег, ассигновку, полученную им от него же на товар. На этом основании Дестютт воображает, что капиталист получает обратно заработную плату, когда к нему протекает обратно та же золотая монета. И на той же самой странице господин Дестютт замечает, что феномен обращения „плохо понят“. Во всяком случае он совсем не понят Дестюттом. Если бы Дестютт не вздумал объяснять себе таким оригинальным способом „получение обратно всей суммы заработной платы“, то эта нелепость была бы, по крайней мере, мыслима в том виде, который мы сейчас рассмотрим.

Но прежде заметим следующее для иллюстрации его премудрости. Если я отправляюсь в лавку и лавочник дает мне 1 ф. ст., за который я покупаю у него на 1 ф. ст. товара, то он получает свой фунт ст. обратно. Никто не станет утверждать, что он получил выгоду от этой операции. Вместо 1 ф. ст. в виде денег и 1 ф. ст. в виде товара, у него теперь только 1 ф. ст. деньгами. Даже если его товар стоил только 10 шиллингов, а он продал бы мне его за 1 ф. ст., то все же он стал на 10 шиллингов беднее, нежели был до продажи, хотя и получил обратно всю сумму одного фунта стерлингов.

Если бы капиталист С дал рабочему 1 ф. ст. заработной платы и затем продал ему товар, стоящий 10 шиллингов, за 1 ф. ст. (= 20 шиллингам), то он, конечно, получил бы прибыль в 10 шиллингов, так как он продал бы рабочему товар на 10 шиллингов дороже, чем следовало. Но, с точки зрения господина Дестютта, даже и в этом случае было бы непонятно, каким образом С мог бы получить прибыль.

[Получаемая здесь] прибыль обязана своим происхождением тому, что С платит рабочему более низкую заработную плату; в действительности он дал рабочему в обмен на его труд меньшую долю продукта, чем давал номинально. Если С дает рабочему 10 шиллингов и продает ему свой товар за 10 шиллингов, то он будет так же богат, как если бы он дал ему 1 ф. ст. и продал за 1 ф. ст. свой товар в 10 шиллингов. Кроме того, ведь Дестютт в своем исследовании исходит из предположения необходимой заработной платы. А здесь для того, чтобы объяснить происхождение прибыли, в лучшем случае можно было бы сослаться на то, что у рабочего обманом вытянули часть его заработка.

Таким образом, этот случай 2 показывает, что Дестютт совершенно позабыл, что такое производительный рабочий, и не имеет ни малейшего понятия об источнике прибыли. Сказать, что капиталист получает прибыль посредством продажи продуктов выше их ценности, можно было бы разве лишь при том предположении, что он продает эти товары не своим собственным наемным рабочим, а рабочим праздного капиталиста. А так как потребление непродуцированных рабочих в действительности является только частью потребления праздных капиталистов, то это приводит нас к случаю 3.

3. В-третьих, промышленный капиталист продает свои продукты „дороже“ их ценности праздным капиталистам, „оплачивающим эти продукты тою частью своего дохода, которая остается у них за вычетом заработной платы рабочих, непосредственно ими нанимаемых; так что вся рента, ежегодно отбираемая праздными капиталистами у промышленных, притекает обратно к этим последним с той или с другой стороны“.

Здесь мы опять встречаем ребяческое представление об обратном получении всей ренты, подобно тому, как раньше говорилось об обратном получении всей суммы заработных плат. Например, С платит праздному капиталисту О (oisif) 100 ф. ст. в виде земельной или денежной ренты. Эти 100 ф. ст. служат платежным средством для С. Для О—они покупательное средство, при помощи которого он извлекает из кладовой С на 100 ф. ст. товара. Таким образом, 100 ф. ст. возвращаются к С, как превращенная форма его товара. Но у него на 100 ф. ст. товара меньше, чем прежде. Вместо того, чтобы отдать их непосредственно, он дал ему 100 ф. ст. деньгами, за которые тот покупает на 100 ф. ст. его товаров. Он покупает эти товары на сумму в 100 ф. ст., но покупает их на деньги С, а не из собственного фонда. А Дестютт воображает, что к С возвращается рента, которую у него взял О. Какой вздор! Первая нелепость.

Во-вторых, Дестютт сам сказал, что земельная и денежная ренты представляют собою только вычеты из прибыли промышленного капитала, т. е. только доли этой прибыли, отданные праздным капиталистам. Если даже допустить, что С с помощью какой-нибудь хитрости вытянул назад все эти доли, другими словами—если предположить, что капиталист С не платит ренты ни землевладельцу, ни денежному капиталисту, что он удерживает у себя всю свою прибыль, то теперь возник бы именно вопрос о том, откуда он извлекал ее, как он ее создал, откуда она взялась. И если это не может быть объяснено тем фактом, что он владеет ею, или тем, что он удерживает ее у себя, не отдавая части ее землевладельцу и денежному капиталисту, то это столь же мало может быть объяснено и тем фактом, что он целиком или частью, тем или иным способом, перетащил обратно из рук праздного капиталиста в свои собственные ту часть прибыли, которую он отдал этому последнему под тем или иным названием. Вторая нелепость!

С должен уплатить О (oisif) ренту в размере 100 ф. ст. за землю или капитал, занятый им у О. Он платит 100 ф. ст. из своей прибыли; откуда она берется, мы еще не знаем. Затем, он продает О свои продукты, которые потребляются или непосредственно самим О, или его прихлебателями, непродизводительными рабочими, и при этом он продает их дороже, чем следует, например, на 25 процентов выше их ценности. Он продает О продукты, ценностью в 80 ф. ст., за 100 ф. ст. Таким образом, С несомненно получает прибыль в 20 ф.

ст. Он дал О ассигновку на товар в 100 ф. ст. А когда О реализует эту ассигновку, он, подымая номинальную цену своего товара на 25 процентов выше его ценности, выдает ему только на 80 ф. ст. товара. Если бы О и согласился получать на 80 ф. стерлингов товара, а платить за него 100 ф. ст., то все же прибыль С никогда не повысила бы 25 процентов. Это повышение цены, это надувательство повторялось бы ежегодно. Но О желает есть на 100 ф. ст. Допустим, он землевладелец. Что ему делать? Он закладывает у С [участок земли] за 25 ф. ст., за которые тот ему поставяет товар ценностью в 20 ф. ст., так как он продает товар на 25 процентов дороже его ценности. Если О торговец деньгами, то он отдает С 25 ф. ст. из своего капитала и получает за них от С на 20 ф. ст. товара.

Предположим, что капитал—или ценность земли—отдавался в наем по 5 процентов. Тогда он равнялся 2000 ф. ст. Теперь же у О остается только 1975 ф. ст. И рента его теперь равна $98\frac{3}{4}$ ф. ст. И таким порядком это пошло бы дальше, так как О продолжал бы потреблять товары, действительная ценность которых равняется 100 ф. ст., между тем как рента его беспрестанно убывает, вследствие того, что он для получения товара на сумму в 100 ф. ст. постоянно должен проесть все большую и большую часть своего капитала. Так, мало-по-малу С прибрал бы к рукам весь капитал О и присвоил бы себе вместе с самим капиталом также и его ренту. Повидимому, этот процесс и рисуется в воображении господина Дестютта, потому что он продолжает:

„Но скажут нам, если бы дело обстояло таким образом и если бы промышленные предприниматели и в самом деле ежегодно пожинали больше, чем сеют, то они в короткое время забрали бы себе все богатства страны и скоро остались бы только одни не имеющие собственности наемные рабочие и капиталистические предприниматели. Это верно, и дела приняли бы такой оборот, если бы предприниматели или их наследники, обогатившись, не предавались праздности и таким путем не обновляли класса праздных капиталистов; и однакоже, несмотря на эту частную эмиграцию, мы видим, что если промышленность страны шла некоторое время без особенно сильных задержек, то капиталы постоянно растут не только пропорционально росту общего богатства, но и гораздо сильнее... Можно прибавить, что этот процесс был бы еще заметнее, если бы правительства не отягчали ежегодно промышленных классов огромными поборами в форме налогов“ (стр. 240, 241).

И господин Дестютт до известной степени прав, хотя вовсе не по отношению к тому, что ему хочется объяснить. Быстрое обогащение промышленных капиталистов в эпоху разложения средневекового строя и возникновения капиталистического производства объясняется отчасти тем, что они прямо надували землевладельцев. Когда ценность денег понизилась вследствие открытия американских копей, арендаторы платили им старые ренты только номинально, а не реально, между тем как промышленники продавали землевладельцам товар не только по повышенной ценности денег, но и выше ценности самого товара. Точно также во всех тех странах, в которых—как мы это видим в Азии—

главный доход страны в форме земельной ренты попадает в руки крупных землевладельцев, государей и т. д., немногочисленные и поэтому не [стесняемые] конкуренцией промышленники продают им свои товары по монопольным ценам и присваивают себе таким образом часть их дохода; они обогащаются не только тем, что продают им неоплаченный труд, но также и тем, что продают товары за большее количество труда, нежели в них содержится.

Только господин Дестютт опять ошибается, полагая, что торговцы деньгами позволят себя так надувать. Напротив, при помощи взимаемых ими высоких процентов они прямо или косвенно являются соучастниками в этом надувательстве. А что господин Дестютт рисовал себе эту картину, видно из следующей его фразы:

„Достаточно только бросить взгляд на то, как они (промышленные капиталисты) были слабы во всей Европе три, четыре века тому назад по сравнению с огромными богатствами владетельных особ, и как они с тех пор окрепли и размножились в то время, как те пришли в упадок“ (I. с., стр. 241).

Господин Дестютт хотел объяснить нам прибыли и высокие прибыли промышленных капиталистов. Он объяснил это двояко. Во-первых, тем, что деньги, выплачиваемые этими капиталистами в форме заработных плат и рент, возвращаются к ним обратно, когда у них покупают продукты на эти заработные платы и ренты. Но на деле этим объясняется только, почему заработные платы и ренты не уплачиваются ими дважды: один раз в форме денег, а другой—в форме товара на ту же самую сумму денег. Второе объяснение заключается в том, что они продают эти товары выше их цены, дороже, чем следует, во-первых,—самим себе, надувая, стало-быть, самих себя; во-вторых,—рабочим, стало-быть, опять обманывая себя же, так как господин Дестютт сказал нам, что потребление наемных рабочих „следует считать потреблением тех людей, которые их нанимают“ (стр. 235); в-третьих, наконец—получателям ренты, надувая также и их, чем в самом деле можно было бы объяснить, почему промышленные капиталисты удерживают у себя постоянно возрастающую часть своей прибыли вместо того, чтобы отдавать ее праздным капиталистам. Но этим объяснялось бы только, почему распределение всей прибыли в целом между промышленными и непромышленными капиталистами совершается всё больше и больше к выгоде первых и в ущерб вторым. Но это ни на йоту не приблизило бы нас к пониманию того, откуда происходит вся эта прибыль в целом. Если даже допустить, что промышленные капиталисты целиком завладели ею, то все же остается неразрешенным вопрос: откуда она берется?

Таким образом, Дестютт не только ничего не ответил, но еще и обнаружил, что он принимает возвращение денег за возвращение самого товара. Это обратное притекание денег означает только то, что сначала капиталисты платят заработную плату и ренту деньгами вме-

сто товаров; что на эти деньги у них покупают их товары и что, следовательно, этим косвенным путем заработная плата и рента уплачиваются товаром. Стало-быть, эти деньги постоянно возвращаются к ним, но возвращаются лишь постольку, поскольку у них в обмен за ту же денежную ценность окончательно берутся товары, потребляемые наемными рабочими и получателями ренты.

Господин Дестютт (совсем по-французски, как и Прудон, у которого мы также находим подобные возгласы изумления по своему собственному адресу) прямо поражен той „ясностью“, которую этот „взгляд на потребление нашего богатства вносит в рассмотрение всей общественной жизни. Откуда берутся эта гармония и этот свет? Они берутся из открытой нами истины. Это напоминает нам те зеркала, которые точно и с сохранением пропорциональности частей изображают все, что ставится перед ними на надлежащем месте, а все, что находится ближе или дальше этого места, комкают и представляют расплывшимся“ (стр. 242, 243).

Дальше господин Дестютт совершенно мимоходом вспоминает, как изображается у А. Смита истинное положение вещей, но при этом он только повторяет относящиеся сюда слова, не понимая их смысла; в противном случае он, этот член Institut de France, не мог бы изливать вышеуказанные потоки света.

„Откуда эти праздные люди получают свои доходы? Все-таки из ренты, которую уплачивают им из своих прибылей люди, употребляющие в дело свои капиталы, т.-е. люди, которые из своего фонда оплачивают труд, производящий больше, чем он стоит; словом—промышленники“ (стр. 246).

Ага! Стало-быть, ренты (а также и их собственные прибыли), выплачиваемые промышленными капиталами праздным капиталистам за занимаемый у них фонд, создаются тем, что промышленники из этого фонда оплачивают труд, производящий больше, чем он стоит, т.-е., следовательно, труд, продукт которого обладает большей ценностью, чем та, которая уплачена рабочим; стало-быть, прибыль получается из продукта, производимого наемными рабочими сверх того, что затрачено на них самих; она есть прибавочный продукт, который присваивается себе промышленным капиталистом и из которого этот последний лишь часть отдает владельцам земельной и денежной ренты.

Господин Дестютт заключает отсюда не то, что нужно вернуться к этим производительным рабочим, а то, что нужно вернуться к капиталистам, употребляющим их в дело... „В действительности они прокармливают даже тех наемных рабочих, которые служат у других“ (стр. 246).

Конечно. Постольку они непосредственно эксплуатируют труд, поскольку праздные капиталисты эксплуатируют его лишь при их посредстве. В этом смысле правильно считать промышленный капитал источником богатства.

„Поэтому, если мы желаем открыть источник великого богатства, нужно всегда возвращаться к ним (промышленным капиталистам)“ (стр. 246).

„С течением времени богатства накопились в более или менее значительном количестве, так как продукт прежнего труда не потребляется тотчас же по окончании его производства: Одни из владельцев этих богатств довольствуются тем, что получают с них ренту и потребляют ее. Это те, которых мы назвали праздными капиталистами. Другие, более деятельные, пускают в дело свои собственные и взятые в заем фонды. Они употребляют их на наем рабочих, которые и воспроизводят эти фонды с прибылью *). Этой прибылью они оплачивают свое собственное потребление и потребление других. И в результате этого потребления **) их фонды возвращаются к ним несколько увеличенными. Так идет процесс обращения“ (Стр. 246, 247).

Исследование о производительном рабочем и тот результат этого исследования, что производительным является только тот рабочий, которого покупает производительный капиталист, только тот рабочий, который создает для своего непосредственного покупателя прибыль, — привели господина Дестютта к заключению, что в действительности единственными производительными рабочими, в высшем смысле этого слова, являются промышленные капиталисты.

„Те, которые живут на свои прибыли (промышленные капиталисты) прокармливают всех остальных; они одни увеличивают общественное богатство и создают все средства нашего наслаждения. Таково неизбежное следствие того, что труд есть источник всякого богатства и, что только он дает полезное направление живому труду, производительно применяя накопленный труд“ (стр. 242).

То, что они „дают полезное направление живому труду“, означает только то, что они употребляют в дело полезный труд, т.-е. труд, создающий потребительные ценности. А то, что они „производительно применяют накопленный труд“, — если это не сводится к тому же самому, т.-е. к тому, что они употребляют накопленное богатство промышленно, на производство потребительных ценностей, — означает, что они „употребляют накопленный труд на то“, чтобы купить на него больше живого труда, чем содержится в нем самом. В вышеприведенном месте Дестютт наивно формулирует противоречия, составляющие сущность капиталистического производства. Так как труд есть источник всякого богатства, то капитал служит этим источником; то настоящим творцом богатства является не тот, кто трудится, а тот, кто извлекает из чужого труда прибыль. Производительные силы труда оказываются производительными силами капитала.

„Наши силы (facultés) служат единственным первоначальным богатством. наш труд производит все остальное богатство, и каждый хорошо направленный труд производителен“ (стр. 243).

Отсюда, по мнению Дестютта, само собой следует, что промышленные капиталисты „прокармливают всех остальных, что они одни

*) Следовательно, прибыль создается не простым воспроизводством этих фондов, а прибавочным продуктом.

**) Их собственного потребления и потребления праздных капиталистов. Опять прежняя нелепость.

увеличивают общественное богатство и создают все средства нашего наслаждения". Наши силы являются нашим единственным настоящим богатством; поэтому рабочая сила не богатство. Труд производит все остальные богатства, то-есть он производит богатства для всех остальных, исключая самого себя, и богатством является не он сам, а лишь его продукт. Всякий хорошо направляемый труд производителен; это значит, что всякий производительный труд, всякий труд, приносящий капиталисту прибыль, хорошо направлен.

В нижеследующих замечаниях, относящихся не к различным классам потребителей, а к различиям в природе средств потребления, Дестютт хорошо описывает взгляд, высказанный А. Смитом в 3 главе II книги „Wealth of Nations“, в конце которой Смит исследует, какой род (непроизводительных) издержек, т.-е. личного потребления, потребления дохода, является более или менее выгодным. Смит начинает это исследование такими словами:

„Если сбережение увеличивает, а расточительность уменьшает общую массу капиталов, то те, которые расходуют именно свой доход, не уменьшая своего фонда, но и не увеличивая его, не содействуют ни увеличению, ни уменьшению общественного капитала. Однако, существуют некоторые виды затрат, повидному, больше других содействующие увеличению всеобщего благосостояния“.

Дестютт так формулирует ход мыслей Смита:

„Если потребление бывает очень разнообразным, смотря по тому, кто является потребителем, то оно изменяется также и в зависимости от рода потребляемых вещей. Конечно, все вещи представляют определенное количество труда; но ценность его в одних фиксирована прочнее, нежели в других. Устройство фейерверка может стоить столько же труда, как добыча и шлифовка бриллианта, и потому фейерверк и бриллиант могут обладать одинаковой ценностью. Но когда я купил их, заплатил за них и воспользовался ими обоими, то от первого через полчаса ничего не осталось, в то время как второй и через сто лет может быть источником богатства для моих внуков... Это относится и к продуктам, называемым (т.-е. называемым Сэем) невещественными. Открытие служит вечной потребительной ценностью (utilité). Творение духа, картина также еще сохраняет в течение более или менее продолжительного времени потребительную ценность; напротив, потребительная ценность бала, концерта, театрального представления существует недолго и затем исчезает. То же можно сказать и о личных услугах врачей, адвокатов, солдат, прислуги и вообще всех тех, которых зовут служащими. Их потребительная ценность существует только в течение того времени, когда в них нуждаются... Наиболее разрушительно самое быстрое потребление, то, которое в течение данного времени уничтожает наибольшее количество труда, или—данное количество труда, в самое короткое время. По сравнению с ним всякое более продолжительное потребление создает своего рода сокровище, так как оно оставляет грядущим временам наслаждение частью того, что принесено в жертву современностью... Каждый знает, что гораздо экономнее приобрести за ту же цену сюртук, который носится три года, нежели сюртук, изнашивающийся уже в три месяца“ (стр. 243, 244).

Большинство писателей, восстающих против Смитовского различия определения производительного труда от непроизводительного, считают потребление необходимым стимулом производства, и следовательно, с их точки зрения, рабочие, содержимые за счет дохода, непроизводительные рабочие, оказываются такими же производительными, даже

в смысле материального богатства, как и производительные рабочие, так как они расширяют область материального потребления, а потому и производства. Словом, то было в большинстве случаев апология в духе буржуазной политической экономии, с одной стороны—по адресу праздных богачей и „непроизводительных рабочих“, услугами которых те пользуются, а с другой—по адресу „сильных правительств“, делающих крупные затраты для увеличения государственных долгов, для церковных и государственных имуществ, на sinecуры и т. д. Ибо все эти „непроизводительные рабочие“ — услуги которых фигурируют в числе издержек праздных богачей—обладают тем общим свойством, что, производя „вещественные продукты“, они потребляют „вещественные“, т.-е. продукты производительного труда. Другие экономисты, как Мальтус, принимают различие между производительными и непроизводительными рабочими, но доказывают промышленным капиталистам, что непроизводительные рабочие также необходимы им, даже для производства материального богатства, как и производительные.

И ничему не помогает здесь фраза о том, что производство и потребление тождественны, или что потребление есть цель всякого производства, или, что производство есть предварительное условие всякого потребления.

Но в основе всего спора—помимо указанной тенденции—лежит следующее: потребление рабочего в среднем равно издержкам его производства, а не его производству. Таким образом, весь прибавочный продукт он создает для других и, следовательно, вся эта часть его производства есть производство для других. Далее, промышленный капиталист, принуждающий рабочих к этому перепроизводству (т.-е. к производству свыше их собственных жизненных потребностей) и пускающий в ход все средства для того, чтобы возможно больше увеличить это относительное перепроизводство в противоположность необходимому, непосредственно присваивает себе прибавочный продукт. Но в качестве олицетворенного капитала он производит ради производства, жаждет обогащения ради обогащения. Поскольку он—просто служитель капитала, т.-е. носитель процесса капиталистического производства, он интересуется меновой ценностью и ее возрастанием, а не потребительной ценностью, не увеличением ее количества. Для него дело идет об умножении абстрактного богатства, о растущем присвоении чужого труда. Он совершенно также охвачен тем же абсолютным стремлением к обогащению, как и тот, кто копит сокровище, но только он удовлетворяет это стремление не в призрачной форме накопления золотых и серебряных сокровищ, а в процессе образования капитала, представляющем собою действительное производство. Если перепроизводство рабочего есть производство для других, то производство нормального капиталиста, каким он должен быть, промышленного капиталиста, является производством для производства. Правда, чем силь-

нее растет его богатство, тем больше он отстает от этого идеала и становится даже расточительным, хотя только для того, чтобы выставить на показ свое богатство. Но этого наслаждающегося богатства всегда не чиста совесть, у него всегда остается задняя мысль о бережливости и обогащении. При всей своей расточительности, капиталист остается по самому своему существу скрытой, подобно человеку, накапливающему сокровище. Если Сисмонди говорит, что рост производительных сил труда создает для рабочего всю большую долю наслаждения, но что само наслаждение, став [доступным] для него, сделало бы его (как наемного рабочего) неспособным к труду*), то не менее верно и то, что промышленный капиталист становится более или менее неспособным к своей функции, коль скоро он сам делается представителем наслаждающегося богатства, коль скоро он начинает стремиться к накоплению наслаждений, вместо того, чтобы наслаждаться накоплением. Стало-быть, он также является производителем перепроизводства, производства для других. Этому перепроизводству на одной стороне должно противостоять перепотребление на другой; производству для производства—потребление для потребления. То, что промышленный капиталист должен отдавать владельцам земельной ренты, государству, государственным кредиторам, церкви и т. д., потребляющим (исключительно доход, все это уменьшает его богатство в абсолютном смысле, но не дает застыть его стремлению к обогащению, поддерживает его капиталистическую душу. Если бы владельцы земельной и денежной ренты и т. д. точно также начали тратить свои доходы на производительный труд вместо непроизводительного, то цель осталась бы недостигнутой. Они сами сделали бы производительными капиталистами вместо того, чтобы представлять в своем лице функцию потребления, как таковую. Впоследствии мы познакомимся с чрезвычайно комичной полемикой по этому поводу между одним рикардянцем и одним мальтузианцем.

Сами по себе производство и потребление нераздельны. Поэтому и так как в системе капиталистического производства они фактически разделены, их единство восстанавливается их противоречием, тем, что если А должен производить для В, то В должен потреблять для А. Каждый отдельный капиталист желал бы, чтобы были расточительны те, которые являются участниками его дохода; точно также весь старый меркантилизм основан на той идее, что каждая данная нация должна быть воздержана в своем собственном потреблении, но в то же время должна производить предметы роскоши для других, ищущих наслажде-

*) Сисмонди говорит: „Вследствие прогресса промышленности и науки каждый рабочий в состоянии ежедневно производить гораздо больше, нежели требуется для его необходимого потребления. Но в то же самое время, как труд его производит богатство, это богатство, если бы он стал пользоваться им, сделало бы его мало склонным к труду“. („Nouveaux Principes d'Economie Politique“. Книга I, стр. 85).

ния наций. Это все та же идея производства для производства на одной стороне, а потребления чужого производства—на другой. Эта идея меркантилизма выражается между прочим в „Moral Philosophy“ доктора Пэяля (Paley), 11 гл. 6 книги:

„Умеренный и трудолюбивый народ направляет свою деятельность на удовлетворение спроса со стороны богатой, предающейся роскоши нации“

[Дестютт критикует роскошь, защищаемую Монтескье, который полагает, что бедняки умерли бы с голоду, если бы богатые не тратили много; затем Дестютт нападает на Гарнье, называет его и Монтескье „наши политики“ и говорит о них:]

„Они выдвигают тот общий принцип, что потребление есть причина производства, и что чем потребление сильнее, тем лучше. Они утверждают, что в этом заключается крупное различие между экономией частного лица и экономией целого народа“ (I. с., стр. 249, 250).

Хороша также следующая фраза:

„Бедные нации—это те, где народ зажиточен; богатые—те, где народ вообще беден“ (I. с., стр. 231).

1) Анри Шторх. Духовное производство *)

„Cours d'économie politique etc.“ Шторха (издание Ж. Б. Сэя. Париж, 1823 г.) состоит из ряда лекций, читанных великому князю Николаю и законченных в 1815 году.

После Гарнье Шторх был первым, ставшим на новую почву в полемике против сделанного А. Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом.

От непосредственных благ, этих составных частей материального производства, он отличает „внутренние блага (biens internes) или элементы цивилизации“, законы производства которых должна исследовать „теория цивилизации“ (I. с., часть 3, стр. 217).

„Ясно, что человек до тех пор не приступает к производству богатства, пока он не обладает внутренними благами, т.-е. пока он не развил своих физических, умственных и нравственных сил; а это предполагает средства их развития, например, общественные учреждения и т. д. Следовательно, чем цивилизованнее данный народ; тем сильнее может расти его национальное богатство“.

То же и наоборот (I. с., часть I, стр. 136).

Смиту он возражает:

„Смит.. исключает из числа производительных рабочих всех тех, которые не прямо участвуют в производстве богатства; но зато он имеет в виду только национальное богатство“...

Его ошибка состоит в том, „что он не отделил понятие не вещественных ценностей от богатства“ (часть 3, стр. 218).

*) Стр. 408 и 409 рукописи. Заключительная часть взята со стр. 182 и 183. К.

Собственно этим дело и кончается. Различные производительных видов труда от непроизводительных в высшей степени важно для исследования того предмета, которым занимается Смит — производства материального богатства, и притом определенной формы этого производства — капиталистического способа производства. В духовном производстве производителей другой вид труда. Но Смит не исследует этого производства. Наконец, в круг его исследований не входит взаимодействие и внутренняя связь обоих видов производства, и притом [изучение] этого взаимодействия и этой связи только [тогда] может выйти из области пустых фраз, когда материальное производство будет рассмотрено *sub sua propria specie*. Если Смит говорит о рабочих, производительных не непосредственно, то лишь постольку, поскольку они непосредственно участвуют в потреблении материального богатства, но не в его производстве.

У самого Шторха теория цивилизации не идет дальше тривиальных фраз, хотя у него и встречается несколько остроумных замечаний, например, относительно того, что материальное разделение труда служит предварительным условием разделения труда духовного. До какой степени это так и должно было быть, как мало способен он был, хотя бы поставить задачу, а не то что разрешить ее — это ясно показывает следующее. Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической исторической форме, то невозможно сделать сколько-нибудь определенных выводов насчет соответствующего ему духовного производства и насчет их взаимодействия. Дальше пустых фраз дело не идет.

Это насчет фразы о „цивилизации“.

Далее: определенной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенное расчленение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй и его миросозерцание. А следовательно и характер его духовного производства.

Наконец, под духовным производством Шторх понимает также и профессиональную деятельность всякого рода господствующих классов, исполняющих определенные функции как свое ремесло. Существование этих сословий, равно как и их функции, могут быть объяснены только из определенного исторического строения их производительных отношений.

Так как Шторх рассматривает материальное производство не с исторической точки зрения, так как оно представляется ему производством материальных благ вообще, а не данной, исторически развитой и спе-

цифической формой этого производства, то этим он сам вырывает у себя из-под ног почву, стоя на которой, только и можно понять, как идеологические составные части господствующих классов, так и свободное *) духовное производство данной общественной формации. Ему нет возможности пойти дальше общих, бессодержательных фраз. И эти отношения здесь вовсе не так просты, как ему казалось. Например, капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия. Не понимая этого, можно прийти к выдумке французов восемнадцатого столетия, осмеянной уже Лессингом: так как мы в механике и т. д. ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и эпоса? И вот является Генриада взамен Илиады!

Напротив, Шторх справедливо отмечает, — полемизируя специально против Гарнье, этого истинного отца полемики против Смита, — что противники Смита подходят в делу не с надлежащей стороны.

Что делают критики Смита? Вместо того, чтобы установить это различие (между невещественными ценностями и богатством), они окончательно спутывают оба эти рода ценностей, которые очевидно так различны между собою **). Считая нематериальный труд производительным, они говорят, что он производит ***) богатства, т. е. материальные меновые ценности, тогда как он непосредственно создает только невещественные ценности: они исходят из того предположения, что продукты невещественного труда подчинены тем же законам, как и продукты материального; между тем первые подчиняются совсем не тем принципам, как вторые*. (Часть 3, стр. 218).

Заметим следующие мысли Шторха; их списывали у него позднейшие эконоимсты:

„Из того, что внутренние блага являются отчасти продуктами услуг, вывели то заключение, что их существование продолжается не дольше, чем длится сами эти услуги, и что они непременно потребляются в то самое время, как производятся“ (3-й том, стр. 234). „Первоначальные ****) блага не только не уничтожаются от употребления, но распространяются и размножаются благодаря ему, так что их потребление само увеличивает их ценность“ (I. с., стр. 236). „Внутренние блага, как и богатства, могут быть накапливаемы и составлять капиталы, которые можно применять для воспроизводства потребленных внутренних благ и т. д.“ (I. с., стр. 236). „До разделения промышленного труда и накопления его продуктов нельзя и думать о разделении невещественного труда“ (стр. 241).

Но все это не что иное, как общие, поверхностные аналогии и сопоставления между духовным и материальным богатством. Точно также, например, и то его замечание, что неразвитые [духовно] нации заим-

*) Тут слово „свободное“ (freie) может быть также прочитано: „утонченное“ (feine). К.

***) Они утверждают, что производство духовных продуктов и выполненные услуг являются материальным производством.

****) Т. е. непосредственно производит.

****) Шторх различает первоначальные (primitifs) и второстепенные внутренние блага. К первым он причисляет здоровье, профессиональную сноровку, знание, вкус; ко вторым — безопасность, создаваемую правительством, досуг, получающийся благодаря прислуге. К.

ствуют свои духовные капиталы за границей, подобно тому как нации, неразвитые материально, заимствуют там свои материальные капиталы (I. с., стр. 306); что разделение невещественного труда зависит от спроса на него, короче — от рынка, и т. д. (стр. 246).

А вот те места, которые собственно и подвергались списыванию.

„Производство внутренних благ не только не уменьшает национального богатства потреблением тех материальных продуктов, в которых оно нуждается, но служит лучшим средством увеличения их количества, подобно тому, как, наоборот, производство богатств в свою очередь является могучим средством роста цивилизаций“ (I. с., стр. 517); „Благодеяние наций достигается равновесием обоих видов производства“ (I. с., стр. 521).

По мнению Шторха, врачи производят здоровье (но также и болезнь); профессора и писатели — просвещение (но также и обскурантизм); поэты и живописцы — вкус (но также и безвкусице); моралисты и т. д. — нравы; проповедники — богослужение; труд государя — безопасность и т. д. (стр. 347—350). С таким же правом можно сказать, что болезнь производит врачей; глупость — профессоров и писателей; безвкусице — поэтов и живописцев; безнравственность — моралистов; суеверие — проповедников, и отсутствие общественной безопасности — государей. Эти рассуждения, сводящиеся к тому, что все эти виды деятельности, все эти услуги производят действительную или воображаемую потребительную ценность, повторяются новейшими экономистами для доказательства того, что они сами производительные рабочие в Смитовском смысле, т. е. что они производят не просто продукты *suí generis*, а продукты материального труда и, следовательно, непосредственно — богатство. У Шторха еще нет этой нелепости, которая впрочем может быть разложена на следующие положения:

1. В буржуазном обществе различные функции обуславливают друг друга;

2. Противоречия, присущие материальному производству, обуславливают собою необходимость надстройки из идеологических слоев, деятельность которых — хороша она или дурна — хороша потому, что необходима;

3. Все функции находятся на службе у капиталиста, идут ему на „благо“;

4. Даже самые высшие виды духовного производства получают признание и становятся извинительны в глазах буржуа только [благодаря тому], что их изображают прямыми производителями материального богатства и ложно выдают за таковых.

* * *

Философ производит идеи, поэт — стихи, пастор — проповеди, профессор — руководства и т. д. Преступник производит преступления. Присмотревшись поближе к связи этой последней отрасли производства

с общественным целым, мы отрешимся от многих предрассудков. Преступник производит не только преступление, но также и уголовное право, а потому и профессора, читающего лекции по уголовному праву, а вместе с ним и неизбежное руководство, в форме которого этот же профессор выносит на общественный рынок свои лекции, как „товар“ Тем самым достигается увеличение национального богатства, совершенно независимо от личного наслаждения, которое, — как показывает компетентный свидетель, профессор Рошер, — доставляет своему творцу рукопись руководства.

Преступник производит, кроме того, всю полицейскую и уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных и т. д. и все те различные профессии, которые тоже представляют собою категории общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения. Уже одна пытка вызвала остроумнейшие механические изобретения и привлекла к производству своих орудий множество почтенных ремесленников.

Преступник производит частью моральное, частью трагическое впечатление — смотря по обстоятельствам — и этим оказывает „услугу“ в форме возбуждения моральных или эстетических чувств публики. Он производит не только руководства по уголовному праву, не только свод уголовных законов, а следовательно и законодателя, но также и искусство, художественную литературу, романы и даже трагедии, как это показывают не только „Преступление“ Мюльнера и „Разбойники“ Шиллера, но даже Эдип и Ричард III. Преступник нарушает монотонность и будничную безопасность буржуазной жизни. Он предохраняет ее таким образом от застоя и порождает ту беспокойную напряженность и подвижность, без которых притухло бы само жало конкуренции. Этим он дает толчок производительным силам. Между тем, как преступление отвлекает часть лишнего населения с рабочего рынка и таким образом уменьшает конкуренцию между рабочими, препятствуя до известной степени падению заработной платы ниже ее минимума, — борьба с преступлением поглощает некоторую другую часть того же населения. Вследствие этого преступник выступает в качестве одного из тех естественных „уровнителей“, которые устанавливают надлежащий уровень и открывают целую перспективу „полезных“ профессий. Влияние преступника на развитие производительных сил можно было бы проследить до мелочей. Достигли ли бы замки их теперешнего совершенства, если бы не было воров? Дошло ли бы производство банковых билетов до своего нынешнего искусства, если бы не существовало подделывателей денег? Проник ли бы микроскоп в обыкновенные торговые сферы (см. Бэббэджа), если бы не обман в торговле? Не обязана ли практическая химия своим развитием столько же подделке товаров и стремлению обнаружить ее, сколько и честному соревнованию в производстве? По-

средством всегда обновляемых способов захвата собственности преступление вызывает к жизни все новые средства защиты и этим влияет также благотворно, как стачки на изобретение машин.

Оставляя в стороне преступления частных лиц, спросим, мог ли бы возникнуть без национальных преступлений всемирный рынок; могли ли бы возникнуть без них сами нации? И не служит ли со времен Адама древо греха в то же время и древом познания?

Уже Мэндевилль в своей „Fable of the bees“ (1708 г.) — басне о пчелах — доказал производительность всех английских профессий и вообще предвосхитил тенденцию всей этой аргументации.

„То, что мы в этом мире называем злом (evil), как нравственным, так и естественным, есть великий принцип, делающий нас общественными существами, есть твердая основа, жизнь и опора всех без исключения ремесл и профессий; здесь должны мы искать истинного источника всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда исчезло бы зло, распалось бы и погибло бы все общество“.

Только Мэндевилль бесконечно умнее и честнее филистеров, выступающих в роли апологетов буржуазного общества.

m) У. Нэссоу Сэньор *).

Нэссоу Сэньор (Nassau Senior) сразу берет высокий тон.

„По Смиту, законодатель евреев был непродуцируемым рабочим“ („Principes fondamentaux de l'économie politique“. Traduit par Jean Arrivabene. Париж, 1836 г. Стр. 198).

О ком идет здесь речь? О египетском Моисее или о Моисее Мендельсоне? Моисей очень поблагодарил бы господина Нэссоу Сэньора за свое производство в Смитовские „производительные рабочие“. Эти люди до такой степени одержимы своими буржуазными предвзятыми идеями, что они сочли бы Аристотеля или Юлия Цезаря оскорбленными, если бы их назвали „непродуцируемыми рабочими“. Но Аристотель и Цезарь сочли бы обидным для себя уже одно название рабочего.

„Разве врач, вылечивающий своим предписанием больного ребенка и сохраняющий ему таким образом жизнь на много лет, не производит длящегося результата?“ (I. c.).

Вздор! Если ребенок умирает, то результат не менее длителен. И если ребенок остается больным, то услуга врача все-таки должна быть оплачена. По Нэссоу, врачам следовало бы платить только в том случае, если они излечивают, адвокатам — когда они выигрывают процесс, а солдатам — когда они одерживают победы.

Но теперь он становится по истине возвышенным.

„Разве голландцы, оказавшие сопротивление тирании испанцев, или англичане, восставшие против тирании, которая грозила быть для них еще тяжелее, достигли только мимолетных результатов?“ (I. c., стр. 198).

*) Стр. 410—412 рукописи. К.

Беллетристическая болтовня! Голландцы и англичане совершали восстание на свой собственный счет. Никто не платил им за то, что они трудились над совершением революций. А в вопросе о производительных и непроизводительных рабочих речь постоянно идет о покупателе и продавце труда. Стало-быть, какава же это бессмыслица!

Бесвкусная беллетристика этих молодцов, в их полемике против Смита, показывает только, что они являются представителями „просвещенного капиталиста“, между тем как Смит чистосердечно излагал проповедательского *bourgeois* *parvenu*. Просвещенный буржуа и его оратор оба до такой степени тупы, что оценивают значение всякой деятельности ее влиянием на кошелек. С другой стороны, они настолько просвещенны, что признают также и те функции и профессии, которые не имеют ничего общего с производством богатства, притом признают их за то, что и они „благословенно“ увеличивают их богатство и т. д., словом — выполняют „полезную“ для богатства функцию.

Человек сам служит основой своего материального, как и всякого другого, совершаемого им производства. Следовательно, все условия, влияющие на человека, как на субъекта производства, видоизменяют более или менее все его функции и действия, а стало-быть и те из них, благодаря которым он становится творцом материального богатства товаров. В этом смысле, действительно, можно доказать, что все человеческие отношения и функции, в каком бы виде и когда бы они ни проявлялись, влияют на материальное производство и [действуют] на него в более или менее определенном направлении.

„Существуют страны, где совершенно невозможно обрабатывать землю без охраны со стороны солдат. И что же! По классификации Смита, жатва не есть общий продукт того человека, который пашет, и того, который, со своей стороны, несет воинские обязанности: по его определению, только сельский рабочий производитель, а деятельность солдата непроизводительна“ (I. c., стр. 202).

Прежде всего это неверно; Смит сказал бы, что работа солдата производит защиту, но не хлеб. Если бы в стране восстановился порядок, то сельский рабочий попрежнему производил бы хлеб, не имея нужды производить сверх того содержание, а стало-быть и существование солдата. Солдат принадлежит к *faux frais* производства, как большинство непроизводительных рабочих, которые сами ничего не производят ни духовно, ни материально, но которые полезны, нужны, только благодаря недостаткам социальных отношений, т. е. обязаны своим существованием общественным страданиям.

Но Нэссоу мог бы сказать, что, если изобретена машина, делающая из 20 рабочих 19 человек лишними, то эти 19 тоже переходят в число *faux frais* производства. Но солдат может оказаться излишним даже и тогда, когда *материальные условия производства*, условия земледелия, как таковые, останутся прежними. 19 рабочих могут стать ненужными, если труд остающегося рабочего станет в 20 раз произво-

дительнее, стало-быть, только благодаря революции в данных материальных условиях производства. Впрочем уже Бьюкенен говорит:

„Если бы, например, солдат потому имел право называться производительным рабочим, что его труд поддерживает производство, то производительный рабочий, с таким же правом мог бы заявить притязание на воинские почести, так как ясно, что без его содействия никакая армия не могла бы выступить в поход, чтобы сражаться и побеждать“ (D. Buchanan, „Observations on the subjects treated of in Dr. Smiths Inquiry etc“. Эдинбург, 1814 г., стр. 132)*).

Далее Сэнзор говорит:

„Богатство нации зависит не от числового соотношения между теми, которые совершают услуги, и теми, которые производят ценности, но от того, насколько отношения между ними способны сделать труд каждого возможно более плодотворным“ (I. c., стр. 204).

Этого Смит никогда не отрицал, так как он хочет, чтобы количество „необходимых“ непродводительных рабочих, каковы чиновники, адвокаты, попы и т. д., было доведено до минимальной нормы, определяемой необходимостью их услуг. А это, конечно, и есть то „отношение“, которое делает труд производительного рабочего возможно более плодотворным. Что же касается других „непродводительных рабочих“, труды которых каждый покупает лишь по личному усмотрению, для того, чтобы пользоваться их услугами, — т.-е. покупает, как предмет потребления, предоставляемый его выбору, — то тут могут быть разные случаи. Число этих живущих на доход рабочих может быть велико по сравнению с числом „производительных“, во-первых, потому, что богатство вообще незначительно или носит односторонний характер, как, например, у средневековых баронов с их вассалами. Вместо того, чтобы потреблять в сколько-нибудь значительном количестве мануфактурные товары, они потребляли земледельческие продукты вместе со своей свитой. А когда они вместо этого стали потреблять мануфактурные товары, тогда лицам их свиты пришлось взяться за труд. Число живущих на доход было велико только потому, что потребление значительной части годового продукта не содействовало воспроизводству. При всем том общее количество населения было невелико. Во-вторых, число живущих на доход может быть значительно потому, что высока производительность производительных рабочих, а стало-быть велик и прибавочный продукт, на который живут прихлебатели бар. В этом случае не потому производителен труд производительных рабочих, что много прихлебателей питается от прибавочного продукта, а наоборот: потому много этих прихлебателей, что труд производительных рабочих производителен. Но по отношению к двум странам с одинаковым народонаселением

*) Я сам не имел возможности познакомиться с этим произведением: М. Беер сообщает мне, что Бьюкенен в 1814 г. издал „Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations“ в трех томах. В виде четвертого тома он приложил свои „Observations“. Как отдельные сочинения, они не появлялись. К.

и с одинаковым развитием производительных сил труда следует во всяком случае признать правильным то положение Смита, что богатство обеих стран измеряется отношением числа производительных рабочих к числу непроизводительных. Потому, что это означает только то, что в стране, где относительное число производительных рабочих значительнее, соответственно большее количество годового дохода потребляется воспроизводительно и, стало-быть, ежегодно производится большее количество ценностей. Так что господин Сэнбор только списывает мысль Адама, не противопоставляя ей ничего нового. Кроме того, он сам вводит здесь различие между производителями услуг и производителями ценностей и приходит таким образом к тому же, к чему приходит большинство полемизирующих против сделанного Смитом различия: принимает и признает нужным то самое различие, которое отвергается им.

Характерно то, что все „непроизводительные“ экономисты, которые ничто не совершают в своей собственной специальности, ополчаются против различия производительных рабочих от непроизводительных. Но этим они обнаруживают, с одной стороны, свой сервильизм перед буржуа, изображая все профессии служащими производству для него богатства; а, с другой стороны, здесь обнаруживается их стремление доказать, что буржуазный мир есть самый лучший из всех миров, что все в нем полезно, и что сам буржуа настолько просвещен, что сознает это.

По отношению же к рабочим это выражает ту мысль, что если непроизводительные много потребляют, то это вполне в порядке вещей, так как они в такой же мере содействуют производству богатства, как и производительные рабочие, хотя и другим образом.

В конце концов, Нэссоу проговаривается и показывает, что он в сущности ни слова не понял в сделанном Смитом существенном различии. Он говорит:

„В самом деле кажется, что в данном случае Смит все свое внимание сосредоточил на отношениях в среде крупных землевладельцев, к которым вообще только и могут быть применены его мысли о непроизводительных классах. Иначе я не могу понять его утверждения, что капитал употребляется только для найма производительных рабочих, между тем как непроизводительные—живут на доход. Большинство тех, которых он называет непроизводительными, каковы учителя, правители государства, содержатся на капитал, т.-е. на тот фонд, который авансируется на воспроизводство“ (I. с., стр. 204, 205).

Здесь, действительно, разум умолкает. То открытие господина Нэссоу, что государство и учителя живут на счет капитала, а не на счет дохода, не нуждается в дальнейших комментариях. Если господин Сэнбор хочет этим сказать только то, что они живут на счет прибыли с капитала и, стало-быть, в этом смысле на счет капитала, то он забывает, что доход с капитала—не есть сам капитал и что этот доход, результат капиталистического производства, не „авансируется на воспроизводство, а скорее на процесс воспроизводства“, а наоборот, сам

является его результатом. Или, может-быть, Сэнбор хочет сказать, что так как некоторые налоги входят в издержки производства определенных товаров, то поэтому они относятся к числу затрат данных отраслей производства? Но он должен знать, что это только одна из форм взимания налога с дохода.

Насчет Шторха паш доморощенный мудрец Нэссоу Сэнбор замечает еще:

„Без сомнения, Шторх неправ, когда он категорически утверждает, что эти результаты *),—подобно другим, обладающим ценностью вещам,—составляют часть доходов тех, кому они принадлежат, и что они могут даже обмениваться. Если бы это было так, если бы художественный вкус, нравственность, религия были действительными вещами, которые можно покупать, то богатство имело бы совсем не то значение, которое экономисты... приписывают ему. Не здоровье, не знание, не благочестие покупаем мы. Врач, священник, учитель... могут производить только орудия, при помощи которых эти результаты с большей или меньшей вероятностью и в известной степени, в конце концов, могут быть достигнуты... Если в каждом отдельном случае были применены наиболее целесообразные средства, то даже тогда, когда успех не был достигнут, когда результат не был получен, производитель этих средств имеет право на вознаграждение. Обмен совершен, коль скоро совет дан, преподавание выполнено и плата за него получена“ (I. с., стр. 288, 289).

В конце концов, великий Нэссоу сам принимает различие Смита. При этом он различает—вместо производительного и непроизводительного труда — „производительное и непроизводительное потребление“ (стр. 206). А предметом потребления служит или товар—но речь здесь не о нем, или же непосредственно труд.

Производительно, по его словам, то потребление, которое применяет труд, который воспроизводит или самую рабочую силу (что делает, например, работа школьного учителя или врача), или же ценность товара, служащего платой за труд. Непроизводительно потребление такого труда, который не достигает ни того, ни другого. Между тем Смит говорит: „я называю производительным тот труд, который может быть потреблен только производительно (то-есть промышленно), а непроизводительным—тот труд, который может потребляться непроизводительно, потребление которого по природе своей не есть промышленное потребление“. Стало-быть, господин Сэнбор обнаружил свое остроумие посредством нова vocabula gerunt.

В общем, Нэссоу списывает Шторха.

n) П. Росси **).

Вот где премудрость!

В 12-ой лекции „Cours d'Economie Politique“ Росси (P. Rossi, année 1836—37, édition Bruxelles 1842) говорится:

„Существуют прямые и косвенные средства производства. Это значит, что существуют средства производства, которые служат условием sine qua non дан-

*) Здоровье, художественный вкус и т. д.

***) Стр. 413—416 рукописи. К.

ного процесса, силами, совершающими (qui font) производство. Есть и другие, которые способствуют производству, но не совершают его. Первые могут действовать даже одни; вторые могут только поддерживать первые в процессе производства“ (стр. 268).

„Косвенные средства (производства) весьма многочисленны. К ним относятся все, что обслуживает производство, что служит к устранению препятствий, делает производство более энергичным, быстрым и легким.. всякий правительственный труд—косвенное средство производства.. Тот, кто сфабриковал вот эту шляпу, должен знать, что жандарм; проходящий по улице, судья, заседающий в суде, смотритель тюрьмы, содержащий под присмотром арестованного злоумышленника, армия, защищающая границы от вторжения неприятеля—содействуют производству“ (стр. 272).

Какое наслаждение для шляпочника сознавать, что весь мир приходит в движение затем, чтобы он производил и продавал шляпы! В сущности, называя этих тюремщиков и т. д. косвенными, не прямыми участниками материального производства, Росси устанавливает то же самое различие, что и Адам.

Далее Росси говорит:

„Я далек от мысли, считать производителями только тех людей, которые проводят свою жизнь над изготовлением полотна и обуви. Я уважаю труд, каков бы он ни был.. Но это уважение не должно быть исключительной привилегией работников физического труда“ (I. с., стр. 273).

Этого и Смит не хочет. Кто создает книгу, картину, композицию, статую, тот у него производительный рабочий во втором смысле, хотя импровизатора, декламатора, виртуоза и т. д. он таковым не признает. А что касается „услуг“, — поскольку они прямо входят в производство, — то Смит представляет их себе овеществленными в продукте, будь то услуга работника физического труда, или директора, приказчика, инженера, наконец, ученого, поскольку он является изобретателем, работником для мастерской, трудящимся в ее стенах или вне ее. Говоря о разделении труда, он описывает, как различные операции распределяются между отдельными лицами и продукт, товар, является результатом их кооперативного труда, а не труда кого-нибудь одного, из них. Но [задача] „духовного“ труда à la Росси [состоит в том], чтобы найти оправдание крупному участию этого труда в присвоении продукта материального производства.

В 13-ой лекции Росси, подобно своим предшественникам, ex professo ополчается против Смита.

Ошибочное различие производительного труда от непроизводительного проистекает из трех причин.

„1. Некоторые из покупателей покупают продукты труда для непосредственного личного употребления, а другие—ради продажи продуктов, создаваемых ими при помощи средств производства и покупаемого ими труда“ (I. с., стр. 275).

Для первых решающее значение имеет потребительная ценность; для вторых — меновая. Забывая лишь о меновой ценности, впадают в ошибку Смита.

„Труд моего слуги для меня непроеводительен, допустим это на минуту; но разве он непроеводительен и для него самого?“ (I. с., стр. 276).

Так как все капиталистическое производство основано на непосредственной покупке труда с тою целью, чтобы присвоить себе, в процессе производства, часть его, которая не оплачивается, но которая продается в продукте,—так как это составляет основу существования капитала, понятие капитала,—то не служит ли различие между трудом, производящим капитал, и трудом, его непроизводящим, базисом для понимания процесса капиталистического производства? Смит не отрицает, что труд слуги производителен для него самого. Всякая услуга производительна для ее продавца. Клятвопреступление тоже производително для того, кто совершает его за чистые деньги. Подделка документов тоже производителна для того, кому за нее платят. Убийство тоже производително для того, кто получает за него деньги. Занятие сифофантов, доносчиков, льстецов, паразитов, блюдолизов производително для тех, кто не даром совершает эти „услуги“. Стало-быть, они—„производительные рабочие“, они производят не только богатство, но и капитал. И мошенник, который сам себе платит, совершенно так же, как это делают суды и государство, „затрачивает силу, дает ей определенное, приложение и создает результат, удовлетворяющий потребности человека“, а именно потребности вора, а, быть-может, кроме того, и его жены и детей. Стало-быть, он—производительный рабочий, если все дело только в том, чтобы создавать „результат“, удовлетворяющий известную „потребность“, т.-е., в вышеупомянутых случаях, если все дело только в том, чтобы он продавал свои „услуги“, дабы они стали производительными.

„2. Второй причиной ошибки было то, что непосредственного производства не отличали от посредственного.

Поэтому правительство непроизводительно у А. Смита.

„Но если производство почти невозможно (без труда правительства), то ведь ясно, что этот труд содействует производству, если не прямо и материально, то косвенным содействием, которым нельзя пренебрегать“ (I. с., стр. 276).

Этот косвенно участвующий в производстве труд (он представляет собою только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что, так как правительство абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин—косвенный производитель судопроизводства и т. д. Пустяки! Существует еще одна точка зрения, касающаяся разделения труда, но о ней ниже.

„3. Есть еще одна, третья, причина этого заблуждения. Недостаточно тщательно установлено различие трех основных моментов в феномене производства: силы, или производительного средства, применения этой силы и результата“ (I. с., стр. 276).

Мы покупаем у часовщика часы,—нас интересует только результат его труда; покупаем сюртук у портного. Ditto. Но

„Есть еще много людей старого закала, которые не так смотрят на вещи. Они зовут к себе рабочего и поручают ему шить то или другое платье, давая ему материю и все нужное для работы. Что они покупают? Они покупают силу*), средство, которое за их риск и на их счет дает им определенный результат... Объектом договора является покупка силы **)“.

Нанимая слугу, я покупаю силу, которая может быть использована для сотни услуг, результаты которых зависят от того, какое употребление я сделаю из них (стр. 276, 277). Все это совершенно не относится к делу.

Наконец, вместо того, чтобы покупать или нанимать на определенное время рабочую силу, которую распоряжаются до известной степени свободно, „можно купить определенное применение этой силы... В этом случае покупают не продукт, равно как и не результат, который имеется в виду. Приведет ли защитительная речь адвоката к тому, что я выиграю процесс? Кто знает? Во всяком случае сделка между тобой и адвокатом состоит в том, что он, в обмен за определенную ценность, в такой-то день пойдет туда-то и там будет говорить за тебя, расходуя свои духовные силы в твоих интересах“ (стр. 276).

После этого Росси продолжает:

„Таким образом, в меновых сделках внимание сосредоточивается то на том, то на другом из трех моментов производства. Но могут ли эти различные формы обмена отнять у определенных продуктов характер богатства и усилий определенного класса производителей—характер труда? Очевидно, что подобное заключение ничем не могло бы быть оправдано. И если я, вместо того, чтобы купить результат, покупаю нужную для его достижения силу, то перестает ли действие этой силы быть производительным, а его результат—быть продуктом? Возьмем, например, опять портного. Покупают ли сюртук вполне готовым у портного, или же дают шить его рабочему, выдав ему материю и заработную плату, в итоге выходит одно и то же. Никто не скажет, что первый труд производительен, а второй непроизводительен. Только во втором случае тот, кто хотел иметь сюртук, был своим собственным предпринимателем. Но в чем же состоит разница между портным (ouvrier tailleur), которого я заставляю работать у меня на дому, и моим слугой? Какая разница в смысле производительных сил? Нивкакой!“ (I. c., стр. 277).

Здесь—квинт-эссенция всей этой сверх-мудрости и высокопарной болтовни! Поскольку Смит, в силу своего второго, менее глубокого определения, различает производительный труд от непроизводительного в зависимости от того, реализуется ли он прямо в товаре, который может быть продан покупателем труда или нет, постольку он называет портного в обоих случаях производительным. Но, в силу его более глубокого определения, в одном случае портной является „непроизводитель-

*) Но также ведь и применение этой силы.

**) Только в том-то и штука, что эти люди старого закала пользуются таким способом производства, который не имеет ничего общего с капиталистическим и при котором невозможно развитие производительных сил труда, свойственное капиталистическому производству... Характерно то, что это специфическое различие для России e tutti quanti является несущественным.

ным рабочим". Росси показывает только, что он „очевидно“ не понимает А. Смита.

То, что „формы обмена“ кажутся безразличными для Росси, равносильно тому, как если бы физиолог сказал, что определенные формы жизни безразличны. Они, мол, все—только формы органической материи. Но именно к этим формам и сводится все дело, когда вопрос состоит в том, чтобы понять специфический характер данного общественного способа производства. Сюртук есть сюртук. Но если обмен совершается в первой форме, то мы имеем капиталистическое производство и современное буржуазное общество; если он совершается во второй форме, то перед нами—форма ручного труда, которая согласима даже с азиатскими или со средневековыми и т. д. отношениями. И эти формы являются определяющими для самого вещественного богатства.

Сюртук есть сюртук,—в этом состоит мудрость Росси. Но в первом случае портной производит не только сюртук,—он производит капитал, а стало-быть и прибыль; он производит своего хозяина, как капиталиста, и себя самого, как наемного рабочего. Если я заставляю портного (*ouvrier tailleur*) у меня на дому шить сюртук для меня самого, то я, в силу этого, также мало становлюсь своим собственным предпринимателем (в категоричном смысле), как мало собственник портняжного заведения (*entrepreneur tailleur*) является предпринимателем только потому, что он сам носит и потребляет сшитый его рабочими сюртук. В одном случае покупатель портняжного труда и *ouvrier tailleur* противостоят друг другу, как простой покупатель и простой продавец. Один платит деньги, другой поставяет товар, в потребительную ценность которого превращаются мои деньги. Было бы решительно то же самое, если бы я покупал сюртук в лавке. Продавец и покупатель выступают друг против друга, просто как таковые. Напротив, во втором случае они противостоят друг другу, как капитал и наемный труд. Что касается слуги, то на него надо смотреть так же, как на *ouvrier tailleur* № 2, которого я покупаю ради потребительной ценности его труда. Оба—простые покупатели и продавцы. Только здесь, благодаря способу пользования потребительною ценностью, еще прибавляется патриархальное отношение, отношение господства и услужения, чем видоизменяется—если не по своей экономической форме, то по содержанию—все отношение, делающееся отвратительным.

Впрочем, Росси повторяет Гарнье, только в других фразах.

„Когда Смит говорит, что от труда слуги не остается ничего, то он ошибается до степени неприличной для Адама Смита. Допустим, что фабрикант сам управляет большой фабрикой, которая требует живого и напряженного наблюдения.. Не терпя около себя непроизводительных рабочих, он не держит прислуги. Поэтому он вынужден сам себе услуживать... Что же будет с его производительным трудом в течение времени, которое ему приходится посвящать этому, якобы непроизводительному труду? Не ясно ли, что твои слуги выполняют труд, который обеспечивает тебе возможность полнее отдаться деятельности, соответствующей твоим способностям? Стало-быть, как же можно

говорить, что их услуги не оставляют никаких следов? Они оставляют все то, что ты создал и чего ты не мог бы создать, если бы тебя не заменяла прислуга в деле ухода за твоей особой и за твоим домом" (I. с., стр. 277).

Это—то самое сбережение труда, о котором говорят Гарнье, Лодердэл и Ганиль. Выходит, что непроизводительные рабочие становятся производительными лишь постольку, поскольку они замещают труд и оставляют больше времени для труда, скажем, промышленному капиталисту или производительному *) рабочему, который может выполнять более ценную работу, благодаря этому замещательству в менее ценной. Тем самым исключается значительная часть непроизводительных рабочих: домашняя прислуга, поскольку она является только предметом роскоши, и все непроизводительные рабочие, которые производят только наслаждение и трудом которых я могу пользоваться лишь постольку, поскольку я трачу ровно такое же количество времени на пользование им, какое его продавец тратит на его производство, на его выполнение. В обоих этих случаях не может быть речи о „сбережении“ труда. Наконец, даже действительно сберегающие труд индивидуальные услуги были бы производительны только в той мере, в какой производителен их потребитель. Если он праздный капиталист, то они сберегают ему лишь труд что-нибудь делать. [Они] дают какой-нибудь даме **) возможность заставлять других причесывать ее и стричь ей ногти или какому-нибудь дворянчику возможность держать конюха, вместо того, чтобы самому себе служить конюхом, или какому-нибудь обжоре возможность держать повара, вместо того, чтобы самому себе стряпать.

К числу этих рабочих, по определению Шторха (I. с.), принадлежат, кроме того, еще и те, которые производят „досуг“, вследствие чего некто получает свободное время для наслаждения, духовного труда и т. д. Полицейский сберегает мне то время, которое понабилось бы мне для того, чтобы быть своим собственным жандармом; солдат—время, необходимое для самозащиты; правительственный чиновник—время, которое мне нужно было употребить на самоуправление; чистильщик сапог—время, нужное мне для собственноручной чистки сапог; поп—время для размышлений, и т. д.

Что здесь на самом деле имеет место, так это—разделение труда. Каждому, помимо своего производительного труда или эксплуатации этого труда, приходилось бы выполнять еще массу функций, которые были бы непроизводительны и которые отчасти входят в издержки потребления. (Настоящие производительные рабочие должны сами нести эти издержки потребления и собственноручно исполнять для себя непроизводительный труд). Если эти „услуги“ приятны, то тогда господин выполняет их для своего подданного, как это доказывает *jus primae noctis*, как это доказывает труд управления и т. д., который господа

*) В рукописи сказано „непроизводительному“. К.

**) В оригинале употреблено гораздо менее учтивое выражение. К.

правители издавна берут на себя. Но это еще никоим образом не уничтожает различия между производительным и непроизводительным трудом; напротив, это различие само является результатом разделения труда и развивает общую производительность труда тем, что делает непроизводительный труд исключительной функцией одной части рабочих, а производительный — исключительной функцией другой их части.

Но говорят, что даже труд множества слуг, которые служат только, как выставка богатства, как средство удовлетворения тщеславия, не есть непроизводительный труд. Почему? Потому, что он производит нечто: удовлетворение тщеславия, эффект, выставление на показ богатства (I. с., стр. 277). Тут мы опять наталкиваемся на ту бессмыслицу, что всякий род услуг — что-нибудь производит: проститутка — сладострастие, убийца — убийство и т. д. Впрочем, Смит сказал, что все виды этих услуг имеют свою ценность. Недоставало только, чтобы эти услуги выполнялись безвозмездно. Об этом здесь нет речи. Но даже если бы они выполнялись даром, то и тогда они не увеличивали бы материального богатства ни на грош.

Затем идет беллетристическое переливание из пустого в порожнее.

„Указывают на то, что когда прекратилось пение певца, то от него ничего не остается. От него остается нам воспоминание! *) Если ты выпил шампанского, что у тебя осталось?... Экономические результаты различны, смотря по тому, следует или не следует потребление тотчас же за результатом производства, смотря по тому, насколько быстро или медленно оно совершается. Пусть будет так. Но самый факт потребления, как бы оно ни совершалось, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют не вещественные продукты, которые долговечнее многих материальных. Дворец существует долго; но Иллиада — еще более долговечный источник наслаждения“ (стр. 277, 278).

Какая чушь!

В том смысле, в каком Росси здесь понимает богатство, т. е. в смысле потребительной ценности, только потребление и делает продукт богатством, все равно, как бы потребление ни совершалось: медленно или быстро (продолжительность его зависит от его собственной природы и от природы предмета). Потребительная ценность обладает ценностью только для потребления, и ее бытие для потребления есть лишь бытие в качестве предмета потребления, есть ее бытие в потреблении. Как питье шампанского не есть производительное погребление, хотя оно производит головную боль с похмелья, так и слушание музыки остается непроизводительным, несмотря на то, что оно оставляет „воспоминание“. Если музыка хороша и слушающий понимает музыку, то потребление музыки имеет более высокий характер, чем потребление шампанского, хотя производство этого последнего „производительный труд“, а производство первого — нет.

Подводя итог всей болтовне, направленной против установленного Смитом различия производительного труда от непроизводительного, мы

*) Очень хорошо

можем сказать, что Гарнье, а пожалуй еще Лодердэль и Ганиль (нового, однако, у него ничего нет) исчерпывают [критику]. Позднейшие экономисты (за вычетом неудавшейся попытки Шторха) дают только беллетристическое изложение, просвещенную болтовню. Гарнье — экономист директории и консульства, Феррье и Ганиль — экономисты империи. С другой стороны, Лодердэль — его сиятельство, граф, для которого речь шла о том, чтобы отстоять потребителей, как производителей „непроизводительного труда“. Превознесение прислужничества и лакейства проходит через сочинения всех этих господ *). В противоположность с ними грубо циничный характер классической политической экономии представляется как бы критикой существующего порядка вещей.

о) Т. Чомерс и некоторые взгляды А. Смита **).

Одним из фанатичных мальтузианцев является его преподобие Т. Чомерс, по мнению которого нет другого средства от всякого рода социальных неурядиц, кроме религиозного воспитания трудящихся классов, под которым он понимает христиански-подслащенную, поповски-назидательную проповедь Мальтусовой теории народонаселения. В то же время он является большим защитником всех злоупотреблений, государственных расходов, крупных окладов для попов и безумной расточительности богатых. Он горько жалуется на дух времени, на „суровую и скряжническую бережливость“ и высказывается за многочисленные налоги, за обжорство для „вышних“ и непроизводительных рабочих, попов и т. д. в своей книге: „On political economy in connection with the moral State and moral prospects of society“. 2 ed. Глазгоу, 1832 г. [стр. 241—2 абз., особенно же стр. 260, 261].

В виду этого, естественно, что он поднимает шум против Смитовского различения. Этому различению он посвятил в названной книге целую главу (одиннадцатую), в которой нет ничего нового, кроме утверждения, что сбережение и т. д. только вредит „производительному труду“, и тенденция которой весьма характерным образом выражается в следующем:

„Это различение кажется лишенным всякого значения и применение его вредным“ (I. c., стр. 344).

В чем же состоит этот вред?

„Мы так подробно обсуждали это утверждение потому, что мы держимся мнения, что политическая экономия наших дней слишком резка и враждебна по отношению к государственной церкви (an ecclesiastical establishment); и мы не сомневаемся, что этому сильно, хотя, быть-может, и бессознательно, способствовало вредное различение, установленное Смитом“ (стр. 436).

*) И здесь рукопись выражается не так учтиво. К.

***) Стр. 416—419 рукописи. К.

Под „ecclesiastical establishment“ этот поп понимает свою собственную церковь, государственную церковь Англии, как ее „установил“ закон. Сверх того, он был одним из тех молодцов, которые осчастливили Ирландию этим „establishement“. Но этот поп, по крайней мере, чисто-сердечен.

[Сопоставьте с этим] ненависть Смита к попам! *)

В одном месте своего „Wealth of Nations“ Адам Смит дает полную волю своей ненависти к непроизводительному [классу]. Он говорит:

„Поэтому государи и министры поступают в высшей степени неуместно и самонадеянно, когда берут под свою опеку бережливость частных лиц и стесняют издержки ограничительными законами против роскоши или запрещением ввоза предметов роскоши. Они сами всегда и без исключения являются величайшими расточителями в обществе. Пусть они лучше обратят внимание на свои собственные издержки, и тогда они могут спок оино предоставить частным лицам расходовать свои средства по своему собственному усмотрению. Если государство не погибнет от их собственной расточительности, то его не погубит расточительность частных лиц“ (Книга II, глава 3).

Следует сопоставить это с уже цитирванным местом из 3 главы, II книги (стр. 206—208):

„Труд некоторых, пользующихся наибольшим уважением общественных классов так же непроизводителен в смысле создания ценности, как труд прислуги; он не фиксируется и не реализуется в каком-нибудь долговечном предмете или в продажном товаре... Так, например, государь, со всеми своими судейскими чиновниками и офицерами, весь состав армия и флота—непроизводительные рабочие. Они—слуги публики и содержатся на часть годового продукта, созданного прилежанием других людей... К этому классу принадлежат: духовные, юристы, врачи, всякого рода ученые, актеры, скоморохи, музыканты, оперные певцы, танцовщицы и т. д.“ (I. с., стр. 146).

Это—язык все еще революционной буржуазии, еще не успевшей подчинить себе все общество, государство и т. д. Эти трансцендентные профессии, издавна пользовавшиеся почетом, государь, судья, офицеры, пошны и т. д., вся эта совокупность порождаемых ими старых идеологических сословий, их ученые, магистры и попы,—экономически приравниваются к толпе их собственных лакеев и увеселителей, которые содержатся ими и праздными богачами (земледельческим дворянством и праздными капиталистами). Они—только слуги публики, подобно тому, как те другие являются их слугами. Они живут, потребляя продукт, созданный прилежанием других людей; стало-быть, их надо свести к необходимому числу. Государство, церковь и т. д., правомерны лишь постольку, поскольку они служат уполномоченными для управления и руководства общественными интересами производительных буржуа, и затраты на них, в силу того, что они, сами по себе, принадлежат к *faux frais* производства, должны быть сведены к необходимому минимуму. Этот взгляд исторически интересен по своей резкой противоположности как со взглядом античной древности,—где материальный про-

*) Здесь Маркс, по всей вероятности, имеет в виду тот отдел 1-ой главы книги V „Wealth of Nations“, где речь идет „об издержках на учебные заведения для лиц всех возрастов“. К.

изводительный труд несет на себе клеймо рабства и где на этот труд смотрят, как на пьедестал для праздных граждан,—так и со взглядом абсолютной или аристократической монархии, возникшей из разложения средневековья, со взглядом, который так наивно выразил сам еще зараженный им Монтескье, говоря („*Esprit des lois*“, книга VII, гл. 4-ая):

„Если богачи не расходуют много, беднякам приходится умирать с голоду“

Напротив, с того времени, как буржуазия овладела положением, частью сама взявши в свои руки государство, частью вступив в компромисс с его прежними властителями, она признала идеологические сословия плотью от плоти своей и везде превратила их в своих служителей, преобразовав их сообразно своей собственной природе; с того времени, как она сама уже не противостоит непроеводительному классу в качестве представителя производительного труда, между тем как против нее поднимаются настоящие производительные рабочие, в свою очередь говорящие ей, что она живет трудом других людей; с того времени, как она достаточно просветилась для того, чтобы не отдаваться всецело производству, но стремиться к „просвещенному“ потреблению; с того времени, как даже духовный труд стал все более и более совершаться для ее пользы, поступил на службу к капиталистическому производству,—с этого времени дело изменяется, и она старается „экономически“, со своей собственной точки зрения, оправдать то, с чем она прежде боролась оружием критики. Ее умственными представителями, убаюкивающими ее совесть в этом отношении, являются Гарнье и т. п. У этих экономистов—которые сами принадлежат к числу попов, профессоров и т. д.—обнаруживается, кроме того, желание доказать свою „производительную“ полезность, „экономически“ оправдать свои овлады.

Приложение.

Понятие производительного труда *)

Капитал производителен: 1) как сила, приносящая к прибавочному труду, 2) как поглотитель и присвоитель, а равно и как воплощение производительных сил общественного труда и общественных производительных сил вообще, как, например, наука.

Спрашивается, как или почему труд, противопоставленный капиталу, производителен или является производительным трудом, хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя эту производительную силу нельзя считать дважды: один раз, как производительную силу труда, а другой раз, как производительную силу капитала?

Ответа на этот вопрос надо искать в предыдущем изложении.

Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными, а следовательно и вечными естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще; только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд, что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso есть производительный труд.

Производителен только такой труд, который прямо превращается в капитал, стало-быть, только труд, который делает переменный капитал переменной величиной. Если через Δv обозначить приращение, на которое переменный капитал v увеличивается благодаря труду, то труд, превращающий v в $v + \Delta v$, будет производительным трудом. Этот один из пунктов, подлежащих выяснению. Труд создающий прибавочную ценность или служащий для капитала средством образования прибавочной ценности, т-е. тем средством, благодаря которому капитал становится капиталом или ценностью, которая увеличивает самое себя в процессе производства.

Во-вторых, общественные и общие производительные силы труда служат производительными силами капитала; но эти производительные силы касаются только процесса труда, затрагивают только потребительную ценность. Они представляются свойствами, принадлежащими капиталу, как вещи, как потребительной ценности. Они не затрагивают непосредственно меновой ценности. Работает ли вместе сто рабочих [с целью приготовления продукта при общественно-необходимых условиях производства], или же каждый из ста работает в одиночку, ценность этого продукта равна ста рабочим дням, независимо от того, реализуются ли эти последние в большом или малом количестве продуктов. Это значит, что ценность не зависит от производительности труда.

В одном только отношении различие в производительности труда затрагивает меновую ценность.

Если, напр., производительность труда развивается в одной какой-нибудь отрасли: если, скажем, ткань на механических станках, вместо ручных, перестает быть исключенным; если для производства одного аршина на механическом станке нужна только половина того рабочего времени, которое затрачивается при работе на ручном, — то 12 часов ручного ткача уже не создают двенадцатичасовой ценности, а только шестичасовую, так как необходимое рабочее

*) Стр. 1320—1331 рукописн. К.

время теперь равно 6 часам. 12 часов труда ручного ткача представляет собою 6 часов общественного труда, несмотря на то, что он попрежнему работает 12 часов. Но речь здесь идет не о том. Если мы, напротив, возьмем другую отрасль производства, напр., типографское дело, где машины еще не применяются, то 12 часов труда в этой отрасли будут создавать такое же количество ценности, как 12 часов в тех отраслях производства, где применение машин достигло самой высокой степени. Стало-быть, труд, как производитель ценности, всегда остается трудом отдельного рабочего, только выраженным во всеобщей форме. Производительный труд, как труд, производящий ценность, всегда противостоит капиталу, как труд отдельной рабочей силы, как труд изолированного рабочего, в какие бы общественные сочетания рабочие ни входили в процессе производства. Значит, между тем как капитал, в своем противоположении рабочему, представляет общественную производительность труда, производительный труд рабочего, в своем противоположении капиталу, является всегда только трудом отдельного рабочего.

В-третьих: если выжимание прибавочной ценности и присвоение себе общественных производительных сил труда кажется естественным свойством капитала,—т.-е., стало-быть, свойством, вытекающим из его потребительной ценности,—то, наоборот, естественным свойством *) труда представляется перенесение его собственных общественных производительных сил на капитал, при чем его собственный прибавочный продукт является прибавочной ценностью, т.-е. самовозрастанием капитала.

Разовьем подробнее эти три пункта и выведем отсюда различие производительного труда от непроизводительного.

ad 1. Производительность капитала состоит в том, что он противопоставляет себе труд, как наемный труд; а производительность труда состоит в том, что он противопоставляет себе средства производства, как капитал.

Мы видели, что деньги превращаются в капитал, т.-е. определенная меновая ценность превращается в самовозрастающую ценность, в ценность плюс прибавочная ценность, благодаря тому, что одна ее часть превращается в товары, служащие средствами производства (сырые материалы, инструменты, словом—вещественные условия труда), а другая употребляется на покупку рабочей силы. Однако, не этот первоначальный обмен денег на рабочую силу, не одна только покупка этой последней превращает деньги в капитал. Вследствие этой покупки пользование рабочей силой становится на некоторое время органической принадлежностью капитала; иначе сказать, определенное количество живого труда становится одной из форм бытия, энтелехией капитала. В действительном процессе производства живой труд превращается в капитал вследствие того, что он, с одной стороны, воспроизводит заработную плату—следовательно, ценность переменного капитала, — а с другой стороны, создает прибавочную ценность; вследствие этого процесса превращения вся сумма денег превращается в капитал, хотя ее часть, которая непосредственно является переменной, затрачивается лишь на заработную плату. Если раньше ценность равнялась $c+v$, то теперь она $=c+(v+\Delta v)$ или—что то же самое— $=(c+v)+\Delta v$; первоначальная сумма денег, первоначальная величина ценности увеличилась в процессе труда и стала самосохраняющейся и самовозрастающей ценностью.

В этом суть дела, и хотя только переменная часть капитала создает его приращение, но это ничего не изменяет в том факте, что посредством этого процесса увеличивается в ся первоначальная ценность, возрастая на величину прибавочной ценности, т.-е., стало-быть, что вся первоначальная сумма денег превращается в капитал. Первоначальная ценность $=c+v$ (постоянный и переменный капитал). В указанном процессе она превращается в $c+(v+\Delta v)$; последний член этой суммы представляет собою воспроизведенную часть, созданную путем превращения живого труда в труд овеществленный, превращения, которое вызвано и осуществлено обменом v на рабочую силу, т.-е. превращением его в заработную плату. Но $c+(v+\Delta v)=c+v$ (первоначальный капитал) $+\Delta v$. Кроме того, превращение v в $v+\Delta v$, а стало-быть $(c+v)$ в $(c+v)+\Delta v$ могло осуществиться только благодаря тому, что часть денег превратилась в c . Одна часть может превратиться в переменный капитал лишь при том условии, что другая часть превращается в постоянный капитал.

В действительном процессе производства труд realiter превращается в капитал; но это превращение обусловлено фактом первоначального обмена денег на рабочую силу. Благодаря этому непосредственному превращению

*) В рукописи стоит: производительностью. Это, очевидно, описка. К.

труда в овеществленный труд, принадлежащий не рабочему, а капиталисту, деньги превращаются в капитал, не исключая и той части денег, которая приняла форму средств производства, условий труда. Сначала деньги представляют собою лишь капитал *an sich* *), все равно, существует ли он в денежной форме или в форме товаров (продуктов труда), которые могут служить средствами производства какого-либо товара. Только это определенное отношение к труду превращает деньги и товары в капитал, и производителем только труд, превращающий деньги или товар в капитал, в силу указанного отношения своего к средствам производства, которому соответствует определенное отношение в действительном процессе производства, иными словами — производителем только тот труд, который сохраняет и увеличивает ценность овеществленного труда, самостоятельно выступающего против рабочей силы. Производительный труд, это — лишь сокращенное выражение для обозначения всей полноты того отношения, в котором фигурирует рабочая сила в капиталистическом процессе производства. Но в высшей степени важно отличать его от других видов труда, так как только это различие выражает ясно определенную форму того труда, на котором основан весь капиталистический способ производства и сам капитал.

Итак, производительный труд — в системе капиталистического производства — есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала.

Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т.е. труд, предполагающий совершенно определенные отношения между покупателем и продавцом труда.

И хотя деньги, находящиеся в руках покупателя, рабочей силы, или имеющийся у него, в форме товара, запас средств производства и средств существования для рабочих, становятся капиталом только в процессе труда, — так что до вступления своего в процесс эти предметы не капитал, а только должны стать капиталом, — но тем не менее они все-таки представляют собою капитал *an sich*, и этим они обязаны тому факту, что они, как нечто самостоятельное, противостоят рабочей силе, а рабочая сила, противостоит им; это отношение обуславливается и поддерживается обменом на рабочую силу и последующим процессом действительного превращения труда в капитал. Все эти предметы с самого начала противостоят рабочим в виде определенного общественного отношения, делающего их капиталом и дающего им власть над трудом.

Производительный труд может быть поэтому определен, как такой труд, который непосредственно обменивается на деньги, как на капитал, или — что является лишь сокращенным выражением того же самого — как труд, обменивающийся непосредственно на капитал, т.е. на деньги, представляющие собою капитал *an sich*, — деньги, назначение которых состоит в том, чтобы функционировать в качестве капитала, которые противостоят рабочей силе, как капитал. Выражение: труд, обменивающийся непосредственно на капитал, подразумевает, что труд обменивается на деньги, как на капитал, и асти превращает их в капитал. Значение слова „непосредственно“ будет сейчас выяснено точнее.

Значит, производительный труд есть тот труд, который для рабочего производит только заранее определенную ценность его рабочей силы, между тем как, наоборот, он, в своем качестве деятельности, создающей ценность, вызывает возрастание капитала или противопоставляет рабочему, в виде капитала, те ценности, которые им создаются.

В обмене между капиталом и трудом следует, как мы видели при рассмотрении процесса производства, различать два существенно-различных, хотя и обуславливающих друг друга момента.

Во-первых: первый обмен между трудом и капиталом есть формальный процесс, в котором капитал выступает, как деньги, а рабочая сила, как товар. Продажа рабочей силы идеально или юридически имеет место уже в этом первом процессе, несмотря на то, что труд оплачивается только после того, как

*) Выражение *an sich* употребляется Марксом в гегелевском, а не в кантовском смысле. По Гегелю, например, семя есть дерево *an sich* или *an sich* дерева. *Примечание Г. В. Плеханова.*

он был выполнен, т.-е. к концу дня, недели, месяца и т. д. Это ничего не изменяет в сделке, посредством которой совершается продажа рабочей силы. В данном случае непосредственно продается не товар, содержащий уже реализованный труд, а употребление рабочей силы, стало-быть, фактически самый труд, так как употребление рабочей силы, ее действие, есть—труд. Значит, здесь мы имеем дело не с тем обменом труда на труд, который совершается через посредство обмена товара на товар. Если А продает В сапоги, то оба они обменивают труд один—труд, реализованный в сапогах, а другой—труд, воплощенный в деньгах. Здесь же вступают в обмен, с одной стороны, овеществленный труд в его самой общей общественной форме, т.-е. в форме денег, а с другой стороны—труд, существующий еще только в форме силы; покупается и продается здесь употребление этой силы, то-есть самый труд, хотя ценность продаваемого товара не есть ценность труда (иррациональное выражение), а ценность рабочей силы. Таким образом имеет место непосредственный обмен между овеществленным трудом и рабочей силой, которая de facto сводится к живому труду,—т.-е. обмен между овеществленным и действительным трудом. Заработная плата—ценность рабочей силы—является, согласно тому, что было развито выше, непосредственной покупной ценой, ценой труда.

В этот первый момент отношение между рабочим и капиталистом есть отношение между продавцом и покупателем товара. Капиталист уплачивает ценность рабочей силы, т.-е. ценность покупаемого им товара.

Но в то же время рабочая сила покупается только потому, что труд, который она может и обязывается выполнить, больше труда, необходимого для воспроизводства рабочей силы, и поэтому выражается в более высокой ценности, чем ценность рабочей силы.

Во-вторых: следующий момент обмена капитала и труда в действительности не имеет ничего общего с первым моментом и, строго говоря, он вовсе не обмен.

В первый момент происходит обмен денег на товар—обмен эквивалентов, и рабочий и капиталист противостоят друг другу, как товаровладельцы. Обмениваются эквиваленты (и, стало-быть, сущность сделки не меняется оттого, в какое время происходит обмен, и будет ли цена труда ниже или выше ценности рабочей силы или равна ей. Так что сделка может совершаться на основании общего закона товарного обмена). Во втором моменте совсем нет обмена. Владелец-собственник денег перестал быть покупателем товара, а рабочий—быть его продавцом. Владелец денег функционирует теперь, как капиталист. Он потребляет товар, который он купил, а рабочий поставляет его, так как употребление его рабочей силы есть его труд. Благодаря предыдущей сделке, труд сам стал частью вещественного богатства. Рабочий выполняет его, но труд этот принадлежит капиталу, он есть лишь функция этого последнего. Он совершается поэтому под непосредственным контролем и руководством капитала, а продукт, в котором он овеществляется, есть лишь новый вид, принимаемый капиталом, или—точнее—форма, в которой этот последний асци становится капиталом. Поэтому в этом процессе труд непосредственно овеществляется в капитал, прямо превращается в него, после того как он, благодаря первой сделке, формально стал частью капитала. При этом количество труда, превращающееся теперь в капитал, больше того капитала, который был прежде затрачен на покупку рабочей силы. В этом процессе присваивается часть неоплаченного труда, и только вследствие этого деньги превращаются в капитал.

Но хотя на самом деле здесь нет обмена, однако, если пренебречь посредствующими актами, то получается такой результат: в данном процессе—если соединить оба момента—определенное количество овеществленного труда обменилось на большое количество живого труда, а это в результате процесса выразилось в том, что труд [овеществленный] в своем продукте, больше труда, реализованного в рабочей силе, и поэтому больше того овеществленного труда, который уплачивается рабочему; иными словами: в действительном процессе производства капиталист получает обратно не только ту часть капитала, которую он затратил на заработную плату, но еще и прибавочную ценность, на которую он ничего не затратил. Непосредственный обмен между трудом и капиталом означает здесь: 1) непосредственное превращение в процессе производства труда в капитал, в вещественную составную часть капитала, 2) обмен определенного количества овеществленного труда на то же количество живого труда плюс добавочное количество живого труда, которое присваивается без обмена.

Выражение: „производительный труд есть труд, который непосредственно обменивается на капитал“—охватывает все перечисленные моменты и предста-

влетает собою лишь сокращенную формулу, выражающую, что это—труд, который превращает деньги в капитал; труд, который обменивается на средства производства, как на капитал, т.е. относится к ним совсем не как к простым средствам производства; труд, который относится к этим средствам не как труд вообще, лишенный специфической общественной определенности*

Эта формула заключает в себе: 1) взаимное отношение между деньгами и рабочей силой, как между товарами, куплю и продажу между владельцем денег и владельцем рабочей силы; 2) прямое подчинение труда капиталу; 3) реальное превращение в процессе производства труда в капитал, или, что одно и то же, производство прибавочной ценности для капитала. Происходит двойного рода обмен между трудом и капиталом. Первый представляет только покупку рабочей силы, на деле, стало-быть, труда; а следовательно и его продукта. Второй есть прямое превращение живого труда в капитал или его овеществление, как осуществление капитала.

Результатом процесса капиталистического производства является не только продукт (потребительная ценность) и не только товар, т.е. потребительная ценность, имеющая определенную меновую ценность. Его результат, его продукт состоит в создании прибавочной ценности для капитала, а потому — в фактическом превращении денег или товара в капитал, тогда как до процесса и производства деньги и товары являются лишь капиталом по намерению, лишь *an sich*, лишь по своему назначению. Процесс производства поглощает больше труда, нежели его куплено. Это поглощение, это присвоение чужого, неоплаченного труда, совершаемое в процессе производства, является непосредственной целью процесса капиталистического производства, так как в задачи капитала, как такового (стало-быть, и капиталиста, как такового) не входит ни производство потребительных ценностей для личного потребления ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем—в потребительные ценности. Цель капиталистического производства—обогащение, возрастание ценности, т.е. сохранение прежней ценности и создание прибавочной ценности. И этот специфический продукт процесса капиталистического производства получается капиталом только в обмен на труд, называемый поэтому „производительным трудом“.

Для того, чтобы производить товары, труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь потребительную ценность, реализоваться в потребительной ценности. И только этот труд, реализуемый в товарах, в потребительных ценностях, обменивается на капитал. Это само собою подразумевается. Однако, не этот конкретный характер труда, не его потребительная ценность, как таковая, не то, что он представляет собою, например, работу кузнеца, сапожника, прядильщика, ткача и т. д.—не это составляет его специфическую потребительную ценность для капитала, не это кладет на него в системе капиталистического производства клеймо производительного труда. Его специфическую потребительную ценность для капитала создает не его данный полезный характер, равно как и не специальные полезные свойства продукта, в котором он овеществляется; эта ценность обуславливается характером этого труда, как творческого элемента по отношению к меновой ценности, — она создается абстрактным трудом, но не потому, что он представляет собой определенное количество всеобщего труда, а потому, что он представляет большее количество абстрактного труда, чем то, которое содержится в цене труда, т.е. в ценности рабочей силы.

Поэтому процесс капиталистического производства не есть простое производство товаров. Это — процесс, поглощающий неоплаченный труд, процесс, превращающий средства производства в средства присвоения неоплаченного труда.

Из всего вышеизложенного следует, что название „производительный труд“ отнюдь не указывает ни на определенное содержание труда, ни на его особенную полезность, ни на ту специфическую потребительную ценность, в которой он реализуется.

Один и тот же вид труда может быть производительным или непроизводительным.

Напр., Мильтон, написавший „Потерянный рай“, был непроизводительным работником. Напротив, писатель, работающий на своего издателя на фабричный манер, является производительным работником. Мильтон произвел свой „Потерянный рай“, повинуясь тем же побуждениям, которые заставляют шелковичного червя производить шелк. Это было деятельное проявление

его природы. Потом он продал свой продукт за 5 ф. ст. А лейпцигский литературный пролетарий, фабрикующий под начальством своего издателя книги (напр., руководстве политической экономии), является производительным работником, так как его производство с первого же момента подчинено капиталу и совершается только для увеличения ценности этого последнего. Певица, продающая свое пение на свой собственный риск,—непроизводительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь для того, чтобы выручать деньги,—производительный работник, так как она производит капитал.

Здесь возникают различные вопросы. Покупаю ли я брюки в готовом виде, или же покупаю сукно и зову на дом портного, платя ему за его услугу (т.-е. за его портняжную работу), за превращение сукна в брюки,—это для меня совершенно безразлично, поскольку меня интересуют сами брюки. Если я, вместо того, чтобы звать портного на дом, покупаю себе брюки у портного-капиталиста (merchant tailor), то я это делаю потому, что первый способ обходится дороже, и брюки стоят меньше труда, следовательно, обходятся дешевле, когда их производит портной-капиталист, нежели тогда, когда я заказываю их первым способом. Но в обоих случаях я превращаю деньги, на которые я покупаю брюки, не в капитал, а в брюки; в обоих случаях деньги играют для меня роль простого средства обращения, которое я превращаю в данную потребительную ценность. Здесь деньги не фигурируют, как капитал, несмотря на то, что в одном случае они обмениваются на товар, в другом же случае покупают труд, как товар. Они выступают только, как деньги, точнее—как средство обращения. С другой стороны, [работающий у меня на дому] портной не есть производительный рабочий, хотя его труд доставляет мне продукт, брюки, а ему—цену его труда, деньги. Возможно, что количество труда, доставленное этим портным, превышает то его количество, которое заключается в платке, получаемой им от меня; это даже вероятно, так как цена его труда определяется ценой, платимой за его производительными портными. Но для меня это совершенно безразлично. Раз цена установлена, то мне совершенно все равно, работает ли он 8 или 10 часов. Меня интересует только потребительная ценность, брюки, при чем, конечно,—независимо от того, каким путем я их приобретаю,—я заинтересован в том, чтобы заплатить за них по возможности меньше или, по крайней мере, заплатить не выше нормальной цены; но я одинаково заинтересован в этом как в том, так и в другом случае. Это—издержка моего потребления; это не увеличение, а уменьшение количества моих денег. Это отнюдь не способ обогащения, как и вообще ни одна затрата денег на цели моего личного потребления не служит средством обогащения. Какой-нибудь ученый во вкусе Поль-де-Кока может, пожалуй, возразить, что без этой покупки, подобно тому, как без покупки хлеба, я не могу жить, а стало-быть, не могу и обогащаться; что эта покупка служит, таким образом, косвенным средством или, по крайней мере, условием моего обогащения. На том же основании можно утверждать, что мое кровообращение и процесс моего дыхания представляют собою условия моего обогащения. Однако, ни мое кровообращение, ни процесс моего дыхания сами по себе несколько меня не обогащают, а, наоборот, и то и другое предполагают наличие дорого стоящего обмена веществ, без необходимости в котором не было бы и злосчастных бедняков. Поэтому простой и непосредственный обмен денег на труд еще не превращает ни денег в капитал, ни труда в производительный труд.

Что же составляет характерную черту этого обмена? Чем отличается он от обмена денег на производительный труд? С одной стороны—тем, что деньги расходуются, как деньги, как самостоятельная форма меновой ценности, которая должна превратиться в потребительную ценность, в средство поддержания жизни, в предмет личного потребления. Так что деньги не становятся капиталом, а, наоборот, теряют форму меновой ценности для того, чтобы быть потребленными, уничтоженными в форме потребительной ценности. С другой стороны—здесь труд интересует меня только как потребительная ценность, как услуга, благодаря которой сукно превращается в брюки; как услуга, которую оказывает мне труд вследствие данного полезного характера своего. Напротив, услуга, которую тот же подмастерье оказывает портному-капиталисту, работая у него по найму, состоит вовсе не в том, что он превращает сукно в брюки, а в том, что, например, при 12 часах овещствляемого в брюках необходимого рабочего времени, подмастерье получает заработную плату, равную 6-ти часам. Услуга, оказываемая рабочим капиталисту, состоит в том, что он работает шесть часов даром. То обстоятельство, что это совершается в форме шитья

брюк, только затемняет реальное отношение; поэтому при первой же возможности портной-капиталист старается превратить брюки обратно в деньги, т. е. в такую форму, в которой определенный характер портняжного труда исчезает, дев которой оказанная услуга выражается тем, что вместо прежней суммы и нег, соответствующей 6-ти часам рабочего времени, налицо оказывается вдвое большая сумма, соответствующая 12 часам его. Я покупаю портняжный труд ради той услуги, которую он оказывает именно в качестве портняжного труда, удовлетворяя мою нужду в одежде, т. е. одну из моих потребностей. Портной-капиталист покупает его, как средство сделать из рубля два рубля. Я покупаю его потому, что он производит определенную потребительную ценность, оказывает известную услугу. Капиталист покупает его потому, что он дает большую сумму меновой ценности, нежели сам стоит; потому, что он дает возможность получить в обмен на меньшее количество труда большее его количество.

Стало-быть, в тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т. е. на непродуцируемый труд, то этот последний покупается, как услуга; это выражение вообще означает лишь определенную потребительную ценность, доставляемую трудом, подобно всякому другому товару; но оно относится к особому роду потребительной ценности, доставляемой трудом, оказывающим услугу, не в вещественной форме, а в форме деятельности, что, однако, несколько не отличает его от машины, например, от часов. *Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des*—в данном случае является равнозначащими формулами одного и того же отношения, между тем как в капиталистическом производстве формула *do ut facias* выражает собою очень специфическое отношение между вещественной ценностью, которую дают, и живой деятельностью, которую получают. И так как в этой покупке услуг специфическое отношение труда и капитала совершенно отсутствует, либо совершенно затухает, либо само остается незаметным, то она, естественно, является излюбленной формулой, которою пользуются Сэй, Баэна и прочие для выражения отношения между капиталом и трудом.

Вопрос о том, как устанавливается ценность этих услуг и как эта ценность, а свою очередь, определяется законами заработной платы, не имеет ничего общего с исследованием интересующего нас отношения и всецело относится к главе о заработной плате.

Выходит, что один обмен денег на труд еще не превращает этого последнего в производительный труд, и что, с другой стороны, содержание этого труда не имеет значения [для решения вопроса о том, производителен труд или непродуцирующ].

Рабочий сам может покупать труд, т. е. товары, доставляемые в форме услуг, и такое расходование его заработной платы ничем не отличается от расходования ее на покупку каких бы то ни было других товаров. Услуги, покупаемые им, могут быть более или менее необходимы: он может купить, например, услугу врача или услугу попа так же, как он может купить себе хлеба или водки. Как покупатель,—т. е. как владелец денег, противостоящих товару,—рабочий принадлежит к одной категории с капиталистом, поскольку этот последний выступает исключительно, как покупатель, т. е. когда дело сводится к тому, чтобы перевести деньги в форму товара. Как определяется цена этих услуг и каково ее отношение к заработной плате в собственном смысле слова, в какой мере она подчиняется законам заработной платы,—все это вопросы, не имеющие прямого отношения к настоящему исследованию и подлежащие рассмотрению в главе о заработной плате.

Если, таким образом, простой обмен денег на труд еще не делает труда производительным или, что то же, не превращает денег в капитал, то, с другой стороны, и содержание труда—конкретный характер, особая полезность его—само по себе не имеет тут значения: выше мы видели, что тот же труд того же подмастерья является в одном случае производительным, а в другом—непроизводительным.

Известного рода услуги, или потребительные ценности, результаты известных видов деятельности или труда, воплощаются в товарах, другие же, напротив, не оставляют осязательных, отдельных от их исполнителей, результатов, или результатом их является товар, не могущий идти в продажу. Так, например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность; но предмет моего наслаждения существует в виде неотделимой от личности певца деятельности, и как только прекращается работа этого по-

следнего, т.-е. пенне, прекращается и мое наслаждение; я наслаждаюсь самой деятельностью—ее отражением в моих ушах. Сами по себе эти услуги, подобно покупаемым мною товарам, могут быть или только казаться необходимыми как, например, услуга солдата, врача, адвоката, или же они могут доставлять только наслаждение; но от этого несколько не изменяется их экономическое значение. Если я здоров и не нуждаюсь в помощи врача, или я имею счастье не вести судебных процессов, то я буду, как чумы, избегать траты денег на услуги врачей и юристов.

Услуги могут быть также навязанными, например, услуги чиновников и т. под.

Если я покупаю услугу учителя не для того, чтобы развивать свои способности, а для того, чтобы приобрести известное умение, которое даст мне возможность зарабатывать деньги, или, если другие покупают для меня этого учителя, и если я при этом действительно что-нибудь усваиваю,—что само по себе несколько не зависит от оплаты учительской услуги,—то издержки на обучение, подобно издержкам на мое содержание, принадлежат к числу издержек производства моей рабочей силы. Но особая полезность этой услуги несколько не изменяет данного экономического отношения; деньги тут не превращаются в капитал, а по отношению к учителю не становлюсь капиталистом, не превращаюсь в его хозяина. И потому экономический характер этого отношения остается тот же, независимо от того, излечивает ли меня врач, успешно ли обучает меня учитель, выигрывает ли мое дело адвокат. Здесь платят только за услугу, как за таковую; результат же ее, по самой ее природе, не может быть гарантирован ее исполнителем. Значительная часть услуг принадлежит к числу расходов, вызываемых потреблением товаров, например, услуги кухарки, горничной и т. д.

Характерным для всех видов непроемительного труда является то, что я тем более могу пользоваться им, — это относится также и к покупке мною других товаров с целью потребления, — чем более я эксплуатирую производительных рабочих. Поэтому производительный рабочий меньше всех имеет возможность располагать услугами непроемительных рабочих, несмотря на то, что ему больше всех приходится платить за непроемительные услуги (государство, налоги). Наоборот, возможность эксплуатации производительных рабочих увеличивается для меня совсем непропорционально той мере, в какой я пользуюсь услугами непроемительных рабочих; наоборот, она пропорционально ей уменьшается.

Даже производительные рабочие могут быть по отношению ко мне непроемительными рабочими. Если, например, я обиваю свой дом, при чем обойщиками служат наемные рабочие того предпринимателя, который исполняет для меня этот заказ, то для меня дело сводится к тому же как если бы я купил уже обитый дом, т.-е. затратил деньги на товар для своего личного потребления; но в глазах предпринимателя, заставляющего этих рабочих производить обивку, эти последние являются производительными рабочими, так как они производят для него прибавочную ценность.

Но если это так, то как же обстоит дело с самостоятельными ремесленниками или крестьянами, которые не нанимают рабочих, т.-е. производят не в качестве капиталистов? Они — как это всегда бывает с крестьянином (но не относится, например, к садовнику, которого я нанимаю лично для себя) — товаро-производители, и я покупаю у них товар, при чем дело несколько не меняется, например, оттого, что ремесленник prepares свой товар по заказу; крестьянин поставляет свой товар по мере возможности. В этом случае и тот и другой являются по отношению ко мне продавцами товаров, а не продавцами труда и, стало-быть, это отношение не имеет ровно ничего общего с обменом капитала, а следовательно, и с различием производительного труда от непроемительного, которое основано только на том, обменивается ли труд на деньги, как на таковые, или же на деньги, как на капитал. Стало-быть, они не принадлежат ни к категории непроемительных рабочих, ни к категории производительных, хотя и являются товаропроизводителями. Но их производство не подчинено капиталистическому способу производства.

Возможно, что эти производители, работающие с помощью собственных средств производства, воспроизводят не только свою собственную рабочую силу, но создают и прибавочную ценность, и что их положение позволяет им присваивать себе весь свой прибавочный труд или часть его (так как остальная часть его отнимается у них в форме налогов и т. д.). Здесь перед нами высту-

пают особенностью, характерная для общества, в котором преобладает один способ производства, но еще не все производственные отношения окончательно подчинены ему. Например, в феодальном обществе,—как это лучше всего можно изучать на примере Англии, потому что феодальная система была перенесена туда из Нормандии в готовом виде и ее формы наложили свой отпечаток на ту основу общества, которая отличалась от них во многих отношениях,—в феодальном обществе феодальное выражение приобретает даже таковыи отношениями, которые очень далеки от сущности феодализма, например, простыми денежными отношениями, в которых речь идет вовсе не о взаимных личных услугах сюзерена и вассала. Примером может служить фикция, состоящая в том, что мелкий крестьянин владеет своим имением на ленном праве. Точно также при капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник разрезывается на двое *). Как владелец средств производства, он является капиталистом, как рабочий—он свой собственный наемный рабочий. Он уплачивает себе свою заработную плату, как капиталист, и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует самого себя, как наемного рабочего, и в виде прибавочной ценности платит себе самому дань, которую труд обязан приносить капиталу. Равным образом может случиться, что он, в качестве землевладельца, уплачивает себе еще и третью часть (ренту), совершенно так же, как промышленный капиталист,—мы потом увидим это,—работая с собственным капиталом, уплачивает себе самому процент и притом считает, что имеет право на него, не как промышленный капиталист, но просто как капиталист. Определенный общественный характер средств производства в капиталистическом производстве,—то обстоятельство, что они выражают определенное общественное отношение производства,—так неразрывно сливается в представлении буржуазного общества с материальным бытием этих средств производства, как таковых, он так неотделим от этого материального бытия, что указанный характер (характер определенной категории) приписывается даже таким отношениям, которые прямо противоречат ему. Средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они самостоятельно выступают против труда, как особая сила. В рассматриваемом случае производитель—рабочий—является владельцем, собственником своих средств производства. Стало быть, они—не капитал, точно так же, как он сам не есть наемный рабочий. Тем не менее их считают капиталом, и личность его самого раздваивается, так что он, как капиталист, нанимает себя, как рабочего. И такое представление, как ни иррационально оно кажется на первый взгляд, является верным вот в каком смысле: в рассматриваемом случае производитель создает сам для себя прибавочную ценность (мы предполагаем, что он продает свой товар по его ценности) или овеществляет в своем продукте только свой собственный труд. Но если он может присваивать себе весь продукт своего труда, если излишек ценности его продукта над средней ценой его дневной работы не присваивается третьим лицом, то этим он обязан не своему труду,—в этом отношении он ничем не отличается от остальных рабочих,—а только тому обстоятельству, что он владеет средствами производства. Значит, только благодаря тому, что он—собственник средств производства, ему достается его собственный прибавочный труд, и таким образом он относится, как свой собственный капиталист, к самому себе, как к наемному рабочему. В нынешнем обществе это разделение представляется нормальным. И там, где оно фактически не имеет места, его предполагают не без некоторого основания, как это было показано выше, потому что (в отличие, например, от общественных отношений древнего Рима, Норвегии и Северо-Запада Соединенных Штатов) соединение является здесь случайным, а разединение нормальным, и потому разединение считается [нормой] даже и там, где в одном лице соединяются различные функции. Здесь резко обнаруживается тот факт, что капиталист, как таковой, есть лишь функция капитала, а рабочиe—функция рабочей силы. Таков закон экономического развития, что функции разделяются им между различными лицами и что как ремесленник, так и крестьянин, ведущий производство при помощи своих собственных средств производства, или мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, эксплуатирующего одновременно и чужой труд, или лишается своих средств производства (это наиболее возможный случай, хотя крестьянин номинально и остается их собственником, как, например, при ипотечной задолженности) и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция того общественного строя, в котором преобладает капиталистический

*) „В мелких предприятиях предприниматель часто является своим собственным рабочим“. Шторх, т. I, стр. 242.

способ производства. При изучении существенных отношений капиталистического производства можно допустить (потому что это, вообще говоря, все более и более становится фактом, потому что это является сознательной целью и потому что только при этом условии производительные силы труда достигнут наивысшего развития), что весь мир товаров, все сферы материального производства—производства материального богатства—подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства. При этом предположении, которое выражает собою определенную цель (limit) и которое, стало-быть, все более и более приближается к реальной действительности, все рабочие, занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства во всех отраслях противостоят им, как капитал. А в таком случае можно признать характерным для производительных рабочих, т.е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд реализуется в товарах, в материальном богатстве. И таким образом производительный труд, рядом со своей главной характерной чертой, не имеющей никакого отношения к содержанию труда и совершенно независимой от этого содержания, приобретает отличную от первой, побочную характерную черту.

В нематериальном производстве,—даже если оно ведется исключительно для обмена, следовательно, производит товары,—возможны два случая:

1. В результате его получают товары, потребительные ценности, имеющие самостоятельный вид, отдельный как от производителя, так и от потребителя, т.е. такие предметы, которые могут существовать в промежутке между производством и потреблением, стало-быть, могут обращаться в продолжение этого промежутка, как продажные товары, например, книги, картины,—словом, все продукты искусства, которые существуют отдельно от творческой деятельности художников, их создающих. Здесь капиталистическое производство применяется только в очень ограниченной мере. Поскольку, например, писатель эксплуатирует для какого-нибудь коллективного произведения—скажем, для энциклопедии—многих других работников. В большинстве случаев, здесь сохраняются формы, переходные к капиталистическому производству, при чем различные научные и художественные производители, чернорабочие или [более образованные] работают на торговый капитал, на книгопродавца; отношение, не имеющее ничего общего с собственно капиталистическим производством и даже еще не подчиненное ему формально. Дело несколько не меняется от того, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени.

2. Производство не отделимо от производительного акта, как это имеет место у всех художников-исполнителей, у актеров, учителей, врачей, и.опов и т.д. Капиталистический способ производства и здесь находит себе применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными рабочими для предпринимателя заведения; подобного рода образовательные фабрики существуют в Англии. Хотя по отношению к ученикам они совсем не производительные рабочие, но они являются таковыми для предпринимателя. Он обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путем этого процесса. То же самое в театральных антрепризах, увеселительных заведениях и т.д. Публика относится в них к актеру, как к художнику; но для своего предпринимателя он—производительный рабочий. Все эти проявления капиталистического производства в этой области так незначительны по сравнению со всею совокупностью производства, что могут быть оставлены совершенно без внимания.

С развитием специфически-капиталистического способа производства, при котором многие рабочие коллективно занимаются производством одного и того же товара, отношение, существующее непосредственно между их трудом и предметом производства, конечно, должно быть весьма различным. Например, упомянутые выше чернорабочие на фабрике совсем не имеют прямого отношения к обработке сырья. Рабочие, состоящие надсмотрщиками над теми рабочими, которые непосредственно имеют дело с этой обработкой, стоят еще несколько дальше; отношение инженера опять-таки другое, и работает он главным образом своей головой и т.д. Но вся масса этих рабочих, владеющих рабочей силой различной ценности, производит результат, который—если иметь в виду только результат процесса труда—выражается в товарах или в каком-нибудь материальном продукте; все они вместе, как рабочие, служат живыми машинами производства этих продуктов, подобно тому, как все они—с точки зрения процесса производства, взятого в его целом—обменивают свой труд на капитал

и воспроизводят деньги капиталиста в виде капитала, т. е. как ценность, увеличивающуюся в процессе труда, самовозрастающую ценность. Именно капиталистическому способу производства свойственно разобщать различные виды труда, а стало-быть также и умственный и ручной труд,—или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона,—и распределять их между различными лицами, что, однако, не мешает материальному продукту быть общим продуктом этих лиц или не мешает их общему продукту овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это также несколько не мешает тому и несколько не изменяет того, что отношение каждого из этих лиц в отдельности к капиталу есть отношение наемного рабочего и в этом особенном смысле является отношением производительного рабочего. Все эти лица не только непосредственно участвуют в производстве материального богатства, но и обменивают свой труд непосредственно на деньги, как на капитал, и поэтому непосредственно воспроизводят для капиталистов не только свою заработную плату, но и прибавочную ценность. Их труд состоит из оплаченного труда плюс неоплаченный прибавочный труд.

Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности, существует еще четвертая область материального производства, которая также проходит различные ступени ремесленного, мануфактурного и механического производства; это транспортная промышленность (Lokomotionsindustrie),—все равно, перевозит ли она людей, или товары. Здесь отношение производительных, т. е. наемных рабочих к капиталисту совершенно такое же, как и в других областях материального производства. Далее, здесь предмет труда заставляет испытывать известную материальную перемену—пространственную перемену, перемену места. По отношению к транспорту людей это является только услугой, выполняемой для них предпринимателем. Но отношение между покупателем и продавцом этой услуги имеет так же мало общего с отношением производительных рабочих к капиталу, как и отношение между продавцом и покупателем пряжи. Напротив, если взглянуть на этот процесс с точки зрения товара, то здесь в процессе труда во всяком случае происходит перемена с предметом труда, с товаром. Изменяется его пространственное бытие, и тем самым вызывается изменение его потребительной ценности, так как изменяется пространственное бытие этой потребительной ценности. Его меновая ценность возрастает в размере количества труда, нужного на это изменение его потребительной ценности, в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны—знашиванием постоянного капитала, т. е. суммой входящего в него овеществленного труда, с другой стороны—суммой живого труда точно так же, как и в процессе увеличения ценности всех других товаров. Коль скоро товар дошел до места назначения, перемена, происшедшая в его потребительной ценности, исчезла и выражается еще только в повышенной меновой ценности, во вздорожании товара. И хотя реальный труд при этом не оставил никакого следа на потребительной ценности, тем не менее он реализовался в меновой ценности этого материального продукта, и, стало-быть, для этой промышленности имеет силу то же, что и для всех других областей материального производства, т. е. что труд воплощается в товаре, хотя бы и не оставляя заметного следа в его потребительной ценности.

Здесь мы имеем дело пока только с производительным капиталом, т. е. с капиталом, непосредственно занятым в процессе производства. Затем, мы перейдем к капиталу в процессе обращения, и только потом, при рассмотрении особенной формы, которую он принимает, как торговый капитал, возможно будет ответить на вопрос, насколько занятые им рабочие производительны или непроизводительны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
От издательства	3
Предисловие Г. В. Плеханова к русскому переводу	4
„ к немецкому переводу	6
А. Физиократы и некоторые их предшественники и современники	15
1. Сэр Вильям Петти	—
2. Ч. Д'Эвэнэнт	21
3. Сэр Дэдлей Норс и Джон Локк	23
4. Давид Юм и Ж. Мэсси	28
5. Сэр Джеймс Стюарт	32
6. Общий характер системы физиократов	35
7. Тюрго	46
8. Ф. Паолетти и Пьетро Верри	53
9. Физиократические воззрения А. Смита. Его переводчик Г. Гарнье	54
10. Т. А. Г. Шмалыц и граф де Бюа	57
11. Один из английских физиократов	58
12. Неккэр	61
13. Лонгэ	64
14. Воспроизведение и обращение всего общественного капитала по „Tableau économique“ Кенэ	68
Приложение к „Tableau économique“	73
1. Первые два акта обращения, указываемые в „Tableau“	—
2. Обращение между землевладельцем и арендатором	74
3. Последние акты обращения	76
4. Обращение между капиталистом и рабочим	77
5. Количество денег, необходимое для обращения	80
6. Объяснение прибыли с капитала тем, что заработная плата авансируется раньше, чем товар продан	85
В. Адам Смит и понятие производительного труда	90
1. Его определение ценности трудом	—
2. Происхождение прибавочной ценности	97
а) Прибыль	—
б) Земельная рента	101
в) Проценты с капитала	102
г) Налоги	103
е) Превосходство Смита над физиократами	104

	Стр.
f) Обмен большего количества труда на меньшее	105
g) Смещение прибавочной ценности и прибыли	107
3. Капитал и земельная собственность, как источники ценности . . .	111
4. Разложение цены на заработную плату, прибыль и земельную ренту	115
a) Постановка этого вопроса у Адама Смита	—
b) Другие экономисты о том же предмете	121
Приложение	125
1. Исследование проблемы разложения всего капитала на заработную плату и прибыль. Первая постановка вопроса	125
2. Дальнейшее исследование задачи. Вторая постановка вопроса	135
3. Обмен капитала на капитал и влияние на него изменения ценности	146
4. Обмен дохода и капитала	152
5. Производительный и непроизводительный труд	163
a) Определение производительного труда, как труда, производящего капитал	—
b) Определение производительного труда, как труда, производящего товары	168
c) Poleмика против определения, данного Смитом	185
d) Некоторые воззрения на производительный труд до и после А. Смита	187
e) Г. Гарнье	192
f) Ганиль	201
g) Ганиль и Рикардо о валовом и чистом доходе	209
h) Феррье. Теория накопления капитала А. Смита. Новое определение производительного труда	222
i) Лодердэль и Ж. Б. Сэй	231
k) Дестютт де Траси. Происхождение прибыли	235
l) Анри Шторх. Духовное производство	249
m) У. Нэссоу Сэнбор	254
n) П. Росси	258
o) Т. Чомерс и некоторые взгляды А. Смита	265
Приложение. Понятие производительного труда	268